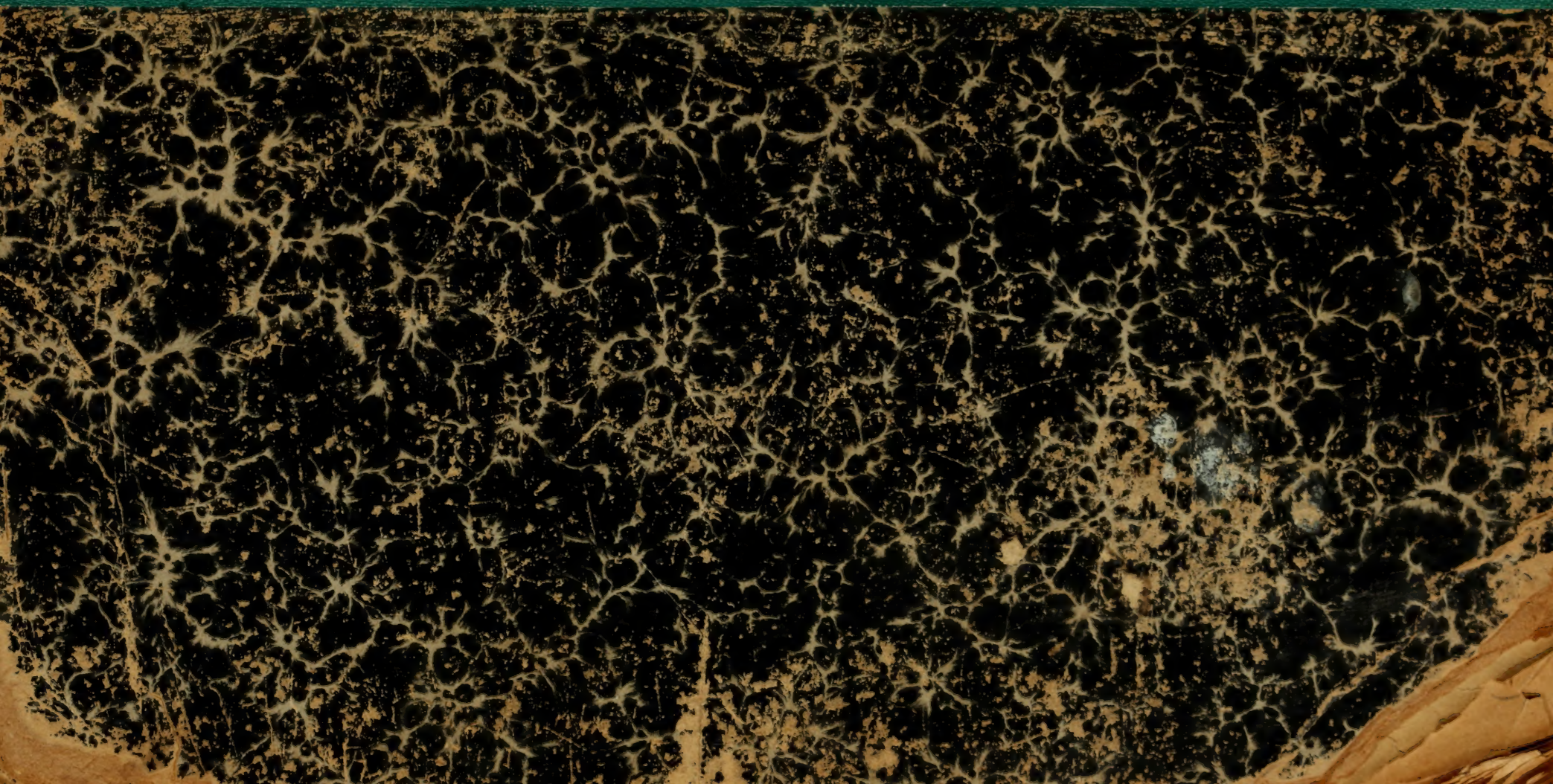
3 1761 08821043 0



LR
L6165
.Ура

Pokrovsky, Vladimir Ivanovich (comp.)

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Mikhail Yur'evich Lermontov.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

Цѣна 50 коп.

468215
19.11.47

МОСКВА.
Типографія А. Лисснера и Д. Собко,
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1905.

1 Г
Г4

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Дѣтство и первая юность Лермонтова, *Висковатова* 1
Воспитаніе и образованіе Лермонтова въ Москвѣ и его наставники, *его же* 7
Лермонтовъ въ Московскомъ университетѣ, *Котляревскаго* 14
Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ, *Шкота* 17
Пребываніе Лермонтова въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, *Потта* 33
Вліяніе школы на Лермонтова, *Пыпина* 35
Ссылка Лермонтова на Кавказъ, *Чуйка* 39
Возвращеніе въ столицу и новая ссылка 40
Кончина Лермонтова, *Дудышкина* 50
Стихотворенія Лермонтова, *Бѣлинскаго* 51
Разочарованіе — преобладающій мотивъ поэзіи Лермонтова, *Бороздина*. 92
Условія жизни, способствовавшія преобладанію протестующаго характера поэзіи Лермонтова противъ несовершенствъ жизни, *его же*. 99
Мотивы поэзіи Лермонтова, вносившіе успокоеніе въ его разочарованную душу, *его же* 104
Герой нашего времени, *Бѣлинскаго* 106
Однородность характеровъ Арбенина, Измаила, Печорина... и родственное ихъ отношеніе къ поэту, *Галахова* 182
Мужскіе типы въ произведеніяхъ Лермонтова, *его же*. 215
Женскіе типы въ „Героѣ нашего времени“, *Стороженка* 221
Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ произведеніяхъ Лермонтова, *Владимирова* 227
Картина природы въ произведеніяхъ Лермонтова, *Боденштедта* . . . 236
Отличительныя свойства поэзіи Лермонтова, *Котляревскаго*. 239
Задачи поэтическаго творчества по воззрѣнію Лермонтова и особенности внѣшней формы его поэзіи, *Бороздина* 243
Лермонтовъ и Пушкинъ, *Головина* 251
Лермонтовъ и Пушкинъ, по воззрѣнію Боденштедта 264
Лермонтовъ и Байронъ, *Стороженка* 266
Личность Лермонтова, *Котляревскаго* 268
Личность и поэзія Лермонтова, *Боденштедта* 270
Нравственный обликъ Лермонтова, *Стороженка* 276
Идеалы Лермонтова, *Морозова* 283

Дѣтство и первая юность Лермонтова.

Горячо любила Михаила Юрьевича Лермонтова воспитавшая его бабка Елизавета Алексѣевна Арсеньева, и память о ней тѣсно связана съ именемъ поэта. Она лелѣяла его съ колыбели, выходила больнымъ ребенкомъ, позаботилась дать ему блестящее и серіозное для того времени образованіе, сосредоточила на немъ всю свою любовь и заботы. Въ преклонныхъ лѣтахъ, частью именно изъ-за этой беззавѣтной преданности къ внуку, пользовалась она всеобщимъ уваженіемъ и не разъ успѣвала отвращать своимъ заступничествомъ серіозную опасность, грозившую поэту.

Елизавета Алексѣевна, урожденная Столыпина, была дочь богатаго помѣщика Алексѣя Емельяновича Столыпина, давшаго многочисленному своему семейству отличное воспитаніе. Многіе изъ членовъ этой семьи представляли собою людей съ недюжинными характерами, самостоятельныхъ и даровитыхъ.

Она сочеталась бракомъ съ гвардіи поручикомъ Михаиломъ Васильевичемъ Арсеньевымъ.

Арсеньевъ былъ членомъ большой семьи, владѣвшей селомъ Васильевскимъ въ Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда. Женившись, Михаилъ Васильевичъ переѣхалъ съ женой въ имѣніе Тарханы, Пензенской губерніи, Чембарскаго уѣзда.

Отъ брака съ Арсеньевымъ у Елизаветы Алексѣевны была всего одна дочь, Марья Михайловна. Во время смерти отца ей было лѣтъ 15. Какъ при мужѣ, Елизавета Алексѣевна каждый годъ проводила нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, куда ѣзжали изъ пензенскаго имѣнія на долгихъ, посѣщая и останавливаясь на пути у родныхъ и знакомыхъ помѣщиковъ. Возвращаясь однажды изъ Москвы, мать съ дочерью заѣхали въ Васильевское, къ Арсеньевымъ, да и загостились у нихъ. Съ Арсеньевыми находилась въ большой дружбѣ семья Лермонтовыхъ, жившая по сосѣдству въ имѣніи своемъ

Кроптовкѣ. Она состояла изъ пяти сестеръ и брата Юрія Петровича, который былъ воспитанъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ Петербургѣ, а потомъ служилъ въ немъ и вышелъ въ отставку по болѣзни въ 1811 г. съ чиномъ капитана.

Красивый молодой человѣкъ, съ блестящими столичными пріемами, произвелъ на Марью Михайловну сильное впечатлѣніе. Женское населеніе Кроптовки и Васильевскаго жарко принялось за дѣло и, къ радости или къ неудовольствію Елизаветы Алексѣевны, молодые люди были помолвлены, и Марья Михайловна пріѣхала съ матерью въ Тарханы объявленною невѣстой.

Родня Арсеньевой, кажется, не очень сочувственно отнеслась къ проектированному браку и недоброжелательно глядѣла на бѣднаго капитана, не принадлежавшаго къ родовитому ихъ кругу. Вѣнчаніе происходило въ Тарханахъ, съ обычною торжественностью, при большомъ съѣздѣ гостей. Вся дворня была одѣта въ новыя платья. Среди гостей находилась сестра Юрія Петровича и мать его, Анна Васильевна.

Хотя Юрій Петровичъ и происходилъ отъ древней шотландской фамиліи, рано переселившейся въ Россію, и предки его занимали видныя должности при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, но родъ ихъ обѣднѣлъ, средства оскудѣли, и самъ Юрій Петровичъ, какъ и другіе, врядъ ли зналъ хорошо свою родословную.

Выйдя замужъ, Марья Михайловна не получила въ приданое недвижимаго и за ней считалось всего 17 душъ безъ земли, вывезенныхъ покойнымъ отцомъ изъ тульской его деревни. Зато мужу ея, Юрію Петровичу, предоставлено было управлять имѣніями матери, селомъ Тарханы и деревнею Михайловской. Онъ и распоряжался этими имѣніями до самой смерти жены полнымъ хозяиномъ, —„вошелъ въ домъ“, по выраженію старожиловъ. Молодые выѣхали изъ Тарханъ въ Москву, когда состояніе здоровья Марьи Михайловны этого потребовало. За ними послѣдовала и Елизавета Алексѣевна.

Малютка и мать его были окружены всевозможными заботами. Изъ Москвы Лермонтовы съ бабушкою и грудным ребенкомъ своимъ вернулись въ Тарханы, и Юрій Петровичъ выѣзжалъ изъ нихъ лишь иногда по хозяйственнымъ дѣламъ то въ Москву, то въ тульское имѣніе.

Супружеская жизнь Лермонтовыхъ не была особенно счастливою.

Марья Михайловна, родившаяся ребенкомъ слабымъ и болѣзненнымъ, и взрослою все еще глядѣла хрупкимъ, нервнымъ созданіемъ. Передряги съ мужемъ, конечно, не были такого свойства, чтобы благотворно дѣйствовать на ея организмъ. Она стала хворать. Въ Тарханахъ долго помнили, какъ тихая, блѣдная барыня, сопровождаемая мальчикомъ-слугою, носившимъ за нею лѣкарственныя снадобья, переходила отъ одного крестьянскаго двора къ другому съ утѣшеніемъ и помошью, — помнили, какъ возилась она и съ болѣзненнымъ сыномъ. И любовь и горе выплакала она надъ его головой. Марья Михайловна была одарена душою музыкальною. Посадивъ ребенка своего себѣ на колѣни, она заигрывалась на фортепіано, а онъ прильнувъ къ ней головкой, сидѣлъ неподвижно, звуки какъ бы потрясали его младенческую душу, и слезы катились по его личику. Мать передала ему необычайную нервность свою.

Наконецъ злая чахотка, давно стоявшая насторожѣ, охватила слабую грудь молодой женщины. Пока она еще держалась на ногахъ, люди видѣли ее бродящею по комнатамъ господскаго дома, съ заложенными назадъ руками. Трудно бывало ей напѣвать обычную пѣсню надъ колыбелью Миши. Постучалась весна въ дверь природы, а смерть — къ Марьѣ Михайловнѣ, и она слегла. Мужъ въ это время былъ въ Москвѣ. Ему дали знать, и онъ прибылъ съ докторомъ наканунѣ рокового дня. Спасти больную нельзя было. Она скончалась на другой день по пріѣздѣ мужа.

Юрій Петровичъ по смерти жены оставался въ Тарханахъ всего 9 дней и затѣмъ уѣхалъ къ себѣ въ Кроптовку.

Убитая горемъ Елизавета Алексѣевна приказала снести большой барскій домъ въ Тарханахъ, свидѣтеля смерти ея мужа и любимой дочери, и воздвигнула на мѣстѣ его церковь во имя Маріи Египетской. Рядомъ съ церковью она построила небольшое деревянное зданіе съ мезониномъ, гдѣ и поселилась съ внукомъ своимъ. Этотъ домъ въ Тарханахъ уцѣлѣлъ и по сіе время.

Глубоко подавленная смертью дочери, Елизавета Алексѣевна перенесла на внука всю свою любовь и пріязнь. Она видѣла въ немъ средоточіе всего, что было отнято судь-

бой въ лицѣ ея мужа и потомъ дочери. Этотъ внукъ носилъ имя своего дѣда; умирающая дочь поручила ей беречь его дѣтство. Кромѣ Миши у ней никого не оставалось на свѣтѣ. Она съ нимъ старалась не разставаться; онъ спалъ въ ея комнатѣ, она наблюдала за каждымъ его шагомъ, страшилась малѣйшаго нездоровья. Рожденный отъ слабой матери, ребенокъ былъ не изъ крѣпкихъ. Если случалось ему занемогать, то въ „дѣловой“ дворовыя дѣвушки освобождались отъ работъ, и имъ наказывали молиться Богу объ исцѣленіи молодого барина.

Приставленная со дня рожденія къ Мишѣ бонна-нѣмка, Христина Осиповна Ремеръ, и теперь оставалась при немъ неотлучно. Это была женщина строгихъ правилъ, религіозная. Она внушала своему питомцу чувство любви къ ближнимъ, даже и къ тѣмъ, которые по положенію находились отъ него въ крѣпостной зависимости. Избави Богъ, если кого-либо изъ дворовыхъ онъ обзоветъ грубымъ словомъ, или оскорбитъ. Не любила этого Христина Осиповна, стыдила ребенка, заставляла его просить прощенія у обиженнаго. Вся дворня высоко чтила эту женщину, для мальчика же ея вліяніе было благодѣтельно. Всеобщее баловство и любовь дѣлали изъ него баловня, въ которомъ, несмотря на прирожденную доброту, развивался духъ своеволія и упрямства, легко, при недосмотрѣ, переходящій въ дѣтяхъ въ жестокость.

Елизавета Алексѣевна такъ любила своего внука, что для него не жалѣла ничего, ни въ чемъ ему не отказывала. Все ходило кругомъ да около Миши. Всѣ должны были угождать ему, забавлять его. Зимою устраивалась гора, на ней катали Михаила Юрьевича, и вся дворня, собравшись, потѣшала его. Святками каждый вечеръ приходили въ барскіе покои ряженые изъ дворовыхъ, плясали, пѣли, играли, кто во что гораздъ. При каждомъ появленіи новаго лица Михаилъ Юрьевичъ бѣжалъ къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ въ смежную комнату и говорилъ: „Бабушка, вотъ еще одинъ такой пришелъ!“ — и ребенокъ дѣлалъ ему посильное описаніе. Всѣ, которые рядились и потѣшали Михаила Юрьевича, на время святокъ освобождались отъ урочной работы. Праздники встрѣчались съ большими приготовленіями, по старинному обычаю. Къ Пасхѣ заготовлялись крашеныя яйца въ громадномъ количествѣ. Начиная съ Свѣтлаго Воскресенья, залъ напол-

нялся дѣвушками, приходившими катать яйца. Михаилъ Юрьевичъ все проигрывалъ, но лишь только удавалось выиграть яйцо, то съ большою радостью бѣжалъ къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и кричалъ: „Бабушка, я выигралъ!“ А лѣтомъ опять свои удовольствія. На Троицу и семикъ ходили въ лѣсъ со всею дворней, и Михаилъ Юрьевичъ впереди всѣхъ. Поварамъ работы было страсть, — на всѣхъ закуску готовили, всѣмъ угощеніе было.

Бабушка въ это время сидѣла у окна гостиной комнаты и глядѣла на дорогу въ лѣсъ и длинную просѣку, по которой шелъ ея баловень, окруженный дѣвушками. Уста ея шептали молитву. Съ нѣжнѣйшаго возраста бабушка слѣдила за играми внука. Ее поражала ранняя любовь его къ созвучіямъ рѣчи.

Память о матери глубоко запала въ чуткую душу мальчика: какъ сквозь сонъ, грезилась она ему; слышался милый ея голосъ. Потерявъ мать на третьемъ году, онъ хотя смутно, но все-таки помнилъ ее.

Альбомъ матери онъ всегда возилъ съ собою, и еще 11-лѣтнимъ мальчикомъ на Кавказѣ вносилъ въ него свои рисунки. Неразлученъ съ нимъ былъ и дневникъ матери.

Окруженный заботами и ласками, мальчикъ росъ баловнемъ среди женскаго элемента. Фантазія его рано была возбуждена. Если ему и не пришлось слышать русскихъ народныхъ сказокъ, о чемъ онъ сожалѣлъ позже, находя что „въ нихъ больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности“, то все же голова ребенка полна была образовъ романтическаго міра.

Тогдашнее романтическое направленіе нѣмецкой литературы уже давало себя знать, и немудрено, что его „мамушка“, какъ онъ называлъ свою бонну-нѣмку, не мало передала ему разсказовъ, которые наполнили собою юную головку.

Рано уже любилъ мальчикъ часами глядѣть на луну, слѣдить за разновидными облаками, воображать въ нихъ рыцарей въ шлемахъ, окружающихъ чудесное свѣтило. Представлялось оно ему волшебницей, плавно идущей въ свой чудесный замокъ, сопровождаемой дружиной вѣрныхъ защитниковъ отъ опасныхъ враговъ — великановъ, карловъ и безобразныхъ драконовъ и чудищъ.

Когда Михаилъ Юрьевичъ подросъ и вступилъ въ отроче-

скій возрастъ,— разсказываютъ старожилы села Тарханы,— были ему набраны однолѣтки изъ дворовыхъ мальчиковъ, обмундированы въ военное платье, и дѣлалъ имъ Михаилъ Юрьевичъ ученіе, игралъ въ воинскія игры, въ войну, въ разбойниковъ. Товарищами были ему также родственники, жившіе по сосѣдству съ Тарханами.

Желая создать для Мишеля вполнѣ подходящую обстановку, было рѣшено обучать его вмѣстѣ съ сверстниками, съ коими онъ дѣлилъ бы тоже и часы досуга.

Кромѣ обыкновеннаго курса наукъ, Мишеля и сверстниковъ обучали языкамъ французскому и нѣмецкому, а изъ древнихъ латинскому и греческому. Послѣднему обучалъ грекъ изъ Кефалоніи, бѣжавшій въ Россію во время смутъ, предшествовавшихъ войнѣ за освобожденіе Греціи. Но успѣхи Мишеля у этого ученаго политическаго выходца были не особенно блестящи, и импровизованный менторъ скоро перешелъ на чисто практическую дѣятельность. Онъ занялся выдѣлкою шкуръ собакъ, и этому искусству научилъ окрестныхъ крестьянъ, до сей поры имъ занимающихся.

Своихъ сверстниковъ Мишель любилъ дѣлить на два лагеря. Происходили военныя игры, и особенно зимою воздвигались и брались крѣпости, совершались переходы.

Желая поправить здоровье внука, бабушка нѣсколько разъ возила его на кавказскія воды. У Столыпиныхъ было имѣніе „Столыпиновка“ недалеко отъ Пятигорска.

Въ головкѣ мальчика тогда бродило уже многое. Чуткій ко всѣмъ явленіямъ природы, почерпая изъ нихъ нескончаемый матеріалъ для жизни фантазіи, Лермонтовъ не могъ не поддаться обаянію величественнаго Кавказа:

„Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ да о небѣ...“

Едва ли къ чему-либо такъ пристрастилось сердце Лермонтова, какъ къ Кавказу. На него онъ излилъ всю свою любовь, имъ онъ дышалъ. Кавказъ открылъ ему свои объятія, величественныя какъ душа поэта, и объятія эти замѣнили ему ласки рано умершей матери, а позже — любовь родной души, дружбу близкихъ и далекую родину. Въ 1830 г. въ упомянутыхъ черновыхъ тетрадяхъ, черезъ нѣсколько стра-

ницъ послѣ воззванія къ Кавказу, онъ посвящаетъ ему же еще стихотвореніе:

Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ!
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ.
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ.
Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.
Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ!
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по васъ.
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ.
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ.

По возвращеніи съ Кавказа бабушка со внукомъ вновь поселилась въ Тарханахъ. Едва выѣдешь изъ села этого, какъ въ сторонѣ покажется нѣсколько избъ среди густой зелени окружающихъ деревьевъ. Надъ ними высится скромный шпицъ сельской колокольни. Это — Тарханы. Барскій домъ, одноэтажный, съ мезаниномъ, окруженъ былъ службами и строеніями. По другую сторону господскаго дома раскинулся роскошный садъ, расположенный на полугорѣ. Кусты сирени, жасмина и розановъ клумбами окаймляли цвѣтникъ, отъ котораго въ глубь сада шли тѣнистыя аллеи. Одна изъ нихъ, обсаженная акаціями, сросшимися наверху настоящимъ сводомъ, вела подъ гору, къ пруду. Съ полугорья открывался видъ на село съ церковью, а дальше тянулись поля, уходя въ синюю глубь тумана. Здѣсь мечталъ своею дѣтскою душой пробужденный мальчикъ. *Висковатовъ.*

Воспитаніе и образованіе Лермонтова въ Москвѣ и его наставники.

Когда Лермонтову пошелъ 14-й годъ, рѣшено было продолжать его воспитаніе въ „Благородномъ университетскомъ пансіонѣ“. Въ 1827 году бабушка повезла внука въ Москву и наняла квартиру на Поварской. Теперь для Мишеля наступила новая жизнь: шумная разсѣянная жизнь замѣнила

прежнюю. Въ Тарханахъ и на Кавказѣ мальчикъ жилъ въ простой, но поэтической обстановкѣ, съ людьми незатѣйливыми, искренно его любившими. Воспитатель его, эльзасецъ Капэ, былъ офицеръ наполеоновской гвардіи. Раненымъ попалъ онъ въ плѣнъ къ русскимъ. Добрые люди ходили за нимъ и поставили его на ноги. Онъ однакоже оставался хворымъ, не могъ привыкнуть къ климату, но, полюбивъ Россію и найдя въ ней кусокъ хлѣба, свыкся и глядѣлъ на нее, какъ на вторую свою родину. И послужилъ же онъ ей, ставъ наставникомъ великаго ея поэта.

Лермонтовъ очень любилъ Капэ, о коемъ сохранилась добрая память и между старожилами села Тарханы; любилъ онъ его больше всѣхъ другихъ своихъ воспитателей. И если бывшій офицеръ наполеоновской гвардіи не успѣлъ вселить въ питомцѣ своемъ особенной любви къ французской литературѣ, то онъ научилъ его тепло относиться къ генію Наполеона, котораго Лермонтовъ идеализировалъ и не разъ воспѣвалъ. Можетъ-быть также, что военные разсказы Капэ не мало способствовали развитію въ мальчикѣ любви къ боевой жизни и военнымъ подвигамъ. Эта любовь къ браннымъ похожденіямъ вязалась въ воображеніи мальчика съ Кавказомъ, уже поразившимъ его во время пребыванія тамъ, и съ разсказами о немъ родни его.

То было на Руси время удивительное — эти годы послѣ Отечественной войны. Давно Россія на землѣ своей не видала враговъ. Долгій и крѣпкій сонъ, которымъ спала особенно провинція, былъ нарушенъ. Очнувшійся богатырь разомъ почувствовалъ свою мощь, позналъ любовь свою къ родинѣ такъ, какъ сказалась она въ немъ развѣ два вѣка назадъ, въ 1612 г. Стихійныя чувства пробудились, смолкла взаимная вражда мелкихъ интересовъ, перестали существовать сословные предразсудки, забылись привилегіи классовъ, отупились чувства собственности, и каждый, въ коемъ не изсохла душа, — а такихъ людей, слава Богу, было много,— каждый чувствовалъ, что все его достояніе, весь онъ, принадлежитъ народу и землѣ родной. Этому народу, этой землѣ приносилось въ даръ достояніе какъ легко добытое, такъ и трудами накопленное. Оно приносилось въ даръ или прямо родинѣ, или уничтожалось, чтобы не попалось въ руки врага и черезъ то не послужило бы во вредъ родной землѣ.

Весь существовавшій до той поры порядокъ былъ нарушенъ. Соціальный строй общества измѣнился. Понятія *мое* и *твое* перестали существовать; всѣ были поглощены заботами объ общемъ достояніи народа. Въ общественномъ понятіи воцарились равенство и братство, а за достиженіе свободы всѣ равно бились и умирали. Въ Россіи заговорили тѣ же поднимающія духъ истины, которыя электризовали французскій народъ въ эпоху великой революціи. Вотъ почему, несмотря на вражду, эти два народа, именно въ эту годину бѣдъ, ближе познали другъ друга и преклонились, въ лучшихъ людяхъ своихъ, передъ одними и тѣми же идеалами. Взаимныя симпатіи и удивленіе великодушнымъ чертамъ характера держались упорно, несмотря на проснувшійся патріотизмъ. Удивительно, что пробудившееся у насъ самоуваженіе, забытое было среди лжи и поклоненія всему иноземному, никогда не доводило русскихъ до ослѣпляющаго самомнѣнія. Еще Петръ, побѣдителемъ подъ Полтавой, въ шатрѣ своемъ

За учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Пожегшій добро свое русскій, голодный и безпріютный, дружески относится къ плѣнному французу. Говорятъ, Наполеонъ подъ Аустерлицемъ съ соболѣзнованіемъ и симпатіей глядѣлъ на храбро гибнувшихъ русскихъ.

О разныхъ славныхъ битвахъ восторженно разсказывалъ своему питомцу Капэ. Но особенно его трогали разсказы о Бородинскомъ сраженіи, и въ этомъ случаѣ мальчикъ-поэтъ не внималъ своему наставнику, а всецѣло склонялся на сторону русскихъ разсказчиковъ, коихъ было не мало.

Разсказывали и старъ и младъ, — и тѣ, которые бились начальниками, и тѣ, что сражались воинами-ратниками, — всѣ эти восторженные патріоты, готовившіеся къ смерти, чаявшіе пасть за родину и наканунѣ великой битвы облекавшіеся въ чистыя, бѣлыя рубахи, чтобы въ нихъ встрѣтить славный конецъ. Да,

Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино!...

восклицаетъ въ патріотическомъ восторгѣ 17-лѣтній Лермонтовъ, набрасывая въ 1831 году первый очеркъ стихотво-

ренія, изъ котораго позже выработалось знаменитое „Бородино“.

Интересъ къ Франціи и Наполеону поэтъ сохранилъ на всю жизнь. Съ 1830 года до 1841 онъ неоднократно занимается французами и ихъ императоромъ. Сужденіе относительно ихъ измѣняется, но любовь къ могучему вождю остается все та же. Съ годами она даже увеличивается и увеличивается именно тогда, когда онъ бичуетъ французовъ:

Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты — жалкій и пустой народъ, —

жалкій до того, что духъ Наполеона, примчавшійся въ Парижъ, на свиданіе съ новою гробницей, гдѣ прахъ его лежитъ, пожалѣетъ

О дальнемъ островѣ, подъ небомъ южныхъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ, непобѣдимый,
Какъ онъ, великій океанъ.

Лермонтовъ, конечно, не разъ слышалъ разсказы людей, испытавшихъ славное время на Руси и въ концѣ 20-хъ годовъ уже чувствовавшихъ гнетъ реакціи.

Замѣчательно, что жители Тарханъ изъ многихъ наставниковъ Михаила Юрьевича сохранили только воспоминаніе о Капэ и о нѣмкѣ Ремеръ, что они знаютъ, какъ „молодой баринъ“ любилъ учителя-француза и что объ этой любви Лермонтова къ нему и о вліяніи на него стараго наполеоновскаго офицера говорилъ и наставникъ Лермонтова, Зиновьевъ.

Капэ однако не долго послѣ переселенія въ Москву оставался руководителемъ Мишеля, — онъ простудился и умеръ отъ чахотки. Мальчикъ не скоро утѣшился. Теперь былъ взятъ въ домъ весьма рекомендованный, давно проживавшій въ Россіи, еще со времени великой французской революціи эмигрантъ Жандро. Жандро сумѣлъ понравиться избалованному своему питомцу, а особенно бабушкѣ и московскимъ родственницамъ, коихъ онъ плѣнялъ безукоризненностью манеръ и любезностью обращенія, отзывавшихся старой школой галантнаго французскаго двора. Этотъ изящный, въ свое время избалованный русскими дамами французъ пробылъ, кажется, около двухъ лѣтъ и, желая овладѣть Мишей, сталъ

мало-по-малу открывать ему „науку жизни“. Это-то, кажется, выйдя наружу, побудило Арсеньеву ему отказать, а въ домъ былъ принятъ семейный гувернеръ, англичанинъ Виндсонъ.

Имъ очень дорожили, платили большое для того времени жалованье — 3000 руб. — и помѣстили съ семьею (жена его была русская) въ особомъ флигелѣ. Однакоже и къ нему Мишель не привязался, хотя отъ него пріобрѣлъ знаніе англійскаго языка и впервые въ оригиналѣ познакомился съ Байрономъ и Шекспиромъ.

Между тѣмъ шло приготовленіе къ экзамену для поступленія въ благородный университетскій пансіонъ. Занятіями Мишеля руководилъ Александръ Зиновьевичъ Зиновьевъ, занимавшій въ пансіонѣ должность надзирателя и учителя русскаго и латинскаго языковъ. Онъ пользовался репутаціей отличнаго педагога, и родители особенно охотно довѣряли дѣтей своихъ его руководству. Въ благородномъ пансіонѣ считалось полезнымъ, чтобы каждый ученикъ отдавался на попеченіе одного изъ наставниковъ. Выборъ предоставлялся самимъ родителямъ. Родственники пріѣхавшей въ Москву Арсеньевой, Мещериновы, рекомендовали Зиновьева, и такимъ образомъ Лермонтовъ сталъ, по принятому выраженію, „кліентомъ“ г. Зиновьева и оставался имъ во всю бытность свою въ пансіонѣ.

Пансіонъ помѣщался тогда на Тверской; онъ состоялъ изъ шести классовъ, въ коихъ обучалось до 300 воспитанниковъ. Лермонтовъ поступилъ въ него въ 1828 году, но разстаться со своимъ любимцемъ бабушка не захотѣла, и потому рѣшили, чтобы Мишель былъ зачисленъ полупансіонеромъ, слѣдовательно каждый вечеръ возвращался бы домой.

Пансіонъ этотъ съ самаго своего основанія надѣлялъ Россію людьми, послужившими ей и пріобрѣвшими право на вниманіе потомства. Такъ, тамъ воспитывались: Фонвизинъ, В. А. Жуковскій, Дашковъ, Ал. Ив. Тургеневъ, князь Одоевскій, Грибоѣдовъ, Инзовъ (кишиневскій покровитель Пушкина), братья Николай и Дмитрій Алексѣевичи Милютины и многіе другіе. Можно смѣло сказать, что добрая часть дѣятелей нашихъ первой половины XIX вѣка вышла изъ стѣнъ пансіона. Когда въ 1828 году Лермонтовъ поступилъ въ университетскій пансіонъ, старыя его традиціи еще не совершенно исчезли. Между учащимися и учащими отно-

шенія были добрыя. Холодный формализмъ не раздѣлялъ ихъ. Интересъ къ литературнымъ занятіямъ не ослабъ. Воспитанники собирались на общее чтеніе, и издавался рукописный журналъ, въ которомъ многіе изъ нихъ принимали посильное участіе. Преподаваніе было живое, имѣлось въ виду изученіе славныхъ писателей древнихъ и новыхъ народовъ.

Лермонтовъ принималъ живое участіе въ литературныхъ трудахъ товарищей и являлся въ качествѣ сотрудника школьнаго живописнаго журнала „Утренняя Заря“. Здѣсь помѣстилъ Лермонтовъ поэму свою „Индіанка“, которая была имъ сожжена. Имъ тамъ же помѣщались стихотворенія, на которыя было обращено вниманіе учителей. Лермонтовъ показывалъ свои переводы изъ Шиллера.

Подавали свои стихотворные опыты учителямъ и другіе воспитанники. Такъ, учителю Раичу другъ и товарищъ Лермонтова Дурново подалъ пьесу: „Русская мелодія“,— подалъ ее за свою, хотя она и была написана Лермонтовымъ, вѣроятно, шутки ради, потому что Лермонтовъ, говоря объ этомъ, отзывается о товарищѣ задушевно. Инспекторъ пансіона Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, профессоръ физики при Московскомъ университетѣ, отличавшійся живостью преподаванія и вносившій въ область естествознанія философію Шеллинга, поощрялъ литературные вкусы молодежи и задумалъ даже собрать лучшіе изъ опытовъ ихъ въ особое изданіе. Этотъ проектъ остался невыполненнымъ, но Лермонтовъ, съ истинно дѣтскою восторженностью упоминаетъ объ этомъ фактѣ. Этотъ же инспекторъ интересовался успѣхами Лермонтова въ рисованіи и хранилъ у себя удачные рисунки его. Относительно воспитанія поэта можно сказать: любовь ко всѣмъ искусствамъ развивалась въ немъ, и всѣ искусства были близки душѣ его. Онъ не только отлично рисовалъ, но хорошо игралъ на скрипкѣ и на фортепіано. А. З. Зиновьевъ, учившій старшихъ воспитанниковъ декламаціи, особенно обращалъ вниманіе на дикцію любимаго имъ ученика. „Какъ теперь смотрю на милаго моего питомца,— разсказываетъ этотъ наставникъ, — отличившагося на пансіонскомъ актѣ, кажется, 1829 года. Среди блестящаго собранія онъ прекрасно произнесъ стихи Жуковскаго и заслужилъ громкія рукоплесканія“. Тутъ же Лермонтовъ удачно исполнилъ на скрипкѣ пьесу и вообще на этомъ экзаменѣ

обратилъ на себя вниманіе, получивъ первый призъ въ особенности за сочиненіе на русскомъ языкѣ.

Лермонтовъ учился хорошо. Изъ упомянутаго письма къ теткѣ мы видимъ, что онъ считался вторымъ ученикомъ. Поступилъ Лермонтовъ, кажется, въ IV или V классъ. Всѣхъ классовъ было шесть, и высшій подраздѣлялся на младшее и старшее отдѣленія. Директоромъ былъ Петръ Александровичъ Курбатовъ, а кромѣ названныхъ учителей въ пансіонѣ преподавалъ еще Д. И. Дубенскій (извѣстный своими примѣчаніями на „Слово о полку Игоревѣ“), латинскому языку адъюнктъ университета Кубаровъ и математикѣ Кацауровъ. Въ старшемъ же классѣ русскому языку и словесности преподавалъ профессоръ университета Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ и Дмитрій Матвѣевичъ Перевощиковъ.

Мерзляковъ имѣлъ большое вліяніе на слушателей. Онъ отличался живою бесѣдой при критическихъ разборахъ русскихъ писателей и недурно, съ увлеченіемъ, читалъ стихи и прозу. Приземистый, широкоплечій, съ свѣжимъ, открытымъ лицомъ, съ доброй улыбкой, съ приглаженными въ кружокъ волосами, съ проборомъ вдоль головы, горячій душой и кроткій сердцемъ, Алексѣй Ѳедоровичъ возбуждалъ любовь учениковъ своихъ. Его любили послушать въ классѣ, съ университетской каѳедры, въ литературномъ собраніи пансіона. Но, чтобы вполнѣ оцѣнить его краснорѣчіе и добродушіе, простоту обращенія и братскую любовь къ ближнему, надо было встрѣчаться съ нимъ въ дружескихъ бесѣдахъ, за круговою чашей, или въ небольшомъ обществѣ коротко знакомыхъ людей; тогда разговоръ его былъ живъ и свободенъ. Мерзляковъ тѣмъ болѣе долженъ былъ повліять на Лермонтова, что давалъ ему частные уроки и былъ вхожъ въ домъ Арсеньевой. Конечно, мы не можемъ съ достовѣрностью судить, насколько сильно было это вліяніе. Самъ Лермонтовъ не высказывается объ этомъ, но явствовать можетъ это изъ возгласа бабушки, когда позже надъ внукомъ ея стряслась бѣда по поводу стихотворенія его на смерть Пушкина: „И зачѣмъ это я на бѣду свою еще брала Мерзлякова, чтобъ учить Мишу литературѣ! Вотъ до чего онъ довелъ его“.

Висковатовъ.

Лермонтовъ въ Московскомъ университетѣ.

Лермонтову было тринадцать лѣтъ, когда его привезли въ Москву; здѣсь онъ поступилъ въ университетскій пансіонъ, а оттуда въ университетъ, который онъ покинулъ въ 1832 году восемнадцатилѣтнимъ юношей. Въ столицѣ поэтъ сразу попалъ въ совершенно новую для него обстановку. Вокругъ него не было ни прежней свободы, позволявшей его уму и фантазіи жить совершенно независимо, ни природы, утѣшавшей его въ одиночествѣ. Къ тому же онъ пріѣхалъ въ Москву съ несвободнымъ сердцемъ, насколько можетъ быть несвободно сердце тринадцатилѣтняго мальчика. Два года тому назадъ, а именно во время своего пребыванія на Кавказѣ, въ 1825 году, Лермонтовъ испыталъ чувство первой дѣтской привязанности, которое такъ поразило его своей новизной, что онъ долго не могъ отдѣлаться отъ воспоминаній, и еще въ 1830 году, живя въ Москвѣ, среди многочисленнаго женскаго общества, онъ очень тепло говоритъ объ этомъ чувствѣ въ одной изъ своихъ записныхъ книжекъ. Перемѣна обстановки и связанный съ нею наплывъ воспоминаній, всегда грустныхъ, за отсутствіемъ предметовъ, которые ихъ вызывали, томное любовное настроеніе, съ которымъ поэтъ относился почти ко всѣмъ женщинамъ, семейныя дрязги, повидимому, принявшія въ Москвѣ особенно острый характеръ, — все поддерживало въ мальчикѣ развивавшуюся болѣзнь ранняго пессимизма. Тѣмъ не менѣе, прежній образъ жизни, какой велъ поэтъ въ деревнѣ, теперь долженъ измѣниться. Приходилось сталкиваться съ товарищами, съ ихъ интересами, умственными и нравственными и, наконецъ, съ вопросами политическими, которые въ тридцатыхъ годахъ до извѣстной степени взволновали русское общество. Со всѣми этими новыми для него сторонами жизни Лермонтовъ мирился туго. Изъ разсказовъ его товарищей мы знаемъ, что въ университетѣ онъ занималъ въ ихъ кругу совершенно обособленное мѣсто, друзей не имѣлъ и даже рѣдко съ кѣмъ заговаривалъ. Точны ли эти разсказы объ его угрюмомъ видѣ, объ его дерзкихъ отвѣтахъ, о постоянномъ чтеніи какой-то англійской книги, утверждать трудно; но не подлежитъ сомнѣнію, что Лермонтовъ держался въ сторонѣ отъ другихъ,

хотя, конечно, не изъ гордости или презрѣнія. Была, несомнѣнно, причина, не позволявшая ему броситься опрометью въ круговоротъ новой жизни, какъ онъ сдѣлалъ это впослѣдствіи въ Петербургѣ, когда поступилъ въ юнкерское училище. Это объясняется отчасти тѣмъ, что во время своего пребыванія въ Москвѣ онъ былъ почти мальчикъ, на рукахъ у гувернера и подъ строгимъ контролемъ бабушки; но есть и другая причина: онъ переживалъ тяжелый нравственный кризисъ, — онъ сталкивался впервые съ жизнью и трудился надъ рѣшеніемъ вопросовъ, которые были ему не подъ силу. Только утомясь въ безсильной борьбѣ съ ними, бросился онъ въ Петербургѣ въ другую крайность, — стремился забыть ихъ подъ шумъ сабель и стакановъ.

Что собственно далъ ему Московскій университетъ въ чисто умственномъ отношеніи, сказать съ точностью очень трудно. Насколько живы были интересы молодежи ко всевозможнымъ вопросамъ, настолько мертва была въ то время рѣчь преподавателей. Лермонтовъ, чуждаясь веселой жизни товарищей, тѣмъ самымъ ставилъ себя и внѣ ихъ умственныхъ интересовъ; но это отчужденіе уравновѣшивалось въ немъ домашнимъ чтеніемъ и совершенно самостоятельной умственной работой. Эта работа станетъ намъ ясна, когда мы ближе познакомимся съ его юношескими стихотвореніями. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ данныхъ, чтобы приписать Московскому университету особенное вліяніе на Лермонтова. Теплыя строки, посвященныя самимъ авторомъ Московскому университету, стоятъ въ противорѣчіи съ жизнію, какую онъ велъ въ стѣнахъ этого учрежденія: въ товарищескихъ кружкахъ и въ спорахъ „о Богѣ и вселенной“ онъ не участвовалъ. Напротивъ того, товарищамъ бросалась въ глаза его свѣтская жизнь, тотъ кругъ блестящихъ барышенъ, въ обществѣ которыхъ онъ являлся въ театрѣ и на балахъ. При этомъ условіи, внѣшній блескъ и лоскъ молодого студента, сопоставленный съ его нелюдимымъ отчужденіемъ среди товарищей, конечно, подавалъ имъ поводъ къ тѣмъ обвиненіямъ въ высокомѣріи и презрѣніи, съ которыми мы встрѣчаемся въ ихъ воспоминаніяхъ. Страннымъ кажется, что, несмотря на это видимое одиночество и отчужденіе отъ общей товарищеской жизни, Лермонтовъ принималъ участіе въ скандалѣ, устроенномъ студентами одному изъ профессоровъ. Впрочемъ,

вся эта студенческая исторія — дѣло очень темное. Какое участіе принималъ въ ней Лермонтовъ, также не извѣстно съ точностью; во всякомъ случаѣ, если бы его роль была изъ видныхъ, то о ней вспомнили бы впослѣдствіи его товарищи, но ихъ записки о Лермонтовѣ умалчиваютъ. Съ другой стороны, имѣются свѣдѣнія, что Лермонтовъ ссорился съ профессорами на экзаменахъ, а при тогдашнихъ патріархальныхъ взглядахъ на субординацію, можно предположить, что на замѣчаніе поэтъ попалъ именно вслѣдствіе этихъ стычекъ съ начальствомъ. Отразилось ли это невыгодное мнѣніе начальства на положеніи Лермонтова въ университетѣ, неизвѣстно, но только въ 1832 году мы застаемъ поэта въ Петербургѣ съ свидѣтельствомъ отъ Московскаго университета, что онъ прослушалъ двухлѣтній курсъ лекцій и выбылъ изъ числа слушателей.

Московскій періодъ въ жизни Лермонтова окончился, когда ему было восемнадцать лѣтъ. Чѣмъ могъ онъ помянуть этотъ прожитый періодъ? Жизнь текла однообразно, раздѣленная между семейными и свѣтскими интересами, хожденіемъ въ университетъ и домашними занятіями.

Семья и свѣтъ не могли наполнить его жизни. Для свѣта онъ былъ слишкомъ молодъ, а въ семьѣ, несмотря на окружавшую его всеобщую любовь, положеніе его было не совсѣмъ нормально.

Университетъ давалъ мало пищи для ума; шумная жизнь товарищей пока еще не находила отклика въ Лермонтовѣ.

Домашнія занятія шли зато правильно и усиленно; юноша развивался, сталъ приглядываться къ событіямъ общественной жизни и, конечно, не безъ вліянія своего гувернера-француза, обратилъ вниманіе на событія Франціи того времени. Этимъ событіямъ Лермонтовъ посвятилъ нѣсколько стихотвореній, очень слабыхъ, но любопытныхъ, какъ прелюдія къ позднѣйшимъ темамъ. Онъ такъ же сталъ впервые усиленно вчитываться въ Байрона; быть можетъ, къ этому же времени относится и его знакомство съ Барбье.

Вообще періодъ московской жизни поэта былъ бѣденъ впечатлѣніями. Но недостатокъ ихъ и умышленное устраненіе отъ нихъ поэта вознаграждалось той усиленной внутренней жизнью, тѣмъ анализомъ собственнаго сердца, которому отдался въ то время Лермонтовъ. Въ этотъ именно короткій

промежутокъ времени, отъ 1828 до 1832 года, Лермонтовымъ написаны всѣ его юношескія стихотворенія, Демонъ, Измаилъ-Бей, историческая повѣсть и драмы. *Котляревскій.*

Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

По мысли великаго князя Николая Павловича, въ царствованіе императора Александра I, Высочайшимъ приказомъ отъ 9 мая 1823 года была учреждена *Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ* съ цѣлью давать надлежащее военное образованіе молодымъ людямъ, желавшимъ достигнуть офицерскаго званія въ гвардейской пѣхотѣ.

Такъ какъ число офицеровъ, выпускаемыхъ изъ кадетскихъ корпусовъ, было недостаточно для нашей арміи, то по необходимости принимались на службу молодые люди вольноопредѣляющимися, подвергаясь при этомъ испытанію лишь по общеобразовательнымъ предметамъ. Для производства въ офицеры отъ нихъ требовалось знаніе строевыхъ уставовъ гарнизонной службы и общихъ обязанностей военнослужащихъ; по остальнымъ военнымъ предметамъ свѣдѣнія ихъ ограничивались только тѣмъ, что̀ они пріобрѣтали служебною практикою. Слабая научная и особенно военная подготовка этихъ лицъ заставила изыскивать средства для ихъ образованія. Съ этою цѣлью стали учреждать при штабахъ корпусовъ школы для обученія юнкеровъ и подпрапорщиковъ. Но эти школы не имѣли прочнаго устройства и закрывались каждый разъ, какъ войска выступали въ походъ. Существенное усовершенствованіе способа пополненія офицерами гвардейской пѣхоты было достигнуто стараніями великаго князя Николая Павловича.

Весьма неудовлетворительная военная подготовка гвардейскихъ подпрапорщиковъ обратила на себя вниманіе Его Императорскаго Высочества, бывшаго въ то время командиромъ 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Въ 1821 году, когда гвардейскій корпусъ перешелъ изъ Петербурга въ литовскія губерніи и послѣ большихъ маневровъ былъ оставленъ тамъ на зимнихъ квартирахъ, великій князь Николай Павловичъ, ревностно занимаясь обученіемъ ввѣренныхъ ему полковъ, замѣтилъ, что молодые люди, поступившіе въ гвардію

подпрапорщиками, при хорошемъ домашнемъ воспитаніи и общемъ образованіи, были мало свѣдущи въ военныхъ наукахъ, плохо усвоивали воинскую дисциплину и медленно успѣвали въ строевомъ образованіи. Съ цѣлью устранить эти недостатки великій князь собралъ подпрапорщиковъ лейбъ-гвардіи измайловскаго и егерскаго полковъ въ бригадную квартиру, гдѣ ихъ военное образованіе велось подъ личнымъ руководствомъ и наблюденіемъ Его Высочества. Этотъ опытъ далъ хорошіе результаты, вслѣдствіе чего по возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, великій князь представилъ проектъ учрежденія постоянной *школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ*. Согласно этому проекту, Высочайше утвержденному 9 мая 1823 года, цѣлью школы было поставлено: „1) докончить военное воспитаніе тѣхъ молодыхъ дворянъ, которые, поступая на службу изъ университетовъ или университетскихъ пансіоновъ, не могли получать въ оныхъ достаточныхъ въ военныхъ наукахъ познаній; 2) предоставить возможность пріобрѣсти таковыя же познанія тѣмъ, которые не могли получить ихъ ранѣе по бѣдности или по другимъ причинамъ; 3) уравнять правила обученія по фронтовой части, и 4) дать молодымъ людямъ твердыя понятія о строгой подчиненности, дисциплинѣ и прочихъ обязанностяхъ, присущихъ военному званію, а тѣмъ болѣе гвардейскому офицеру“.

Высочайше повелѣно было школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ состоять подъ главнымъ надзоромъ великаго князя Николая Павловича. Хотя школа, какъ учрежденная при гвардейскомъ корпусѣ, была подчинена непосредственно его командиру, но все касавшееся этого заведенія докладывалось великому князю, который отечески заботился о немъ, входя во всѣ подробности обученія и внутренняго порядка.

На основаніи руководящихъ указаній, изложенныхъ въ проектѣ великаго князя, были разработаны подробности учрежденія школы и ея штаты. Инструкція для управленія школою и внутренняго порядка въ ней была составлена лично великимъ княземъ и утверждена командиромъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантомъ Уваровымъ.

Для общаго надзора за успѣхами въ наукахъ и развитіемъ воспитанниковъ въ нравственномъ отношеніи былъ назначенъ по Высочайшему повелѣнію состоявшій при особѣ Его Величества генералъ-инженеръ Опперманъ. Но въ дѣйствитель-

ности отношенія его къ школѣ имѣли почти исключительно формальный характеръ и ограничивались тѣмъ, что ему представлялись рапорты и свѣдѣнія о личномъ составѣ школы; все же существенно важное докладывалось непосредственно великому князю.

Во главѣ школы стоялъ ея командиръ, отвѣтственный за военный и внутренній порядокъ, содержаніе и обмундированіе дворянъ и нравственное ихъ образованіе. Ему подчинялся весь личный составъ, какъ по строевой, такъ и по учебной части. Онъ выбирался изъ лучшихъ штабъ-офицеровъ гвардіи командиромъ корпуса, который представлялъ свой выборъ на Высочайшее усмотрѣніе. Тотъ же порядокъ былъ установленъ для назначенія въ школу оберъ-офицеровъ, которыхъ полагалось по штату 8, не ниже чина поручика. Старшій изъ нихъ назначался ротнымъ командиромъ, который былъ ближайшимъ помощникомъ командира школы и, „имѣя въ нравственномъ вѣдѣніи своемъ всѣхъ дворянъ, отвѣчалъ за весь внутренній и внѣшній порядокъ, за поведеніе, опрятность одежды, выправку, исправное содержаніе оружія и аммуниціи, чистоту обуви, бѣлья и комнатъ, занимаемыхъ дворянами, а въ особенности за нравственное поведеніе дворянъ“. Исполненіе перечисленныхъ обязанностей ротному командиру облегчали шесть офицеровъ. Седьмой назначался адъютантомъ и казначеемъ.

Во главѣ учебной части школы стоялъ инспекторъ классовъ, которому подчинялись преподаватели, назначаемые командиромъ гвардейскаго корпуса преимущественно изъ офицеровъ гвардейскаго штаба, артиллеріи и инженернаго корпуса. Инвалидный офицеръ на правахъ командировъ инвалидныхъ полуротъ гвардейскихъ полковъ завѣдывалъ служителями и прислужниками и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ должность эконома школы, т.-е. имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи помѣщеніе школы и продовольствіе воспитанниковъ.

Подпрапорщики, собранные изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, составляли роту, продолжая числиться въ своихъ полкахъ и носить полковую форму. Число ихъ и было опредѣлено штатомъ и зависѣло отъ числа молодыхъ дворянъ, служившихъ въ гвардіи вольноопредѣляющимися, которыхъ полагалось не свыше 24 на каждый гвардейскій пѣхотный полкъ.

Съ учрежденіемъ заведенія, долженствовавшаго поставить подготовку будущихъ гвардейскихъ офицеровъ на новое, болѣе прочное основаніе, не могли остаться безъ существеннаго измѣненія правила для пріема молодыхъ людей въ гвардейскіе полки. Въ отзывѣ Его Императорскаго Высочества, приложенномъ къ проекту учрежденія школы, сказано, что дворяне, желающіе опредѣлиться въ гвардію юнкерами, должны поступать непосредственно въ *„учебное заведеніе, исключительно для ихъ военнаго образованія предназначенное“*, а экзаменъ, установленный для пріема ихъ въ полки и до тѣхъ поръ производимый въ штабѣ гвардейскаго корпуса, долженъ впредь производиться при школѣ. Никакіе аттестаты и свидѣтельства объ окончаніи курса учебныхъ заведеній и даже университетскіе дипломы не освобождали молодыхъ дворянъ отъ предварительнаго испытанія въ наукахъ, требуемыхъ для поступленія въ школу. Выдержавшіе экзаменъ и имѣвшіе не менѣе 17 лѣтъ подавали прошеніе о зачисленіи ихъ на службу въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принимались въ школу. Подпрапорщикамъ, уже служившимъ въ полкахъ во время учрежденія школы, было предоставлено поступать въ нее или не поступать, по ихъ желанію; но непоступившіе теряли старшинство и могли быть производимы въ офицеры только при условіи, *если послѣ выпуска изъ школы оставались свободныя вакансіи.* Это было весьма важное преимущество, вытекавшее изъ идеи, положенной въ основаніе школы и состоявшей въ томъ, что только подготовка въ спеціально учрежденномъ съ этою цѣлью заведеніи признавалась достаточною для производства въ офицеры.

Курсъ въ школѣ былъ двухлѣтній. Съ цѣлью придать ему надлежащее значеніе для достиженія офицерскаго званія были установлены весьма справедливыя правила относительно предоставленія подпрапорщикамъ правъ по выпуску. Въ проектѣ учрежденія школы, представленномъ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, находимъ слѣдующія знаменательныя слова: *„другого старшинства между ними не будетъ, какъ только пріобрѣтаемое успѣхами въ преподаваемыхъ наукахъ, исправностью по фронту и благонадежнымъ поведеніемъ“*. Весьма характеренъ самый способъ выраженія этой мысли, совершенно исключавшей возможность допустить какое-либо иное старшинство.

Для внутренняго служебнаго порядка и для обученія строю подпрапорщики составляли строевую часть — роту, раздѣленную на 4 капральства. Изъ ихъ среды, изъ числа лучшихъ портупей-подпрапорщиковъ, выбирались фельдфебель и отдѣльные унтеръ-офицеры, которые, какъ ближайшіе помощники офицеровъ, должны были наблюдать за всѣмъ, касавшимся внутренняго порядка и нравственности воспитанниковъ. Какое значеніе придавалъ великій князь Николай Павловичъ организаціи школы, какъ строевой части, видно изъ того, что при торжественномъ открытіи школы Его Высочество самъ раздѣлилъ подпрапорщиковъ на отдѣленія или капральства и назначилъ фельдфебеля и отдѣльныхъ унтеръ-офицеровъ.

Такъ какъ подпрапорщики считались состоящими на службѣ, то они при поступленіи въ школу приносили присягу на вѣрность службы въ портретной галлереѣ Зимняго дворца подъ знаменами гвардейскихъ полковъ, въ которыхъ они числились.

Управленіе хозяйственною частью школы было распредѣлено между командиромъ роты, казначеемъ и экономомъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ командира школы, которому было предоставлено право разрѣшенія расходовъ изъ отпускаемыхъ въ его вѣдѣніе суммъ. Онъ же требовалъ отъ полковъ жалованье и срочныя мундирныя и аммуничныя вещи для подпрапорщиковъ и инвалидовъ, а изъ провіантскаго департамента полагавшійся имъ провіантъ. По истеченіи каждаго года командиръ школы представлялъ командиру гвардейскаго корпуса два отчета: о суммахъ и о состояніи школы.

Ротный командиръ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи все обмундированіе и вооруженіе, а также распоряжался выдачею вещей, жалованья и провіанта.

Учрежденная на вышеизложенныхъ основаніяхъ школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ была открыта 18 августа 1823 г., въ отведенной для нея казармѣ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка.

Командиромъ полка былъ назначенъ полковникъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка Годеинъ. Въ инспекторы классовъ великій князь Николай Павловичъ избралъ своего адъютанта, генеральнаго штаба полковника, барона Дилленсгаузена. Ротнымъ командиромъ былъ капитанъ Мердеръ. Вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія было принято на первый разъ въ школу всего лишь 44 подпрапорщика.

Учебныя занятія въ школѣ начались 27 августа 1823 г. Число подпрапорщиковъ, поступившихъ въ школу, было значительно меньше положеннаго по штату числа вольноопредѣляющихся въ гвардейскихъ полкахъ, т.-е. 192 (по 24 на каждый полкъ). Къ 1 января 1824 г. въ школѣ состояло 60 человѣкъ, въ теченіе 1824 г. поступило вновь лишь 9, а въ 1825 году — 29, и къ 1 января 1826 г. всѣхъ подпрапорщиковъ въ школѣ было 64.

Причинами этого явленія были отчасти недостатокъ въ молодыхъ дворянахъ, желавшихъ получить военное образованіе, отчасти же крайняя неудовлетворительность помѣщенія школы, не позволявшаго принять болѣе значительнаго числа воспитанниковъ. Вслѣдствіе тѣсноты оно имѣло много существенныхъ недостатковъ: въ немъ не было ни церкви, ни лазарета, ни квартиръ для офицеровъ, помѣщеніе которыхъ въ зданіи заведенія признается весьма важнымъ въ воспитательномъ отношеніи. Вообще эта казарма была совершенно несоотвѣтственна для учебнаго заведенія, требующаго для выполненія своихъ основныхъ задачъ достаточнаго простора и большихъ удобствъ. Поэтому черезъ два года, по ходатайству великаго князя, принимавшаго самое живое участіе въ устройствѣ заведенія, возникшаго по его почину и его трудами, былъ купленъ для помѣщенія школы домъ графа Чернышева у Святого моста, гдѣ нынѣ находится Государственный Совѣтъ. Въ этотъ домъ подпрапорщики были переведены 10 августа 1825 года.

Въ заключеніе вышеизложенной части очерка мы должны обратить вниманіе на слѣдующія главныя черты, характеризующія учрежденіе и первоначальное устройство школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Необходимость созданія школы обусловливалась тѣмъ соображеніемъ, что молодые люди съ образованіемъ общимъ, даже университетскимъ, поступая въ полки, не могли тамъ получать того военнаго воспитанія и военнаго образованія, которыя пріобрѣтаются только въ соотвѣтственно устроенной школѣ. Въ полкахъ, гдѣ преслѣдовались свои прямыя служебныя цѣли, некогда и некому было заниматься столь сложнымъ и труднымъ дѣломъ, какъ подготовка молодыхъ людей къ офицерскому званію. Вся полковая обстановка совершенно не соотвѣтствовала этой задачѣ. Кромѣ того, неизбѣжное разнообразіе взглядовъ на дѣло въ разныхъ полкахъ отра-

жалось весьма невыгодно на воспитаніи и обученіи будущихъ офицеровъ. Понимая, какое громадное значеніе имѣетъ въ войскахъ соотвѣтственный корпусъ офицеровъ, и придя на основаніи опыта къ заключенію, что подготовка такихъ офицеровъ достижима лишь въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, великій князь Николай Павловичъ для болѣе надежнаго пополненія гвардіи офицерами создалъ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, при чемъ окончаніе въ ней курса было сдѣлано обязательнымъ для удостоенія производства въ офицеры.

Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ школѣ дѣло сразу было поставлено серіозно. Великій князь желалъ, чтобы на подпрапорщиковъ смотрѣли, не какъ на мальчиковъ, а какъ на юношей, обязанныхъ сознательно подготовиться къ высокому званію офицера. Съ этою цѣлью они считались на дѣйствительной службѣ, составляли строевую часть, были обязаны подчиняться требованіямъ воинской дисциплины и при поступленіи въ школу присягали на вѣрность службѣ подъ знаменами своихъ полковъ.

Наконецъ, краеугольнымъ камнемъ, положеннымъ въ основаніе школы, было постановленіе, въ силу котораго при выпускѣ въ офицеры старшинство должно было обусловливаться исключительно достоинствомъ подпрапорщика. Безъ этого главная цѣль учрежденія школы была бы въ корнѣ подорвана. Если бы права по выпуску зависѣли отъ другихъ соображеній, то, помимо крайней несправедливости по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, страдала бы польза службы. Но великій князь Николай Павловичъ ставилъ *эту пользу* на первый планъ и желалъ, чтобы подпрапорщики выпускались офицерами въ гвардію по *качественному* ранжиру.

Для поступленія въ школу требовалось выдержать испытаніе, къ которому въ первое время допускались желавшіе въ продолженіе цѣлаго года по субботамъ. Но неудобство, сопряженное съ разновременностью поступленія молодыхъ людей въ школу и состоявшее въ нарушеніи однообразія прохожденія учебнаго курса, заставило въ 1825 году ограничить время пріема въ школу; съ этою цѣлью было опредѣлено производить пріемныя испытанія ежегодно лишь въ теченіе октября.

При пріемѣ въ школу молодые люди экзаменовались изъ 8 предметовъ: русскаго языка, одного изъ употребительнѣй-

шихъ иностранныхъ языковъ, ариѳметики, геометріи, алгебры до уравненій 2-й степени, тригонометріи, россійской и всеобщей исторіи. Объемъ познаній изъ этихъ предметовъ въ проектѣ учрежденія школы былъ очерченъ такимъ образомъ: „Въ языкахъ требуется знаніе правилъ грамматики и употребленіе оныхъ. При испытаніи дворянъ Эстляндской, Курляндской и бѣлорусскихъ губерній въ русскомъ языкѣ экзаминаторы не будутъ излишне строги. Въ математикѣ требуется не только рѣшеніе предложеній, но и основательное доказательство оныхъ. Въ исторіи требуется общее познаніе чиселъ и именъ, историческихъ періодовъ, изложеніе главныхъ происшествій. Въ географіи опрашиваются общія свѣдѣнія о раздѣленіи частей свѣта, о положеніи земель, главныхъ городовъ, рѣкъ, горъ и пр. Вообще въ географіи и исторіи требуются только общія понятія, ибо сіи предметы будутъ преподаваться въ подробности въ учебномъ заведеніи юнкеровъ“.

Степень познаній опредѣлялась баллами, при чемъ полнымъ числомъ считалось 85, а наименьшимъ, необходимымъ для пріема, — 50. По предметамъ, смотря по ихъ важности, эти баллы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Наибольшее число балловъ.	Наименьшее число балловъ.
Русскій языкъ	20	15
Одинъ изъ иностранныхъ языковъ	10	5
Ариѳметика	15	10
Геометрія и тригонометрія	10	5
Алгебра	10	5
Исторія	10	5
Географія	10	5
Всего	85	50

Большее число балловъ въ одномъ предметѣ замѣняло ихъ въ другомъ, но совершенное незнаніе одного изъ предметовъ считалось препятствіемъ къ поступленію въ школу.

Университетскіе и другіе результаты не освобождали отъ пріемнаго экзамена и не должны были имѣть на него никакого вліянія.

Хотя было постановлено, что молодые люди, получившіе на пріемномъ экзаменѣ въ суммѣ менѣе 50 балловъ, не имѣли права на поступленіе въ школу, но на первое время было разрѣшено принимать и неудовлетворявшихъ этому условію, съ тѣмъ однако, чтобы они считались прикомандированными къ школѣ и были обязаны выдержать испытаніе въ возможно ближайшій срокъ. Это распоряженіе, вѣроятно, было вызвано недостаткомъ молодыхъ людей, которые по своей подготовкѣ въ наукахъ могли удовлетворить тогдашнимъ, довольно скромнымъ требованіямъ для поступленія въ школу.

Относительно постановки учебнаго курса въ школѣ было дано въ инструкціи такое указаніе: „Необходимо, чтобы выборъ обучающихся, а равно и образъ преподаванія, производимы были со всевозможнымъ тщаніемъ и осторожностью, и все, не касающееся до онаго именно, не только не должно быть дозволяемо, но и вовсе не терпимо“.

„Тактика простая, начиная съ военнаго устава въ самой подробности до соображенія малыхъ маневровъ, правила форпостной службы и малой войны, начиная съ устава разсыпного строя и стрѣлковаго ученья, полевая фортификація и артиллерія, рисованіе ситуаціи наскоро и глазомѣрная съемка, составленіе рапортовъ по всѣмъ предметамъ, случающимся въ службѣ, какъ въ мирное, такъ и военное время, и, наконецъ, познаніе воинскихъ и гражданскихъ законовъ и порядка военнаго судопроизводства, географія и исторія въ военномъ смыслѣ — суть предметы, кои на первый случай преподаваться будутъ въ классахъ“.

„Каждый обучающій чиновникъ представляетъ по своему предмету программу съ объясненіемъ, какія именно статьи въ курсъ входятъ, и какую при ихъ изложеніи соблюдать постепенность. По разсмотрѣніи и утвержденіи сихъ программъ инспекторомъ классовъ поставляется въ обязанность обучающаго не отступать отъ нихъ при преподаваніи и притомъ всячески стараться, дабы изученіе по онымъ было совершенно ясно, основательно, и чтобы каждый изъ обучающихся со вниманіемъ и прилежаніемъ занимался“.

Инспектору классовъ вмѣнялось въ обязанность „наблюдать, чтобы обученіе преподаваемо было по принятымъ правиламъ и постепенному, въ программахъ изложенному порядку, чтобы каждый приходилъ въ классъ въ свое время,

чтобы обучающіеся обращали должное вниманіе на преподаваніе и чтобы во всей точности наблюдали установленный порядокъ". Инспектору классовъ въ случаѣ необходимости измѣнить или дополнить порядокъ преподаванія дано было право дѣлать объ этомъ письменныя представленія черезъ командира школы на усмотрѣніе и рѣшеніе корпуснаго командира.

Въ вѣдѣніи инспектора классовъ находились шестидневные, недѣльные, мѣсячные и третные отчеты, которые въ опредѣленные сроки представлялись командиру школы, доводившему ихъ до свѣдѣнія командира корпуса.

Для отдѣльныхъ отчетовъ списки подпрапорщиковъ вручались дежурнымъ офицерамъ, которые дѣлали въ нихъ отмѣтки о всѣхъ опоздавшихъ или вовсе не явившихся на лекціи.

Списки для шестидневныхъ и мѣсячныхъ отчетовъ выдавались каждому преподавателю. Въ первыхъ дѣлались отмѣтки о неисправности воспитанниковъ, а вторые служили для обозначенія пройденной части курса, прилежанія и способностей подпрапорщиковъ, а также балловъ, опредѣлявшихъ успѣхи въ наукахъ. Эти списки представлялись инспектору классовъ не позже 1-го числа каждаго мѣсяца.

Третные отчеты представлялъ самъ инспекторъ классовъ, по окончаніи частныхъ письменныхъ или устныхъ экзаменовъ, производившихся по прошествіи каждой трети учебнаго года въ присутствіи командира школы, инспектора и старшаго преподавателя по заблаговременно приготовленнымъ билетамъ, которые собственноручно давалъ подпрапорщикамъ инспекторъ классовъ. Полученные на этихъ экзаменахъ баллы вносились въ третные списки, въ которыхъ опредѣлялось старшинство по успѣхамъ воспитанниковъ въ наукахъ.

По окончаніи учебнаго года производился публичный экзаменъ въ присутствіи корпуснаго командира, всѣхъ приглашаемыхъ имъ лицъ, всѣхъ обучающихся и даже служащихъ при школѣ чиновниковъ.

Не довольствуясь свѣдѣніями, получаемыми отъ преподавателей и дежурныхъ офицеровъ, инспекторъ обязанъ былъ присутствовать ежедневно въ классахъ и такимъ образомъ непосредственно слѣдилъ за веденіемъ занятій.

Полковникъ Дилленсгаузенъ, высоко образованный офицеръ, оправдалъ возложенныя на него ожиданія, успѣвъ прекрасно постановить учебную часть въ школѣ. Отличаясь благоразумною строгостью и полною справедливостью, онъ былъ требователенъ, какъ по отношенію къ ученикамъ, такъ и по отношенію къ преподавателямъ. Слѣдя лично за преподаваніемъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобы учителя, не полагаясь на свои познанія и память, серіозно готовились къ каждой лекціи.

По выбору полковника Дилленсгаузена первыми преподавателями въ школѣ были люди, извѣстные своею преподавательскою дѣятельностью, а именно: по исторіи и географіи профессоръ Арсеньевъ, по русскому языку Толмачовъ, по тактикѣ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона штабъ-капитанъ Шарнгорстъ, по фортификаціи гвардіи инженеръ-поручикъ Шмидтъ, по топографіи гвардіи инженеръ-поручикъ Вильманъ, по математикѣ гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ Навроцкій, по артиллеріи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады поручикъ Сиверсъ и подпоручикъ Бакунинъ, по законовѣдѣнію коллежскій совѣтникъ Корсунскій.

На покупку учебниковъ и учебныхъ пособій расходовалось 3200 руб.

Учебниковъ въ то время было очень мало, и они стоили очень дорого. Напримѣръ руководство по русскому языку Толмачова подъ заглавіемъ: „Правила словесности“ стоило 20 рублей. Кромѣ этой книги, имѣлись учебники исторіи и географіи Арсеньева съ атласомъ Лапи, исправленнымъ Максимовичемъ, и всеобщей исторіей Милота, а также курсъ фортификаціи барона Эльснера. При такой бѣдности въ учебникахъ подпрапорщикамъ приходилось составлять записки почти по всѣмъ предметамъ, при чемъ на обязанности преподавателей лежало наблюденіе за правильностью и опрятностью веденія этихъ записокъ.

Классныя занятія производились утромъ и послѣ обѣда и состояли изъ трехъ лекцій, каждая продолжительностью въ 2 часа. 2 утреннія лекціи назначались съ 8 до 12 часовъ съ перерывомъ между ними по 10 минутъ. Послѣобѣденная лекція читалась отъ 3 до 5 часовъ пополудня.

Шкотъ.

Благопріятные результаты, достигнутые школою гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ первые годы ея существованія, подали великому князю Николаю Павловичу мысль поднять подобнымъ же образомъ уровень образованія также офицеровъ гвардейской кавалеріи. Съ 1811 года для подготовки кавалерійскихъ офицеровъ при дворянскомъ полку состоялъ кавалерійскій эскадронъ, въ который до 1818 г. поступали юнкера изъ всѣхъ армейскихъ полковъ. Но затѣмъ число желавшихъ поступить въ него постепенно уменьшилось и къ концу 1824 г. не превышало 40 чел. Такая малочисленность состава дворянскаго эскадрона не оправдывала большихъ затратъ на его содержаніе. Поэтому великій князь Николай Павловичъ предложилъ упразднить его и на освободившіяся вслѣдствіе этого матеріальныя средства учредить при школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ гвардейскій эскадронъ для распространенія военнаго образованія среди юнкеровъ гвардейской кавалеріи. Это предположеніе было осуществлено Высочайшимъ повелѣніемъ 9 апрѣля 1826 г., на основаніи котораго дворяне, поступившіе на службу въ гвардейскую кавалерію, должны были испытываться въ наукахъ при школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Тогда же была составлена комиссія подъ предсѣдательствомъ великаго князя Михаила Павловича, выработавшая для новаго эскадрона положеніе и штаты, которые удостоились Высочайшаго утвержденія 12 іюля 1826 г. Школа была переименована въ *Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ*. Расширеніе школы не ограничилось учрежденіемъ кавалерійскаго отдѣленія. Въ томъ же 1826 году былъ открытъ такъ называемый *кандидатскій* классъ для пажей, воспитывавшихся дома и не имѣвшихъ познаній, требуемыхъ для поступленія въ школу. Это было собственно подготовительное отдѣленіе, въ курсъ котораго вошли только общеобразовательные предметы: законъ Божій, русскій языкъ, французскій языкъ, исторія, географія и математика.

Особая комиссія подъ предсѣдательствомъ инженеръ-генерала Оппермана, собранная для обсужденія возникшей мысли объ учрежденіи при школѣ еще артиллерійскаго отдѣленія, хотя и пришла къ отрицательному рѣшенію по этому вопросу, но принесла школѣ большую пользу, занявшись, по

приказанію великаго князя, подробнымъ пересмотромъ программъ преподаванія. Выработанные ею курсы, въ число которыхъ былъ включенъ одинъ, прежде не существовавшій, по закону Божію, были утверждены великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ 8 ноября 1827 года. Съ тѣхъ поръ по новымъ программамъ преподаваніе велось слѣдующимъ образомъ:

По *закону Божію* — чтеніе книгъ священнаго писанія: въ 1-й годъ — ветхаго завѣта и во 2-й годъ — новаго завѣта.

По *русскому языку:* въ 1-й годъ правила русскаго языка (словесность, риторика и логика), а во 2-й годъ — правила военнаго слога, составленіе бумагъ военнаго содержанія и описательныя сочиненія вообще.

По *математикѣ:* въ младшемъ классѣ геометрія (планиметрія и начало стереометріи) и алгебра до уравненій 2-й степени включительно, въ старшемъ классѣ — изъ алгебры прогрессіи, числа фигурныя и пирамидальныя, логариѳмы и биномъ Ньютона; изъ геометріи стереометрія, плоская тригонометрія и приложеніе алгебры къ геометріи.

По *исторіи* комиссія признала необходимымъ преподавать ее преимущественно въ военномъ отношеніи; но за неимѣніемъ соотвѣтственнаго руководства рѣшено было читать всеобщую исторію сокращенно, а исторію россійскаго государства въ подробности.

По *географіи* — подробно, притомъ въ военномъ отношеніи, государства, прилежащія Россіи, а россійское государство во всей полнотѣ.

По *тактикѣ:* въ младшемъ классѣ приготовленіе войскъ (обученіе, гарнизонная служба и лагерная служба), употребленіе войскъ или полевая служба, а для кавалерійскихъ юнкеровъ, сверхъ того, признаки лѣтъ и качествъ лошадей и краткое знакомство съ важнѣйшими основами ветеринарнаго искусства; въ старшемъ классѣ — соединеніе трехъ родовъ войскъ, линейное ученье, форпостная служба и малая война, боевые порядки, различныя передвиженія войскъ, занятіе и атака различныхъ мѣстныхъ предметовъ, употребленіе резервовъ, объ отступленіи, о преслѣдованіи непріятеля.

По *фортификаціи:* въ младшемъ классѣ полевая *фортификація;* въ старшемъ классѣ — примѣненіе укрѣпленій къ мѣстности, укрѣпленіе позицій, укрѣпленные лагери, атака и

оборона полевыхъ укрѣпленій, порча и исправленіе дорогъ и мостовъ, а также часть долговременной фортификаціи.

По *артиллеріи:* въ младшемъ классѣ техническая часть, въ старшемъ — употребленіе артиллеріи.

По *топографіи:* въ младшемъ классѣ понятіе о планахъ и картахъ и черченіе плановъ, а въ старшемъ — съемка мѣстности и черченіе съемки (инструментальная и глазомѣрная съемка во время лагеря производилась лишь въ томъ случаѣ, если позволяло время).

По *законовѣдѣнію:* въ младшемъ классѣ общія понятія о государствѣ, верховной власти и законахъ, въ старшемъ — военное судоустройство и военное судопроизводство.

По *французскому языку:* переводы и краткій очеркъ исторіи и литературы.

Кромѣ этой программы, оставшейся безъ измѣненія до 1832 г., были сдѣланы еще нѣкоторыя перемѣны по учебной части школы, вызванныя существовавшими въ тогдашнихъ порядкахъ неудобствами. Во-первыхъ, переходъ воспитанниковъ кандидатскаго класса въ низшій классъ производился въ теченіе всего учебнаго года, что неблагопріятно отражалось на успѣхѣ въ занятіяхъ переводимыхъ, принужденныхъ затрачивать значительный трудъ съ цѣлью догнать далеко ушедшихъ уже въ курсѣ товарищей. Во-вторыхъ, лагерное время прерывало систематическое веденіе занятій. Въ-третьихъ, преподаватели, имѣвшіе занятія на сторонѣ, часто пропускали свои уроки.

Классныя занятія ежедневно продолжались отъ 7 до 11 ч. утра (два 2-часовыхъ урока съ перемѣною въ 10 минутъ) и отъ 3 до 6 ч. пополудни (два полуторачасовыхъ урока), кромѣ среды и субботы, въ которыя послѣобѣденное время посвящалось строевымъ занятіямъ. Это распредѣленіе времени сохранялось лишь до экзаменовъ, во время которыхъ утренніе часы до полудня назначались для подготовки къ экзамену, а съ 3 до 6 ч. пополудни производились испытанія.

Въ 1832 г. въ учебной части были произведены значительныя измѣненія, предложенныя новымъ инспекторомъ классовъ, полковникомъ Павловскимъ. Они коснулись какъ правилъ пріема въ школу, такъ и прохожденія въ ней курса.

Съ 1832 года на пріемномъ экзаменѣ требовались слѣдующіе предметы:

I. *Математика:* ариометика, вся алгебра, до уравненій 2-й степени, пропорцій и прогрессій включительно и изъ геометріи лонгиметрія, планиметрія и стереометрія.

II. *Исторія:* изъ священной исторіи ветхій завѣтъ, всеобщая исторія до французской революціи 1789 года, россійская исторія отъ временъ Рюрика до нашихъ во всей подробности.

III. *Географія:* древняя и современная, россійская во всей подробности.

IV. *Русскій языкъ:* полное и твердое познаніе грамматики, правила грамматическаго разбора, сочиненія, переводъ съ какого-нибудь иностраннаго языка и описаніе какого-нибудь заданнаго предмета.

V. *Французскій или нѣмецкій языкъ:* познаніе грамматики, правильный переводъ съ русскаго языка и грамматическій разборъ.

Пріемъ въ школу производился съ 1 августа по 1 ноября. Выдержавшіе пріемный экзаменъ зачислялись кандидатами и по открытіи вакансій принимались въ школу по старшинству полученныхъ на испытаніи балловъ, общее полное число которыхъ опредѣлялось цифрою 80, а необходимое для пріема — 70. Для частной оцѣнки по отдѣльнымъ предметамъ была принята 10-балльная система.

Кандидатскій классъ былъ закрытъ, при чемъ было постановлено всѣхъ кандидатовъ Пажескаго корпуса, которые по достиженіи 15-лѣтняго возраста изъявятъ желаніе поступить въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, зачислить кандидатами школы и въ случаѣ желанія ихъ родителей до достиженія ими 16 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ прикомандировать къ дворянскому полку для обученія порядку службы, по достиженіи же этого возраста опредѣлить въ школу, если выдержатъ пріемный экзаменъ.

Курсъ въ школѣ попрежнему продолжался 2 года. Юнкерамъ и подпрапорщикамъ разрѣшалось оставаться лишній годъ въ одномъ изъ классовъ; но послѣ 3-лѣтняго пребыванія въ школѣ въ случаѣ недостаточныхъ успѣховъ въ занятіяхъ они переводились въ армію.

Въ продолженіе 2-лѣтняго курса преподавались учебные предметы по слѣдующимъ программамъ:

Законъ Божій и нравственность: полное понятіе о хри-

стіанской вѣрѣ, основанное на изученіи новаго завѣта; обязанности въ отношеніи къ государю, начальству и ближнему.

Математика: изъ алгебры теорія логариѳмовъ и фигурныхъ чиселъ, тригонометрія съ показаніемъ приложенія оной къ съемкѣ мѣстоположенія, приложеніе алгебры къ геометріи съ показаніемъ примѣненія алгебры къ артиллеріи и фортификаціи.

Географія: изложеніе ея въ статистическомъ видѣ и въ военномъ смыслѣ.

Исторія: подробнѣйшее изложеніе новѣйшей исторіи и въ особенности послѣдняго столѣтія, связь ея съ военными происшествіями, подробное описаніе всѣхъ главныхъ походовъ съ древнихъ временъ до нашихъ.

Россійская словесность: примѣненіе ея къ сочиненію всякихъ бумагъ, до военнаго письмоводства и военнаго краснорѣчія относящихся.

Военное судопроизводство: познаніе воинскихъ и гражданскихъ законовъ съ примѣненіемъ ихъ къ военному судопроизводству.

Топографія: употребленіе всѣхъ для съемки необходимыхъ инструментовъ и черченіе плановъ, а также практическая съемка и инструментальная и въ особенности глазомѣрная.

Фортификація: полевая и долговременная, въ особенности же употребленіе полевой.

Артиллерія: техническое познаніе ея и употребленіе всѣхъ родовъ орудій.

Воинскіе уставы и все, что касается полнаго знанія того рода службы, къ которому каждый молодой дворянинъ предназначается.

Правила тактики: употребленіе разныхъ родовъ войскъ и связь между ними, общія понятія о стратегіи или о воинскихъ дѣйствіяхъ съ объясненіемъ знаменитыхъ походовъ послѣднихъ временъ.

Кромѣ этихъ предметовъ, преподавался французскій языкъ.

Былъ измѣненъ также способъ оцѣнки успѣховъ: 100 считалось полнымъ числомъ балловъ; для производства въ старую гвардію необходимо было имѣть не менѣе 90, а для производства въ молодую гвардію — не менѣе 80 балловъ. Имена получившихъ на выпускномъ экзаменѣ полное число балловъ вырѣзывались золотыми буквами на мраморной доскѣ

По окончаніи полнаго курса школы къ 1 іюня, послѣ лагернаго сбора, подпрапорщики и юнкера производились въ офицеры съ соблюденіемъ старшинства, пріобрѣтеннаго успѣхами въ наукахъ.

Въ общемъ преобразованія 1832 года имѣли цѣлью усилить требованія отъ поступавшихъ въ школу и поднять уровень преподаванія ея 2-годичнаго курса, получившаго болѣе спеціальное военное направленіе.

Такъ какъ надлежащее осуществленіе предначертаній зависитъ, главнымъ образомъ, отъ исполнителей, то было обращено серіозное вниманіе на выборъ соотвѣтственныхъ преподавателей, и школа постоянно пользовалась трудами лучшихъ представителей педагогической среды. *Шкотъ.*

Пребываніе Лермонтова въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Лермонтовъ опредѣлился въ школу 10 ноября 1832 года; до тѣхъ поръ онъ слушалъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и вышелъ оттуда вслѣдствіе какой-то незначительной исторіи съ однимъ изъ профессоровъ. Бабушка его Елизавета Алексѣевна Арсеньева, служившая добрымъ геніемъ всей его жизни, рѣшительно возставала противъ опредѣленія его въ военную службу; но, несмотря на это, онъ, по выдержаніи пріемнаго экзамена, поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ.

Такой переходъ изъ студентовъ въ юнкера, какъ видно, поразилъ самого Лермонтова. Въ первомъ письмѣ своемъ изъ школы онъ говорилъ: „Итакъ, я сдѣлался воиномъ! Быть можетъ, тутъ есть особенная воля Провидѣнія. Быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче, и если онъ не ведетъ меня къ моей первой цѣли жить для поприща литературнаго, то, можетъ-быть, дойду по немъ до послѣдней цѣли своего существованія. Вѣдь лучше умереть со свинцомъ въ груди, чѣмъ отъ медленнаго старческаго изнеможенія“...

Къ сожалѣнію, слова эти оказались пророческими.

Первые дни пребыванія Лермонтова въ школѣ сопровождалось случаемъ, имѣвшимъ для него весьма непріятныя послѣдствія. Разъ, послѣ ѣзды въ манежѣ, подстрекаемый

старыми товарищами, Лермонтовъ, чтобы показать свое безстрашіе и удаль, сѣлъ на молодую, невыѣзжанную лошадь, которая стала его сбивать, перепутала другихъ лошадей, находившихся въ манежѣ, и одна изъ нихъ ударила Лермонтова въ ногу такъ сильно, что его безъ чувствъ вынесли изъ манежа. Спустя два мѣсяца онъ выздоровѣлъ; но на всю жизнь остался немного кривоногимъ, что вызвало дружескія шутки товарищей, окрестившихъ его въ своемъ кружкѣ названіемъ „Mayeux“, или уменьшительнымъ „Майошкой“*). Лермонтовъ не только не сердился на шутку, но самъ увѣковѣчилъ за собой это имя, воспѣвъ его въ извѣстномъ шуточномъ своемъ стихотвореніи „Монго“. Послѣ такого случая бабушка Лермонтова, Арсеньева, пламенно любившая своего Мишеля, не хотѣла съ нимъ разставаться и сама поселилась близъ школы. Это была добрая, всѣми любимая, уважаемая и весьма вліятельная старушка. Во всѣхъ товарищахъ своего внука она принимала живѣйшее участіе, „и многіе изъ насъ“, говоритъ Меринскій, школьный другъ Лермонтова, „часто бывали обязаны ея ловкому ходатайству передъ строгимъ начальствомъ“.

Въ школѣ Лермонтовъ обращалъ на себя вниманіе товарищей болѣе всего нескромными стихотвореніями. Эти стихотворенія, разумѣется, тайкомъ отъ начальства, помѣщались въ рукописномъ журналѣ, который началъ издаваться въ школѣ зимой, въ началѣ 1834 года, самими юнкерами. Журналъ, по заведенному порядку, выходилъ аккуратно одинъ разъ въ недѣлю по средамъ и обыкновенно прочитывался громко при неумолкаемыхъ шуткахъ и смѣхѣ молодежи. Вышло его, кажется, семь нумеровъ, и, сколько извѣстно, нѣкоторые цѣлы и сохраняются до сихъ поръ у нѣкоторыхъ изъ старыхъ товарищей Лермонтова по школѣ.

Но не одними подобными шаловливыми стихотвореніями занимался въ это время Лермонтовъ. Онъ работалъ много, работалъ усердно, но только никогда и никому не показывалъ того, что писалъ. Поэтому никто изъ школьныхъ това-

---

*) „Mayeux“ герой одного только что вышедшаго передъ тѣмъ французскаго романа, отличавшійся наружнымъ безобразіемъ. Французы называютъ также mayeux всѣхъ горбуновъ. А такъ какъ Лермонтовъ былъ нѣсколько сутуловатъ, а вслѣдствіе удара лошади и кривоногъ, то школьные товарищи находили, что это названіе „весьма ему приличествуетъ“.

рищей не имѣлъ возможности видѣть и потому предугадать въ немъ проявленій великаго таланта: а между тѣмъ окончательная отдѣлка, напр., такого произведенія, какъ „Демонъ“ — этой высокой и чудной поэмы, относится именно ко времени пребыванія его въ школѣ. Въ школѣ же, подъ впечатлѣніемъ живыхъ воспоминаній о Кавказѣ, куда онъ ѣздилъ съ бабушкою еще десятилѣтнимъ ребенкомъ, онъ написалъ небольшую, прекрасную поэму изъ черкесскаго быта и назвалъ ее „Хаджи-Абрекомъ“. Эту поэму тихонько отъ Лермонтова взялъ двоюродный братъ его, Юрьевъ, тоже воспитанникъ школы, отвезъ ее къ Сенковскому и прочиталъ ему съ тѣмъ мастерствомъ, какимъ онъ отличался въ чтеніи. Сенковскій поспѣшилъ напечатать ее въ ближайшемъ нумерѣ „Библіотеки для чтенія“, и такимъ образомъ „Хаджи-Абрекъ“ сдѣлался первымъ литературнымъ произведеніемъ, обратившимъ на Лермонтова вниманіе образованнаго общества.

Въ школѣ Лермонтовъ былъ хорошъ со всѣми товарищами, но особенно велъ дружбу со Столыпинымъ и Вонлярлярскимъ, впослѣдствіи извѣстнымъ нашимъ беллетристомъ, славившимся въ кругу юнкеровъ своими забавными и неистощимыми разсказами. *Потто.*

Вліяніе школы на Лермонтова.

Пребыванію въ юнкерской школѣ надо особенно приписать новыя черты его въ характерѣ — какое-то фальшивое и непріятное удальство, страсть выдаваться впередъ, отталкивающую назойливость. Повидимому, на него именно подѣйствовалъ духъ школы, вліяніе товарищества. Въ то время въ военномъ, особенно начинающемъ, и особенно аристократическомъ кругу (какимъ болѣе или менѣе былъ кругъ школьныхъ товарищей Лермонтова) былъ чрезвычайно развитъ духъ касты, чувство мнимаго превосходства, нелѣпая исключительность: отсюда его манера, производившая и потомъ такое непріятное впечатлѣніе на людей, которымъ хотѣлось бы видѣть въ великомъ талантѣ болѣе серіознаго достоинства. Эта манера слишкомъ отзывалась свойствами особеннаго слоя общества, въ средѣ котораго тяжело было видѣть высокій талантъ, готовившійся стать въ первыхъ рядахъ литературы. То, что отражалось теперь на Лермонтовѣ, была прямая противоположность тому,

въ чемъ были лучшіе идеальные интересы общественнаго развитія, — какое-то напоминаніе о грубой силѣ, малообразованной и нахальной... Люди, близко, съ дѣтства знавшіе Лермонтова, очень къ нему привязанные, полагали, что съ поступленіемъ въ юнкерскую школу начался для него „періодъ броженія“, переходное настроеніе, которое, быть можетъ, поддерживалось „укоренившимися обычаями“, и они не оправдывали этого настроенія.

Но внутренній инстинктъ оберегалъ Лермонтова и не далъ ему вполнѣ подчиниться этимъ вліяніямъ, которыя способны были бы совершенно загубить его талантъ. Лермонтовъ, съ дѣтства „мало сообщительный“, не былъ сообщителенъ и теперь. Онъ предоставлялъ товарищамъ своимъ „шуточныя“ стихотворенія, но не дѣлился съ ними тѣмъ, что̀ высказывало его задушевныя мысли и мечты; только немногимъ ближайшимъ друзьямъ онъ довѣрялъ свои серіозныя работы. У него было два рода интересовъ, двѣ среды, въ которыхъ онъ жилъ, очень не похожія одна на другую, — и если онъ старательно скрывалъ лучшую сторону своихъ интересовъ, въ немъ, конечно, говорило сознаніе этой противоположности. Его внутренняя жизнь была раздѣлена и неспокойна. Его товарищи, разсказывающіе о немъ, ничего не могли сказать кромѣ того, что̀ мы сейчасъ упоминали — ни у кого не было въ мысли затронуть эту, болѣе привлекательную сторону его личности, которой они какъ будто и не знали. Но что этотъ разладъ былъ, что Лермонтова по временамъ тяготила обстановка, гдѣ не находили себѣ мѣста его мечты, что въ немъ происходила борьба, отъ которой онъ хотѣлъ иногда избавиться шумными удовольствіями, — объ этомъ свидѣтельствуютъ любопытныя письма, писанныя имъ изъ школы. „Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ вамъ, — говоритъ онъ въ письмѣ 19 іюня 1834 г., — со мной случилось такъ много странныхъ обстоятельствъ, что я право не знаю, какимъ путемъ итти мнѣ — путемъ ли порока, или пошлости. Конечно, оба эти пути ведутъ часто къ той же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщавать, постараетесь утѣшать меня — это было бы лишнее! Я счастливѣе, чѣмъ когда-нибудь, веселѣе любого пьяницы, распѣвающаго на улицѣ! Вамъ не нравятся эти выраженія, но увы: *скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу, кто ты таковъ*“. Онъ съ нетерпѣньемъ ждетъ конца своего

ученья: „Если бъ вы знали, какую жизнь я намѣренъ повести, — пишетъ онъ мѣсяца черезъ два послѣ приведеннаго письма,— это будетъ прелестно! Во-первыхъ, развлеченья, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете; но увы! пора моихъ мечтаній миновала, нѣтъ больше *вѣры;* мнѣ нужны наслажденія матеріальныя; счастіе осязательное, такое счастіе, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его съ собою въ карманѣ, какъ табакерку; которое бы только обманывало мои чувства, оставляя мою душу въ покоѣ и въ бездѣйствіи". Онъ говоритъ, что въ эти годы много перемѣнился: замѣтивъ, что его мечты разлетаются, онъ сказалъ себѣ, что хлопотать о новыхъ не стоитъ и гораздо лучше выучиться обходиться безъ нихъ. „Я началъ пробовать и похожъ былъ въ это время на пьяницу, старающагося понемногу отвыкать отъ вина; труды мои не были безплодны, и вскорѣ прошедшая жизнь представилась мнѣ не болѣе какъ программою незначительныхъ и весьма обыкновенныхъ приключеній... Впередъ знайте, что я не тотъ, какимъ былъ прежде: и чувствую, и говорю иначе, и Богъ вѣсть, что изъ меня еще выйдетъ въ продолженіе года. До сихъ поръ я только и дѣлалъ, что сбивался съ колеи; теперь я смѣюсь надъ этимъ, смѣюсь надъ собою и надъ другими. Я отцвѣлъ для наслажденій, и они мнѣ надоѣли, хоть я и не пользовался ими. Но это очень грустный предметъ"...

Съ выходомъ изъ юнкерской школы окончилось воспитаніе Лермонтова. Начинается военная служба и свѣтская жизнь.

Что же дало ему воспитаніе? Если исключить короткій промежутокъ университетской жизни, — именно въ то время (въ началѣ тридцатыхъ годовъ) чрезвычайно одушевленной и, быть можетъ, успѣвшей подѣйствовать на умъ Лермонтова, — условія этого воспитанія едва ли были благопріятны для правильнаго, гуманнаго развитія. Одинъ изъ біографовъ Лермонтова, чтобы рѣзче очертить свойства его перваго воспитанія, назвалъ его французско-татарскимъ, и въ этомъ не было конечно недостатка въ нравахъ помѣщичьей аристократіи, которые издавна мирились у насъ съ французской утонченностью, нисколько не теряя отъ нея татарской дикости. Даже при мягкихъ формахъ крѣпостного права, воспитаніе барича рѣдко могло освободиться отъ извращающихъ вліяній, которыя

вносило это пренебреженіе къ человѣческому достоинству, возведенное въ принципъ и каждодневно выполняемое. Воспитаніе въ закрытыхъ заведеніяхъ, въ родѣ юнкерской школы, соединявшихъ извѣстный классъ дворянскаго юнаго поколѣнія, имѣло свою атмосферу, столько же, если еще не болѣе, неблагопріятную для здороваго нравственнаго развитія. Здѣсь не было мѣста для идеальныхъ стремленій. Военная программа тѣхъ временъ очень мало объ нихъ заботилась, скорѣе истребляла ихъ; напротивъ, строго слѣдила за усвоеніемъ военной рутины, и снисходительно, сквозь пальцы, смотрѣла на тѣ нѣсколько буйныя развлеченія, въ какія вдавалась болѣе или менѣе богатая молодежь, и которыя умѣрялись только фронтовой дисциплиной. Молодежь послушно усвоивала духъ касты, грубо льстившей неразвитому пониманію собственнаго достоинства и впередъ отдалявшій ее отъ болѣе мирныхъ и возвышенныхъ интересовъ общества.

Жизнь въ этой средѣ, повидимому, не много прибавила къ образованію Лермонтова, но привила ему недостатки ея нравовъ и обычаевъ. Эта жизнь удовлетворяла юношеской жаждѣ шумливой дѣятельности и удовольствій, — немудрено, что Лермонтовъ увлекся господствовавшими здѣсь нравами, извѣстнаго рода заносчивымъ удальствомъ, которое считалось достоинствомъ касты, и, наконецъ, пріобрѣлъ ту манеру держать себя, которая непріятно поражала людей обыкновеннаго общества, даже вполнѣ расположенныхъ относиться къ нему съ величайшимъ сочувствіемъ. Люди, близко его знавшіе, утверждаютъ, что эта манера была наружная, напускная оболочка; что на самомъ дѣлѣ душа его была добрая, что когда онъ былъ самъ собою, его личность была высоко интересна и увлекательна, и т. д. Въ этомъ послѣднемъ можно не сомнѣваться уже потому, что Лермонтовъ былъ авторомъ многихъ стихотвореній этого мягкаго, возвышеннаго и привлекательнаго характера; но тѣмъ не менѣе извѣстно и то, что упомянутая манера слишкомъ часто имъ выказывалась, стала его всегдашней манерой въ обыкновенныхъ отношеніяхъ и, быть можетъ, имѣла какое-нибудь основаніе въ самой природѣ Лермонтова.

Если въ этой природѣ были элементы эгоистическаго свойства, то въ подобныхъ условіяхъ они легко могли развиться въ самыя непривлекательныя формы въ ущербъ другимъ, бо-

лѣе мягкимъ сердечнымъ инстинктамъ. Элементы этого рода несомнѣнно были въ Лермонтовѣ, но они опирались въ немъ на дѣйствительныя силы, на предчувствіе собственнаго превосходства, и если они принимали превратное направленіе, то Лермонтову нужно было перерабатывать себя въ болѣе зрѣломъ періодѣ, чтобы найти потерянную дорогу, чтобы личность его могла явиться въ своемъ лучшемъ характерѣ, въ полнотѣ своего нравственнаго достоинства. Ему предстояла борьба съ „пошлостью жизни“ — въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова. *Пыпинъ.*

Ссылка Лермонтова на Кавказъ.

Въ 1834 году Лермонтовъ вышелъ изъ юнкерской школы и поступилъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ корнетомъ. Съ тѣхъ поръ онъ началъ вести свѣтскую разсѣянную жизнь; зимой проводилъ время въ высшемъ кругу петербургскаго общества и въ Царскомъ Селѣ среди товарищей-гусаровъ, а лѣтомъ — на ученьяхъ и въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ.

До самой смерти Пушкина (1837 г.) литературная дѣятельность Лермонтова ограничивалась тѣснымъ кружкомъ близкихъ знакомыхъ. Онъ кое-что изъ своихъ стихотвореній помѣщалъ въ журналахъ, но вообще Лермонтовъ былъ мало извѣстенъ. Его извѣстность начинается съ стихотворенія „На смерть Пушкина“. Стихотвореніе ходило по рукамъ и надѣлало много шуму. Многіе въ Петербургѣ винили Пушкина и оправдывали его противника, Дантеса. Лермонтовъ былъ сильно возмущенъ этими толками и прибавилъ шестнадцать заключительныхъ строкъ: „А вы, надменные потомки“ и проч. Лермонтовъ за это былъ арестованъ, его бумаги задержаны, а въ заключеніе былъ переведенъ прапорщикомъ въ нижегородскій драгунскій полкъ на Кавказъ. „Ссылка Лермонтова на Кавказъ надѣлала много шума; на него смотрѣли, какъ на жертву, и это быстро возвысило его поэтическую славу. Съ жадностью читали его стихи съ Кавказа, который послужилъ источникомъ вдохновенія“. Однако не всѣ произведенія могли безпрепятственно попадать въ печать: „Пѣсня о Калашниковѣ“, напримѣръ, была напечатана только вслѣдствіе заступничества Жуковскаго, который далъ письмо Краевскому къ министру народнаго просвѣщенія, Уварову.

Тѣмъ не менѣе, фамилія Лермонтова была замѣнена начальными буквами.

Ссылка, однако, продолжалась не долго. Хлопоты и просьбы его бабушки, Е. А. Арсеньевой, положили конецъ къ изгнанію въ томъ же 1837 году, а на слѣдующій годъ онъ снова былъ переведенъ въ гвардію. „О литературныхъ отношеніяхъ его за это время неизвѣстно ничего опредѣленнаго; близкихъ отношеній этого рода у него было, вѣроятно, очень мало, потому ли, что онъ, какъ и Пушкинъ, желалъ слыть за свѣтскаго человѣка и не любилъ, когда на него смотрѣли какъ на литератора, или потому что предпочиталъ свою офицерскую компанію съ ея препровожденіемъ времени, или, наконецъ, потому, что и въ своихъ литературныхъ отношеніяхъ не измѣнялъ своей необыкновенной манерѣ, т.-е. не сближался съ литературнымъ кругомъ, отчасти изъ нѣсколько высокомѣрнаго чувства независимости, которое мѣшало ему высказаться, отчасти увлекаясь тономъ своего товарищества, довольно беззаботнаго на счетъ литературы“. *Чуйко.*

Возвращеніе въ столицу и новая ссылка.

Ссылка Лермонтова продолжалась всего нѣсколько мѣсяцевъ. По ходатайству его бабушки, Е. А. Арсеньевой, приказомъ отъ 11 октября 1837 года, онъ былъ снова переведенъ въ гвардію, въ Гродненскій гусарскій полкъ, а въ началѣ слѣдующаго года обратно въ лейбъ-гусары. Имя Лермонтова тогда уже разнеслось по всей Россіи; его „исторія“, его талантъ воздвигли ему пьедесталъ, и большой свѣтъ столицы, гдѣ онъ являлся интересной новостью, принялъ поэта съ распростертыми объятіями. „Въ теченіе мѣсяца на меня была мода,— пишетъ онъ М. А. Лопухиной, — меня искали наперерывъ... Весь народъ, который я оскорбилъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами; самыя хорошенькія женщины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвастаются... Было время, когда я, какъ новичокъ, искалъ доступа въ это общество; аристократическія двери были для меня заперты; теперь въ это самое общество я вхожу уже не искателемъ, а человѣкомъ, взявшимъ съ боя свои права. Я возбуждаю любопытство, меня ищутъ, меня всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ тому ни малѣйшаго желанія; дамы,

съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостиныхъ, хотятъ, чтобы я у нихъ былъ, потому что я вѣдь тоже левъ... Согласитесь, что все это можетъ опьянить...“

И „опьяненный“ Лермонтовъ, самолюбію котораго успѣхъ въ свѣтѣ льстилъ, повелъ настоящую свѣтскую, разсѣянную жизнь. Тѣмъ не менѣе онъ скучалъ. „Мало-по-малу,— говоритъ онъ въ томъ же письмѣ,— я начинаю находить все это довольно невыносимымъ. Эта новая опытность полезна; она мнѣ дала оружіе противъ этого общества, которое непремѣнно будетъ меня преслѣдовать своими клеветами, тогда у меня есть въ запасѣ средство для отмщенія; вѣдь нигдѣ, конечно, не встрѣчается столько низостей и столько смѣшного, какъ тутъ“. Здѣсь нельзя не отмѣтить довольно ощутительнаго раздвоенія въ характерѣ поэта. Лермонтовъ презиралъ свѣтъ и — искалъ развлеченій свѣта. Бывая въ обществѣ, на балѣ и будучи „пестрою толпою окруженъ“, онъ видѣлъ только, какъ „при дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей мелькаютъ образы бездушные людей — приличьемъ стянутыя маски“; ему сильно хотѣлось „смутить веселость ихъ и дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью“... И тѣмъ не менѣе онъ не въ состояніи былъ разорвать со свѣтомъ, отрѣшиться отъ его предразсудковъ; онъ добровольно носилъ свѣтскія цѣпи. Онъ даже не любилъ, когда на него смотрѣли, какъ на писателя. „Лермонтовъ, — говоритъ Панаевъ, — хотѣлъ слыть во что бы то ни стало и прежде всего за свѣтскаго человѣка, и оскорблялся точно такъ же, какъ и Пушкинъ, если кто-нибудь разсматривалъ его, какъ литератора... Высшій свѣтъ дѣйствовалъ на него обаятельно, несмотря на его глубокій умъ и огромный поэтическій талантъ... Лермонтовъ по своимъ связямъ и знакомствамъ принадлежалъ къ высшему обществу и былъ знакомъ только съ литераторами, принадлежащими къ этому свѣту, съ литературными авторитетами и знаменитостями“. Съ литературнымъ кругомъ онъ, бывая лишь у избранныхъ, не сближался, часто по причинѣ своей несообщительности, замкнутости натуры, частію потому, что глядѣлъ на литераторовъ глазами своихъ великосвѣтскихъ пріятелей, „довольно беззаботныхъ на счетъ литературы“, а часто „изъ нѣсколько высокомѣрнаго чувства независимости, которое мѣшало ему высказываться“, какъ говоритъ А. Н. Пыпинъ.

Разсѣянная жизнь свѣта нимало, однако, не мѣшала Лермонтову создать прекрасныя поэтическія вещи, краснорѣчиво говорившія, какъ крѣпло и росло его дарованіе. Имя поэта уже облетѣло всю Россію; во всѣхъ уголкахъ ея распространялась въ безчисленныхъ спискахъ его поэма „Демонъ“; на музыку клались его лучшія пьесы, и въ журналахъ стали печататься, несмотря на разныя препятствія, многія его стихотворенія. Въ „Современникѣ“ были помѣщены „Бородино“, „Казначейша“, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ появился цѣлый рядъ стихотвореній, которыя представляютъ собою жемчужины лермонтовской поэзіи: „Дума“, „Поэтъ“, „Русалка“, „Вѣтка Палестины“, „Душа моя мрачна“, „Три пальмы“, „Въ минуту жизни трудную“, „Дары Терека“, „Памяти Одоевскаго“, „Воздушный корабль“, „Казачья колыбельная пѣсня“, „Первое января“ и другія. Въ этомъ же журналѣ въ 1839 и началѣ 1840 года были напечатаны прозаическіе отрывки „Бэла“ и „Тамань“, вошедшіе въ составъ романа „Герой нашего времени“, который тогда же вышелъ отдѣльно около марта мѣсяца. Въ томъ же 1840 году началось печатаніемъ и первое собраніе стихотвореній Лермонтова, вышедшее въ концѣ года.

Въ самый разгаръ этихъ успѣховъ поэта новый несчастный случай выбилъ его изъ колеи, произвелъ смятенье въ его жизни. Лермонтовъ былъ весьма неравнодушенъ къ тогдашней извѣстной въ свѣтѣ красавицѣ, которая „промѣняла цвѣтущія степи Украйны на свѣтскія цѣпи, на блескъ упоительный бала“. Это была княгиня Марія Алексѣевна Щербатова, и нравившаяся также и барону Эрнесту де-Баранту, сыну историка и тогдашняго французскаго посланника при русскомъ дворѣ. Имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія, что баронъ искалъ столкновенія и ссоры со своимъ соперникомъ, и случай не замедлилъ представиться. На балѣ у графини Лаваль, 16 февраля 1840 года, когда княгиня Щербатова оказала слишкомъ явное предпочтеніе поэту передъ французомъ, послѣдній потребовалъ у Лермонтова объясненія насчетъ сказаннаго будто бы о немъ. Лермонтовъ отвѣтилъ, что переданное Баранту — есть сплетня, не имѣющая никакого основанія. Барантъ, желавшій ссоры, не удовлетворился; произошелъ обмѣнъ колкостей, кончившійся вызовомъ Баранта. Дуэль происходила черезъ два дня, 18-го числа, въ 12 ч., за Черною рѣчкою,

близъ Парголова. По странному капризу Баранта, имѣвшаго право выбирать оружіе, поединокъ начался на шпагахъ и окончился на пистолетахъ. Конецъ шпаги Лермонтова обломился, и Барантъ слегка ранилъ поэта въ руку. Затѣмъ, когда взялись за пистолеты, Барантъ далъ промахъ, и Лермонтовъ, по свойственному ему великодушію, выстрѣлилъ на воздухъ. Послѣ дуэли Лермонтовъ пріѣхалъ прямо къ Краевскому и показалъ ему и бывшему здѣсь Панаеву царапину на рукѣ. Онъ въ это утро былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ. „Кажется, ему дѣйствительно доставляли удовольствіе сильныя ощущенія или чувство побѣжденной опасности“. Разумѣется, началось разслѣдованіе дѣла о дуэли. Такъ какъ то обстоятельство, что Лермонтовъ выстрѣлилъ на воздухъ, могло служить смягчающимъ вину, то поэтъ и упомянулъ объ этомъ на слѣдствіи. Баранту объясненіе это не понравилось; онъ сталъ утверждать, что факты извращены Лермонтовымъ. Тогда между дуэлистами произошло объясненіе на гауптвахтѣ, гдѣ содержался поэтъ, который и предложилъ Баранту драться вторично. Назойливый свѣтскій шалопай, однако, удовлетворился объясненіемъ, а Лермонтовъ поплатился за него, такъ какъ это объясненіе увеличивало его вину. Когда поэтъ содержался на гауптвахтѣ во время слѣдствія, его посѣтилъ Бѣлинскій. Бывшій дотолѣ не совсѣмъ выгоднаго мнѣнія о Лермонтовѣ, онъ остался въ восхищеніи отъ него послѣ свиданія. „Бѣлинскій, по словамъ Панаева, пробовалъ было не разъ заводить съ нимъ серіозный разговоръ, но изъ этого никогда ничего не выходило. Лермонтовъ всякій разъ отдѣлывался шуткой или просто прерывалъ его, а Бѣлинскій приходилъ въ смущеніе. „Сомнѣваться въ томъ, что Лермонтовъ уменъ, говорилъ Бѣлинскій, было бы довольно странно, но я ни разу не слыхалъ отъ него ни одного дѣльнаго и умнаго слова. Онъ, кажется, нарочно щеголяетъ свѣтскою пустотою“. Свидѣвшись съ Лермонтовымъ, знаменитый критикъ пришелъ подѣлиться своей радостью съ Панаевымъ. „Ну, батюшка,— говорилъ онъ,— въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка настоящимъ человѣкомъ! Я смотрѣлъ на него — и не вѣрилъ ни глазамъ ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе, онъ былъ въ эту минуту самимъ собою... Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый

разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть... Боже мой! Сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ! Не даромъ же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ, наконецъ, удалось-таки его увидѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ. Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя хотя на минуту быть самимъ собою,— я увѣренъ въ этомъ". Этотъ разсказъ Панаева вполнѣ справедливъ. Въ письмѣ Бѣлинскаго о Лермонтовѣ много тождественнаго съ тѣмъ, что передаетъ Панаевъ. Вотъ что писалъ нашъ критикъ: „Недавно былъ я у Лермонтова въ заточеніи и въ первый разъ разговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій умъ! Какъ онъ вѣрно смотритъ на искусство, какой глубокій и чисто непосредственный вкусъ изящнаго! О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго! Чудная натура! Я былъ безъ памяти радъ, когда онъ сказалъ мнѣ, что Куперъ выше Вальтеръ-Скотта, что въ его романахъ больше глубины и больше художественной цѣлости. Я давно такъ думалъ, и еще перваго человѣка встрѣтилъ, думающаго такъ же. Передъ Пушкинымъ онъ благоговѣетъ и больше всего любитъ „Онѣгина". Женщинъ ругаетъ, однѣхъ за то, другихъ за это. Мужчинъ онъ также презираетъ, но любитъ однѣхъ женщинъ, и въ жизни только ихъ видитъ. Взглядъ чисто онѣгинскій. Печоринъ— это онъ самъ какъ есть. Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры и достоинство того и другого... Каждое слово его — онъ самъ, вся его натура во всей глубинѣ и цѣлости своей. Я съ нимъ робокъ, — меня давятъ такія цѣлостныя, полныя натуры, я передъ нимъ благоговѣю и смиряюсь въ сознаніи своего ничтожества".

Послѣ того, когда „дѣло Лермонтова" прошло не мало инстанцій, 13 апрѣля 1840 года послѣдовала Высочайшая конфирмація, по которой Лермонтовъ переводился тѣмъ же чиномъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ. Иначе говоря, помимо перевода въ полкъ армейскій, онъ ссылался на Кавказъ, гдѣ этотъ полкъ стоялъ. Тяготила ли эта ссылка поэта? Покидалъ ли онъ съ сожалѣніемъ Петербургъ, свѣтскую жизнь, женщинъ, его интересовавшихъ, или былъ равнодушенъ совершенно и мирился съ своимъ изгнаніемъ? Сколько-нибудь

подробныхъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется. Но судя по тому, что еще въ 1839 году онъ, — какъ самъ говорилъ въ письмѣ, — просился на Кавказъ, и ему отказали, „не хотятъ даже допустить, чтобъ меня убили“, — можно предположить, что поэтъ былъ не слишкомъ огорченъ разлукою со столицей. „Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои прикованы судьбою неизбѣжной; на сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой, я сердцемъ твой, всегда и всюду твой“, говоритъ Лермонтовъ о Кавказѣ, посвящая ему „снова стихъ небрежный“, свою поэму „Демонъ“. Значитъ, поэтъ, такъ любившій эту страну съ дѣтства, ѣхалъ сюда не безъ радости. „Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ, — говоритъ Лермонтовъ въ томъ же „Посвященіи къ поэмѣ Демонъ“ — и вновь меня межъ скалъ своихъ ты встрѣтилъ, какъ нѣкогда ребенку, твой привѣтъ изгнаннику былъ радостенъ и свѣтелъ“. Кромѣ того, Лермонтова давила эта сфера, въ которой онъ вращался, гдѣ, внутренно скучая, додумывался онъ до такой безотрадной мысли, что „жизнь, какъ посмотришь, съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ, — такая пустая и глупая шутка...“ И судьба устроила ему разлуку съ той обстановкой, которая только удвоивала тоску, столь прочно свившую гнѣздо въ душѣ поэта. По прибытіи на мѣсто своего назначенія, Лермонтовъ почти тотчасъ отправился въ экспедицію противъ чеченцевъ. Надо сказать, и въ первую ссылку свою въ 1837 году онъ уже бывалъ за Кубанью и участвовалъ въ дѣлѣ подъ начальствомъ генерала Вельяминова. На этотъ разъ онъ состоялъ при генералѣ Галафѣевѣ, очень любившемъ поэта, и какъ получившій начальство надъ „отборною командою охотниковъ“ — нѣчто въ родѣ партизанскаго отряда, — храбро бился подъ Валерикомъ, презирая опасности. Въ этомъ походѣ поэтъ зачастую ѣлъ одну пищу съ „охотниками“ и спалъ, какъ они, на голой землѣ, прикрытый буркою. Отъ снѣдавшей его тоски, отъ припадковъ черной меланхоліи, несчастный поэтъ бросался въ водоворотъ сильныхъ ощущеній; онъ какъ будто искалъ смерти, по крайней мѣрѣ, рисковалъ жизнью постоянно. „Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ, — говоритъ въ донесеніи своемъ Галафѣевъ, — во время штурмовъ непріятельскихъ заваловъ на рѣкѣ Валерикѣ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ что,

было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывшагося въ лѣсу, за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, несмотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отличнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы". Ближайшее начальство представило храбраго офицера къ высшей наградѣ — къ ордену Владимира 4-й ст. съ бантомъ, но высшая власть соглашалась на представленіе его лишь къ ордену Станислава 4-й ст. Въ концѣ концовъ Лермонтовъ не получилъ никакой награды. Это жаркое, кровавое дѣло поэтъ обезсмертилъ въ стихотворномъ посланіи своемъ къ В. А. Бахметевой, урожденной Лопухиной, которую онъ любилъ почти всю жизнь. Дивные стихи эти печатаются въ собраніяхъ сочиненій поэта подъ заглавіемъ „Валерикъ". Замѣчательно, что въ этой пьесѣ нѣтъ и тѣни намека на подвиги храбрости самого Лермонтова, выказавшаго въ „Валерикѣ" всю мощь своего таланта. Е. А. Арсеньевой, несмотря на всѣ старанія, не удалось выхлопотать прощеніе внуку, но зато ему все-таки разрѣшено было пріѣхать въ Петербургъ на нѣсколько мѣсяцевъ, гдѣ онъ и пробылъ съ января по апрѣль 1841 года. Весною, передъ послѣднимъ отъѣздомъ на Кавказъ, Лермонтовъ пробылъ короткое время въ Москвѣ, и здѣсь, какъ предполагаютъ, произошла его встрѣча и близкое знакомство съ извѣстнымъ нѣмецкимъ поэтомъ Фридрихомъ Боденштедтомъ, который потомъ познакомилъ своихъ соотечественниковъ съ лучшими произведеніями Лермонтова, издавъ переводы его стихотвореній въ 1852 году съ прекрасной характеристикой знаменитаго поэта и личными воспоминаніями о немъ. Въ первый разъ Боденштедтъ увидѣлъ Лермонтова во французскомъ ресторанѣ и, любя его поэзію, разочаровался въ самомъ поэтѣ; но зато встрѣтивъ его на слѣдующій же вечеръ въ салонѣ Мятлевой, вполнѣ остался доволенъ свиданіемъ съ поэтомъ и вынесъ отрадное впечатлѣніе. Лермонтовъ, по его словамъ, умѣлъ вполнѣ быть милымъ. Отдаваясь кому нибудь, онъ отдавался всей душою, но это было рѣдкостью, и лишь лица, коротко знавшія поэта, могутъ дать настоящее понятіе о его обаятельныхъ качествахъ. Людей же, видѣвшихъ въ немъ одни недостатки, онъ скорѣй отвращалъ отъ себя, нежели привлекалъ. Выдавались, однако, минуты, когда онъ являлся

нѣжнымъ, кроткимъ ребенкомъ. Вообще же въ его характерѣ преобладало задумчивое, совершенно скорбное настроеніе, а серіозная мысль прежде всего читалась на его благородномъ лицѣ. Самую наружность Лермонтова Боденштедтъ описываетъ такъ: „открытый, высокій лобъ, слегка вьющіеся на вискахъ бѣлокурые волосы, умные большіе глаза, а на красиво очерченныхъ губахъ играетъ насмѣшливая улыбка. Лермонтовъ держалъ себя гордо и непринужденно, былъ средняго роста, но широкъ въ плечахъ и отличался замѣчательною гибкостью движеній". Здѣсь кстати будетъ привести изображенія внѣшности Лермонтова, сдѣланныя Тургеневымъ, видѣвшимъ его два раза въ жизни, и Панаева, встрѣчавшагося съ нимъ у Краевскаго. По словамъ Панаева, Лермонтовъ былъ небольшого роста, плотнаго сложенія, имѣлъ большую голову, крупныя черты лица, широкій и большой лобъ, глубокіе, умные и пронзительные черные глаза, невольно приводившіе въ смущеніе того, на кого онъ смотрѣлъ долго. Лермонтовъ зналъ силу своихъ глазъ и любилъ смущать и мучить людей робкихъ и нервическихъ своимъ долгимъ и пронзительнымъ взглядомъ. „Въ наружности Лермонтова, — говоритъ Тургеневъ, — было что-то зловѣщее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой вѣяло отъ его смуглаго лица, отъ его большихъ и неподвижныхъ глазъ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, съ большой головой на сутулыхъ плечахъ, возбуждала ощущеніе непріятное; но присущую мощь тотчасъ сознавалъ всякій". Уѣзжая на Кавказъ, Лермонтовъ былъ настроенъ особенно грустно; его грызла ужасная тоска, думы самыя безотрадныя не давали ему покоя, и мрачныя предчувствія закрадывались въ душу этого Прометея нашего вѣка. При всей его любви къ Кавказу, ему какъ-то не хотѣлось уѣзжать туда. „Мы собрались, — разсказываетъ гр. Растопчина, — на прощальный ужинъ, чтобы пожелать ему добраго пути. Я изъ послѣднихъ пожала ему руку. Мы ужинали втроемъ, за маленькимъ столомъ, онъ и еще другой другъ, который тоже погибъ насильственной смертью въ послѣднюю войну. Во время всего ужина и на прощаньи Лермонтовъ только и говорилъ объ ожидавшей его скорой смерти. Я заставила его молчать и стала смѣяться надъ его мнимыми пустыми предчувствіями, но они поневолѣ на меня вліяли и сжимали сердце". Надо сказать, что Лермонтовъ былъ

въ сильной степени фаталистъ и суевѣренъ и предчувствіямъ придавалъ особенное значеніе. И предчувствія не обманули его. Пріѣхавъ на Кавказъ, Лермонтовъ взялъ отпускъ по болѣзни и поселился въ Пятигорскѣ. Около него составился кружокъ весьма близкихъ пріятелей, членами котораго, кромѣ Столыпина, были: М. П. Глѣбовъ, С. В. Трубецкой, князь А. И. Васильчиковъ. Лѣчебный сезонъ 1841 года въ Пятигорскѣ былъ оживленнѣе чѣмъ когда-либо, и кружокъ этотъ, къ которому примыкала изрѣдка вся молодежь, гостившая въ пятигорскомъ краѣ, т.-е. что нынѣ составляетъ самый Пятигорскъ и смежные съ нимъ Желѣзноводскъ, Эссентуки, Кисловодскъ, — проводилъ время очень весело. „Мы жили дружно, весело, нѣсколько разгульно, какъ живется въ этомъ беззаботномъ возрастѣ, 20—25 лѣтъ,—говоритъ кн. Васильчиковъ. — Хотя я и прежде былъ знакомъ съ Лермонтовымъ, но тутъ узналъ его коротко, и наше знакомство, не смѣю сказать, наша дружба, были искренни, чистосердечны. Въ Лермонтовѣ (мы говоримъ о немъ, какъ о частномъ лицѣ) было два человѣка: одинъ — добродушный для небольшого кружка ближайшихъ своихъ друзей и для тѣхъ немногихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ особенное уваженіе, другой — заносчивый и задорный для всѣхъ прочихъ его знакомыхъ. Кромѣ того, въ Лермонтовѣ была черта, которая трудно согласуется съ понятіемъ о гигантѣ поэзіи, какъ его называютъ восторженные его поклонники, о глубокомысленномъ и геніальномъ поэтѣ, какимъ онъ дѣйствительно проявился... Онъ былъ шалунъ въ полномъ ребяческомъ смыслѣ слова, и день его раздѣлялся на двѣ половины: между серіозными занятіями и чтеніемъ, и такими шалостями, какія могутъ прійти въ голову развѣ только 15-лѣтнему школьному мальчику“. Объ этихъ шалостяхъ и продѣлкахъ и о томъ, какъ Лермонтовъ вдохновлялъ на это всю молодежь минеральныхъ водъ, повѣствуетъ и майоръ Карповъ, современникъ поэта, передававшій нѣкоему Филиппову нѣсколько интересныхъ подробностей о времени пребыванія Лермонтова на кавказскихъ водахъ. Филипповъ, съ его словъ, подробно разсказываетъ объ этомъ времени изъ жизни поэта, окончившемся катастрофой. Михаилъ Юрьевичъ прибѣгалъ къ шалостямъ, чтобы сколько-нибудь оживить монотонное теченіе жизни. Онъ давалъ смѣшныя прозвища многимъ, и особенно доставалось отъ него жи-

тельницамъ пятигорскихъ слободокъ: Кабардинской и Горячеводской. Самое лучшее прозвище у него было „груздокъ“, и этимъ груздкомъ онъ окрестилъ хорошенькую Надю, младшую изъ дочерей генеральши Верзилиной, гостепріимный домъ которой всегда былъ полонъ золотой молодежи. Надежда Петровна Верзилина, подростокъ, не достигшій и шестнадцатилѣтняго возраста, была весела, наивна, остра, и ею восхищались всѣ, кто бывалъ у нихъ въ домѣ. Больше всѣхъ ухаживалъ за ней красавецъ Мартыновъ, майоръ, товарищъ Лермонтова по юнкерской школѣ, тоже пріѣхавшій на воды, которому Надежда Петровна, повидимому, оказывала особое предпочтеніе. Лермонтову, въ свою очередь, плѣнившемуся Верзилиной, эта внимательность ея къ Мартынову не нравилась, и онъ донималъ всевозможными остротами товарища, стараясь, чтобъ ихъ слышали всѣ и преимущественно Надя. Мартыновъ отворачивалъ рукава и носилъ длинный кинжалъ, и это давало поводъ злому на языкъ Лермонтову называть его „montagnard au grand poignard“, или „le farouche montagnard“ (горецъ съ огромнымъ кинжаломъ, свирѣпый горецъ); а однажды онъ нарисовалъ карикатурное изображеніе Мартынова съ засученными рукавами и злополучнымъ длиннымъ кинжаломъ. Это было 14 іюля на вечерѣ у генеральши Верзилиной. Лермонтовъ нарисовалъ карикатуру на ломберномъ столикѣ и показалъ ее Надеждѣ Петровнѣ, а когда зорко слѣдившій за ними Мартыновъ подходилъ къ нимъ, онъ поспѣшно стеръ рисунокъ. Однако, Мартыновъ догадался, что это была какая-то злая острота на его счетъ и по окончаніи вечера подошелъ къ Лермонтову и сказалъ, что онъ уже просилъ его прекратить несносныя шутки и что если онъ еще разъ выберетъ его предметомъ своихъ остротъ, то Мартыновъ заставитъ его перестать. Лермонтовъ въ отвѣтъ объявилъ, что тонъ этой проповѣди ему не нравится и что вмѣсто пустыхъ словъ Мартыновъ гораздо бы лучше сдѣлалъ, если бы дѣйствовалъ. „Ты знаешь, — сказалъ онъ, — что отъ дуэли я не отказываюсь, слѣдовательно, ты никого этимъ не испугаешь“. Такъ показывалъ Мартыновъ на судѣ. По словамъ же князя Васильчикова, Мартыновъ, когда всѣ стали расходиться, подошелъ къ Лермонтову и тихимъ, ровнымъ голосомъ сказалъ ему по-французски: „Вы знаете, Лермонтовъ, что я очень часто терпѣлъ ваши шутки, но не люблю,

чтобы ихъ повторяли при дамахъ". — „А, такъ вы серіозно обижаетесь и вызываете меня на дуэль?" — возразилъ Лермонтовъ. „Да, я вызываю васъ, — отвѣтилъ такъ же спокойно Мартыновъ" и тутъ же разстался съ нимъ. Есть еще разсказъ о томъ же майора Карпова. По выходѣ отъ Верзилиныхъ Мартынова и Лермонтова на улицу, первый, подойдя къ Лермонтову, сказалъ: „За сегодняшнія остроты я тебя, Миша, не желаю прощать". Тогда Лермонтовъ, захохотавъ, отозвался: „Пожалуйста, придумай возмездіе посеріознѣе". Мартыновъ вспыхнулъ на эту выходку и произнесъ: „Серіознѣе? Дуэль!... Прошу назначить часъ и мѣсто, если желаешь кончить серіозно".

Кончина Лермонтова.

„Страшно подумать, что поводомъ къ дуэли, а слѣдовательно, и причиною смерти незабвеннаго поэта было одно пустое, мимоходомъ сказанное имъ слово сослуживцу своему. Изъ-за этого слова завязался крупный разговоръ, кончившійся вызовомъ со стороны Лермонтова. Оружіемъ были избраны пистолеты, а секундантами: Васильчиковъ (Лермонтова) и Глѣбовъ (его противника). Друзья Лермонтова надѣялись, однако, какъ-нибудь уладить дѣло, и потому упросили поэта отправиться на нѣсколько дней въ Желѣзноводскъ (въ 17 верстахъ отъ Пятигорска); но противникъ не соглашался на мировую, и Лермонтовъ возвратился въ Пятигорскъ. Въ самый день дуэли поэтъ танцовалъ еще на пикникѣ въ колоніи Шотландка, находящейся между Пятигорскомъ и Желѣзноводскомъ. Около 5 часовъ вечера, между горами Машукомъ и Бештау разразилась ужасная буря съ громомъ и молніей; въ это самое время въ 1½ верстѣ отъ Пятигорска сошлись противники у подошвы Машука. Лермонтовъ былъ раненъ подъ самое сердце, упалъ и, вздохнувъ два раза, скончался. Секунданты, не предвидя такого конца, насилу нашли экипажъ. Нельзя было хладнокровно смотрѣть на покойнаго; его канаусовая рубашка вся была смочена кровью. На другой день смерти Лермонтова художникъ Р. А. Шведе снялъ съ него портретъ. Спустя полгода, именно въ мартѣ 1842 г., тѣло Лермонтова было перевезено въ деревню, въ село Тарханы, Пензенской губерніи".

Лермонтовъ умеръ въ то время, когда совершился въ душевномъ его настроеніи замѣчательный переворотъ. Вотъ что говоритъ Бѣлинскій: „Лермонтовъ не много написалъ, безконечно меньше того, сколько позволялъ его громадный талантъ. Беззаботный характеръ, пылкая молодость, жадная впечатлѣній бытія, самый родъ жизни отвлекали его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій, отъ уединенной думы, столь любезной музамъ; но уже кипучая натура его начала устраиваться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ сталъ спокойно вглядываться въ глубь жизни. Уже затѣивалъ онъ въ умѣ, утомленномъ отъ этой жизни, созданія зрѣлыя; онъ самъ говорилъ намъ, что замыслилъ написать романтическую трилогію, три романа изъ эпохъ жизни русскаго общества (вѣкъ Екатерины II, Александра I и Николая I), имѣющіе между собою связь и нѣкоторое единство, по примѣру Куперовой тетралогіи, начинающейся „Послѣднимъ изъ Могикановъ“, продолжающейся „Путеводителемъ въ пустынѣ“ и „Піонеромъ“, оканчивающейся „Степями“, какъ вдругъ онъ умеръ“...

Не знаемъ почему, но, написавъ эти строки, мы невольно обратились къ одному очень раннему стихотворенію Лермонтова (1829 г.), еще пятнадцатилѣтняго мальчика:

Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!...
Къ чему глубокія познанья, жажда славы,
Талантъ и пылкая любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?
Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ не долго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Однообразное ея теченье...
И душно кажется на родинѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ,
Не зная ни любви ни дружбы сладкой.
Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ...

Дудышкинъ.

Стихотворенія Лермонтова.

Свѣжесть благоуханія, художественная роскошь формъ, поэтическая прелесть и благородная простота образовъ, энергія, могучесть языка, алмазная крѣпость и металлическая звуч-

ность стиха, полнота чувства, глубокость и разнообразіе идей, необъятность содержанія — суть родовыя и характеристическія примѣты Лермонтова и залогъ ея будущаго, великаго развитія...

Чѣмъ выше поэтъ, тѣмъ больше принадлежитъ онъ обществу, среди котораго родился, тѣмъ тѣснѣе связано развитіе, направленіе и даже характеръ его таланта съ историческимъ развитіемъ общества. Пушкинъ началъ свое поэтическое поприще „Русланомъ и Людмилою“ — содержаніемъ, котораго идея отзывается слишкомъ раннею молодостью, но которое кипитъ чувствомъ, блещетъ всѣми красками, благоухаетъ всѣми цвѣтами природы, сознаніемъ неистощимо веселымъ, игривымъ... Это была шалость генія послѣ первой опорожненной имъ чаши на свѣтломъ пиру жизни... Лермонтовъ началъ историческою поэмой, мрачною по содержанію, суровою и важною по формѣ... Въ первыхъ своихъ лирическихъ произведеніяхъ Пушкинъ явился провозвѣстникомъ человѣчности, пророкомъ высокихъ идей общественныхъ; но эти лирическія стихотворенія были столько же полны свѣтлыхъ надеждъ, предчувствія торжества, сколько силы и энергіи. Въ первыхъ лирическихъ произведеніяхъ Лермонтова, разумѣется тѣхъ, въ которыхъ онъ особенно является русскимъ и современнымъ поэтомъ, также виденъ избытокъ несокрушимой силы духа и богатырской силы въ выраженіи; но въ нихъ уже нѣтъ надежды, они поражаютъ душу читателя безотрадностью, безвѣріемъ въ жизнь и чувства человѣческія, при жаждѣ жизни и избытка чувства... Нигдѣ нѣтъ пушкинскаго разгула на пиру жизни; но вездѣ вопросы, которые мрачатъ душу, ледянятъ сердце... Да, очевидно, что Лермонтовъ поэтъ совсѣмъ другой эпохи, и что его поэзія — совсѣмъ новое звено въ цѣпи историческаго развитія нашего общества.

Первая пьеса Лермонтова напечатана была въ „Современникѣ“ 1837 г., уже послѣ смерти Пушкина. Она называется „Бородино“. Поэтъ представляетъ молодого солдата, который спрашиваетъ стараго служаку:

Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?

Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!

Вся основная идея стихотворенія выражена во второмъ куплетѣ, которымъ начинается отвѣтъ стараго солдата, состоящій изъ тридцати куплетовъ:

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри — не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Эта мысль — жалоба на настоящее поколѣніе, дремлющее въ бездѣйствіи, зависть къ великому прошедшему, столь полному славы и великихъ дѣлъ. Дальше мы увидимъ, что эта „тоска по жизни“ внушила нашему поэту не одно стихотвореніе, полное энергіи и благороднаго негодованія. Что же до „Бородина“, — это стихотвореніе отличается простотою, безыскусственностью: въ каждомъ словѣ слышите солдата, языкъ котораго, не переставая быть грубо-простодушнымъ, въ то же время благороденъ, силенъ и полонъ поэзіи. Ровность и выдержанность тона дѣлаетъ осязаемо-ощутительною основную мысль поэта. Впрочемъ, какъ ни прекрасно это стихотвореніе, оно не можетъ еще показать, чего отъ автора должна была ожидать наша поэзія. Въ 1838 году была напечатана его поэма „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“; это произведеніе сдѣлало извѣстнымъ имя автора, хотя оно явилось и безъ подписи этого имени. Спрашивали: кто такой безыменный поэтъ? кто такой Лермонтовъ? писалъ ли онъ что-нибудь кромѣ этой поэмы? Но, несмотря на то, эта поэма все-таки еще не оцѣнена, толпа и не подозрѣваетъ ея высокаго достоинства. Здѣсь поэтъ отъ настоящаго міра не удовлетворяющей его русской жизни перенесся въ ея историческое прошедшее, подслушалъ біеніе его пульса, проникъ въ сокровеннѣйшіе и глубочайшіе тайники его духа, сроднился и слился съ нимъ всѣмъ существомъ своимъ, обвѣялся его звуками, усвоилъ себѣ складъ его старинной рѣчи, про-

стодушную суровость его нравовъ, богатырскую силу и широкій разметъ его чувства и, какъ будто современникъ этой эпохи, принялъ условія ея грубой и дикой общественности, со всѣми ихъ оттѣнками, какъ будто бы никогда и не зналъ о другихъ, — и вынесъ изъ нея вымышленную быль, которая достовѣрнѣе всякой дѣйствительности, несомнѣннѣе всякой исторіи. И подлинно этой пѣсни можно заслушаться, и все нельзя ея довольно наслушаться: какъ маніемъ волшебнаго скипетра воскрешаетъ она прошедшее — и мы не можемъ насмотрѣться на него, забываемъ для него свое настоящее, ни на минуту не сводимъ съ него взоровъ, боясь, чтобы оно не исчезло отъ насъ. На первомъ планѣ видимъ мы Іоанна Грознаго, котораго память такъ кровава и страшна, котораго колоссальный обликъ живъ еще въ преданіи и въ фантазіи народа... Что за явленіе въ нашей исторіи былъ этотъ „мужъ кровей“, какъ называетъ его Курбскій? Былъ ли онъ Людовикъ XI нашей исторіи, какъ говоритъ Карамзинъ?... Не время и не мѣсто распространяться здѣсь о его историческомъ значеніи: замѣтимъ только, что это была сильная натура, которая требовала себѣ великаго развитія для великаго подвига; но какъ условія тогдашняго полуазіатскаго быта и внѣшнія обстоятельства отказали ей даже въ какомъ-нибудь развитіи, оставивъ ее при естественной силѣ и грубой мощи, и лишили ее всякой возможности пересоздать дѣйствительность, — то эта сильная натура, этотъ великій духъ поневолѣ исказились и нашли свой выходъ, свою отраду только въ безумномъ мщеніи этой ненавистной и враждебной имъ дѣйствительности... Тиранія Іоанна Грознаго имѣетъ глубокое значеніе, и потому она возбуждаетъ къ нему скорѣе сожалѣніе, какъ къ падшему духу неба, чѣмъ ненависть и отвращеніе, какъ къ мучителю... Можетъ-быть, это былъ своего рода великій человѣкъ, но только не во́-время, слишкомъ рано явившійся Россіи, — пришедшій въ міръ съ призваніемъ на великое дѣло и увидѣвшій, что ему нѣтъ дѣла въ мірѣ: можетъ-быть, въ немъ безсознательно кипѣли всѣ силы для измѣненія ужасной дѣйствительности, среди которой онъ такъ безвременно явился, которая не побѣдила, но разбила его, и которой онъ такъ страшно мстилъ всю жизнь свою, разрушая и ее и себя самого въ болѣзненной и безсознательной ярости... Вотъ почему изъ всѣхъ жертвъ его свирѣпства

онъ самъ наиболѣе заслуживаетъ соболѣзнованія, вотъ почему его колоссальная фигура, съ блѣднымъ лицомъ и впалыми, сверкающими очами, съ головы до ногъ облита такимъ страшнымъ величіемъ, нестерпимымъ блескомъ такой ужасающей поэзіи... И такимъ точно является онъ въ поэмѣ Лермонтова: взглядъ очей его — молнія, звукъ рѣчей его — громъ небесный, порывъ гнѣва его — смерть и пытка; но сквозь все это, какъ молнія сквозь тучи, проблескиваетъ величіе падшаго, униженнаго, искаженнаго, но сильнаго и благороднаго по своей природѣ духа...

Поэма начинается картиною царскаго пира: въ золотомъ вѣнцѣ своемъ сидитъ грозный царь, окруженный стольниками, боярами, князьями и опричниками.

И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Онъ велитъ наполнить золотой ковшъ заморскимъ виномъ, обнести пирующихъ — „И всѣ пили, царя славили“. Лишь только одинъ изъ опричниковъ „Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ“, и сидѣлъ съ крѣпкою думою на сердцѣ. Гнѣвно взглянулъ на него царь, словно ястребъ съ высоты небесъ на молодого голубя сизокрылаго, — „Да не поднялъ глазъ молодой боецъ“.

Царь стукнулъ объ полъ своею палкой, съ желѣзнымъ наконечникомъ — палка на четверть вонзилась въ дубовый полъ, но и тутъ не дрогнулъ добрый молодецъ:

Вотъ промолвилъ царь слово грозное,
И очнулся тогда добрый молодецъ.
„Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ — звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется,
Та стремглавъ на землю падаетъ..,
Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Малютиной!...“

Низко кланяясь, опричникъ проситъ у царя извиненія, говоря:

„Сердца жаркаго не залить виномъ,
Душу черную — не запотчевать!
А прогнѣвалъ я тебя — воля царская!
Прикажи казнить, рубить голову:
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится".

Царь разспрашиваетъ о причинѣ печали, и его вопросы — перлы народной нашей поэзіи, полнѣйшее выраженіе духа и формъ русской жизни того времени. Таковъ же и отвѣтъ или, лучше сказать, отвѣты опричника, потому что, по духу русской національной поэзіи, онъ отвѣчаетъ почти стихомъ на стихъ. Боясь длинноты, не выписываемъ этого мѣста; но вторая половина рѣчи Киpибѣевича дышитъ такою полнотой чувства, блещетъ такими самоцвѣтными камнями народной поэзіи, что мы не можемъ удержаться, чтобы не перечесть его вмѣстѣ съ нашими читателями. Вина печали удалого бойца — молодушка, которая закрывается фатою, когда на него любуются красныя дѣвушки:

На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно — будто лебёдушка,
Смотритъ ласково — какъ голубушка,
Молвитъ слово — соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитревной.
Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчёвые,
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?...

Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...

Какая сильная, могучая натура! Ея страсть — лава, ея горесть — тяжела и трудна; это удалое, разгульное отчаяніе, которое въ молодечествѣ, въ подвигѣ крови и смерти ищетъ своего утоленія! Сколько поэзіи въ словахъ этого опричника; какая глубокая грусть дышитъ въ нихъ, — это грусть, которая разрываетъ сильную душу, но не убиваетъ ея, это грусть, которая составляетъ основной элементъ, родную стихію, главный мотивъ нашей національной поэзіи!

Со смѣхомъ отвѣчаетъ царь своему любимому слугѣ, что его горю-бѣдѣ не мудрено помочь, предлагаетъ ему яхонтовый перстень и жемчужное ожерелье, велитъ сперва поклониться „смышлёной“ свахѣ, а потомъ послать своей Алёнѣ Дмитріевнѣ дары драгоцѣнные:

Какъ полюбишься — празднуй свадебку,
Не полюбишься — не прогнѣвайся“.
„Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему христіанскому...“

Какъ ударъ грома, какъ приговоръ къ смерти, поражаетъ душу читателя этотъ отвѣтъ опричника, — и тщетно испуганный слухъ его ждетъ, что́ скажетъ на это грозный царь: поэтъ опускаетъ занавѣсъ на эту такъ трагически недоконченную картину, такъ страшно прерванную сцену; передъ вами нѣтъ героевъ поэмы, и вы съ трудомъ вѣрите, что видѣли все это не наяву, что все это — только разсказъ пѣсельниковъ.

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!

Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

Но этотъ удалой припѣвъ, эти затѣйливыя прибаутки народнаго остроумія не веселятъ васъ; сердце ваше сжимается болѣзненною тоскою: оно чуетъ горе, предвидитъ бѣду; повѣсть превращается для васъ въ мрачную драму, съ трагическою катастрофою, и завязка уже готова, дѣйствіе уже зародилось. Вы видите, что любовь Кирибѣевича — не шуточное дѣло, не простое волокитство, но страсть натуры сильной, души могучей. Вы понимаете, что для этого человѣка нѣтъ середины: или получить, или погибнуть! Онъ вышелъ изъ-подъ опеки естественной нравственности своего общества, а другой, болѣе высшей, болѣе человѣческой, не пріобрѣлъ: такой развратъ, такая безнравственность въ человѣкѣ съ сильной натурой и дикими страстями опасны и страшны. И при всемъ этомъ онъ имѣетъ опору въ грозномъ царѣ, который никого не пожалѣетъ и не пощадитъ, даже за обиду, не только за гибель своего любимца, хотя бы этотъ былъ рѣшительно виноватъ.

Занавѣсъ поднятъ — и передъ нами новая картина: молодой купецъ, статный молодецъ, Степанъ Парамоновичъ, по прозванію Калашниковъ, за прилавкомъ.

Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.

Это другая сторона русскаго быта того времени: на сценѣ является представитель другого класса общества. Первое его появленіе на сцену располагаетъ васъ въ его пользу: почему-то вы чувствуете, что это одинъ изъ тѣхъ упругихъ и тяжелыхъ характеровъ, которые тихи и кротки только до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не расколыхаютъ ихъ, одна изъ тѣхъ желѣзныхъ натуръ, которыя и обиды не стерпятъ и сдачи дадутъ. Сильнѣе и сильнѣе щемитъ ваше сердце— чуетъ оно недоброе, тѣмъ больше, что „молодому купцу, статному молодцу“ задался недобрый день:

Ходятъ мимо бояре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.
Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;

За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо —
Гонитъ ихъ метелица распѣваючи;
Опустѣлъ широкій гостиный дворъ.

Калашниковъ запираетъ свою лавочку дубовою дверью „да нѣмецкимъ замкомъ со пружиною“, привязываетъ на желѣзную цѣпь зубастаго пса,

И пошелъ онъ домой, *призадумавшись*,
Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.

Отчего же онъ призадумался? — или душа человѣка чуетъ шелестъ шаговъ незримо-слѣдующей по пятамъ его судьбы, которая обрекла его въ свои жертвы?...

Пришедъ въ свой „высокій домъ“, Степанъ Парамоновичъ дивится, что его не встрѣчаютъ ни молодая жена ни малыя дѣтушки, что дубовый столъ не покрытъ бѣлою скатертью, и свѣчка передъ образомъ еле теплится. Кличетъ онъ старуху Еремѣевну и спрашиваетъ, куда въ такой поздній часъ „дѣвалась, затаилась“ Алёна Дмитріевна, и не заигрались ли его любезныя дѣти, что такъ рано уложились спать? И слышитъ въ отвѣтъ:

...Къ вечернѣ пошла Алёна Дмитревна;
Вотъ ужъ попъ прошелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать, —
А по сю пору твоя хозяюшка
Изъ приходской церкви не вернулася.
А дѣтки твои милыя
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачемъ плачутъ, все не унимаются.

Въ этихъ стихахъ полная картина домашняго быта и простыхъ, малосложныхъ, простодушныхъ, семейственныхъ отношеній у нашихъ предковъ.

Смутился Степанъ Парамоновичъ крѣпкою думою.

А онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу —
И на улицѣ ночь темнёхонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.
Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ, дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ — сила крестная!

Передъ нимъ стоитъ молодая жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя, расплетенныя
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя,
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

Онъ спрашиваетъ ее, гдѣ она шаталася: ужъ не гуляла ли, не пировала ли съ дѣтьми боярскими, что волосы ее такъ растрепаны и одежда изорвана.

„Не на то передъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!...“

Онъ грозитъ запереть ее за дубовую дверь окованную, за желѣзный замокъ, чтобъ она и свѣту Божьяго не видѣла, его имени честнаго не порочила.

Какъ осиновый листъ, затряслася Алёна Дмитріевна, упала мужу въ ноги, прося его выслушать ее и говоря, что она „не боится смерти лютыя, а боится его немилости“: въ двѣнадцати стихахъ полная картина супружескихъ отношеній варварскаго времени! Жена разсказываетъ мужу, что, шедши отъ вечерни домой, услышала за собою чьи-то шаги, „оглянулася — человѣкъ бѣжитъ“; этотъ человѣкъ схватилъ ее за руки, говоря ей, что онъ слуга царя грознаго, прозывается Кирибѣевичемъ, а изъ славныя семьи изъ Малютиной...

Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цѣловать-ласкать,
А цѣлуя, все приговаривалъ:
— Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу, я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе! —
И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцѣлуи его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки;
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...

Рванувшись изъ рукъ его, она оставила у него свою фату бухарскую и узорный платокъ, — подарочекъ мужа. Заключеніе ея разсказа состоитъ въ жалобахъ на свой позоръ и въ просьбахъ мужу — не дать ее, свою вѣрную жену, въ поруганіе злымъ охульникамъ. Тогда Степанъ Парамоновичъ посылаетъ за своими двумя меньшими братьями и разсказываетъ объ обидѣ, нанесенной ему злымъ опричникомъ царскимъ;

А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому;

говоритъ о своемъ намѣреніи — биться насмерть съ опричникомъ на кулачномъ бою, который будетъ завтра на Москвѣ-рѣкѣ, при самомъ царѣ, и проситъ ихъ постоять за правду, если самъ будетъ побитъ.

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
„Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя;
Когда сизый орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, нашъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
А ужъ мы тебя родного не выдадимъ!“

Изъ этого отвѣта видно, что семья Калашниковыхъ хоть и не славилась столько, какъ Малютиныхъ, но состояла изъ сизаго орла съ орлятами... Превосходно очеркнулъ поэтъ въ этомъ отвѣтѣ, будто мимоходомъ, и простоту родственныхъ отношеній нашихъ предковъ, гдѣ право первородства было и правомъ власти, гдѣ старшій братъ заступалъ мѣсто отца для младшихъ. И это сдѣлано имъ не въ описаніи, а въ живой картинѣ, въ самомъ разгарѣ въ высшей степени драматическаго дѣйствія. Этою сценой семейнаго совѣщанія оканчивается вторая часть драматической поэмы; дѣйствующія лица и завязка дѣйствій уже рѣзко обозначились,— и сердце наше замираетъ отъ предчувствія горестной развязки...

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,

Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снѣгами разсыпчатыми;
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася!
На какой ты радости разыгралася!

На Москву-рѣку сходилися удалые молодцы, „разгуляться для праздника, потѣшиться“. Самъ царь пріѣхалъ съ дружиною, боярами и опричниками, и велѣлъ оцѣпить серебряною цѣпью мѣсто въ 25 саженъ „для охотницкаго бою, одиночнаго“. Потомъ царь велѣлъ вызывать охотниковъ:

Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!

Выходитъ Кирибѣевичъ и съ похвальбою вызываетъ супротивниковъ, обѣщаясь „лишь потѣшить царя-батюшку, но для праздника отпустить живого“. Вдругъ раздалась толпа — и выходитъ Степанъ Парамоновичъ.

Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

Кирибѣевичъ, не выходя изъ тона своей удалой, молодецкой похвальбы, спрашиваетъ Калашникова о родѣ-племени и имени, „чтобъ знать, по комъ панихиду служить, чтобъ было, чѣмъ похвастаться“.

Отвѣчалъ Степанъ Парамоновичъ:
„А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честного отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,

Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!“
И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

Вотъ оно — ужасное торжество совѣсти въ глубокой натурѣ, которая никогда не отрѣшится отъ совѣсти, какъ бы ни была искажена развратомъ, какъ бы ни страшно погрязла въ порокѣ!... Всегда надъ нею грозная длань нравственнаго закона, грозный голосъ суда Божія, потому что она сама — свой нравственный законъ и свой неумолимый судъ!...

Начинается бой (мы пропускаемъ его подробности); правая сторона побѣдила,

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.

Не правда ли: вамъ жаль удалого, хотя и преступнаго бойца? Съ невыразимою тоской повторите вы за поэтомъ жалобную мелодію, которою выразилъ онъ его паденіе?... А между тѣмъ, вы же сами желали побѣды благородному купцу и гибели его преступному оскорбителю?... Таково обаяніе великихъ натуръ; какъ бы ни было велико ихъ преступленіе, но, наказанныя, онѣ привлекаютъ все удивленіе и всю любовь нашу: мы видимъ въ нихъ жертвы неотразимой судьбы, и братскимъ поцѣлуемъ прощанія и прощенія въ холодныя, посинѣлыя уста запечатлѣваемъ торжество возстановленной смертью гармоніи общаго, которую нарушили было они своею виной...

Грозный царь воспалился гнѣвомъ и спрашиваетъ Калашникова, волей или нехотя убилъ онъ его вѣрнаго слугу и лучшаго бойца. Вѣроятно, Калашниковъ могъ бы еще спасти себя ложью, но для этой благородной души, дважды такъ

страшно потрясенной — и позоромъ жены, разрушившимъ его семейное блаженство, и кровавою местью врагу, не возвратившею его прежняго блаженства, — для этой благородной души жизнь уже не представляла ничего обольстительнаго, а смерть казалась необходимою для уврачеванія ея неисцѣлимыхъ ранъ... Есть души, которыя довольствуются кос-чѣмъ — даже остатками бывшаго счастья; но есть души, лозунгъ которыхъ — все или ничего, которыя не хотятъ запятнаннаго блаженства разъ потемненной славы: такова была и душа удалого купца, статнаго молодца, Степана Парамоновича Калашникова! Онъ сказалъ царю всю правду, скрывъ, однако, причину своего мщенія:

А за что, про что — не скажу тебѣ;
Скажу только Богу единому.

Какая дивная черта глубокаго знанія сердца человѣческаго и древнихъ нравовъ! Какая высокая, трагическая черта! Онъ охотно идетъ на казнь, и лишь проситъ царя „не оставить своей милостью малыхъ дѣтушекъ, молодой жены да двухъ братьевъ его“. Въ отвѣтѣ царя рѣзко, во всемъ страшномъ величіи, выказывается колоссальный образъ Грознаго:

„Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...“

Какая жестокая иронія, какой ужасный сарказмъ! и мертвый содрогнулся бы отъ него во гробѣ! А между тѣмъ, въ согласіи на милость женѣ, покровительствѣ дѣтямъ и братьямъ осужденнаго проблескиваетъ лучъ благородства и

величія царственной натуры, и какъ бы невольное признаніе достоинства человѣка, который обреченъ судьбою безвременной и насильственной смерти!... Какая страшная трагедія! сама судьба, въ лицѣ Грознаго, присутствуетъ предъ нами и управляетъ ея ходомъ!... И едва ли во всей исторіи человѣчества можно найти другой характеръ, который могъ бы съ большимъ правомъ представлять лицо судьбы, какъ Іоаннъ Грозный!...

На площади сбирается народъ; гудитъ-воетъ заунывный колоколъ; по высокому лобному мѣсту весело похаживаетъ палачъ, руки голыя потираючи:

Удалого бойца дожидается;
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается.

Онъ велѣлъ имъ поклониться отъ него Аленѣ Дмитревнѣ да *заказать* ей меньше печалиться, а дѣтушкамъ про него не велитъ сказывать...

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Въ крови на плаху покатилася.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимирской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилкою.

И вотъ, занавѣсъ опустился, трагедія кончилась, колоссальные образы ея героевъ исчезли изъ глазъ нашихъ, прошедшее опять стало прошедшимъ —

И что жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?

Что? — могила, жилище тлѣнія и смерти; но надъ этою могилою вѣетъ жизнь, царитъ воспоминаніе, нѣмою рѣчью говоритъ преданіе:

И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ — перекрестится,

Пройдетъ мо́лодецъ — пріосанится,
Пройдетъ дѣвица — пригорюнится,
А пройдутъ гусляры — споютъ пѣсенку.

Какія роскошныя дани, какія богатыя жертвы приносятся этой могилѣ живыми! И она сто́итъ ихъ, ибо не живые въ ней, мертвой, — но она, мертвая, рождаетъ жизнь въ живыхъ: заставляетъ ихъ и креститься, и пріосаниваться, и пригорюниваться, и пѣть пѣсни!... Васъ огорчаетъ, заставляетъ страдать горестная и страшная участь благороднаго Калашникова; вы жалѣете даже и о преступномъ опричникѣ, — понятное человѣческое чувство! Но безъ этой трагической развязки, которая такъ печалитъ ваше сердце, не было бы и этой могилы, столь краснорѣчивой, столь живой, столь полной глубокаго значенія, и не было бы великаго подвига, который такъ возвысилъ вашу душу, и не было бы чудной пѣсни поэта, которая такъ очаровала васъ... И потому да перемѣнится печаль ваша на радость, и да будетъ эта радость свѣтлымъ торжествомъ побѣды безсмертнаго надъ смертнымъ, общаго надъ частнымъ! Благословимъ непреложные законы бытія и міродержавныхъ судебъ и повторимъ за поэтомъ музыкальный финалъ, которымъ по старинному и достохвальному русскому обычаю, заставляетъ онъ гусляровъ заключить свою поэтическую пѣсню:

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кончайте.
Каждому правдою и честью воздайте.
Тороватому боярину слава!
И красавицѣ-боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

Излагая содержаніе этой поэмы, уже извѣстной публикѣ, мы имѣли въ виду намекнуть на богатство ея содержанія, на полноту жизни и глубокость идеи, которыми она запечатлѣна; что же до поэзіи образовъ, роскоши красокъ, прелести стиха, избытка чувства, охватывающаго душу огненными волнами, свѣжести колорита, силѣ выраженія, трепетнаго, полнаго страсти одушевленія, — эти вещи не толкуются и не объясняются... Мы выписали цѣлую часть поэмы — пусть читаютъ и судятъ сами: кто не увидитъ въ этихъ стихахъ

того, что мы видимъ, для тѣхъ нѣтъ у насъ очковъ, и едва ли какой оптикъ въ мірѣ поможетъ имъ...

Содержаніе поэмы въ смыслѣ разсказа происшествія само по себѣ полно поэзіи; если бъ оно было историческимъ фактомъ, въ немъ жизнь являлась бы поэзіею, а поэзія — жизнію. Но тѣмъ не менѣе, онъ не существовалъ бы для насъ, нашли бы мы его въ простодушной хроникѣ старыхъ временъ, или, по какому-нибудь чуду, сами были его свидѣтелемъ — оно было бы для насъ мертвымъ матеріаломъ, въ который только поэтъ могъ бы вдохнуть душу живу, отдѣливъ отъ него все случайное, произвольное, и представивъ его въ гармоническомъ цѣломъ, поставленномъ и освѣщенномъ сообразно съ требованіями точки зрѣнія и свѣта. И въ этомъ отношеніи нельзя довольно надивиться поэту: онъ является здѣсь опытнымъ, геніальнымъ архитекторомъ, который умѣетъ такъ согласить между собою части зданія, что ни одна подробность въ украшеніяхъ не кажется лишнею, но представляется необходимою и равно важною съ самыми существенными частями зданія, хотя вы и понимаете, что архитекторъ могъ бы легко, вмѣсто ея, сдѣлать и другую. Какъ ни пристально будете вы вглядываться въ поэму Лермонтова, не найдете ни одного лишняго или недостающаго слова, черты, стиха, образа; ни одного слабаго мѣста: все въ ней необходимо, полно, сильно! Поэма Лермонтова — созданіе мужественное, зрѣлое, и столько же художественное, сколько и народное. Но нашъ поэтъ вошелъ въ царство народности, какъ ея полный властелинъ, и, проникнувшись ея духомъ, слившись съ нею, онъ показалъ только свое родство съ ней, а не тождество: даже въ минуту творчества онъ видѣлъ ее предъ собою, какъ предметъ, и такъ же по волѣ своей вышелъ изъ нея въ другія сферы, какъ и вошелъ въ нее. Онъ показалъ этимъ только богатство элементовъ своей поэзіи, кровное родство своего духа съ духомъ народности своего отечества; показалъ, что и прошедшее его родины такъ же присущно его натурѣ, какъ и ея настоящее; и потому онъ, въ этой поэмѣ, истиннымъ художникомъ,— и если его поэма не можетъ быть переведена ни на какой языкъ, ибо колоритъ ея весь въ русско-народномъ языкѣ, то тѣмъ не менѣе она — художественное произведеніе, во всей полнотѣ, во всемъ блескѣ жизни, воскресившее одинъ изъ моментовъ русскаго быта, одного изъ представителей древней

Руси. Въ этомъ отношеніи, послѣ Бориса Годунова больше всѣхъ посчастливилось Іоанну Грозному: въ поэмѣ Лермонтова колоссальный образъ его является изваяннымъ изъ мѣди или мрамора...

По внутреннему плану нашей статьи, мы должны были сперва говорить о тѣхъ стихотвореніяхъ Лермонтова, въ которыхъ онъ является не безусловнымъ художникомъ, но внутреннимъ человѣкомъ, и по которымъ однимъ можно увидѣть богатство элементовъ его духа и отношенія его къ обществу. Мы такъ и начали, такъ и продолжаемъ: взглядъ на чисто художественныя стихотворенія его заключитъ нашу статью. И если мы остановились на „Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“, которую сами признаемъ художественною, то потому что, во-первыхъ, самая ея художественность болѣе или менѣе условна, ибо въ этой „Пѣснѣ“ онъ поддѣлывается подъ ладъ старинный и заставляетъ гусляровъ пѣть ее; во-вторыхъ, эта „Пѣсня“ представляетъ собою фактъ о кровномъ родствѣ духа поэта съ народнымъ духомъ, и свидѣтельствуетъ объ одномъ изъ богатѣйшихъ элементовъ его поэзіи, намекающемъ на великость его таланта. Самый выборъ этого предмета свидѣтельствуетъ о состояніи духа поэта, недовольнаго современною дѣйствительностію и перенесшагося отъ нея въ далекое прошедшее, чтобъ тамъ искать жизни, которой онъ не видитъ въ настоящемъ. Но это прошедшее не могло долго занимать такого поэта: онъ скоро долженъ былъ почувствовать всю бѣдность и все однообразіе его содержанія и возвратиться къ настоящему, которое жило въ каждой каплѣ его крови, трепетало съ каждымъ біеніемъ его пульса, съ каждымъ вздохомъ его груди. Не отдѣлиться ему отъ него! Оно внѣдрилось въ него, обвилось вокругъ него, оно сосетъ кровь изъ его сердца, оно требуетъ всей жизни его, всей дѣятельности! Оно ждетъ отъ него своего просвѣтлѣнія, уврачеванія своихъ язвъ и недуговъ. Онъ только можетъ совершить это, какъ полный представитель настоящаго, другой властитель нашихъ думъ! Въ созданіяхъ поэта, выражающихъ скорби и недуги общества, общество находитъ облегченіе отъ своихъ скорбей и недуговъ: тайна этого цѣлительнаго дѣйствія — сознаніе причины болѣзни чрезъ представленіе болѣзни. Великую истину заключаютъ въ себѣ эти просто-

душныя слова изъ „Гимна Музамъ“ древняго старца Гезіода: „Если кто чувствуетъ скорбь, свѣжую рану сердца, и сидитъ съ своею горькою думою, а пѣвецъ, служитель музъ, запоетъ о славѣ первыхъ человѣковъ и блаженныхъ боговъ, на Олимпѣ живущихъ, — въ тотъ же мигъ забываетъ несчастный горе и не помнитъ ни одной заботы: такъ скоро даръ боговъ измѣнилъ его“. Но это сила поэзіи вообще, сила всякой поэзіи; дѣйствіе же поэзіи, воспроизводящей наши собственныя страданія, еще чуднѣе оказывается на нашихъ же собственныхъ страданіяхъ: увидѣвъ ихъ внѣ насъ самихъ, очищенными и просвѣтлѣнными общимъ значеніемъ скрывающагося въ нихъ таинственнаго смысла, мы тотчасъ же чувствуемъ себя облегченными отъ нихъ...

Нашъ вѣкъ — вѣкъ по преимуществу историческій. Всѣ думы, всѣ вопросы наши и отвѣты на нихъ, вся наша дѣятельность вырастаетъ изъ исторической почвы и на исторической почвѣ. Человѣчество давно уже пережило вѣкъ полноты своихъ вѣрованій; можетъ-быть, для него наступитъ эпоха еще высшей полноты, нежели какою когда-либо прежде наслаждалось оно; но нашъ вѣкъ есть вѣкъ сознанія, философствующаго духа, размышленія, „рефлексіи“. *Вопросъ* — вотъ альфа и омега нашего времени. Ощутимъ ли мы въ себѣ чувство любви къ женщинѣ, — вмѣсто того, чтобъ роскошно упиваться его полнотою, мы прежде всего спрашиваемъ себя, что такое любовь, въ самомъ ли дѣлѣ мы любимъ? и пр. Стремясь къ предмету съ ненасытною жаждою желанія, съ тяжелою тоскою, со всѣмъ безумствомъ страсти, мы часто удивляемся холодности, съ какою видимъ исполненіе самыхъ пламенныхъ желаній нашего сердца, — и многіе изъ людей нашего времени могутъ примѣнить къ себѣ сцену между Мефистофелемъ и Фаустомъ, у Пушкина:

Когда красавица твоя
Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
Ты безпокойною душой
Ужъ погружался въ размышленье
(А доказали мы съ тобой,
Что размышленье — скуки сѣмя).
И знаешь ли, философъ мой,
Что думалъ ты въ такое время,
Когда не думаетъ никто?
Сказать ли?

Фаустъ.

Говори. Ну, что?

Мефистофель.

Ты думалъ: агнецъ мой послушный!
Какъ жадно я тебя желалъ!
Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
Я грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она...
Что жъ грудь теперь моя полна
Тоской и скукой ненавистной?...
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьемъ,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ:
Такъ безрасчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Бранитъ ободранное тѣло;
Такъ на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Развратъ косится боязливо...

Ужасно! Но это не смерть и даже не старость міра, какъ думаетъ старое поколѣніе, которое, въ своей молодости, такъ беззаботно пило и ѣло, такъ весело плясало, такъ безсознательно наслаждалось жизнію. Нѣтъ, это не смерть и не старость: люди нашего времени также или еще больше полны жаждою желаній, сокрушительною тоскою порываній и стремленій. Это только болѣзненный кризисъ, за которымъ должно послѣдовать здоровое состояніе, лучше и выше прежняго. Та же рефлексія, то же размышленіе, которое теперь отравляетъ полноту всякой нашей радости, должно быть впослѣдствіи источникомъ высшаго, чѣмъ когда-либо блаженства, высшей полноты жизни. Но горе тѣмъ, кто является въ эпоху общественнаго недуга! Общество живетъ не годами — вѣками, а человѣку данъ мигъ жизни; общество выздоровѣетъ, а тѣ люди, въ которыхъ выразился кризисъ его болѣзни — благороднѣйшіе сосуды духа, навсегда могутъ остаться въ разрушающемъ элементѣ жизни!...

Какъ бы то ни было, но нашъ вѣкъ есть вѣкъ размышленія. Поэтому рефлексія (размышленіе) есть законный элементъ поэзіи нашего времени, и почти всѣ великіе поэты

нашего времени заплатили ему полную дань: Байронъ въ „Манфредѣ“, „Каинѣ“ и другихъ произведеніяхъ; Гёте особенно въ „Фаустѣ“; вся поэзія Шиллера по преимуществу *рефлектирующая,* размышляющая. Въ наше время едва ли возможна поэзія въ смыслѣ древнихъ поэтовъ, созерцающая явленіе жизни безъ всякаго отношенія къ личности поэта (поэзія объективная), и въ наше время тотъ не поэтъ и особенно не художникъ, у котораго въ основаніи таланта не лежитъ созерцательность древнихъ и способность воспроизводить явленіе жизни безъ отношеній къ своей личности; но въ наше время отсутствіе въ поэмѣ внутренняго (субъективнаго) элемента есть недостатокъ.

Въ самомъ Гёте не безъ основанія порицаютъ отсутствіе историческихъ и общественныхъ элементовъ, спокойное довольство дѣйствительностью, какъ она есть. Это и было причиною, почему менѣе Гётевской художественная, но болѣе человѣчественная, туманная поэзія Шиллера нашла себѣ больше отзыва въ человѣчествѣ, чѣмъ поэзія Гёте.

Преобладаніе внутренняго (субъективнаго) элемента въ поэтахъ обыкновенныхъ есть призракъ ограниченности таланта. У нихъ субъективность означаетъ выраженіе личности, которая всегда ограничена, если является отдѣльно отъ общаго. Они обыкновенно говорятъ о своихъ нравственныхъ недугахъ, и всегда одно и то же; читая ихъ, невольно вспоминаешь эти стихи Лермонтова:

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
На что намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной.
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты!...
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ,
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечомъ картоннымъ...

Въ талантѣ великомъ, избытокъ внутренняго, субъективнаго элемента есть признакъ гуманности. Не бойтесь этого направленія: оно не обманетъ васъ, не введетъ васъ въ заблужденіе. Великій поэтъ, говоря о себѣ самомъ, о своемъ *я*, говоритъ объ общемъ — о человѣчествѣ, ибо въ его натурѣ лежитъ все, чѣмъ живетъ человѣчество. И потому въ его грусти всякій узнаетъ свою грусть, въ его душѣ всякій узнаетъ свою и видитъ въ немъ не только *поэта*, но и *человѣка*, брата своего по человѣчеству. Признавая его существомъ несравненно высшимъ себя, всякій въ то же время сознаетъ свое родство съ нимъ.

Вотъ что заставило насъ обратить особенное вниманіе на субъективныя стихотворенія Лермонтова, и даже порадоваться, что ихъ больше, чѣмъ чисто художественныхъ. По этому признаку мы узнаёмъ въ немъ поэта русскаго, *народнаго*, въ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова, — поэта, въ которомъ выразился историческій моментъ русскаго общества. И всѣ такія его стихотворенія глубоки и многозначительны; въ нихъ выражается богатая дарами духа природа, благородная человѣчественная личность.

Черезъ годъ послѣ напечатанія „Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“, Лермонтовъ вышелъ снова на арену литературы, съ стихотвореніемъ „Дума“, изумившимъ всѣхъ алмазною крѣпостью стиха, громовою силою бурнаго одушевленія, исполинскою энергіею благороднаго негодованія и глубокой грусти. Съ тѣхъ поръ стихотворенія Лермонтова стали являться одни за другими, безъ перемежки, и съ его именемъ.

Поэтъ говоритъ о новомъ поколѣніи, что онъ смотритъ на него съ печалью, что его будущее „или пусто, иль темно“, что оно должно состарѣться подъ бременемъ *познанія* и сомнѣнія; укоряетъ его, что оно изсушило умъ *безплодною* наукою. Въ этомъ нельзя согласиться съ поэтомъ: сомнѣнье — такъ; но излишества познанія и науки, хотя бы и „безплодной“, мы не видимъ: напротивъ, недостатокъ познанія и науки принадлежитъ къ болѣзнямъ нашего поколѣнія:

Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь!

Хорошо бы еще, если бъ, взамѣнъ утраченной жизни, мы насладились хоть знаніемъ: былъ бы хоть какой-нибудь вы-

игрышъ! Но сильное движеніе общественности сдѣлало насъ обладателями знанія, безъ труда и ученія — и этотъ плодъ безъ корня, надо признаться, пришелся намъ горекъ: онъ только пресытилъ насъ, а не напиталъ, притупилъ нашъ вкусъ, но не усладилъ его. Это обыкновенное и необходимое явленіе во всѣхъ обществахъ, вдругъ выступающихъ изъ естественной непосредственности въ сознательную жизнь, не въ нѣдрахъ ихъ возросшую и созрѣвшую, а пересаженную отъ развившихся народовъ. Мы въ этомъ отношеніи — безъ вины виноваты!

Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.

Какая вѣрная картина! Какая точность и оригинальность въ выраженіи! Да, умъ отцовъ нашихъ, для насъ — поздній умъ: великая истина!

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови!
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ.
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ!

Эти стихи писаны кровью; они вышли изъ глубины оскорбленнаго духа: это вопль, это стонъ человѣка, для котораго отсутствіе внутренней жизни есть зло, въ тысячу разъ ужаснѣйшее физической смерти!... И кто же изъ людей новаго поколѣнія не найдетъ въ немъ разгадки собственнаго унынія, душевной апатіи, пустоты внутренней, и не откликнется на него своимъ воплемъ, своимъ стономъ?... Если подъ „сатирою“ должно разумѣть не невинное зубоскальство ве-

селенькихъ остроумцевъ, а громы негодованія, грозу духа, оскорбленнаго позоромъ общества, — то „Дума“ Лермонтова есть сатира, и сатира есть законный родъ поэзіи. Если сатиры Ювенала дышатъ такою же бурею чувства, такимъ же могуществомъ огненнаго слова, то Ювеналъ дѣйствительно великій поэтъ!...

Другая сторона того же вопроса выражена въ стихотвореніи „Поэтъ“. Обдѣланный въ золото галантерейною игрушкою кинжалъ наводитъ поэта на мысль о роли, которую это орудіе смерти и мщенія играло прежде... А теперь?... Увы!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ.
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньѣ?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшатъ блёстки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ножёнъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

Вотъ оно, то бурное одушевленіе, та трепещущая, изнемогающая отъ полноты своей страсть, которую Гоголь называетъ въ Шиллерѣ паѳосомъ!... Нѣтъ, хвалить такіе стихи можно только стихами, и притомъ такими же... А мысль?... Мы не должны здѣсь искать статистической точности фактовъ; но должны видѣть выраженіе поэта, — и кто не признаетъ, что то, чего онъ требуетъ отъ поэта, составляетъ одну изъ обязанностей его служенія и призванія? Не есть ли

это характеристика поэта — характеристика благороднаго Шиллера?...

„Не вѣрь себѣ“ есть стихотвореніе, составляющее тріумвиратъ съ двумя предшествовавшими. Въ немъ поэтъ рѣшаетъ тайну истиннаго вдохновенія, открывая источникъ ложнаго. Есть поэты, пишущіе въ стихахъ и въ прозѣ, и, кажется, удивительно какъ сильно и громко; но чтеніе которыхъ дѣйствуетъ на душу какъ угаръ или тяжелый хмель, и ихъ произведенія, особенно увлекающія молодость, какъ-то скоро испаряются изъ головы. У этихъ людей нельзя отнять дарованія и даже вдохновенія, но

Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!...

Со времени появленія Пушкина, въ нашей литературѣ показались какія-то неслыханныя прежде жалобы на жизнь, пошло въ оборотъ новое слово „разочарованіе“, которое теперь уже успѣло сдѣлаться и старымъ и приторнымъ. Элегія смѣнила оду и стала господствующимъ родомъ поэзіи. За поэтами даже и плохіе стихотворцы начали воспѣвать

Погибшій жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ восьмнадцать лѣтъ.

Ясно, что это была эпоха пробужденія нашего общества къ жизни: литература въ первый разъ еще начала быть выраженіемъ общества. Это новое направленіе литературы вполнѣ выразилось въ дивномъ созданіи Пушкина — „Демонъ“. Это демонъ сомнѣнія, это духъ размышленія, рефлексіи, разрушающей всякую полноту жизни, отравляющей всякую радость. Странное дѣло: пробудилась жизнь, и съ нею объ руку пошло сомнѣніе — врагъ жизни! „Демонъ“ Пушкина съ тѣхъ поръ остался у насъ вѣчнымъ гостемъ и съ злою, насмѣшливою улыбкою показывается то тутъ, то тамъ... Мало этого: онъ привелъ другого демона, еще болѣе страшнаго, болѣе неразгаданнаго, высказавшагося въ стихотвореніи Лермонтова:

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!... что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ — всѣ лучшіе годы!

Любить... но кого же?... на время — не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя ли заглянешь — тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...
Что страсти? — вѣдь рано иль поздно, ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ
вокругъ, —
Такая пустая и глупая шутка...

Страшенъ этотъ глухой могильный голосъ подземнаго страданія нездѣшней муки, этотъ потрясающій душу реквіемъ всѣхъ надеждъ, всѣхъ чувствъ человѣческихъ, всѣхъ обаяній жизни! Отъ него содрогается человѣческая природа, стынетъ кровь въ жилахъ, и прежній свѣтлый образъ жизни представляется отвратительнымъ скелетомъ, который душитъ насъ въ своихъ костяныхъ объятіяхъ, улыбается своими костяными челюстями и прижимается къ устамъ нашимъ! Это не минута духовной дисгармоніи, сердечнаго отчаянія: это похоронная пѣсня всей жизни! Кому незнакомо по опыту состояніе духа, выраженное въ ней, въ чьей натурѣ не скрывается возможность ея страшныхъ диссонансовъ, — тѣ, конечно, увидятъ въ ней не больше, какъ маленькую пьеску грустнаго содержанія, и будутъ правы; но тотъ, кто не разъ слушалъ внутри себя ея могильный напѣвъ, а въ ней увидѣлъ только художественное выраженіе давно знакомаго ему ужаснаго чувства, тотъ припишетъ ей слишкомъ глубокое значеніе, слишкомъ высокую цѣну, дастъ ей почетное мѣсто между величайшими созданіями поэзіи, которыя когда-либо, подобно свѣточамъ эвменидъ, освѣщали бездонныя пропасти человѣческаго духа... И какая простота въ выраженіи, какая естественность, свобода въ стихѣ! такъ и чувствуешь, что вся пьеса мгновенно излилась на бумагу сама собою, какъ потокъ слезъ, давно уже накипѣвшихъ, какъ струя горячей крови изъ раны, съ которой вдругъ сорвана перевязка...

Вспомните „Героя нашего времени“, вспомните Печорина — этого страннаго человѣка, который, съ одной стороны, томится жизнью, презираетъ и ее и самого себя, не вѣритъ ни въ нее ни въ самого себя, носитъ въ себѣ какую-то бездонную пропасть желаній и страстей, ничѣмъ ненасытимыхъ, а съ другой — гонится за жизнью, жадно ловитъ

ея впечатлѣнія, безумно упивается ея обаяніями; вспомните его любовь къ Бэлѣ, къ Вѣрѣ, къ княжнѣ Мери и потомъ поймите эти стихи:

Любить... но кого же?... на время — не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.

Да, невозможно! Но зачѣмъ же эта безумная жажда любви, къ чему эти гордые идеалы вѣчной любви, которыми мы встрѣчаемъ нашу юность, эта гордая вѣра въ неизмѣняемость чувства и его дѣйствительность?... Мы знаемъ одну пьесу, которой содержаніе высказываетъ тайный недугъ нашего времени, и которая за нѣсколько лѣтъ передъ симъ казалась бы даже безсмысленною, а теперь для многихъ слишкомъ многознаменательна. Вотъ она:

Я не люблю тебя: мнѣ суждено судьбою
Не полюбивши разлюбить;
Я не люблю тебя: больной моей душою
Я никогда не буду здѣсь любить.
О, не кляни меня! Я обманулъ природу,
Тебя, себя, когда въ волшебный мигъ
Я сердце праздное и бѣдную свободу
Повергъ въ слезахъ у милыхъ ногъ твоихъ.
Я не люблю тебя, но, полюбя другую,
Я презиралъ бы горько самъ себя;
И, какъ безумный, я и плачу и тоскую,
И все о томъ, что не люблю тебя!...

Неужели прежде этого не бывало? Или, можетъ-быть, прежде этому не придавали большой важности: пока любилось — любили; разлюбилось — не тужили; даже соединясь какъ бы по страсти тѣми узами, которыя навсегда рѣшаютъ участь двухъ существъ, и потомъ увидѣвъ, что ошиблись въ своемъ чувствѣ, что не созданы одинъ для другого, вмѣсто того чтобы приходить въ отчаяніе отъ страшныхъ цѣпей, предавались лѣнивой привычкѣ, свыкались и равнодушно изъ сферы гордыхъ идеаловъ, полноты чувства, переходили въ мирное и почтенное состояніе пошлой жизни?... Вѣдь у всякой эпохи свой характеръ?... Можетъ-быть, люди нашего времени слишкомъ многаго требуютъ отъ жизни, слишкомъ необузданно предаются обаяніямъ фантазіи, такъ что, послѣ ихъ роскошныхъ мечтаній, дѣйствительность кажется имъ уже слишкомъ безцвѣтною, блѣдною, холодною и пустою?... Можетъ-быть,

люди нашего времени слишкомъ серіозно смотрятъ на жизнь, даютъ слишкомъ большое значеніе чувству?... Можетъ-быть, жизнь представляется имъ какимъ-то высокимъ служеніемъ, священнымъ таинствомъ, и они лучше хотятъ совсѣмъ не жить, нежели жить, какъ живется?... Можетъ-быть, они слишкомъ прямо смотрятъ на вещи, слишкомъ добросовѣстны и точны въ названіи вещей, слишкомъ откровенны насчетъ самихъ себя: протяжно зѣвая, не хотятъ называть себя энтузіастами, и ни другихъ ни самихъ себя не хотятъ обманывать ложными чувствами и становиться на ходули?... Можетъ-быть, они слишкомъ совѣстливы и честны въ отношеніи къ участи другихъ людей и, обѣщавъ другому существу любовь и блаженство, думаютъ, что непремѣнно должны дать ему то и другое, а не видя возможности исполнить это, предаются тоскѣ и унынію?... Или, можетъ-быть, лишенные сочувствія съ обществомъ, сжатые его холодными условіями, они видятъ, что не въ пользу имъ щедрые дары богатой природы, глубокаго духа, и представляютъ собою младенца въ англійской болѣзни?... Можетъ-быть — чего не можетъ быть!...

„И скучно и грустно“ изъ всѣхъ пьесъ Лермонтова обратила на себя особую непріязнь стараго поколѣнія. Странные люди! Имъ все кажется, что поэзія должна выдумывать, а не быть жрицею истины, тѣшить побрякушками, а не гремѣть правдою! Имъ все кажется, что люди — дѣти, которыхъ можно заговорить прибаутками или утѣшить сказочками! Они не хотятъ понять, что если кто кое-что знаетъ, тотъ смѣется надъ увѣреніями и поэта и моралиста, зная, что они сами имъ не вѣрятъ. Такія правдивыя представленія того, что есть, кажутся нашимъ чудакамъ безнравственными. Питомцы Бульи и Жанлисъ, они думаютъ, что истина сама по себѣ не есть высочайшая нравственность... Но вотъ самое лучшее доказательство ихъ дѣтскаго заблужденія: изъ того же самаго духа поэта, изъ котораго вышли такіе безотрадные, ледянящіе сердце человѣческое звуки, изъ того же самаго духа вышло и стихотвореніе „Въ минуту жизни трудную“ — эта молитвенная, елейная мелодія надежды, примиренія и блаженства въ жизни жизнью.

Другую сторону духа нашего поэта представляетъ его превосходное стихотвореніе „Памяти А. И. О—го“: это сладостная

мелодія какихъ-то глубокихъ, но тихихъ думъ, чувства сильнаго, но цѣломудреннаго, замкнутаго въ самомъ себѣ... Есть въ этомъ стихотвореніи что-то кроткое, задушевное, отрадно-успокоивающее душу... И какою грандіозною, гармонирующею съ тономъ цѣлаго картиной заключается это стихотвореніе: вотъ истинно безконечное и въ мысли и въ выраженіи; вотъ то, что въ эстетикѣ должно разумѣть подъ именемъ высокаго (sublime)...

Не выписываемъ чудной „Молитвы“ (стран. 43), въ которой поэтъ поручаетъ Матери Божіей, „теплой заступницѣ холоднаго міра“, невинную дѣву. Кто бы ни была эта дѣва — возлюбленная ли сердца, или милая сестра — не въ томъ дѣло; но сколько кроткой задушевности въ тонѣ этого стихотворенія, сколько нѣжности безъ всякой приторности; какое благоуханное, теплое, женственное чувство! Все это трогаетъ въ голубиной натурѣ человѣка; но въ духѣ мощномъ и гордомъ, въ натурѣ львиной — все это больше, чѣмъ умилительно... Изъ какихъ богатыхъ элементовъ составлена поэзія этого человѣка, какими разнообразными мотивами и звуками гремятъ и льются ея гармоніи и мелодіи! Вотъ пьеса, означенная рубрикою „1-е января“: читая ее, мы опять входимъ въ совершенно новый міръ, хотя и застаемъ въ ней все ту же думу, то же сердце, словомъ — ту же личность, какъ и въ прежнихъ. Поэтъ говоритъ, какъ часто, при шумѣ пестрой толпы, среди мелькающихъ вокругъ него бездушныхъ лицъ — „стянутыхъ приличьемъ масокъ“, когда холодныхъ рукъ его съ небрежною смѣлостью касаются „давно безтрепетныя“ руки модныхъ красавицъ, какъ часто воскресаютъ въ немъ старинныя мечты, святые звуки погибшихъ лѣтъ...

И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится — и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.

Только у Пушкина можно найти такія картины въ этомъ родѣ! Когда же, говоритъ онъ, шумъ людской толпы „спугнетъ мою мечту“,

О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!...

Если бы не всѣ стихотворенія Лермонтова были одинаково *лучшія*, то это мы назвали бы однимъ изъ лучшихъ.

„Журналистъ, читатель и писатель“ напоминаетъ и идеею, и формою, и художественнымъ достоинствомъ „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ Пушкина. Разговорный языкъ этой пьесы — верхъ совершенства: рѣзкость сужденій, тонкая и ѣдкая насмѣшка, оригинальность и поразительная вѣрность взглядовъ и замѣчаній — изумительны. Исповѣдь поэта, которою оканчивается пьеса, блеститъ слезами, горитъ чувствомъ. Личность поэта является въ этой исповѣди въ высшей степени благородною.

„Ребенку“ — это маленькое лирическое стихотвореніе заключаетъ въ себѣ цѣлую повѣсть, высказанную намеками, но тѣмъ не менѣе понятную. О, какъ глубоко поучительна эта повѣсть, какъ сильно потрясаетъ она душу!... Въ ней глухія рыданія обманутой любви, стоны исходящаго кровью сердца, жестокія проклятья, а потомъ, можетъ-быть, и благословеніе смиреннаго испытаніемъ сердца женщины... Какъ я люблю тебя, прекрасное дитя! Говорятъ, ты похожъ на нее, и хоть страданія измѣнили ее прежде времени, но ея образъ въ моемъ сердцѣ...

...А ты, любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ непрошенныя ласки;
Не слишкомъ часто ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла ль?
Смотри жъ, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ иль встревожитъ...
Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней — скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ-быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что̀ имя? — звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.

По если, какъ-нибудь, когда-нибудь случайно
Узнаешь ты его — ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!

Отчего же тутъ нѣтъ раскаянія? — спросятъ моралисты. Надѣньте очки, господа, и вы увидите, что герой пьесы спрашиваетъ дитя — не учила ли *она* его молиться еще за кого-то, не произносила ли, блѣднѣя, теперь забытаго имъ имени?... Онъ проситъ ребенка не проклинать этого имени, если узнаетъ о немъ. Вотъ истинное торжество нравственности!

Поэтическая мысль можетъ иногда родиться и вслѣдствіе какого-нибудь изъ тѣхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ слагается наша жизнь; но чаще всего и почти всегда она есть не что иное, какъ случай дѣйствительности въ возможности, и потому въ поэзіи не имѣетъ никакого мѣста вопросъ: „было ли это?“; но она всегда должна положительно отвѣчать на вопросъ: „возможно ли это, можетъ ли это быть въ дѣйствительности?“ Самое обстоятельство можетъ только, такъ сказать, натолкнуть поэта на поэтическую идею и, будучи выражено имъ въ стихотвореніи, является уже совсѣмъ другимъ, новымъ и небывалымъ, но могущимъ быть. Потому, чѣмъ выше талантъ поэта, тѣмъ больше находимъ мы въ его произведеніяхъ примѣненій и къ собственной нашей жизни и къ жизни другихъ людей. Мало этого: въ неиспытанныхъ нами обстоятельствахъ мы узнаемъ, какъ будто коротко знакомое намъ по опыту,— и тогда понимаемъ, почему поэзія, выражая частное, есть выраженіе общаго. Прочтите „Сосѣда“ Лермонтова — и хотя бы вы никогда не были въ подобномъ обстоятельствѣ, но вамъ покажется, что вы когда-то были въ заключеніи, любили незримаго сосѣда, отдѣленнаго отъ васъ стѣною, прислушивались и къ мѣрному звуку шаговъ его, и къ унылой пѣсни его, и говорили къ нему про себя:

Я слушаю — и въ мрачной тишинѣ
Твои напѣвы раздаются.
О чемъ они — не знаю: но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...
И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь —
Въ груди моей все оживаетъ вновь,
И мысли далеко несутся,
И полонъ умъ желаній и страстей,
И кровь кипитъ — и слезы изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются.

Эта тихая, кроткая грусть души сильной и крѣпкой, эти унылые, мелодическіе звуки, льющіеся другъ за другомъ, какъ слеза за слезою; эти слезы, льющіяся одна за другой, какъ звукъ за звукомъ, — сколько въ нихъ таинственнаго, невыговариваемаго, но такъ ясно понятнаго сердцу! Здѣсь поэзія становится музыкою: здѣсь обстоятельство является, какъ въ оперѣ, только поводомъ къ звукамъ, намекомъ на ихъ таинственное значеніе; здѣсь отъ случая жизни отнята вся его матеріальная, внѣшняя сторона, и извлеченъ изъ него одинъ чистый эѳиръ, солнечный лучъ свѣта, въ возможности скрывавшійся въ немъ... Выраженное въ этой пьесѣ обстоятельство можетъ быть фактомъ, но сама пьеса относится къ этому факту, какъ относится къ натуральной розѣ поэтическая роза, въ которой нѣтъ грубаго вещества, составляющаго натуральную розу, но въ которой только нѣжный румянецъ и кроткое ароматическое дыханіе натуральной розы...

Гармонически и благоуханно высказывается дума поэта въ пьесахъ: „Когда волнуется желтѣющая нива“, „Разстались мы, но твой портретъ“, и „Отчего“, — и грустно, болѣзненно въ пьесѣ „Благодарность“. Не можемъ не остановиться на двухъ послѣднихъ. Онѣ коротки, повидимому, лишены общаго значенія и не заключаютъ въ себѣ никакой идеи; но, Боже мой! какую длинную и грустную повѣсть содержитъ въ себѣ каждая изъ нихъ! какъ онѣ глубоко знаменательны, какъ полны мыслію!

Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно... потому что весело тебѣ.

Это вздохъ музыки, это мелодія грусти, это кроткое страданіе любви, послѣдняя дань нѣжно и глубоко любимому предмету отъ растерзаннаго и смиреннаго бурею судьбы сердца!... И какая удивительная простота въ стихѣ! Здѣсь говоритъ одно чувство, которое такъ полно, что не требуетъ поэтическихъ образовъ для своего выраженія; ему не нужно убранства, не нужно украшеній, оно говоритъ само за себя, оно вполнѣ высказалось бы и прозою...

За все, за все тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынѣ
Надолго я еще благодарилъ...

Какая мысль скрывается въ этой грустной „благодарности“, въ этомъ сарказмѣ обманутаго чувствомъ и жизнью сердца? Все хорошо: и тайныя мученія страстей, и горечь слезъ, и всѣ обманы жизни; но еще лучше, когда ихъ нѣтъ, хотя безъ нихъ и нѣтъ ничего, что просить душа, чѣмъ живетъ она, что нужно ей какъ масло для лампады!... Это утомленное чувствомъ сердце просить покоя и отдыха, хотя и не можетъ жить безъ волненія и движенія... Въ pendant къ этой пьесѣ можетъ итти новое стихотвореніе Лермонтова, „Завѣщаніе“: это похоронная пѣснь жизни и всѣмъ ея обольщеніямъ, тѣмъ болѣе ужасная, что ея голосъ не глухой и не громкій, а холодно-спокойный; выраженіе не горитъ и не сверкаетъ образами, но небрежно и прозаично... Мысль этой пьесы: и худое и хорошее — все равно; сдѣлать лучше не въ нашей волѣ, и потому пусть идетъ себѣ какъ оно хочетъ... Это ужъ даже и не сарказмъ, не иронія, и не жалоба: не на что сердиться, не на что жаловаться, — все равно! Отца и мать жаль огорчить... Возлѣ нихъ есть сосѣдка — она не спроситъ о немъ, но нечего жалѣть пустого сердца — пусть поплачетъ: вѣдь это ей нипочемъ! Страшно!... Но поэзія сама дѣйствительность, и потому она должна быть неумолима и безпощадна, гдѣ дѣло идетъ о томъ, что есть или что бываетъ... А человѣку необходимо должно перейти и черезъ это состояніе духа. Въ музыкѣ гармонія усиливается диссонансомъ, въ духѣ — блаженство условливается страданіемъ, избытокъ чувства сухостью чувства, любовь ненавистью, сильная жизненность отсутствіемъ жизни: это такія крайности, которыя всегда живутъ вмѣстѣ, въ одномъ сердцѣ. Кто не печалился и не плакалъ, тотъ и не возрадуется, кто не болѣлъ, тотъ и не выздоровѣетъ, кто не умиралъ заживо, тотъ и не возстанетъ... Жалѣйте поэта или, лучше, самихъ себя: ибо, показавъ вамъ раны своей души, онъ показалъ вамъ

ваши собственныя раны; но не отчаивайтесь ни за поэта ни за человѣка: въ томъ и другомъ бурю смѣняетъ ведро, безотрадность — надежда...

Два перевода изъ Байрона — „Еврейская мелодія“ и „Въ альбомъ“ — тоже выражаютъ внутренній міръ души поэта. Это боль сердца, тяжкіе вздохи груди; это надгробныя надписи на памятникахъ погибшихъ радостей...

„Вѣтка Палестины“ и „Тучи“ составляютъ переходъ отъ субъективныхъ стихотвореній нашего поэта къ чисто художественнымъ. Въ обѣихъ пьесахъ видна еще личность поэта, но въ то же время виденъ уже и выходъ его изъ внутренняго міра своей души въ созерцаніе „полнаго славы творенья“. Первая изъ нихъ дышитъ благодатнымъ спокойствіемъ сердца, теплотою молитвы, кроткимъ вѣяніемъ святыни. О самой этой пьесѣ можно сказать то же, что говорится въ ней о вѣткѣ Палестины:

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Вторая пьеса „Тучи“ полна какого-то отраднаго чувства выздоровленія и надежды, и плѣняетъ роскошью поэтическихъ образовъ, какимъ-то избыткомъ умиленнаго чувства.

„Русалкою“ начнемъ мы рядъ чисто художественныхъ стихотвореній Лермонтова, въ которыхъ личность поэта исчезаетъ за роскошными видѣніями явленій жизни. Эта пьеса покрыта фантастическимъ колоритомъ, и по роскоши картинъ, богатству поэтическихъ образовъ, художественности отдѣлки, составляетъ собою одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ русской поэзіи. „Три пальмы“ дышатъ знойною природой востока, переносятъ насъ на песчаныя пустыни Аравіи, на ея цвѣтущіе оазисы. Мысль поэта ярко выдается, — и онъ поступилъ съ нею какъ истинный поэтъ, не заключивъ своей пьесы нравственною сентенціей. Самая эта мысль могла быть опоэтизирована только своимъ восточнымъ колоритомъ и оправдана названіемъ „Восточное сказаніе“; иначе она была бы

дѣтскою мыслью. Пластицизмъ и рельефность образовъ, выпуклость формы и яркій блескъ восточныхъ красокъ — сливаютъ въ этой пьесѣ поэзію съ живописью: это картина Брюлова, смотря на которую хочешь еще и осязать ее.

„Дары Терека“ есть поэтическая апоѳеоза Кавказа. Только роскошная, живая фантазія грековъ умѣла такъ олицетворять природу, давать образъ и личность ея нѣмымъ и разбросаннымъ явленіямъ. Нѣтъ возможности и выписывать стиховъ изъ этой дивно-художественной пьесы, этого роскошнаго видѣнія богатой, радужной, исполинской фантазіи; иначе пришлось бы переписать все стихотвореніе. Терекъ и Каспій олицетворяютъ собою Кавказъ, какъ самыя характеристическія его явленія. Терекъ сулитъ Каспію дорогой подарокъ; но сладострастно-лѣнивый сибаритъ-море, покоясь въ мягкихъ берегахъ, не внемлетъ ему, не обольщаясь ни стадомъ валуновъ, ни трупомъ удалого кабардинца; но когда Терекъ сулитъ ему сокровенный даръ — безцѣннѣе всѣхъ даровъ вселенной, и когда

... Надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.
И старикъ во блескѣ власти
Всталъ, могучій какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза.

Онъ взыгралъ, веселья полный,
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви.

Мы не назовемъ Лермонтова ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ; но не думаемъ сдѣлать ему гиперболической похвалы, сказавъ, что такія стихотворенія, какъ „Русалка“, „Три пальмы“ и „Дары Терека“ можно находить только у такихъ поэтовъ, какъ Байронъ, Гёте и Пушкинъ...

Не менѣе превосходна „Казачья колыбельная пѣсня“. Ея идея — мать; но поэтъ умѣлъ дать индивидуальное значеніе этой общей идеѣ: его мать — казачка, и потому содержаніе ея колыбельной пѣсни выражаетъ собою особенности и оттѣнки казачьяго быта. Это стихотвореніе есть художественная апоѳеоза матери: все, что̀ есть святого, беззавѣтнаго въ любви

матери, весь трепетъ, вся нѣга, вся страсть, вся безконечность кроткой нѣжности, безграничность безкорыстной преданности, какою дышитъ любовь матери, — все это воспроизведено поэтомъ во всей полнотѣ. Гдѣ, откуда взялъ поэтъ эти простодушныя слова, эту умилительную нѣжность тона, эти кроткіе и задушевные звуки, эту женственность и прелесть выраженія? Онъ видѣлъ Кавказъ, — и намъ понятна вѣрность его картинъ Кавказа; онъ не видалъ Аравіи, и ничего, что̀ могло бы дать ему понятіе объ этой странѣ палящаго солнца, песчаныхъ степей, зеленыхъ пальмъ, прохладныхъ источниковъ, но онъ читалъ ихъ описаніе: какъ же онъ такъ глубоко могъ проникнуть въ тайны женскаго и материнскаго чувства?

„Воздушный корабль“ не есть собственно переводъ изъ Зейдлица: Лермонтовъ взялъ у нѣмецкаго поэта только идею, но обработалъ ее по-своему. Эта пьеса, по своей художественности, достойна великой тѣни, которой колоссальный обликъ такъ грандіозно представленъ въ ней. — Какое тихое, успокоительное чувство ночи послѣ знойнаго дня вѣетъ въ стихотвореніи „Горныя вершины“, въ этой маленькой пьесѣ Гёте, такъ граціозно переданной нашимъ поэтомъ.

Теперь намъ остается разобрать поэму Лермонтова „Мцыри“. Плѣнный мальчикъ-черкесъ воспитанъ былъ въ грузинскомъ монастырѣ; выросши, онъ хочетъ сдѣлаться, или его хотятъ сдѣлать, монахомъ. Разъ была страшная буря, во время которой черкесъ скрылся. Три дня пропадалъ онъ, а на четвертый былъ найденъ въ степи, близъ обители, слабый, больной, и умирающій перенесенъ снова въ монастырь. Почти вся поэма состоитъ изъ исповѣди о томъ, что̀ было съ нимъ въ эти три дня. Давно манилъ его къ себѣ призракъ родины, темно носившійся въ душѣ его, какъ воспоминаніе дѣтства. Онъ захотѣлъ видѣть Божій міръ — и ушелъ.

„Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля;
Узнать, прекрасна ли земля;
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!

Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что̀ средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурныхъ сердцемъ и грозой?...“

Уже изъ этихъ словъ вы видите, что за огненная душа, что за могучій духъ, что за исполинская натура у этого мцыри! Это любимый идеалъ нашего поэта, это отраженіе въ поэзіи тѣни его собственной личности. Во всемъ, что ни говоритъ мцыри, вѣетъ его собственнымъ духомъ, поражаетъ его собственною мощью. Это произведеніе субъективное.

Мысль поэмы отзывается юношескою незрѣлостью, и если она дала возможность поэту разсыпать передъ вашими глазами такое богатство самоцвѣтныхъ камней поэзіи, — то, не сама собою, а точно какъ странное содержаніе иного посредственнаго либретто даетъ геніальному композитору возможность создать превосходную оперу. Недавно кто-то резонерствуя въ газетной статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова, назвалъ его „Пѣсню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“ произведеніемъ дѣтскимъ, а „Мцыри“ — произведеніемъ зрѣлымъ; глубокомысленный критиканъ, разсчитывая по пальцамъ время появленія той и другой поэмы, очень остроумно сообразилъ, что авторъ былъ тремя годами старше, когда написалъ „Мцыри“, и изъ этого казуса весьма основательно вывелъ заключеніе: ergo — „Мцыри“ зрѣлѣе. Это очень понятно: у кого нѣтъ эстетическаго чувства, кому не говоритъ само за себя поэтическое произведеніе, тому остается гадать о немъ по пальцамъ или соображаться съ метрическими книгами...

Но, несмотря на незрѣлость идеи и нѣкоторую натянутость въ содержаніи „Мцыри“, — подробности изложенія этой поэмы изумляютъ своимъ исполненіемъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что поэтъ бралъ цвѣты у радуги, лучи у солнца, блескъ у молніи, грохотъ у грома, гулъ у вѣтровъ, — что вся природа сама несла и подавала ему матеріалы, когда писалъ онъ эту поэму... Кажется, будто поэтъ до того отягощенъ обременительною полнотой внутренняго чувства, жизни и поэтическихъ образовъ, что готовъ былъ воспользоваться первою мелькнувшею мыслью, чтобы только освобо-

диться отъ нихъ, — и они хлынули изъ души его, какъ горящая лава изъ огнедышащей горы, какъ море дождя изъ тучи, мгновенно объявшей собою распаленный горизонтъ, какъ внезапно прорвавшійся яростный потокъ, поглощающій окрестность на далекое разстояніе своими сокрушительными волнами... Этотъ четырехстопный ямбъ съ одними мужескими окончаніями, какъ въ „Шильонскомъ узникѣ“, звучитъ и отрывисто падаетъ, какъ ударъ меча, поражающаго свою жертву. Упругость, энергія и звучное, однообразное паденіе его удивительно гармонируютъ съ сосредоточеннымъ чувствомъ, несокрушимою силою могучей натуры и трагическимъ положеніемъ героя поэмы. А между тѣмъ, какое разнообразіе картинъ, образовъ и чувствъ! тутъ и бури духа, и умиленіе сердца, и вопли, и отчаяніе, и тихія жалобы, и гордое ожесточеніе, и кроткая грусть, и мракъ ночи, и торжественное величіе утра, и блескъ полудня, и таинственное обаяніе вечера!... Многія положенія изумляютъ своею вѣрностью: таково мѣсто, гдѣ Мцыри описываетъ свое замираніе подлѣ монастыря, когда грудь его пылала предсмертнымъ огнемъ, когда надъ усталою головой уже вѣяли успокоительные сны смерти и носились ея фантастическія видѣнія. Картины природы обличаютъ кисть великаго мастера: онѣ дышатъ грандіозностью и роскошнымъ блескомъ фантастическаго Кавказа. Кавказъ взялъ полную дань съ музы нашего поэта... Странное дѣло! Кавказу какъ будто суждено быть колыбелью нашихъ поэтическихъ талантовъ, вдохновителемъ и пѣстуномъ ихъ музы, поэтическою ихъ родиной! Пушкинъ посвятилъ Кавказу одну изъ первыхъ своихъ поэмъ — „Кавказскаго плѣнника“, и одна изъ послѣднихъ его поэмъ — „Галубъ“ тоже посвящена Кавказу; нѣсколько превосходныхъ лирическихъ стихотвореній его также относятся къ Кавказу. Грибоѣдовъ создалъ на Кавказѣ свое „Горе отъ ума“; дикая и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзія ея сыновъ вдохновила его оскорбленное человѣческое чувство на изображенія апатическаго ничтожнаго круга Фамусовыхъ, Скалозубовъ, Загорѣцкихъ, Хлестовыхъ, Тугоуховскихъ, Репетиловыхъ, Молчалиныхъ — этихъ карикатуръ на природу человѣческую... И вотъ является новый великій талантъ — и Кавказъ дѣлается его поэтическою родиной, пламеннолюбимою имъ; на недоступныхъ вершинахъ Кавказа, вѣн-

чанныхъ вѣчнымъ снѣгомъ, находитъ онъ свой Парнассъ; въ его свирѣпомъ Терекѣ, въ его горныхъ потокахъ, въ его цѣлебныхъ источникахъ, находитъ онъ свой Кастальскій ключъ, свою Ипокрену... Какъ жаль, что не напечатана другая поэма Лермонтова, дѣйствіе которой совершается также на Кавказѣ, и которая въ рукописи ходитъ въ публикѣ, какъ нѣкогда ходило „Горе отъ ума“: мы говоримъ о „Демонѣ“. Мысль этой поэмы глубже и несравненно зрѣлѣе, чѣмъ мысль „Мцыри“, и хотя исполненіе ея отзывается нѣкоторою незрѣлостью, но роскошь картинъ, богатство поэтическаго одушевленія, превосходные стихи, высокость мыслей, обаятельная прелесть образовъ, ставитъ ее несравненно выше „Мцыри“ и превосходитъ все, что̀ можно сказать въ ея похвалу. Это не художественное созданіе, въ строгомъ смыслѣ искусства; но оно обнаруживаетъ всю мощь таланта поэта и обѣщаетъ въ будущемъ великія художественныя созданія.

Говоря вообще о поэзіи Лермонтова, мы должны замѣтить въ ней одинъ недостатокъ: это иногда неясность о́бразовъ и неточность въ выраженіи. Такъ, напримѣръ, въ „Дарахъ Терека“, гдѣ „сердитый потокъ“ описываетъ Каспію красоту убитой казачки, очень неопредѣленно намекнуто и на причину ея смерти и на ея отношенія къ гребенскому казаку:

По красоткѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина гребенской.
Осѣдлалъ онъ вороного,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злого,
Сложитъ голову свою.

Здѣсь на догадку читателя оставляется три случая, равно возможные: или что чеченецъ убилъ казачку, а казакъ обрекъ себя мщенію за смерть своей любезной; или что самъ казакъ убилъ ее изъ ревности и ищетъ себѣ смерти; или что онъ еще не знаетъ о погибели своей возлюбленной, и потому не тужитъ о ней, готовясь въ бой. Такая неопредѣленность вредитъ художественности, которая именно въ томъ и состоитъ, что говоритъ о́бразами опредѣленными, выпуклыми, рельефными, вполнѣ выражающими заключенную въ

нихъ мысль. Можно найти въ книгѣ Лермонтова пять-шесть неточныхъ выраженій, подобныхъ тому, которыми оканчивается его превосходная пьеса „Поэтъ“:

Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

„Ржавчина презрѣнья“ — выраженіе неточное и слишкомъ сбивающееся на аллегорію. Каждое слово въ поэтическомъ произведеніи должно до того исчерпывать все значеніе требуемаго мыслью цѣлаго произведенія, чтобы видно было, что нѣтъ въ языкѣ другого слова, которое тутъ могло бы замѣнить его. Пушкинъ и въ этомъ отношеніи величайшій образецъ: во всѣхъ томахъ его произведеній едва ли можно найти хоть одно сколько-нибудь неточное или изысканное выраженіе, даже слово... Но мы говоримъ не больше, какъ о пяти или шести пятнышкахъ въ книгѣ Лермонтова: все остальное въ ней удивляетъ силою и тонкостью художественнаго такта, полновластнымъ обладаніемъ совершенно покореннаго языка, истинно Пушкинскою точностью выраженія.

Бросая общій взглядъ на стихотворенія Лермонтова, мы видимъ въ нихъ всѣ силы, всѣ элементы, изъ которыхъ слагается жизнь и поэзія. Въ этой глубокой натурѣ, въ этомъ мощномъ духѣ все живетъ; имъ все доступно, все понятно; они на все откликаются. Онъ всевластный обладатель царства явленій жизни, онъ воспроизводитъ ихъ какъ истинный художникъ; онъ поэтъ русскій въ душѣ — въ немъ живетъ прошедшее и настоящее русской жизни; онъ глубоко знакомъ и съ внутреннимъ міромъ души. Несокрушимая сила и мощь духа, смиреніе жалобъ, елейное благоуханіе молитвы, пламенное, бурное одушевленіе, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордаго страданія, стоны отчаянія, таинственная нѣжность чувства, неукротимые порывы дерзкихъ желаній, цѣломудренная чистота, недуги современнаго общества, картины міровой жизни, хмельныя обаянія жизни, укоры совѣсти, умилительное раскаяніе, рыданія страсти и тихія слезы, какъ звукъ за звукомъ, льющіяся въ полнотѣ умирѣннаго бурею жизни сердца, упоеніе любви, трепетъ разлуки, радость свиданья, чувство матери, презрѣніе къ прозѣ

жизни, безумная жажда восторговъ, полнота упивающагося роскошью бытія духа, пламенная вѣра, мука душевной пустоты, стонъ отвращающагося самого себя чувства замершей жизни, ядъ отрицанія, холодъ сомнѣнія, борьба полноты чувства съ разрушающею силой рефлексіи, падшій духъ неба, гордый демонъ и невинный младенецъ, буйная вакханка и чистая дѣва — все, все въ поэзіи Лермонтова: и небо и земля, и рай и адъ... По глубинѣ мысли, роскоши поэтическихъ образовъ, увлекательной, неотразимой силѣ поэтическаго обаянія, полнотѣ жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненнымъ фонтаномъ, его созданія напоминаютъ собою созданія великихъ поэтовъ. Его поприще еще только начато, и уже какъ много имъ сдѣлано, какое неистощимое богатство элементовъ обнаружено имъ: чего же должно ожидать отъ него въ будущемъ?... Пока еще не назовемъ мы его ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ, и не скажемъ, чтобъ изъ него со временемъ вышелъ Байронъ, Гёте или Пушкинъ: ибо мы убѣждены, что изъ него выйдетъ ни тотъ, ни другой, ни третій, а выйдетъ — Лермонтовъ... Знаемъ, что наши похвалы покажутся большинству публики преувеличенными; но мы уже обрекли себя тяжелой роли говорить рѣзко и опредѣленно то, чему сначала никто не вѣритъ, но въ чемъ скоро всѣ убѣждаются, забывая того, кто первый выговорилъ сознаніе общества и на кого оно за это смотрѣло съ насмѣшкою и неудовольствіемъ... Для толпы нѣмо и безмолвно свидѣтельство духа, которымъ запечатлѣны созданія вновь явившагося таланта: она составляетъ свое сужденіе не по самымъ этимъ созданіямъ, а потому, что́ о нихъ говорятъ сперва люди почтенные, литераторы заслуженные, а потомъ, что́ говорятъ о нихъ всѣ. Даже, восхищаясь произведеніями молодого поэта, толпа косо смотритъ, когда его сравниваютъ съ именами, которыхъ значенія она не понимаетъ, но къ которымъ она прислушалась, которыхъ привыкла уважать на слово... Для толпы не существуетъ убѣжденія истины: она вѣритъ только авторитетамъ, а не собственному чувству и разуму — и хорошо дѣлаетъ... Чтобы преклониться передъ поэтомъ, ей надо сперва прислушаться къ его имени, привыкнуть къ нему и забыть множество ничтожныхъ именъ, которыя на минуту похищали ея безсмысленное удивленіе. Procul profani...

Какъ бы то ни было, но и въ толпѣ есть люди, которые высятся надъ нею: они поймутъ насъ. Они отличатъ Лермонтова отъ какого-нибудь фразёра, который занимается стукотнею звучныхъ словъ и *богатыхъ* риѳмъ, который вздумаетъ почитать себя представителемъ національнаго духа потому только, что кричитъ о славѣ Россіи (нисколько не нуждающейся въ этомъ) и вандальски смѣется надъ издыхающею, будто бы, Европою, дѣлая изъ героевъ ея исторіи что-то похожее на нѣмецкихъ студентовъ... Мы увѣрены, что и наше сужденіе о Лермонтовѣ отличатъ они отъ тѣхъ производствъ въ „лучшіе писатели нашего времени, надъ сочиненіями которыхъ (будто бы) примирились всѣ вкусы и даже всѣ литературныя партіи“, такихъ писателей, которые дѣйствительно обнаруживаютъ замѣчательное дарованіе, но лучшими могутъ казаться только для малаго кружка читателей того журнала, въ каждой книжкѣ котораго печатаютъ они по одной и даже по двѣ повѣсти... Мы увѣрены, что они поймутъ, какъ должно, и ропотъ стараго поколѣнія, которое, оставшись при вкусахъ и убѣжденіяхъ цвѣтущаго времени своей жизни, упорно принимаетъ неспособность свою сочувствовать новому и понимать его — за ничтожность всего новаго...

И мы видимъ уже начало истиннаго (нешуточнаго) примиренія всѣхъ вкусовъ и всѣхъ литературныхъ партій надъ сочиненіями Лермонтова,— и уже недалеко то время, когда имя его въ литературѣ сдѣлается народнымъ именемъ, и гармоническіе звуки его поэзіи будутъ слышимы въ повседневномъ разговорѣ толпы, между толками ея о житейскихъ заботахъ... *Бѣлинскій.*

Разочарованіе — преобладающій мотивъ поэзіи Лермонтова.

Обращаясь къ содержанію поэзіи Лермонтова, мы замѣчаемъ въ ней преобладаніе мотивовъ разочарованія, разлада съ обществомъ. Охактеризовавъ отрицательныя стороны общества въ стихотвореніяхъ „Дума“, „На смерть Пушкина“ и другихъ своихъ произведеніяхъ, поэтъ стремится порвать съ этимъ обществомъ всякую связь. Онъ чувствуетъ себя въ свѣтѣ, какъ въ душной темницѣ, и онъ проситъ „воли“,

„воли“, „воли“, а за эту волю готовъ даже пожертвовать счастьемъ. Стремленіе на волю, разочарованіе въ цивилизованномъ обществѣ заставляютъ поэта искать другой настоящей жизни, онъ надѣется найти ее среди непосредственныхъ натуръ, нетронутыхъ фальшивой цивилизаціей. Фантазія переноситъ поэта на Кавказъ, а здѣсь онъ издаетъ цѣлый рядъ замѣчательно сильныхъ демоническихъ типовъ.

Апоѳеозомъ воли является поэма „Мцыри“. Въ своей исповѣди старику Мцыри говоритъ:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть;
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы“.

„Давнымъ давно“, разсказываетъ Мцыри,

. . . . . задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля.
Узнать прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы.

На вопросъ старика, что онъ дѣлалъ на волѣ, Мцыри отвѣчаетъ:

. . . . . Жилъ. И жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.

Съ восторгомъ онъ описываетъ, какъ онъ бѣжалъ изъ монастыря на волю во время страшной грозы, когда вся братія въ ужасѣ собралась для молитвы.

. . . . . О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ.
Глазами тучи я слѣдилъ,
Руками молніи ловилъ.

И очень естественнымъ послѣ этого является его вопросъ

Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ

Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?

Много пришлось испытать, перестрадать Мцыри во время его скитаній; порою онъ изнемогалъ, но не могъ смириться, не могъ вернуться къ людямъ.

. . . . . Помощи людской
Я не искалъ. Я былъ чужой
Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной;
И если бъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ, клянусь, старикъ,
Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ!

Вся эта исповѣдь принадлежитъ юношѣ больному, измученному, изстрадавшемуся, но въ ней слышится такая неукротимая энергія, такая непреодолимая сила души, которой мы не найдемъ и въ тысячахъ здоровыхъ людей, видна натура непреклонная, демоническая, нисколько не подходящая къ типу того поколѣнія, холодно-разсудительнаго, бездѣйственнаго, которое изображено въ „Думѣ“ и отъ котораго поэтъ отворачивается съ такою горечью и презрѣніемъ. Этотъ типъ символически изображенъ въ стихотвореніи „Парусъ“, какъ такой человѣкъ, который „ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой“. Этотъ же типъ мятежнаго скитальца, искателя бурь такъ художественно представленъ въ „Демонѣ“, „Измаилъ Беѣ“, и „Героѣ нашего времени“. Таковъ былъ отчасти и самъ поэтъ, душа котораго „томилась, желаніемъ чуднымъ полна, и звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли“.

„Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья“, демоническій типъ долго привлекалъ къ себѣ сочувствіе Лермонтова, однако, съ годами мы видимъ признаки поворота въ отношеніяхъ поэта къ этому типу. Въ „Сказкѣ для дѣтей“ Лермонтовъ такъ говоритъ объ этомъ поворотѣ:

Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотой,
Что было страшно... И душа тоской
Сжималася, и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ;
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался стихами.

Какъ, однако, ни ясно въ этихъ словахъ ироническое отношеніе къ прежнему любимому образу титанической силы, отдѣлаться отъ него одними стихами еще мало, и нужно этому образу противопоставить другой, который бы обнаружилъ его слабыя стороны. Подобное критическое противопоставленіе мы находимъ у Лермонтова въ его романѣ „Герой нашего времени“. — И этотъ романъ, какъ и многія другія произведенія Лермонтова, имѣетъ связь съ произведеніями Пушкина. Какъ указалъ одинъ изъ критиковъ, сходство есть въ фамиліяхъ героевъ Пушкина и Лермонтова (Онѣгинъ — Онега, Печоринъ — Печора) и во многихъ подробностяхъ обоихъ романовъ, напр., отношенія Печорина и Грушницкаго напоминаютъ отношенія Ленскаго и Онѣгина, и даже ссора, ведущая къ дуэли, въ обоихъ романахъ происходитъ на балу. Важнѣе всего, однако, сходство въ отношеніяхъ поэтовъ къ своимъ главнымъ героямъ: какъ Пушкинъ, задумавъ написать сатирическій романъ, развѣнчалъ Евгенія Онѣгина, такъ и Лермонтовъ осудилъ въ лицѣ Печорина типъ скитальца, разочарованнаго во всемъ и вслѣдствіе этого разочарованія доходящаго до крайняго эгоизма.

Хотя Печорину Лермонтовъ придалъ много чертъ своего собственнаго характера, — тѣмъ не менѣе мы ясно видимъ, что онъ осудилъ этотъ типъ. Присутствіе этихъ автобіографическихъ чертъ въ характерѣ Печорина нисколько не противорѣчитъ такому утвержденію: Лермонтовъ далеко не былъ такимъ человѣкомъ, который очарованъ самъ собою, — недовольство собою было въ немъ очень сильно. Развѣнчивается Печоринъ чуть ли не съ самаго начала романа; уже въ предисловіи Лермонтовъ говоритъ, что Печоринъ есть „портретъ, составленный изъ всѣхъ пороковъ нашего времени въ полномъ ихъ развитіи“. Затѣмъ въ разговорѣ съ Максимомъ Максимычемъ о разочарованныхъ людяхъ, Лермонтовъ замѣчаетъ, что разочарованіе есть „мода, которая донашивается въ нижнихъ классахъ“; — о героѣ нельзя говорить такимъ образомъ, если его признавать дѣйствительно героемъ. Наконецъ, самое существенное, что заставляетъ насъ настаивать на развѣнчаніи Лермонтовымъ Печоринскаго типа — это противопоставленіе Печорину Максима Максимыча. Максимъ Максимычъ не отличается особенно высокимъ обра-

зованіемъ, это прямо даже необразованный человѣкъ, въ его различныхъ сужденіяхъ очень много первобытнаго, грубаго, дѣтски-незрѣлаго, но у него такое нѣжное сердце, въ немъ такъ много человѣчности, что мы его сразу начинаемъ любить, а когда больше съ нимъ знакомимся, вполнѣ соглашаемся съ пожеланіемъ Бѣлинскаго: „Дай Богъ поболѣ встрѣтить на пути жизни Максимовъ Максимовичей".

Не образованіе, а необыкновенная деликатная чуткость сердца помогаетъ Максиму Максимычу понимать то, чего не понимаютъ даже высокообразованные и умные люди. Разсказывая объ объясненіи Печорина съ Бэлою и передавая, какъ Бэла бросилась на шею Печорину и зарыдала, Максимъ Максимычъ говоритъ: „Повѣрите ли, я, стоя за дверью, тоже заплакалъ, то-есть знаете, не то, чтобы заплакалъ, а такъ, глупость"... Затѣмъ штабсъ-капитанъ замолчалъ. — „Да, признаюсь, — сказалъ онъ потомъ, теребя усы: — мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила". Конечно, мы поймемъ, что „глупость" случилась съ Максимомъ Максимычемъ не отъ того, что его женщины такъ не любили, что тутъ причина ея была гораздо болѣе возвышенная. А какъ нѣжно любитъ Максимъ Максимычъ Печорина, и какое глубокое сочувствіе къ этому милому старику пробуждается въ насъ послѣ его свиданія съ Печоринымъ, окатившимъ его ушатомъ холодной воды, какъ онъ намъ симпатиченъ и насколько этотъ простой человѣкъ становится въ нашихъ глазахъ выше Печорина, человѣка, заѣденнаго рефлексіей! Въ этомъ противопоставленіи Печорина Максиму Максимычу заключается задатокъ той идеи, на которой построены многіе романы Достоевскаго, идей противопостановленія людямъ рефлексіи, часто очень умнымъ, людей „простыхъ", но богатыхъ тѣмъ, что Достоевскій въ романѣ „Идіотъ" называетъ „главнымъ умомъ", людей отличающихся чуткостью сердца. Эти простые люди у Достоевскаго оказываются всегда выше людей рефлектирующихъ, точно такъ же, какъ Максимъ Максимычъ выше Печорина.

Обращаясь отъ образовъ къ непосредственному выраженію чувствъ поэта въ его лирическихъ произведеніяхъ, мы тоже замѣтимъ преобладаніе мрачнаго мотива разочарованія, неудовлетворенности жизнью вслѣдствіе высокихъ требованій, предъявляемыхъ къ ней поэтомъ. Лучше всего идеаль-

ныя стремленія представлены Лермонтовымъ въ его знаменитомъ стихотвореніи „Ангелъ“, изъ котораго мы видимъ, что поэтъ томится той дѣйствительностью, которая его окружаетъ, онъ какъ бы вспоминаетъ лучшій небесный міръ, котораго ему никакъ не можетъ замѣнить земное существованіе.

Среди людей, въ свѣтѣ поэтъ чувствуетъ себя всегда почти одинокимъ, и это не можетъ не вызывать въ немъ грустнаго настроенія, которое изливается уже въ юношескомъ стихотвореніи „Одиночество“. Поэтъ говоритъ:

Какъ страшно жизни сей оковы
Намъ въ одиночествѣ влачить;
Дѣлить веселье всѣ готовы, —
Никто не хочетъ грусть дѣлить.
Одинъ я здѣсь, какъ царь воздушный.
Страданья въ сердцѣ стѣснены,
И вижу, какъ, судьбѣ послушно,
Года уходятъ будто сны.
И вновь приходятъ съ позлащенной,
Но той же старою мечтой...
И вижу гробъ уединенный —
Онъ ждетъ; что жъ медлить надъ землей!
Никто о томъ не сокрушится,
И будутъ (я увѣренъ въ томъ)
О смерти больше веселиться,
Чѣмъ о рожденіи моемъ...

Тѣ же безотрадныя мысли видимъ мы и въ стихотвореніи „Смерть“.

Закатъ горитъ огнистой полосой:
Любуясь имъ безмолвно подъ окномъ,
Быть-можетъ, завтра онъ заблещетъ надо мной.
Безжизненнымъ, холоднымъ мертвецомъ
Одна лишь дума въ сердцѣ опустѣломъ:
То мысль о ней... О! далеко она;
И надъ моимъ недвижнымъ блѣднымъ тѣломъ
Не упадетъ слеза ея одна!
Ни другъ, ни братъ прощальными устами
Не поцѣлуютъ здѣсь моихъ ланитъ,
И сожалѣнью чуждыми руками
Въ сырую землю буду я зарытъ.
Мой духъ утонетъ въ безднѣ безконечной...

Къ тому же 1830 году относятся два стихотворенія съ одинаковымъ заглавіемъ „Смерть“, выражающія такія же

тягостныя мысли поэта. Въ одномъ онъ говоритъ о своемъ желаніи быть „дальше, дальше отъ людей“, а въ другомъ рѣшительно заявляетъ:

Довольно въ мірѣ пожилъ я, —
Обманутъ жизнью былъ во всемъ,
И ненавидя и любя.

Если жизнь обманула поэта, то онъ отказывается вѣрить въ возможность счастья. Въ одномъ изъ стихотвореній 1831 г. онъ говоритъ:

Пусть жизнь моя въ буряхъ несется,
Я безпеченъ, я знаю давно, —
Пока сердце въ груди моей бьется,
Не увидитъ блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоитъ того, можетъ-быть,
Чья душа слишкомъ пылко любила,
Чтобы могъ его міръ полюбить.

Отсюда является какая-то постоянная тревога, такъ хорошо изображенная въ „Парусѣ“: поэтъ „счастья не ищетъ“, потому что въ него не вѣритъ, — ему нуженъ только покой, и въ стихотвореніи „Выхожу одинъ я на дорогу“ онъ говоритъ:

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя,
Я-бъ желалъ забыться и заснуть и т. д.

Кромѣ покоя поэтъ ищетъ свободы, и это стремленіе къ свободѣ особенно сильно высказывается въ стихотвореніи „Отворите мнѣ темницу“... Разочарованіе доходитъ у Лермонтова до крайняго предѣла въ стихотвореніи „И скучно и грустно“. Здѣсь поэтъ, отказавшись отъ любви, отъ всякихъ желаній, восклицаетъ въ отчаяніи:

А жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ
Такая пустая и глупая шутка.

Дальше этого разочарованіе, отрицаніе жизни итти не можетъ. *Бороздинъ.*

Условія жизни, способствовавшія преобладанію протестующаго характера поэзіи Лермонтова противъ несовершенствъ жизни.

Преобладающей чертой творчества М. Ю. Лермонтова, этого геніальнаго преемника Пушкина, признается обыкновенно разочарованіе въ существующемъ складѣ жизни, энергичный протестъ противъ несовершенствъ этой жизни. Причины этого разочарованія и протеста указываются частью въ обстоятельствахъ біографіи поэта, частью въ литературныхъ вліяніяхъ, частью въ разладѣ между возвышенными идеалами поэта и жизнью окружавшаго его общества. Конечно, всѣ эти причины имѣютъ далеко не одинаковое значеніе, а поэтому мы считаемъ нелишнимъ остановиться нѣсколько на каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Уже съ самаго дѣтства въ жизни поэта замѣчаются такіе факты, которые далеко не могли содѣйствовать выработкѣ въ немъ, бодраго, жизнерадостнаго настроенія. Ранняя смерть матери была для Лермонтова первымъ тяжелымъ ударомъ: онъ почти не зналъ ласкъ матери, хотя неясный образъ этой нѣжной женщины навсегда сохранился въ его памяти. Впечатлѣніе глубоко таилось въ его душѣ, какъ видно изъ замѣтки, относящейся къ 1830 г.: „когда я былъ трехъ лѣтъ, то была пѣсня, отъ которой я плакалъ: ея я не могу теперь вспомнить, но увѣренъ, что если бы услыхалъ ее, она бы произвела прежнее дѣйствіе. Ее пѣвала мнѣ покойная мать“.

Лишившись матери, Лермонтовъ становится свидѣтелемъ раздора между своей бабушкой и отцомъ, и, конечно, это обстоятельство не можетъ пройти для него безъ слѣда: оставалось горькое воспоминаніе объ этомъ раздорѣ. Но и кромѣ этого обстановка дѣтства была далеко не соотвѣтствующею нормальнымъ воспитательнымъ требованіямъ, какъ это легко можно видѣть изъ слѣдующаго „отрывка изъ неоконченной повѣсти“, въ которой подъ видомъ Саши Арбенина, Лермонтовъ рисуетъ самого себя: „Сашѣ было съ ними (дворовыми дѣвушками) очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали на-перерывъ, разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами храб-

рости и картинами мрачными и противообщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ, онъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный ребенокъ. Онъ семи лѣтъ уже умѣлъ прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тѣмъ природная всѣмъ наклонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ бы его характеръ, если бы не пришла на помощь корь — болѣзнь опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый недугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи: онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ножки. Цѣлые три года оставался онъ въ жалкомъ положеніи, и если бы онъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то вѣрно отправился бы на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными дѣтскими забавами дѣтей, онъ началъ ихъ искать въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но, увы, никто и не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ обхватывалъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданія тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студенныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ, при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури“.

Ненормальность обстановки дѣтскихъ лѣтъ поэта выражается и въ его раннемъ любовномъ увлеченіи: уже 10 лѣтъ онъ полюбилъ какую-то дѣвочку, и характеръ этого увлеченія былъ сильно отличенъ отъ подобныхъ проявленій чувства у другихъ дѣтей. Если нельзя назвать нормальнымъ

воспитаніе Лермонтова въ раннемъ дѣтствѣ, то въ одинаковой степени не было нормальнымъ его развитіе въ отрочествѣ и юности. Чтеніе, вызываетъ въ немъ рядъ мыслей, не соотвѣтствующихъ возрасту и той обстановкѣ, въ которой приходится ему вращаться. Отсюда является какая-то сосредоточенность, какое-то стремленіе удалиться отъ сверстниковъ, скрыть отъ нихъ свою глубокую душевную работу, Уже въ юности Лермонтовъ начинаетъ носить маску: онъ старается казаться удальцомъ, при чемъ въ этой удали есть не мало пошлости, составляющей общую черту того круга, въ которомъ онъ жилъ; но черновыя его тетради показываютъ, что онъ думаетъ совсѣмъ не объ этихъ удалыхъ похожденіяхъ, что его духъ возносится къ высшимъ идеальнымъ запросамъ. Эта же двойственность въ поведеніи остается у Лермонтова почти до самой его смерти.

Что касается литературныхъ вліяній, то, какъ извѣстно, они были многочисленны, и самымъ сильнымъ изъ нихъ признается вліяніе Байрона. Однако, если вдуматься въ поэзію Лермонтова, то и это сильное вліяніе значительно придется ограничить, такъ какъ Байронъ увлекаетъ нашего поэта по родственности настроенія. Разочарованіе могло возникнуть у Лермонтова и самостоятельно, а Байронъ своей мрачной поэзіей даетъ отвѣтъ на тѣ вопросы, которые уже раньше назрѣли въ душѣ нашего писателя. Можно много говорить о вліяніи Пушкина, Барбье, Шиллера и др., но не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти вліянія были скорѣе формальны, что Лермонтовъ всегда стремился быть самимъ собою.

Наконецъ, касаясь третьяго изъ указанныхъ выше мотивовъ, несоотвѣтствія идеаловъ поэта съ окружающею дѣйствительностью, мы позволимъ себѣ привести мнѣніе С. А. Андреевскаго. „Неизбѣжность высшаго міра,— говоритъ нашъ критикъ-поэтъ,— проходитъ полнымъ аккордомъ черезъ всю лирику Лермонтова. Онъ самъ весь пропитанъ кровною связью съ надзвѣзднымъ пространствомъ. Здѣшняя жизнь — ниже его. Онъ всегда презираетъ ее, тяготится ею. Его душевныя силы, его страсти — громадны, не по плечу толпѣ; все ему кажется жалкимъ, на все онъ взираетъ глубокими очами вѣчности, которой онъ принадлежитъ; онъ съ ней разстался на время, но непрестанно и безутѣшно но не тоскуетъ. Его поэзія, какъ бы по безмолвному соглашенію

всѣхъ его издателей, всегда начинается „Ангеломъ“, составляющимъ превосходнѣйшій эпиграфъ ко всей книгѣ, чудную надпись у входа въ царство фантазіи Лермонтова. Дѣйствительно, его великая и пылкая душа была какъ бы занесена сюда для „печали и слезъ“, всегда здѣсь „томилась“ и

Звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли“.

Конечно, возвышенный идеализмъ, прекрасно охарактеризованный въ приведенныхъ словахъ г. Андреевскаго не могъ мириться, какъ полагаетъ критикъ, ни съ какою дѣйствительностью, и было бы узко, если бы мы стали объяснять протестъ Лермонтова исключительно его недовольствомъ современной ему русской жизнью. Мы согласны съ г. Андреевскимъ, что многіе упреки Лермонтова людямъ могутъ быть повторены въ какую угодно эпоху: не можемъ отвергнуть и того мнѣнія критика, что среди современниковъ Лермонтова были свѣтлые люди, что „его поколѣніе было лучшее, какое мы запомнимъ, — поколѣніе сороковыхъ годовъ“; но тѣмъ не менѣе мы не можемъ признать, чтобы обличенія этого поколѣнія дѣлались Лермонтовымъ исключительно „съ космической точки зрѣнія“. Во-первыхъ, уже чисто-формально „Дума“, написанная въ 1883 г., не могла относиться къ людямъ сороковыхъ годовъ; а во-вторыхъ, даже устраняя это формальное возраженіе, такъ какъ подъ именемъ „людей сороковыхъ годовъ“ мы часто подразумѣваемъ и идеалистовъ тридцатыхъ годовъ, мы все-таки не понимаемъ, какъ можно съ этими идеалистами, работавшими въ тиши кружковъ, отождествлять все тогдашнее общество: вѣдь въ этомъ обществѣ идеалисты были свѣтлыми и рѣдкими исключеніями, огромное же большинство состояло изъ крѣпостниковъ, фрунтовиковъ, людей индиферентныхъ къ высшимъ духовнымъ запросамъ: среди этой массы идеалисты если не бывали въ такомъ же полукомическомъ положеніи, какъ Рудины, то во всякомъ случаѣ оказывались „героями безвременья“.

Это-то самое современное ему поколѣніе вызывало въ Лермонтовѣ грустныя чувства, такъ ярко выразившіяся въ его „Думѣ“. Эти люди старятся въ бездѣйствіи, „къ добру и злу постыдно равнодушны, передъ опасностью позорно-малодушны и передъ властію презрѣнные рабы“.

Мечты поэзіи, созданія искусства (говоритъ Л.)
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.

Понятно, что будущее такого поколѣнія должно быть „иль пусто, иль темно“. Печально заключаетъ поэтъ свою думу:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой
Ни геніемъ начатаго труда,
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькой обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ“.

Поколѣніе, къ которому обращается поэтъ, заражено безвѣріемъ, оно со скептицизмомъ, вполнѣ равнодушно относится ко всѣмъ нравственнымъ требованіямъ; оно холодно къ высшимъ жизненнымъ задачамъ и потому остается въ полномъ бездѣйствіи. Эту черту нравственнаго индиферентизма, бездушія, холоднаго бездѣйствія поэтъ отмѣчаетъ во многихъ своихъ произведеніяхъ и глубоко ею возмущаемся. Вотъ, между прочимъ, какъ онъ о ней отзывается въ стихотвореніи „Волны и люди“.

Волны катятся одна за другой
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ,
Люди проходятъ ничтожной толпой
Также одинъ за другимъ.
Волнамъ ихъ воля и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей,
Люди хотятъ имѣть души... И что же?
Души ихъ волнъ холоднѣй.

Иногда эти холодные люди начинаютъ дѣйствовать, но дѣйствіе ихъ хуже, чѣмъ бездѣйствіе: оно влечетъ за собою горе для всѣхъ окружающихъ, такъ какъ проникнуто исключительно однимъ эгоизмомъ и самообожаніемъ. Таковы, напримѣръ, Печоринъ и Арбенинъ.

Если „Дума“ и стихотвореніе „Волны и люди“ такъ же, какъ и юношеское произведеніе „Два Сокола“ могутъ раз-

сматриваться, какъ выраженіе разочарованія въ людяхъ вообще, безъ всякаго отношенія къ поколѣнію, которое было современно поэту, то намъ извѣстна жестокая характеристика несомнѣнно уже этого общества въ знаменитомъ стихотвореніи „На смерть Пушкина“. Съ чисто ювеналовскимъ паѳосомъ обличаетъ здѣсь молодой поэтъ „безчувственныхъ невѣждъ“, „клеветниковъ безбожныхъ“, „свободы генія и славы палачей“. Мы имѣемъ дѣло не съ отвлеченнымъ мотивомъ міровой скорби, а съ вполнѣ опредѣленнымъ протестомъ противъ общества, равнодушнаго къ высшимъ нравственнымъ запросамъ, и не только равнодушнаго, но даже враждебнаго къ тѣмъ, что ставитъ себѣ цѣлью разрѣшеніе этихъ запросовъ.

Въ противоположность этому общественному индеферентизму, въ самомъ поэтѣ жила неукротимая жажда дѣятельности. Онъ чувствовалъ въ себѣ силы на служеніе людямъ. „Жизнь скучна, когда боренья нѣтъ, говоритъ Лермонтовъ въ стихотвореніи „11 іюня 1831 года“.

Въ минувшее проникнувъ, различитъ
Въ немъ мало дѣлъ мы можемъ, въ цвѣтѣ лѣтъ
Она души не можетъ веселить.
Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значитъ отдыхать,
Когда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь, *Бороздинъ.*

Мотивы поэзіи Лермонтова, вносившіе успокоеніе въ его разочарованную душу.

Для Лермонтова дѣйствительно открывалась возможность исхода изъ его разочарованія въ другихъ мотивахъ, которые, чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе выражались въ его поэзіи. Прежде всего изъ этихъ мотивовъ надо выдвинуть религіозное настроеніе, такъ ярко рисующееся намъ въ стихотвореніяхъ: „Я, матерь Божія, нынѣ съ молитвою“, „Когда волнуется желтѣющая нива“, „Въ минуту жизни трудную“. Изъ этихъ стихотвореній мы видимъ, что сомнѣнія покидали

поэта, что онъ проникался вѣрой, видѣлъ въ небесахъ Бога и признавалъ возможность постигнуть счастье на землѣ. За религіозными слѣдуютъ мотивы любви и дружбы; припомнимъ, напр., такія стихотворенія, какъ „памяти князя А.И. Одоевскаго“, „Разстались мы, но твой портретъ храню я на груди своей“. Далѣе идетъ рядъ произведеній, показывающихъ, что Лермонтовъ все болѣе и болѣе начиналъ постигать и цѣнить простую русскую жизнь. Таково, напр., его стихотвореніе „Родина“, выражающее то же настроеніе, что мы находимъ у Пушкина въ „Евгеніи Онѣгинѣ“. Таково же и слѣдующее замѣчательное стихотвореніе „Изъ альбома С. Н. Карамзиной“.

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы
И бури тайныя страстей.
Но красоты ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
И оглушающій языкъ.
Люблю я больше годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру ясную погоду,
Подъ вечеръ тихій разговоръ.

Рядомъ съ этой любовью къ простотѣ русской жизни является у Лермонтова, подъ вліяніемъ, можетъ-быть, славянофиловъ, критическій взглядъ на западно-европейскую жизнь и сознаніе великихъ задачъ, предстоящихъ Россіи. Критическое отношеніе къ Западу выразилось очень хорошо въ слѣдующихъ строкахъ изъ стихотворенія „Умирающій гладіаторъ“:

Не такъ ли ты, о Европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клонишься безславной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
Безъ вѣры, безъ надеждъ, игралище дѣтей —
Осмѣянный ликующей толпой.
И предъ кончиною ты взоры обратилъ
Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья
На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую давно, для язвы просвѣщенья,
Для гордой роскоши безпечно ты забылъ;

Стараясь заглушить послѣднія страданья,
Ты жадно слушаешь и пѣсни старины,
И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья —
Насмѣшливыхъ льстецовъ несбыточные сны.

Сознаніе силы Россіи и великихъ задачъ, которыя ей предстоитъ разрѣшить, ясно высказано Лермонтовымъ въ стихотвореніяхъ „Бородино“ и „Споръ“.

Наконецъ, слѣдуетъ сказать, что чрезвычайно важнымъ средствомъ, которое могло спасти поэта отъ разочарованія, была проявлявшаяся у него объективность творчества. Въ этомъ отношеніи недосягаемымъ образцомъ можетъ служить его знаменитая „Пѣсня про купца Калашникова“, о которой уже сказано выше.

Все это позволяетъ примѣнить къ Лермонтову тѣ же слова, которыя онъ сказалъ о кн. А. И. Одоевскомъ:

Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній.
Бороздинъ.

Герой нашего времени.

Романъ „Герой нашего времени“ начинается описаніемъ переѣзда автора изъ Тифлиса чрезъ Койшаурскую долину. Не утомляя скучными подробностями, знакомитъ онъ насъ съ мѣстностью. Очерки его столько же кратки, сколько и рѣзки, а главное — они набросаны какъ будто бы мимоходомъ. Въ то время какъ его телѣжку тащили въ гору шесть быковъ и нѣсколько осетинъ, онъ замѣтилъ, что за его телѣжкою двигалась другая, которую тащили четыре быка, а за нею шелъ ея хозяинъ, куря изъ маленькой трубочки. Это былъ офицеръ, лѣтъ пятидесяти, съ смуглымъ лицомъ и преждевременно посѣдѣвшими усами, которые не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Авторъ подошелъ къ нему и поклонился; тотъ молча отвѣтилъ на его поклонъ, пустивъ огромный клубъ дыма.

— Мы съ вами попутчики, кажется?
Онъ молча опять поклонился.
— Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?
— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.
— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку че-

тыре быка тащатъ шутя, а мою пустую шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.

— Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?

— Съ годъ, отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

— А что жъ?

— Да такъ-съ! ужасныя бестіи эти азіаты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ знаетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь?... Любятъ деньги, драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю, меня не проведутъ!

Такимъ образомъ завязалось у автора знакомство съ однимъ изъ интереснѣйшихъ лицъ его романа — съ Максимомъ Максимычемъ, съ этимъ типомъ стараго кавказскаго служаки, закаленнаго въ опасностяхъ, трудахъ и битвахъ, котораго лицо такъ же загорѣло и сурово, какъ манеры простоваты и грубы, но у котораго чудесная душа, золотое сердце. Это типъ чисто русскій, который художественнымъ достоинствомъ созданія напоминаетъ оригинальнѣйшіе изъ характеровъ въ романахъ Вальтеръ-Скотта и Купера, но который, по своей новости, самобытности и чисто русскому духу не походитъ ни на одинъ изъ нихъ. Искусство поэта должно состоять въ томъ, чтобы развить на дѣлѣ задачу, какъ данный природою характеръ долженъ образоваться при обстоятельствахъ, въ которыя поставитъ его судьба. Максимъ Максимычъ получилъ отъ природы человѣческую душу, человѣческое сердце, но эта душа и это сердце отлились въ особую форму, которая такъ и говоритъ вамъ о многихъ годахъ тяжелой и трудовой службы, о кровавыхъ битвахъ, о затворнической и однообразной жизни въ недоступныхъ горныхъ крѣпостяхъ, гдѣ нѣтъ другихъ человѣческихъ лицъ, кромѣ подчиненныхъ солдатъ да заходящихъ для мѣны черкесовъ. И все это высказывается въ немъ не въ грубыхъ поговоркахъ, въ родѣ „чортъ возьми“, и не въ военныхъ восклицаніяхъ, въ родѣ „тысяча бомбъ“, безпрестанно повторяемыхъ, не въ попойкахъ и не въ куреніи табака, — а во взглядѣ на вещи, пріобрѣтенномъ навыкомъ и родомъ жизни, и въ этой манерѣ поступковъ и выраженія, которые должны быть необходимымъ результатомъ взгляда на вещи и

привычки. Умственный кругозоръ Максима Максимыча очень ограниченъ; но причина этой ограниченности не въ его натурѣ, а въ его развитіи. Для него „жить“ значитъ „служить“, и служить на Кавказѣ; „азіаты“ — его природные враги: онъ знаетъ по опыту, что всѣ они большіе плуты, и что самая ихъ храбрость есть отчаянная удаль разбойничья, подстрекаемая надеждою грабежа; онъ не дается имъ въ обманъ, и ему смертельно досадно, если они обманутъ новичка и еще выманятъ у него на водку. И это совсѣмъ не потому, чтобы онъ былъ скупъ, — нѣтъ! онъ только бѣденъ, а не скупъ, и сверхъ того, кажется, и не подозрѣваетъ цѣны деньгамъ; но онъ не можетъ видѣть равнодушно, какъ плуты „азіаты“ обманываютъ честныхъ людей. Вотъ чуть ли не все, что онъ видитъ въ жизни, или, по крайней мѣрѣ, о чемъ чаще всего говоритъ. Но не спѣшите вашимъ заключеніемъ о его характерѣ; познакомьтесь съ нимъ получше, — и вы увидите, какое теплое, благородное, даже нѣжное сердце бьется въ желѣзной груди этого, повидимому, очерствѣвшаго человѣка; вы увидите, какъ онъ какимъ-то инстинктомъ понимаетъ все человѣческое и принимаетъ въ немъ горячее участіе; какъ, вопреки собственному сознанію, душа его жаждетъ любви и сочувствія, — и вы отъ души полюбите простого, добраго, грубаго въ своихъ манерахъ, лаконическаго въ словахъ Максима Максимыча.

Опытный штабсъ-капитанъ не ошибся: осетинцы обступили неопытнаго офицера и громко требовали на водку. Но Максимъ Максимычъ громко прикрикнулъ на нихъ и заставилъ разбѣжаться. „Вѣдь этакой народъ, — сказалъ онъ, — и хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: офицеръ, дай на водку!... Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...“

Вотъ, наконецъ, путешественники наши добрались до станціи и вошли въ саклю, переднее отдѣленіе которой было наполнено коровами и овцами, а другое — людьми, сидѣвшими возлѣ огня, разложеннаго на землѣ. По полу разстилался дымъ, обратно вталкиваемый вѣтромъ изъ отверстія въ потолкѣ. Наши путники закурили трубки, внимая привѣтливому шипѣнію чайника.

— Жалкіе люди! сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ! отвѣчалъ онъ. — Повѣрите ли, ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужъ, по крайней мѣрѣ, наши кабардинцы или чеченцы хотя разбойники, голыши, зато отчаянныя башки, а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго ни на комъ не увидишь. *Ужъ подлинно осетины!*

— А вы долго были въ Чечнѣ!

— Да, я лѣтъ десятокъ стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго брода, — знаете?

— Слыхалъ.

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы; нынче слава Богу, смирнѣе, а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валы, ужъ гдѣнибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди — либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. *А молодцы!...*

— А, чай, много съ вами бывало приключеній? сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался.

И вотъ, Максимъ Максимычъ весь передъ вами, съ своимъ взглядомъ на вещи, съ своимъ оригинальнымъ способомъ выраженія! Вы еще такъ мало видѣли его, такъ мало познакомились съ нимъ, а уже передъ вами не призракъ, волею или неволею принужденный авторомъ служить связью или вертѣть колесо его разсказа, а типическое лицо, оригинальный характеръ, живой человѣкъ! Такъ осуществляютъ свои идеалы истинные художники: двѣ-три черты — и передъ вами, какъ живая, словно наяву, стоитъ такая характеристическая фигура, которой вы уже никогда не забудете... „Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался“: какъ много сказано въ этихъ немногихъ, простыхъ словахъ, какую рѣзкую черту проводятъ они по физіономіи Максима Максимыча, какъ много обѣщаютъ, какъ сильно разманиваютъ любопытство читателя!... Принявъ поданный ему стаканъ чаю, Максимъ Максимычъ отхлебнулъ и сказалъ какъ будто про себя: „да, бываетъ!“ Но мы еще должны нѣсколько поговорить словами самого автора:

— Не хотите ли подбавить рома? сказалъ я своему собесѣднику. — У меня есть бѣлый изъ Тифлиса? теперь холодно.

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

— Что такъ?

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фронтъ навеселѣ, да

ужъ и досталось намъ, когда Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи, какъ онъ разсердился! Чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка — пропащій человѣкъ!

Услыхавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть черкесы, — продолжалъ онъ, — какъ напьются бузы на свадьбѣ или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ насилу ноги унесъ, а еще у мирнова князя былъ въ гостяхъ.

— Какъ же это случилось?

Вотъ начало поэтической исторіи „Бэлы“. Максимъ Максимычъ разсказывалъ ее по-своему, своимъ языкомъ; но отъ этого она не только ничего не потеряла, но безконечно много выиграла. Добрый Максимъ Максимычъ, самъ того не зная, сдѣлался поэтомъ, такъ что въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ выраженіи заключается безконечный міръ поэзіи. Не знаемъ, чему здѣсь болѣе удивляться, — тому ли, что поэтъ, заставивъ Максима Максимыча быть только свидѣтелемъ разсказываемаго имъ событія, такъ тѣсно слилъ его личность съ этимъ событіемъ, какъ будто бы самъ Максимъ Максимычъ былъ его героемъ; или тому, что онъ сумѣлъ такъ поэтически, такъ глубоко взглянуть на событіе глазами Максима Максимыча и разсказать это событіе языкомъ простымъ, грубымъ, но всегда живописнымъ, всегда трогательнымъ и потрясающимъ даже въ самомъ комизмѣ своемъ...

Когда Максимъ Максимычъ стоялъ въ крѣпости за Терекомъ, къ нему вдругъ явился офицеръ, прикомандированный къ его крѣпости.

— Его звали... Григорьемъ Александровичемъ Печориномъ; славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ, а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ: вѣтеръ пахнетъ — увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрагиваетъ и поблѣднѣетъ: а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, зато ужъ иногда, какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣху. Да-съ, съ большими странностями, и должно быть, богатый человѣкъ; сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!...

— А долго ли онъ съ вами жилъ? спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну, да ужъ зато памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ много хлопотъ, не тѣмъ будь помянутъ! Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи.

— Необыкновенныя! воскликнулъ я, съ видомъ любопытства, подливая ему чая.

— А вотъ, я вамъ разскажу.

Недалеко отъ крѣпости жилъ мирнóй князь, сынъ котораго, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился ѣздить въ крѣпость. Печоринъ и Максимъ Максимычъ любили и баловали его. Это былъ прототипъ черкеса, безъ преувеличенія и безъ искаженія. Головорѣзъ, *проворный на все,* по словамъ Максима Максимыча: онъ поднималъ шапку на всемъ скаку, мастерски стрѣлялъ изъ ружья, и былъ ужасно падокъ на деньги. Если его дразнили, глаза его наливались кровью, а рука хваталась за кинжалъ. „Эй, Азаматъ, — говорилъ ему Максимъ Максимычъ, — не сносить тебѣ головы: яманъ будетъ твоя башка!“ Однажды старый князь пріѣхалъ въ крѣпость и позвалъ Максима Максимыча и Печорина на свадьбу своей дочери. Когда они пріѣхали въ аулъ, прятавшіяся отъ нихъ женщины не показались красавицами Печорину. „Погодите, сказалъ я усмѣхаясь (говорилъ Максимъ Максимычъ). У меня было свое на умѣ“.

Изъ этого мѣста разсказа Максима Максимыча можно получить самое вѣрное понятіе о нравахъ и обыкновеніяхъ дикихъ черкесовъ, хотя для ихъ описанія онъ и не дѣлаетъ отступленій. Какъ къ почетному гостю, къ Печорину подошла меньшая дочь хозяина, прекрасная дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и пропѣла ему...

— Какъ бы сказать?... въ родѣ комплимента.

— А что такое она пропѣла, не помните ли?

— Да, кажется, вотъ такъ: стройны, *дескать,* наши молодые джигиты, и кафтаны на нихъ серебромъ выложены, а молодой русскій офицеръ стройнѣе ихъ, и галуны на немъ золотые. Онъ какъ тополь между ними; только не расти, не цвѣсти ему въ нашемъ саду.

Печоринъ всталъ, приложилъ руку ко лбу и сердцу, а Максимъ Максимычъ перевелъ ей его отвѣтъ, ибо онъ хорошо зналъ по-ихнему. „Какова?“ шепнулъ онъ Печорину.— „Прелесть! А какъ ее зовутъ? — „Бэлою“.

„И точно (говорилъ Максимъ Максимычъ), она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, какъ у горной серны, такъ и заглядывали вамъ въ душу“. Печоринъ въ задумчивости не сводилъ съ нея глазъ, но не одинъ онъ смотрѣлъ на нее. Въ числѣ гостей былъ черкесъ Казбичъ. Онъ

былъ и мирнымъ и немирнымъ, смотря по обстоятельствамъ; подозрѣній было на него множество, хотя онъ не былъ замѣченъ ни въ какой шалости. Но мы почитаемъ необходимымъ вполнѣ обрисовать это лицо, и именно словами Максима Максимыча. „Говорили про него, что онъ любитъ таскаться за Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленькій, сухой, широкоплечій... А ужъ ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный, въ заплаткахъ, а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой Кабардѣ, — и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаромъ ему завидовали всѣ наѣздники, и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на лошадь: вороная, какъ смоль, ноги — струнки, и глаза не хуже, чѣмъ у Бэлы, а какая сила! скачи хоть на 50 верстъ; а ужъ выѣзжена — какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ, голосъ даже его знала! Бывало, онъ ее никогда и не привязываетъ. Ужъ такая разбойничья лошадь!...

Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе обыкновеннаго, и Максимъ Максимычъ, замѣтивъ, что у него подъ бешметомъ надѣта кольчуга, тотчасъ подумалъ, что это недаромъ. Такъ какъ въ саклѣ стало душно, онъ вышелъ освѣжиться и вздумалъ кстати провѣдать лошадей. Тутъ, за заборомъ, онъ подслушалъ разговоръ: Азаматъ похваливалъ лошадь Казбича, на которую давно зарился, а Казбичъ, подстрекнутый этимъ, разсказывалъ о ея достоинствахъ и услугахъ, которыя она ему оказала, не разъ спасая его отъ вѣрной смерти. Это мѣсто повѣсти вполнѣ знакомитъ читателя съ черкесами, какъ племенемъ, и въ немъ могучею художническою кистью обрисованы характеры Азамата и Казбича, этихъ двухъ рѣзкихъ типовъ черкесской народности. „Если бъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылъ, то отдалъ бы весь за твоего карагёза“, сказалъ Азаматъ. — *Йокъ*, не хочу, — равнодушно отвѣчалъ Казбичъ. Азаматъ льститъ ему, обѣщаетъ украсть у отца лучшую винтовку или шашку, которая, только приложи руку къ лезвію, сама впивается въ тѣло, кольчугу... Въ его словахъ такъ и дышитъ знойная, мучительная страсть дикаря и разбойника по рожденію, для котораго нѣтъ ничего въ мірѣ дороже оружія или лошади, и для котораго желаніе — медленная пытка на маломъ огнѣ,

а для удовлетворенія, жизнь собственная, жизнь отца, матери, брата — ничто. Онъ говорилъ, что съ тѣхъ поръ какъ въ первый разъ увидѣлъ Карагёза, когда онъ кружился и прыгалъ подъ Казбичемъ, раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, — что съ тѣхъ поръ въ его душѣ сдѣлалось что-то непонятное, все ему опостылѣло... Можно подумать, что онъ разсказываетъ о любви или ревности, — чувствахъ, которыхъ дѣйствіе часто бываетъ такъ страшно и въ людяхъ образованныхъ, а тѣмъ страшнѣе въ дикаряхъ. „На лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ (говорилъ Азаматъ), стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и, тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ являлся вороной скакунъ твой, съ своею стройною поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь!“ Проговоривъ это дрожащимъ голосомъ, онъ заплакалъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Максиму Максимычу, который зналъ Азамата, какъ преупрямаго мальчишку, у котораго ничѣмъ нельзя было вышибить слезъ, когда онъ былъ и моложе. Но въ отвѣтъ на слезы Азамата послышалось что-то въ родѣ смѣха. „Послушай! сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ, — видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ — чудо! Не бывало такой жены и у турецкаго падишаха... Неужели не стоитъ Бэла твоего скакуна?...“

Казбичъ долго молчалъ и, наконецъ, вмѣсто отвѣта, затянулъ вполголоса старинную пѣсню, въ которой коротко и ясно выражена вся философія черкеса:

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ,
Сладко любить ихъ — завидная доля;
Но веселѣй молодецкая воля.
Золото купитъ четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.

Напрасно Азаматъ упрашивалъ, плакалъ, льстилъ ему. „Поди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на

моемъ конѣ! На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ затылокъ о камни!“ — „Меня!“ крикнулъ Азаматъ въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло о кольчугу. Казбичъ оттолкнулъ его такъ, что онъ упалъ и ударился головою о плетень. „Будетъ потѣха!“ подумалъ Максимъ Максимычъ, взнуздалъ коней и вывелъ ихъ на задній дворъ. Между тѣмъ Азаматъ вбѣжалъ въ саклю въ разорванномъ бешметѣ, говоря, что Казбичъ хотѣлъ его зарѣзать. Поднялся гвалтъ, раздались выстрѣлы, но Казбичъ уже вертѣлся на своемъ конѣ среди улицы и ускользнулъ.

— Никогда не прощу себѣ одного: чортъ меня дернулъ, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ, сидя за забором; онъ посмѣялся — такой хитрый! — а самъ задумалъ кое-что.

— А что такое? разскажите, пожалуйста.

— Ну, ужъ нечего дѣлать, началъ разсказывать, такъ надо продолжать.

Дня черезъ четыре пріѣхалъ въ крѣпость Азаматъ. Печоринъ началъ ему расхваливать лошадь Казбича. У татарченка засверкали глаза, а Печоринъ будто не замѣчаетъ; Максимъ Максимычъ заговоритъ о другомъ, а Печоринъ сведетъ разговоръ на лошадь. Это продолжалось недѣли три; Азаматъ, видимо, блѣднѣлъ и чахнулъ. Короче: Печоринъ предложилъ ему чужого коня за его родную сестру; Азаматъ задумался: не жалость къ сестрѣ, а мысль о мщеніи отца потревожила его, но Печоринъ кольнулъ его самолюбіе, назвавъ ребенкомъ (названіе, которымъ всѣ дѣти очень оскорбляются!), а Карагёзъ такая чудная лошадь!... И вотъ — однажды Казбичъ пріѣхалъ въ крѣпость и спрашиваетъ, не надо ли барановъ и меду; Максимъ Максимычъ велѣлъ привести на другой день. „Азаматъ, — сказалъ Печоринъ, — завтра Карагёзъ въ моихъ рукахъ; если нынче ночью Бэла не будетъ здѣсь, не видать тебѣ коня“. Хорошо! сказалъ Азаматъ, поскакалъ въ аулъ, и въ тотъ же вечеръ Печоринъ возвратился въ крѣпость вмѣстѣ съ Азаматомъ, у котораго поперекъ сѣдла (какъ видѣлъ часовой) лежала женщина, съ связанными ногами и руками, съ головой, опутанною чадрой. На другой день Казбичъ явился въ крѣпость съ своимъ товаромъ: Максимъ Максимычъ попотчевалъ его чаемъ, и потому что (говорилъ онъ) хотя разбойникъ онъ, „а все-

таки былъ моимъ кунакомъ". Вдругъ Казбичъ посмотрѣлъ въ окно, вздрогнулъ, поблѣднѣлъ, и съ крикомъ: „моя лошадь! лошадь!" выбѣжалъ вонъ, перескочилъ черезъ ружье, которымъ часовой хотѣлъ загородить ему дорогу. Вдали скакалъ Азаматъ; Казбичъ выхватилъ изъ чехла ружье, выстрѣлилъ и, увѣрившись, что далъ промаха, завизжалъ, вдребезги разбилъ ружье о камень, повалился на землю и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Такъ пролежалъ онъ до поздней ночи и цѣлую ночь, не дотрогиваясь до денегъ, которыя велѣлъ положить подлѣ него Максимъ Максимычъ за барановъ. На другой день, узнавши отъ часового, что похититель былъ Азаматъ, онъ засверкалъ глазами и отправился отыскивать его. Отца Бэлы въ это время не было дома, а возвратившись, онъ не нашелъ ни дочери ни сына...

Какъ только Максимъ Максимычъ узналъ, что черкешенка у Печорина, онъ надѣлъ эполеты, шпагу и пошелъ къ нему.

— Г. прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который и я могу отвѣчать...

— И, полноте, что жъ за бѣда? Вѣдь у насъ давно все пополамъ.

— Что за шутки! пожалуйте вашу шпагу!

— Митька, шпагу!

Митька принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ:

— Послушай, Григорій Александровичъ, признайся, что нехорошо.

— Что нехорошо?

— Да то, что ты увезъ Бэлу... Ужъ эта мнѣ бестія Азаматъ!... Ну, признайся, — сказалъ я ему.

— Да когда она мнѣ нравится?...

Ну, что прикажете отвѣчать на это? Я сталъ втупикъ. Однакожъ, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что, если отецъ станетъ требовать, надо будетъ ее отдать.

— Вовсе не надо!

— Да онъ узнаетъ, что она здѣсь?

— А какъ онъ узнаетъ?

Я опять сталъ втупикъ.

— Послушайте, Максимъ Максимычъ, — сказалъ Печоринъ, приподнявшись, — вѣдь вы добрый человѣкъ, а если отдадите дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охотою портить; оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...

— Да покажите мнѣ ее, — сказалъ я.

— Она за этой дверью; только я самъ нынче напрасно хотѣлъ ее видѣть; сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ: пуглива, какъ дикая серна. Я нанялъ нашу

духанщицу, она знаетъ по-татарски, будетъ ходить за нею и пріучитъ ее къ мысли, что она моя, потому что она никому не будетъ принадлежать, кромѣ меня, — прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.

Я и въ этомъ согласился... Что же прикажете дѣлать! Есть люди, съ которыми непремѣнно должно согласиться.

Нѣтъ ничего тяжелѣе и непріятнѣе, какъ излагать содержаніе художественнаго произведенія. Цѣль этого изложенія не состоитъ въ томъ, чтобы показать лучшія мѣста: какъ бы ни было хорошо мѣсто сочиненія, оно хорошо по отношенію къ цѣлому, слѣдовательно, изложеніе содержанія должно имѣть цѣлью — прослѣдить идею цѣлаго созданія, чтобы показать, какъ вѣрно она осуществлена поэтомъ. А какъ это сдѣлать? Цѣлаго сочиненія переписать нельзя; но каково же выбирать мѣста изъ превосходнаго цѣлаго, пропускать иныя, чтобы выписки не перешли должныхъ границъ? И потомъ, каково связывать выписанныя мѣста своимъ прозаическимъ разсказомъ, оставляя въ книгѣ тѣни и краски, жизнь и душу, и держась одного мертваго скелета? Теперь мы особенно чувствуемъ всю тяжесть и неудобоисполнимость взятой нами на себя обязанности. Мы и до сего мѣста терялись во множествѣ прекрасныхъ частностей, а теперь, когда начинается важнѣйшая часть повѣсти, теперь намъ такъ и хотѣлось бы выписать отъ слова до слова весь разсказъ автора, въ которомъ каждое слово такъ безконечно-значительно, такъ глубоко-знаменательно, дышитъ такою поэтическою жизнью, блеститъ такимъ роскошнымъ богатствомъ красокъ; а между тѣмъ мы попрежнему принуждены пересказывать по-своему, сколько возможно держась выраженій подлинника и выписывая мѣста.

Холодно смотрѣла Бэла на подарки, которые каждый день приносилъ ей Печоринъ, и гордо отталкивала ихъ. Долго безуспѣшно ухаживалъ онъ за нею. Между тѣмъ онъ учился по-татарски; а она начинала понимать по-русски.

Однажды онъ вошелъ къ ней, одѣтый по-черкесски и вооруженный, и сказалъ ей, что онъ виноватъ передъ нею, что онъ оставляетъ ее хозяйкой всего, что̀ имѣетъ, даетъ ей волю, и самъ идетъ, куда глаза глядятъ, можетъ-быть, подъ пулю...

Онъ отвернулся и протянулъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только, стоя за дверью, я могъ въ щель разсмо-

трѣть ея лицо; и мнѣ стало жаль, такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико! Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, онъ дрожалъ, и сказать ли вамъ? я думаю, онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Таковъ ужъ былъ человѣкъ, Богъ его знаетъ! Только едва онъ коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Повѣрите ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, т.-е., знаете, не то, чтобъ заплакалъ, а такъ, глупость!...

Штабсъ-капитанъ замочалъ.

— Да, признаюсь, — сказалъ онъ потомъ, теребя усы, — мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила.

Скоро узналъ счастливый Печоринъ, что Бэла полюбила его съ перваго взгляда. Да, эта была одна изъ тѣхъ глубокихъ женскихъ натуръ, которыя полюбятъ мужчину тотчасъ, какъ увидятъ его, но признаются ему въ любви не скоро. Поэтъ не говоритъ объ этомъ ни слова, но потому-то онъ и поэтъ, что, не говоря иного, даетъ знать все... Они были счастливы, но не завидуйте имъ, читатель: кто смѣетъ надѣяться на прочное счастіе въ этой жизни?... Минута ваша, ловите же ее, не надѣясь на будущее... Не долго продолжалось и твое блаженство, бѣдная, милая Бэла!...

Вскорѣ Печоринъ и Максимъ Максимычъ узнали, что отецъ Бэлы былъ убитъ Казбичемъ, подозрѣвавшимъ его въ участіи въ похищеніи Карагёза. Отъ Бэлы долго скрывали это, пока она не привыкла къ своему положенію; когда же ей сказали, она два дня поплакала, а потомъ забыла. Четыре мѣсяца все шло хорошо. Печоринъ такъ любилъ Бэлу, что забывалъ для нея охоту, и не выходилъ за крѣпостной валъ. Но вдругъ сталъ онъ задумываться, ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Однажды, никому не сказавшись, отправился на охоту и пропадалъ цѣлое утро, потомъ опять и все чаще и чаще. „Нехорошо (подумалъ Максимъ Максимычъ), вѣрно между ними пробѣжала черная кошка!“ Въ одно утро онъ зашелъ къ нимъ, и увидѣлъ Бэлу такою блѣдненькою, такою печальною, что испугался. Онъ сталъ ее утѣшать. Сообщая ему свои страхи и опасенія, она сказала ему:

— А нынче мнѣ ужъ кажется, что онъ меня не любитъ.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать!

Она заплакала, потомъ съ гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба его, я княжеская дочь!...

Утѣшая ее, Максимъ Максимычъ замѣтилъ ей, что если она будетъ грустить, то скорѣе наскучитъ Печорину.

— Правда, правда,— отвѣчала она,— я буду весела! — и съ хохотомъ схватила свой бубенъ, начала пѣть, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно, она упала на постель и закрыла лицо руками.

Что было мнѣ съ нею дѣлать? Я, знаете, никогда съ женщинами не обращался: думалъ, думалъ, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали. . Пренепріятное положеніе-съ!

Вышедши съ нею прогуляться за крѣпость, Максимъ Максимычъ увидѣлъ черкеса, который вдругъ выѣхалъ изъ лѣсу и, саженяхъ во ста отъ нихъ, началъ, какъ бѣшеный, кружиться. Бэла узнала въ немъ Казбича...

Наконецъ Максимъ Максимычъ объяснился съ Печоринымъ насчетъ его охлажденія къ Бэлѣ, и Печоринъ сознался въ этомъ. Итакъ, Печоринъ охладѣлъ къ бѣдной Бэлѣ, которая любила его еще больше. Онъ не знаетъ самъ причины своего охлажденія, хотя и силится найти ее. Да, нѣтъ ничего труднѣе, какъ разбирать языкъ собственныхъ чувствъ, какъ знать самого себя! И объясненія автора для насъ такъ же неудовлетворительны, какъ и для Максима Максимыча, которому онъ ихъ сообщилъ. Можетъ-быть, и тутъ та же причина, и въ отношеніи къ автору и въ отношеніи къ намъ: нѣтъ ничего труднѣе, какъ знать и понимать самихъ себя!...

Однажды Печоринъ отправился съ Максимомъ Максимычемъ на охоту за кабаномъ. Съ ранняго утра часовъ до десяти напрасно искали они его; Максимъ Максимычъ уговаривалъ своего товарища воротиться, не тутъ-то было: несмотря ни на зной ни на усталость, тотъ не хотѣлъ воротиться безъ добычи. „Таковъ ужъ былъ человѣкъ: что задумаетъ, подавай; видно, въ дѣтствѣ былъ маленькій избалованъ“. Однакожъ, послѣ полудня, они безъ ничего подъѣзжали къ крѣпости. Вдругъ выстрѣлъ: оба они взглянули другъ на друга и опрометью поскакали на выстрѣлъ. Солдаты въ кучку собрались на валу и указывали въ поле, а тамъ летитъ стремглавъ всадникъ и держитъ что-то бѣлое на сѣдлѣ. Это былъ Казбичъ, похитившій неосторожную Бэлу, которая вышла за

крѣпость къ рѣкѣ. Печорину удалось ранить въ ногу его коня. Казбичъ занесъ руку надъ Бэлою, Максимъ Максимычъ выстрѣлилъ и, кажется, ранилъ его въ плечо; дымъ разсѣялся — на землѣ лежала раненая лошадь, и возлѣ нея Бэла — она была ранена, и кровь лилась изъ ранъ ручьями...

— И Бэла умерла?

— Умерла; только долго мучилась, и мы уже съ нею измучились порядкомъ. Около десяти часовъ вечера она пришла въ себя: мы сидѣли у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. „Я здѣсь, подлѣ тебя, моя джанечка“ (то-есть, по-нашему душенька), отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку.— „Я умру!“ сказала она. — Мы начали ее утѣшать, говорили, что лѣкарь обѣщалъ ее вылѣчить непремѣнно; она покачала головой и отвернулась къ стѣнѣ: ей не хотѣлось умирать!...

„Ночью она начала бредить; голова ея горѣла, по всему тѣлу иногда пробѣгала дрожь лихорадки; она говорила несвязныя рѣчи объ отцѣ, братѣ: ей хотѣлось въ горы, домой... Потомъ она также говорила о Печоринѣ, давая ему разныя нѣжныя названія, или упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку.

„Онъ слушалъ ее молча, опустивъ голову на руки; но только я во все время не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его; въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать, или владѣлъ собою — не знаю: что до меня, то я ничего жалче этого не видывалъ“.

Передъ смертью хриплымъ голосомъ закричала она: „воды! воды!“

Онъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подалъ ей. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву, не помню какую... Да, батюшка, видалъ я много, какъ люди умираютъ въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія, только все это не то, совсѣмъ не то!... Еще, признаться, меня вотъ что печалитъ: она передъ смертію ни разу не вспомнила обо мнѣ: а кажется, я ее любилъ, какъ отецъ... Ну, да Богъ ее проститъ!... И въ правду молвить: что же я такое, чтобъ обо мнѣ вспоминать передъ смертью?...

„Только что она испила воды, какъ ей стало легче, а минуты черезъ три она скончалась. Приложили зеркало къ губамъ—гладко!... Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты, и мы пошли на крѣпостной валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки за спину; его лицо ничего не выражало особеннаго, и мнѣ стало досадно. Я бы на его мѣстѣ умеръ съ горя. Наконецъ, онъ сѣлъ на землѣ, въ тѣни, и началъ что-то чертить палочкой на пескѣ. Я, знаете, больше для приличія, хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить; онъ поднялъ голову и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха. Я пошелъ заказывать гробъ...

„На другой день, рано утромъ, мы ее похоронили за крѣпостью, у вала, гдѣ она въ послѣдній разъ сидѣла; кругомъ ея могилы разрослись кусты бѣлой акаціи и бузины. Я хотѣлъ было поставить крестъ, да, знаете, неловко: все-таки она была не христіанка...“

Просимъ извиненія за множество выписокъ и у автора и у тѣхъ изъ читателей, которые прочтутъ нашу статью прежде романа: заманчивость перваго чтенія, сила и прелесть перваго впечатлѣнія будутъ для нихъ навсегда потеряны. Впрочемъ, едва ли кто и не читалъ „Бэлы“. Что же касается до тѣхъ, которые прочтутъ нашу статью уже послѣ романа, у нихъ черезъ это почти ничего не отнимается; напротивъ, если мы только хорошо сдѣлали наше дѣло, они вновь перечувствуютъ уже испытанное наслажденіе, и еще съ большею силою. Во всякомъ случаѣ, намъ не было никакой возможности избѣжать этихъ выписокъ. Мы хотѣли, чтобы въ нашемъ изложеніи содержанія романа видны были и характеры дѣйствующихъ лицъ, и сохранена была внутренняя жизненность разсказа, равно какъ и его колоритъ; а этого невозможно было сдѣлать, показавъ одинъ скелетъ содержанія, или его отвлеченную мысль. Да и въ чемъ содержаніе повѣсти? Русскій офицеръ похитилъ черкешенку, сперва сильно любилъ ее, но скоро охладѣлъ къ ней; потомъ черкесъ увезъ было ее, но, видя себя почти пойманнымъ, бросилъ, нанесши ей рану, отъ которой она умерла: вотъ и все тутъ. Не говоря о томъ, что тутъ очень немного, тутъ еще нѣтъ и ничего ни поэтическаго, ни особеннаго, ни занимательнаго, а все обыкновенно до пошлости, истерто. Но что же необыкновеннаго или поэтическаго, напримѣръ, и въ содержаніи Шекспирова „Отелло“? Мавръ убилъ страстно любимую имъ жену изъ ревности, которую съ умысломъ возбудилъ въ немъ хитрый злодѣй: развѣ это тоже не истерто и не обыкновенно до пошлости? Развѣ не было написано тысячи повѣстей, романовъ, драмъ, содержаніе которыхъ то же. Но изъ всей этой тысячи только одного „Отелло“ знаетъ міръ и одному ему удивляется. Значитъ: содержаніе не во внѣшней формѣ, не въ сцѣпленіи случайностей, а въ замыслѣ художника, въ тѣхъ образахъ, въ тѣхъ тѣняхъ и переливахъ красокъ, которыя представлялись ему еще прежде, нежели онъ взялся за перо, словомъ — въ творческой концепціи. Художественное созданіе должно быть готово въ душѣ художника прежде, нежели

онъ возьмется за перо: написать — для него уже второстепенный трудъ. Онъ долженъ сперва видѣть передъ собою лица, изъ взаимныхъ отношеній которыхъ образуется его драма или повѣсть. Онъ не обдумываетъ, не расчисляетъ, не теряется въ соображеніяхъ: все выходитъ у него само собою, и выходитъ такъ, какъ должно. Событіе развертывается изъ идеи, какъ растеніе изъ зерна. Потому-то и читатели видятъ въ его лицахъ живые образы, а не призраки, радуются ихъ радостями, страдаютъ ихъ страданіями, думаютъ, разсуждаютъ и спорятъ между собою о ихъ значеніи, ихъ судьбѣ, какъ будто дѣло идетъ о людяхъ, дѣйствительно существовавшихъ и знакомыхъ имъ. Этого нельзя сдѣлать, сперва придумавши отвлеченное содержаніе, т.-е. какую-нибудь завязку и развязку, а потомъ уже придумавши лица и волею или неволею заставивши ихъ играть сообразныя съ сочиненною цѣлію роли. Вотъ почему изложеніе содержанія такъ затруднительно для критика, и безъ выписокъ нельзя ему обойтись: надо сдѣлать его кратко и заставить говорить само за себя разбираемое твореніе.

Глубокое впечатлѣніе оставляетъ послѣ себя „Бэла“: вамъ грустно, но грусть ваша легка, свѣтла и сладостна; вы летите мечтою на могилу прекрасной, но эта могила не страшна: ее освѣщаетъ солнце, омываетъ быстрый ручей, котораго ропотъ, вмѣстѣ съ шелестомъ вѣтра въ листахъ бузины и бѣлой акаціи, говоритъ вамъ о чемъ-то таинственномъ и безконечномъ, и надъ нею, въ свѣтлой вышинѣ, летаетъ и носится какое-то прекрасное видѣніе, съ блѣдными ланитами, съ выраженіемъ укора и прощенія въ черныхъ очахъ, съ грустною улыбкою... Смерть черкешенки не возмущаетъ васъ безотраднымъ и тяжелымъ чувствомъ ибо она явилась не страшнымъ скелетомъ, по произволу автора, но вслѣдствіе разумной необходимости, которую вы предчувствовали уже, и явилась свѣтлымъ ангеломъ примиренія. Диссонансъ разрѣшился въ гармоническій аккордъ, и вы съ умиленіемъ повторяете простыя и трогательныя слова добраго Максима Максимыча: „Нѣтъ, она хорошо сдѣлала, что умерла! ну, что бы съ ней сталось, если бы Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это бы случилось рано или поздно!...“

И съ какимъ безконечнымъ искусствомъ обрисованъ граціозный образъ плѣнительной черкешенки! Она говоритъ и

дѣйствуетъ такъ мало, а вы живо видите ее передъ глазами во всей опредѣленности живого существа, читаете въ ея сердцѣ, проникаете всѣ изгибы его... А Максимъ Максимычъ, этотъ добрый простакъ, который и не подозрѣваетъ, какъ глубока и богата его натура, какъ высокъ и благороденъ онъ? Онъ, грубый солдатъ, любуется Бэлою, какъ прекраснымъ дитятею, любитъ ее, какъ милую дочь — и за что? — спросите его, такъ онъ отвѣтитъ вамъ: „не то, чтобы любилъ, а такъ — глупость!“ Ему досадно, что его ни одна женщина не любила такъ, какъ Бэла — Печорина; ему грустно, что она не вспомнила о немъ передъ смертью, хоть онъ и самъ сознается, что это съ его стороны не совсѣмъ справедливое требованіе... Останавливаться ли на этихъ чертахъ, столь полныхъ безконечностію? Нѣтъ, онѣ говорятъ сами за себя; а тѣ, для кого онѣ нѣмы, тѣ не стоятъ, чтобъ тратить съ ними слова и время. Простая красота, которая есть одна истинная красота, не для всѣхъ доступна: у большей части людей глаза такъ грубы, что на нихъ дѣйствуетъ только пестрота, узорочность и красная краска, густо и ярко намазанная... Характеры Азамата и Казбича — это такіе типы, которые будутъ равно понятны и англичанину, и нѣмцу, и французу, какъ понятны они русскому. Вотъ что называется рисовать фигуры во весь ростъ, съ національною физіономіею и въ національномъ костюмѣ!...

Обратите еще вниманіе на эту естественность разсказа, такъ свободно развивающагося, безъ всякихъ натяжекъ, такъ плавно текущаго собственною силою, безъ помощи автора. Офицеръ, возвращающійся изъ Тифлиса въ Россію, встрѣчается въ горахъ съ другимъ офицеромъ; одинокость дорожнаго положенія даетъ одному право начать разговоръ съ другимъ и такъ естественно доводитъ ихъ до знакомства. Одинъ предлагаетъ чай съ ромомъ — тотъ отказывается, говоря, что по одному случаю онъ зарекся пить. Очень естественно, что, сидя въ дымной и гладкой саклѣ, путешественникъ заводитъ съ товарищемъ разговоръ объ обитателяхъ сакли: товарищъ этотъ — пожилой офицеръ, много лѣтъ проведшій на Кавказѣ, естественно, очень охотно разговорился объ этомъ предметѣ. Вопросъ молодого офицера: „А что, много съ вами бывало приключеній?“ такъ же естественъ, какъ и отвѣтъ пожилого: „Какъ не бывать! бывало...“ Но это не приступъ

къ повѣсти, а только еще, какъ и должно, слабая надежда услышать повѣсть: авторъ не погоняетъ обстоятельствъ, какъ лошадей, но даетъ имъ самимъ развиться. Онъ предлагаетъ Максиму Максимычу чай съ ромомъ: тотъ отказывается отъ рома, говоря, что зарекся пить. Вопросъ: „почему?“ молодого офицера такъ же не можетъ быть сочтенъ натяжкою, какъ откликъ человѣка, когда его зовутъ. Отвѣтъ Максима Максимыча, въ которомъ онъ говоритъ о случаѣ, заставившемъ его заречься пить вино, уже ожидается самимъ читателемъ. Случай этотъ чисто кавказскій: офицеры пировали, какъ вдругъ сдѣлалась тревога. Но разсужденіе Максима Максимыча, что иногда годъ живи — тревоги нѣтъ, „да какъ тутъ еще водка — пропащій человѣкъ“, отнимаетъ всякую надежду на повѣсть; какъ вдругъ онъ обращается къ черкесамъ, которые, если напьются бузы, такъ и начнутъ рубиться, и очень естественно вспоминаетъ одинъ случай. Онъ и расположенъ его разсказать, но какъ бы не хочетъ навязываться съ разсказами. Молодой офицеръ, котораго любопытство давно уже сильно возбуждено, но который умѣетъ умѣрить его приличіемъ, съ притворнымъ равнодушіемъ спрашиваетъ: „Какъ же это случилось?“ — „Вотъ изволите видѣть“ — и повѣсть началась. Исходный пунктъ ея — страстное желаніе мальчика-черкеса имѣть лихого коня, и вы помните эту дивную сцену изъ драмы между Азаматомъ и Казбичемъ. Печоринъ человѣкъ рѣшительный, алчущій тревогъ и бурь, готовый рискнуть на все для выполненія даже прихоти своей, — а здѣсь дѣло шло о чемъ-то гораздо большемъ, чѣмъ прихоть. Итакъ, все вышло изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, по законамъ строжайшей необходимости, а не по произволу автора. Но еще повѣсть была простымъ анекдотомъ, и новые знакомые уже пустились въ разсужденія по поводу его, какъ вдругъ Максимъ Максимычъ, у котораго воспоминаніе ожило и потребность сообщить его другому возбудилась, какъ бы говоря съ самимъ собою, прибавилъ: „Никогда себѣ не прощу одного: чортъ дернулъ меня, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ сидя за заборомъ; онъ посмѣялся, — такой хитрый! — а самъ задумалъ кое-что“. Что можетъ быть естественнѣе, проще всего этого? Такая естественность и простота никогда не могутъ быть дѣломъ расчета и соображенія: онѣ плодъ вдохновенія.

Итакъ, исторія Бэлы кончилась; но романъ еще только начался, и мы прочли одно вступленіе, которое, впрочемъ, и само по себѣ, отдѣльно взятое, есть художественное произведеніе, хотя и составляетъ только часть цѣлаго. Но пойдемъ далѣе. Во Владикавказѣ авторъ опять съѣхался съ Максимомъ Максимычемъ. Когда они обѣдали, на дворъ въѣхала щегольская коляска, за которою шелъ человѣкъ. Несмотря на грубость этого человѣка, „баловаинаго слуги лѣниваго барина", Максимъ Максимычъ допросился у него, что коляска принадлежитъ Печорину. „Что ты? Что ты? Печоринъ?... Ахъ, Боже мой! да не служилъ ли онъ на Кавказѣ?" Въ глазахъ Максима Максимыча сверкала радость. — „Служилъ, кажется, да я у нихъ недавно", отвѣчалъ слуга.—„Ну такъ!... такъ!... Григорій Александровичъ?... Такъ вѣдь его зовутъ? Мы, съ твоимъ бариномъ были пріятели", прибавилъ Максимъ Максимычъ, ударивъ дружески по плечу лакея, такъ что заставилъ его пошатнуться... — „Позвольте, сударь, вы мнѣ мѣшаете", сказалъ тотъ нахмурившись.—„Экой ты, братецъ!... Да знаешь ли? Мы съ твоимъ бариномъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ... Да гдѣ жъ онъ самъ остался?" Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н***. „Да не зайдетъ ли онъ вечеромъ сюда?" сказалъ Максимъ Максимычъ: „или ты, любезный, не пойдешь ли къ нему за чѣмъ-нибудь?... Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ; такъ и скажи... ужъ онъ знаетъ... Я дамъ тебѣ восьмигривенный на водку"... Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако увѣрилъ Максима Максимыча, что исполнитъ его порученіе. „Вѣдь сейчасъ прибѣжитъ!..." сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ: „пойду за ворота дожидаться... Эхъ, жалко, что я не знакомъ съ Н***!"

Итакъ, Максимъ Максимычъ ждетъ за воротами. Онъ отказался отъ чашки чаю и, наскоро выпивъ одну, по вторичному приглашенію, опять выбѣжалъ за ворота. Въ немъ замѣтно было живѣйшее безпокойство, и явно было, что его огорчало равнодушіе Печорина. Новый его знакомый, отворивъ окно, звалъ его спать: онъ что-то пробормоталъ, а на вторичное приглашеніе ничего не отвѣтилъ. Уже поздно ночью вошелъ онъ въ комнату, бросилъ трубку на столъ, сталъ

ходить, ковырять въ печи, наконецъ легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался.

На другой день утромъ сидѣлъ онъ за воротами. „Мнѣ надо сходить къ коменданту“, сказалъ онъ: „такъ, пожалуйста, если Печоринъ придетъ, пришлите за мною“. Но лишь ушелъ онъ, какъ предметъ его безпокойства явился. Съ любопытствомъ смотрѣлъ на него нашъ авторъ, а результатомъ его внимательнаго наблюденія былъ подробный портретъ, къ которому мы возвратимся, когда будемъ говорить о Печоринѣ, а теперь займемся исключительно Максимомъ Максимычемъ. Надо сказать, что когда Печоринъ пришелъ, лакей доложилъ ему, что сейчасъ будутъ закладывать лошадей. Здѣсь мы снова должны прибѣгнуть къ длинной выпискѣ.

Лошади были уже заложены; колокольчикъ по временамъ звенѣлъ подъ дугою, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ счастію, Печоринъ былъ погруженъ въ задумчивость, глядя на синіе зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему: „Если вы захотите еще немного подождать,— сказалъ я, — то будете имѣть удовольствіе увидѣться съ старымъ пріятелемъ“...

— Ахъ, точно! быстро отвѣчалъ онъ: — мнѣ вчера говорили; но гдѣ же онъ? — Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать; потъ градомъ катился съ лица его; мокрые клочки сѣдыхъ волосъ вырвались изъ-подъ шапки, приклеились ко лбу его; колѣни его дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорина, но тотъ довольно холодно, хотя съ привѣтливой улыбкой, протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остолбенѣлъ, но потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками: онъ еще не могъ говорить.

— Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ. Ну, какъ вы поживаете? сказалъ Печоринъ.

— А ты?... а вы?... пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ: — сколько лѣтъ... сколько дней... да куда это?...

— Ѣду въ Персію и дальше...

— Неужто сейчасъ?... Да подождите, дрожайшій!... Неужто сейчасъ разстанемся?... Столько времени не видались...

— Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ, — былъ отвѣтъ.

— Боже мой, Боже мой! да куда это такъ спѣшите?... Мнѣ столько бы хотѣлось вамъ сказать... столько разспросить... Ну, что? въ отставкѣ?... какъ?.. что подѣлывали?...

— Скучалъ!... отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь.

— А помните наше житье-бытье въ крѣпости?... Славная страна для охотниковъ!... Вѣдь вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Бэла...

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся,

— Да, помню!... сказалъ онъ, почти тотчасъ принужденно зѣвнувъ.

Максимъ Максимычъ сталъ его упрашивать остаться съ нимъ еще часа два. „Мы славно пообѣдаемъ“, говорилъ онъ: „у меня два фазана, а кахетинское здѣсь прекрасное... разумѣется, не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы поговоримъ... вы мнѣ разскажете про свое житье въ Петербургѣ... А?...“

— Право, мнѣ нечего разсказывать, дорогой Максимъ Максимычъ... Однако прощайте, мнѣ пора... я спѣшу... Благодарю, что не забыли... — прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это. „Забыть!“ проворчалъ онъ: „я-то не забылъ ничего... Ну, да Богъ съ вами!... Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться...“

— Ну, полно, полно! сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески: — неужели не тотъ же?... что дѣлать?... Всякому своя дорога... Удастся ли еще встрѣтиться — Богъ знаетъ!... Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ, и ямщикъ уже начиналъ подбирать вожжи.

— Постой! постой! закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски: — совсѣмъ было забылъ... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ... я ихъ таскаю съ собой... думалъ найти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... что мнѣ съ ними дѣлать?...

— Что хотите! отвѣчалъ Печоринъ. — Прощайте...

— Такъ вы въ Персію?... а когда вернетесь?... кричалъ вслѣдъ Максимъ Максимычъ.

Коляска была уже далеко. Давно уже не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ, а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости.

Довольно! не будемъ выписывать длиннаго и безсвязнаго монолога, который проговорилъ огорченный старикъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ и сверкала на его рѣсницахъ. Довольно: Максимъ Максимычъ и такъ уже весь передъ вами... Если бы вы нашли его, познакомились съ нимъ, двадцать лѣтъ прожили съ нимъ въ одной крѣпости, и тогда бы не узнали его лучше. Но мы больше уже не увидимся съ нимъ, а онъ такъ интересенъ, такъ прекрасенъ, что грустно такъ скоро разстаться съ нимъ, и потому взглянемъ на него еще разъ, уже послѣдній.

— Максимъ Максимычъ, — сказалъ я, подошедши къ нему, — а что за бумаги оставилъ вамъ Печоринъ?

— Богъ его знаетъ! какія-то записки.
— Что вы изъ нихъ сдѣлаете?
— Что? я велю надѣлать патроновъ.
— Отдайте ихъ лучше мнѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же участь: въ его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко.

— Вотъ онѣ всѣ, — сказалъ онъ: — поздравляю васъ съ находкою...

— И я могу дѣлать съ ними все, что хочу.

— Хоть въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?... Что я, развѣ другъ его какой, или родственникъ?... Правда, мы жили долго подъ одной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ?...

Схватя и унеся поскорѣе бумаги изъ опасенія, чтобы Максимъ Максимычъ не раскаялся, нашъ авторъ собрался въ дорогу; онъ уже надѣлъ шапку, какъ штабсъ-капитанъ вошелъ. Но нѣтъ, воля ваша! а ужъ надо проститься съ Максимомъ Максимычемъ какъ слѣдуетъ, то-есть, не прежде, какъ выслушавъ его послѣднее слово. Что дѣлать?.. есть такіе люди, съ которыми, разъ познакомившись, вѣкъ бы не разстался.

— А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдете?
— Нѣтъ-съ.
— А что такъ?
— Да я еще коменданта не видалъ, а мнѣ надо сдать кое-какія казенныя вещи.
— Да вѣдь вы же были у него?
— Былъ, конечно,— сказалъ онъ, заминаясь,— да его дома не было... а я не дождался...

Я понялъ его: бѣдный старикъ, въ первый разъ отъ роду, можетъ-быть, бросилъ дѣла службы для *собственной надобности*, говоря языкомъ бумажнымъ,— и какъ же онъ былъ награжденъ!

— Очень жаль,— сказалъ я ему,— очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо разстаться.

— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!... вы молодежь свѣтская, гордая: еще покамѣстъ подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда... а послѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужилъ этихъ упрековъ Максимъ Максимычъ.

— Да я, знаете, такъ, къ слову говоря; а впрочемъ желаю вамъ всякаго счастія и веселой дороги.

За симъ они довольно сухо разстались; но вы, любезный читатель, вѣрно не сухо разстались съ этимъ старымъ мла-

денцемъ, столь добрымъ, столь милымъ, столь человѣчнымъ и столь не опытнымъ во всемъ, что̀ выходило за тѣсный кругозоръ его понятій и опытности? Не правда ли, вы такъ свыклись съ нимъ, такъ полюбили его, что никогда уже не забудете его, а если встрѣтите подъ грубою наружностью, подъ корою зачерствѣлости отъ трудной и скудной жизни горячее сердце, подъ простою, мѣщанскою рѣчью — теплоту души, то, вѣрно, скажете: „это Максимъ Максимычъ“?... И дай Богъ вамъ поболѣе встрѣтить на пути вашей жизни Максимовъ Максимычей!...

И вотъ, мы разсмотрѣли двѣ части романа — „Бэлу“ и „Максима Максимыча“: каждая изъ нихъ имѣетъ свою особенность и замкнутость, почему каждая и оставляетъ въ душѣ читателя такое полное цѣлостное и глубокое впечатлѣніе. Героевъ той и другой повѣсти мы видѣли въ торжественнѣйшихъ положеніяхъ ихъ жизни и коротко ихъ знаемъ. Первая — повѣсть; вторая — эскизъ характера, и каждая равно полна и удовлетворительна, ибо въ каждой поэтъ умѣлъ исчерпать все ея содержаніе и въ типическихъ чертахъ вывести вовнѣ все внутреннее, крывшееся въ ней, какъ возможность. Что намъ за нужда, что во второй нѣтъ романическаго содержанія, что она представляетъ собою не жизнь, а отрывокъ изъ жизни человѣка? Но если въ этомъ отрывкѣ весь человѣкъ, то чего же больше. Поэтъ хотѣлъ изобразить характеръ, и превосходно успѣлъ въ этомъ: его Максимъ Максимычъ можетъ употребляться не какъ собственное, но какъ нарицательное имя, наравнѣ съ Онѣгиными, Ленскими, Загорѣцкими, Иванами Ивановичами, Иванами Никифоровичами, Аѳанасіями Ивановичами, Чацкими, Фамусовыми и пр. Мы познакомились съ нимъ еще въ „Бэлѣ“ и больше уже не увидимся. Но въ обѣихъ этихъ повѣстяхъ мы видѣли еще одно лицо, съ которымъ однакожъ незнакомы. Это таинственное лицо не есть герой этихъ повѣстей, но безъ него не было бы этихъ повѣстей: онъ герой романа, котораго эти двѣ повѣсти — только части. Теперь пора намъ съ нимъ познакомиться, и уже не чрезъ посредство другихъ лицъ, какъ прежде: всѣ они его не понимаютъ, какъ мы уже видѣли; равнымъ образомъ, и не черезъ поэта, который хоть и одинъ виноватъ въ немъ, но умываетъ въ немъ руки, а чрезъ него же самого: мы готовимся читать

его записки. Поэтъ написалъ отъ себя предисловіе только къ запискамъ Печорина. Это предисловіе составляетъ родъ главы романа, какъ его существеннѣйшая часть, но, несмотря на то, мы возвратимся къ нему послѣ, когда будемъ говорить о характерѣ Печорина, а теперь прямо приступимъ къ „запискамъ“.

Первое отдѣленіе ихъ называется „Тамань“, и, подобно первымъ двумъ, есть отдѣльная повѣсть. Хотя оно и представляетъ собою эпизодъ изъ жизни героя романа, но герой попрежнему остается для насъ лицомъ таинственнымъ. Содержаніе этого эпизода слѣдующее: Печоринъ въ Тамани остановился въ скверной хатѣ, на берегу моря, въ которой онъ нашелъ только слѣпого мальчика лѣтъ 14 и потомъ таинственную дѣвушку. Случай открываетъ ему, что эти люди — контрабандисты. Онъ ухаживаетъ за дѣвушкою и въ шутку грозитъ ей, что донесетъ на нихъ. Вечеромъ въ тотъ же день она приходитъ къ нему, какъ сирена, обольщаетъ его предложеніемъ своей любви и назначаетъ ему ночное свиданіе на морскомъ берегу. Разумѣется, онъ является, но какъ странность и какая-то таинственность во всѣхъ словахъ и поступкахъ дѣвушки давно уже возбудили въ немъ подозрѣніе, то онъ и запасся пистолетомъ. Таинственная дѣвушка пригласила его сѣсть въ лодку — онъ было поколебался, но отступать было уже не время. Лодка помчалась, а дѣвушка обвилась вокругъ его шеи, и что-то тяжелое упало въ воду... Онъ хвать за пистолетъ, но его уже не было... Тогда завязалась между ними страшная борьба: наконецъ, мужчина побѣдилъ; посредствомъ осколка весла, онъ добрался кое-какъ до берега и, при лунномъ свѣтѣ, увидѣлъ таинственную ундину, которая, спасшись отъ смерти, отряхалась. Черезъ нѣсколько времени, она удалилась съ Янко, какъ видно, однимъ изъ главныхъ дѣйствователей контрабанды: такъ какъ посторонній узналъ ихъ тайну, имъ опасно было оставаться болѣе въ этомъ мѣстѣ. Слѣпой тоже пропалъ, укравъ у Печорина шкатулку, шашку съ серебряной оправой и дагестанскій кинжалъ.

Мы не рѣшились дѣлать выписокъ изъ этой повѣсти, потому что она рѣшительно не допускаетъ ихъ: это словно какое-то лирическое стихотвореніе, вся прелесть котораго уничтожается однимъ выпущеннымъ или измѣненнымъ не

рукою самого поэта стихомъ; она вся въ формѣ; если выписывать, то должно бы ее выписывать всю отъ слова до слова; пересказываніе ея содержанія дастъ о ней такое же понятіе, какъ разсказъ, хотя бы и восторженный, о красотѣ женщины, которой вы сами не видѣли. Повѣсть эта отличается какимъ-то особеннымъ колоритомъ: несмотря на прозаическую дѣйствительность ея содержанія, все въ ней таинственно, лица — какія-то фантастическія тѣни, мелькающія въ вечернемъ сумракѣ, при свѣтѣ зари или мѣсяца. Особенно очаровательна дѣвушка: это какая-то дикая, сверкающая красота, какъ ундина, страшная, какъ русалка, быстрая, какъ прелестная тѣнь, обольстительная, какъ сирена, неуловимая, какъ волна, гибкая, какъ тростникъ. Ее нельзя любить, нельзя и ненавидѣть, но ее можно только и любить и ненавидѣть вмѣстѣ. Какъ чудно хороша она, когда, на крышѣ своей кровли, съ распущенными волосами, защитивъ глаза ладонью, пристально всматривается вдаль, и то смѣется и разсуждаетъ сама съ собою, то запѣваетъ полную раздолья и отваги удалую пѣсню.

Что касается до героя романа — онъ и тутъ является тѣмъ же таинственнымъ лицомъ, какъ и въ первыхъ повѣстяхъ. Вы видите человѣка съ сильною волею, отважнаго, не блѣднѣющаго никакой опасности, напрашивающагося на бури и тревоги, чтобы занять себя чѣмъ-нибудь и наполнить бездонную пустоту своего духа, хотя бы и дѣятельностію безъ всякой цѣли.

Наконецъ, вотъ и „Княжна Мери“. Предисловіе нами прочитано, теперь начинается для насъ романъ. Эта повѣсть разнообразнѣе и богаче всѣхъ другихъ своимъ содержаніемъ, но зато далеко уступаетъ имъ въ художественности формы. Характеры ея — или очерки, или силуэты, и только развѣ одинъ — портретъ. Но что составляетъ ея недостатокъ, то же самое есть и ея достоинство, и наоборотъ. Подробное разсмотрѣніе ея объяснитъ нашу мысль.

Начинаемъ съ 7-й страницы. Печоринъ въ Пятигорскѣ, у Елизаветинскаго источника, сходится съ своимъ знакомымъ — юнкеромъ Грушницкимъ. По художественному выполненію это лицо стоитъ Максима Максимыча: подобно ему, это типъ, представитель цѣлаго разряда людей, имя нарицательное. Грущницкій — идеальный молодой человѣкъ, кото-

рый щеголяетъ своею идеальностью, какъ записные франты щеголяютъ модными платьемъ, а „львы“ — ослиною глупостью. Онъ носитъ солдатскую шинель изъ толстаго сукна; у него георгіевскій солдатскій крестикъ. Ему очень хочется, чтобы его считали не юнкеромъ, а разжалованнымъ изъ офицеровъ: онъ находитъ это очень эффектнымъ и интереснымъ. Вообще, „производить эффектъ“ — его страсть. Онъ говоритъ вычурными фразами. Словомъ, это одинъ изъ тѣхъ людей, которые особенно плѣняютъ чувствительныхъ, романическихъ и романтическихъ провинціальныхъ барышень, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ, по прекрасному выраженію автора записокъ, „не трогаетъ просто-прекрасное и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія“. Въ ихъ душѣ, — прибавляетъ онъ, — часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи“. Но вотъ самая лучшая и полная характеристика такихъ людей, сдѣланная авторомъ же журнала: „подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами, — иногда тѣмъ и другимъ“. Мы къ этому очерку прибавимъ отъ себя только то, что они страхъ какъ любятъ сочиненія Марлинскаго, и чуть зайдетъ рѣчь о предметахъ сколько-нибудь не житейскихъ, стараются говорить фразами изъ его повѣстей. Теперь вы вполнѣ знакомы съ Грушницкимъ. Онъ очень не долюбливаетъ Печорина за то, что тотъ его понялъ. Печоринъ тоже не любитъ Грушницкаго и чувствуетъ, что когда-нибудь они столкнутся, и одному изъ нихъ не сдобровать.

Они встрѣтились, какъ знакомые, и у нихъ начался разговоръ. Грушницкій напалъ на общество, съѣхавшееся въ этотъ годъ на воды. „Нынѣшній годъ, — говорилъ онъ, — изъ Москвы только одна княгиня Лиговская съ дочерью; но я съ ними незнакомъ; моя солдатская шинель, какъ печать отверженія. Участіе, которое она возбуждаетъ, — тяжело, какъ милостыня“. Въ это время прошли мимо нихъ къ колодцу двѣ дамы, и Грушницкій сказалъ, что то княгиня Лиговская съ дочерью, Мери. Онъ съ ними незнакомъ, потому что „этой гордой знати нѣтъ дѣла, есть ли умъ подъ нумерованною фуражкой и сердце подъ толстою шинелью!“ Звонкою фразою, громко сказанною по-французски, онъ обратилъ на себя вниманіе княгини. Печоринъ сказалъ ему: „Эта княжна Мери пре-

хорошенькая. У нея такіе бархатные глаза, — именно бархатные: я тебѣ совѣтую присвоить это выраженіе, говоря о ея глазахъ, — нижнія и верхнія рѣсницы такъ длинны, что лучи солнца не отражаются въ ея зрачкахъ. Я люблю эти глаза — безъ блеска: они такъ мягки, они будто бы тебя гладятъ... Впрочемъ, кажется, въ ея лицѣ только и есть хорошаго... а что у нея зубы бѣлы? Это очень важно! жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу!“ — „Ты говоришь о хорошей женщинѣ, какъ объ англійской лошади“ — сказалъ Грушницкій съ негодованіемъ. Они разошлись.

Возвращаясь мимо того мѣста, Печоринъ, невидимый, былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Грушницкій былъ раненъ, или хотѣлъ казаться раненымъ, и потому хромалъ на одну ногу. Уронивъ стаканъ на песокъ, онъ напрасно усиливался поднять его. Легче птички подлетѣла къ нему княжна и, поднявъ стаканъ, подала ему его съ тѣлодвиженіемъ, исполненнымъ невыразимой прелести. Изъ этого выходитъ цѣлый рядъ смѣшныхъ сценъ, худо кончившихся для Грушницкаго. Онъ идеальничаетъ — Печоринъ надъ ними тѣшится. Онъ хочетъ ему показать, что въ поступкѣ княжны не видитъ для Грушницкаго никакой причины къ восторгу или даже просто къ удовольствію. Печоринъ приписываетъ это своей страсти къ противорѣчію, говоря, что присутствіе энтузіаста обдаетъ его крещенскимъ холодомъ, а частыя сношенія съ флегматикомъ могутъ сдѣлать его страстнымъ мечтателемъ. Напрасное обвиненіе! Такое чувство противорѣчія понятно во всякомъ человѣкѣ съ глубокою душою. Дѣтская, а тѣмъ болѣе фальшивая идеальность оскорбляетъ чувство до того, что пріятно увѣрить себя въ ту минуту, что совсѣмъ не имѣешь чувства. Въ самомъ дѣлѣ, лучше быть совсѣмъ безъ чувства, нежели съ такимъ чувствомъ. Напротивъ, совершенное отсутствіе жизни въ человѣкѣ возбуждаетъ въ насъ невольное желаніе увѣриться въ собственныхъ глазахъ, что мы не похожи на него, что въ насъ много жизни, и сообщаетъ намъ какую-то восторженность. Указываемъ на эту черту ложнаго самообвиненія въ характерѣ Печорина, какъ на доказательство его противорѣчія съ самимъ собою вслѣдствіе непониманія самого себя, причины котораго мы объяснимъ ниже.

Теперь выходитъ на сцену новое лицо—медикъ Вернеръ.

Въ беллетристическомъ смыслѣ, это лицо превосходно, но въ художественномъ довольно блѣдно. Мы больше видимъ, что̀ хотѣлъ сдѣлать изъ него поэтъ, нежели, что̀ онъ сдѣлалъ изъ него въ самомъ дѣлѣ.

Жалѣемъ, что предѣлы статьи не позволяютъ намъ выписать разговора Печорина съ Вернеромъ; это образецъ граціозной шутливости и, вмѣстѣ, полнаго мысли остроумія (стр. 28—37). Вернеръ сообщаетъ ему свѣдѣнія о пріѣхавшихъ на воды, а главное—о Лиговскихъ. „Что̀ вамъ сказала княгиня Лиговская обо мнѣ?“ спросилъ Печоринъ. — „Вы очень увѣрены, что это княгиня... а не княжна?“ — „Совершенно убѣжденъ“.—„Почему?“ — „Потому что княжна спрашивала о Грушницкомъ“. — „У васъ большой даръ соображенія“, отвѣчалъ Вернеръ. Затѣмъ онъ сообщилъ, что княжна почитаетъ Грушницкаго разжалованнымъ въ солдаты за дуэль. „Надѣюсь, вы ее оставили въ этомъ пріятномъ заблужденіи?“ — „Разумѣется“. — „Завязка есть!“ закричалъ Печоринъ въ восторгѣ: „объ развязкѣ этой комедіи мы похлопочемъ. Явно судьба заботится о томъ, чтобы мнѣ не было скучно“. Далѣе, Вернеръ сообщилъ Печорину, что княгиня его знаетъ, потому что встрѣчала въ Петербургѣ, гдѣ его исторія (какая — этого не объясняется въ романѣ) надѣлала много шума. Говоря о ней, княгиня къ свѣтскимъ сплетнямъ приплетала свои, а дочка слушала со вниманіемъ, — въ ея воображеніи Печоринъ (по словамъ Вернера) сдѣлался героемъ романа въ новомъ вкусѣ. Вернеръ вызывается представить его княгинѣ. Печоринъ отвѣчаетъ, что героевъ не представляютъ, и что они не иначе знакомятся, какъ спасая отъ смерти свою любезную. Въ шуткахъ его проглядываетъ намѣреніе. Мы скоро узнаемъ о немъ: оно началось отъ нечего дѣлать, а кончилось... но объ этомъ послѣ. Вернеръ сказалъ о княжнѣ, что она любитъ разсуждать о чувствахъ, о страстяхъ и пр. Потомъ, на вопросъ Печорина, не видѣлъ ли онъ кого-нибудь у нихъ, онъ говоритъ, что видѣлъ женщину — блондинку, съ чахоточнымъ видомъ лица, съ черною родинкою на правой щекѣ. Примѣты эти видимо взволновали Печорина, и онъ долженъ былъ признаться, что нѣкогда любилъ эту женщину. Затѣмъ, онъ проситъ Вернера не говорить ей о немъ, а если она спроситъ — отнестись о немъ дурно. „Пожалуй!“ отвѣчалъ Вернеръ, пожавъ плечами, и ушелъ.

Оставшись наединѣ, Печоринъ думаетъ о предстоящей встрѣчѣ, которая безпокоитъ его. Ясно, что его равнодушіе и иронія—больше свѣтская привычка, нежели черта характера. „Нѣтъ въ мірѣ человѣка (говоритъ онъ), надъ которымъ бы прошедшее пріобрѣтало такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ! ничего не забываю — ничего!“

Вечеромъ онъ вышелъ на бульваръ. Сошедшись съ двумя знакомыми, онъ началъ имъ разсказывать что-то смѣшное; они такъ громко хохотали, что любопытство переманило на его сторону нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ княжну. Онъ, какъ выражается самъ, продолжалъ увлекать публику до захожденія солнца. Княжна нѣсколько разъ проходила мимо него съ матерью, — и ея взглядъ, стараясь выразить равнодушіе, выражалъ одну досаду. Съ этого времени у нихъ началась открытая война: въ глаза и заглаза язвили они другъ друга насмѣшками, злыми намеками. Верхъ всегда былъ на сторонѣ Печорина, ибо онъ велъ войну съ должнымъ присутствіемъ духа, безъ всякой запальчивости. Его равнодушіе бѣсило княжну и, на зло ей самой, только дѣлало его интереснѣе въ ея глазахъ. Грушницкій слѣдилъ за нею какъ звѣрь, и лишь только Печоринъ предрекъ скорое знакомство его съ Лиговскими, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ случай заговорить съ княгинею и сказать какой-то комплиментъ княжнѣ. Вслѣдствіе этого онъ началъ докучать Печорину, почему онъ не познакомится съ этимъ домомъ, лучшимъ на водахъ? Печоринъ увѣряетъ идеальнаго шута, что княжна его любитъ: Грушницкій конфузится, говоритъ: „какой вздоръ!“ и самодовольно улыбается. „Другъ мой, Печоринъ“, говорилъ онъ: „я тебя не поздравляю; ты у нея на дурномъ замѣчаніи... А, право, жаль! потому что Мери очень мила!...“— „Да, она недурна!“ сказалъ съ важностью Печоринъ: „только берегитесь, Грушницкій!“ Тутъ онъ сталъ ему давать совѣты и дѣлать предсказанія съ ученымъ видомъ знатока. Смыслъ ихъ былъ тотъ, что княжна изъ тѣхъ женщинъ, которыя любятъ, чтобы ихъ забавляли; что если съ Грушницкимъ ей будетъ скучно двѣ минуты сряду — онъ погибъ; что, накокетничавшись съ нимъ, она выйдетъ за какого-нибудь урода, изъ покорности къ маменькѣ, а послѣ и станетъ увѣрять

себя, что она несчастна, что она одного только человѣка и любила, т.-е. Грушницкаго, но что небо не хотѣло соединить ее съ нимъ, потому что на немъ была солдатская шинель, хотя подъ этой толстою сѣрою шинелью билось сердце страстное и благородное... Грушницкій ударилъ по столу кулакомъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. „Я внутренно хохоталъ (слова Печорина) и даже раза два улыбнулся, но онъ, къ счастью, этого не замѣтилъ. Явно, что онъ влюбленъ, потому что еще довѣрчивѣе прежняго; у него даже появилось серебряное кольцо съ чернью, здѣшней работы... Я сталъ его разсматривать, и что же?... мелкими буквами имя Мери было вырѣзано на внутренней сторонѣ и рядомъ — число того дня, когда она подняла знаменитый стаканъ. Я утаилъ свое открытіе; я не хочу вынуждать у него признаній; я хочу, чтобы онъ самъ выбралъ меня въ свои повѣренные, — и тутъ-то я буду наслаждаться!“

На другой день, гуляя по виноградной аллеѣ и думая о женщинѣ съ родинкою, онъ въ гротѣ встрѣтился съ нею самой. Но здѣсь мы должны выпискою дать понятіе объ ихъ отношеніяхъ.

— Вѣра! вскрикнулъ я невольно.

Она вздрогнула и поблѣднѣла. — „Я знала, что вы здѣсь“, — сказала она. Я сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Давно забытый трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ при звукѣ этого милаго голоса; она посмотрѣла мнѣ въ глаза своими глубокими и спокойными глазами, — въ нихъ выражалась недовѣрчивость и что-то похожее на упрекъ.

— Мы давно не видались, — сказалъ я.

— Давно, и перемѣнились оба во многомъ.

— Стало-быть, ужъ ты меня не любишь?...

— Я замужемъ!... сказала она.

— Опять? Однако нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта причина также существовала, но между тѣмъ...

Она выдернула свою руку изъ моей, и щеки ея запылали.

— Можетъ-быть, ты любишь своего второго мужа?

Она не отвѣчала и отвернулась.

— Или онъ очень ревнивъ?

Молчаніе.

— Что же? онъ молодъ, хорошъ, особенно, вѣрно, богатъ, и ты боишься... Я взглянулъ на нее и испугался: ея лицо выражало глубокое отчаяніе, на глазахъ сверкали слезы.

— Скажи мнѣ, — наконецъ, прошептала она, — тебѣ очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидѣть. Съ тѣхъ поръ,

какъ мы знаемъ другъ друга, ты ничего мнѣ не далъ, кромѣ страданій!... Ея голосъ задрожалъ, она склонилась ко мнѣ и опустила голову на грудь мою.

„Можетъ-быть“, подумалъ я, „ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда!...“

Вѣра никакъ не хотѣла, чтобы Печоринъ познакомился съ ея мужемъ; но такъ какъ онъ дальній родственникъ Лиговской и какъ потому Вѣра часто бываетъ у ней, то она и взяла съ него слово познакомиться съ княгинею.

Такъ какъ „Записки“ Печорина есть его автобіографія, то и невозможно дать полнаго понятія о немъ, не прибѣгая къ выпискамъ, а выписокъ нельзя дѣлать, не переписавши большей части повѣсти. Посему, мы принуждены пропускать множество подробностей самыхъ характеристическихъ, и слѣдить только за развитіемъ дѣйствія.

Однажды, гуляя верхомъ, въ черкесскомъ платьѣ, между Пятигорскомъ и Желѣзноводскомъ, Печоринъ спустился въ оврагъ, закрытый кустарникомъ, чтобы напоить коня. Вдругъ онъ видитъ — приближается кавалькада: впереди ѣхалъ Грушницкій съ княжной Мери. Онъ былъ довольно смѣшонъ въ своей сѣрой солдатской шинели, сверхъ которой у него надѣта была шашка и пара пистолетовъ. Причина такого вооруженія та (говоритъ Печоринъ), что дамы на водахъ еще вѣрятъ нападенію черкесовъ.

— И вы цѣлую жизнь хотите остаться на Кавказѣ? говорила княжна.

— Что для меня Россія? отвѣчалъ ея кавалеръ: — страна, гдѣ тысячи людей, потому что они богаче меня, будутъ смотрѣть на меня съ презрѣніемъ, тогда какъ здѣсь — здѣсь эта толстая шинель не помѣшала моему знакомству съ вами...

— Напротивъ... сказала княжна, покраснѣвъ.

Въ это время они поравнялись со мной; я ударилъ плетью по лошади и выѣхалъ изъ-за куста.

— Mon Dieu, un Circassien!... вскрикнула княжна въ ужасѣ.

Чтобы ее совершенно разувѣрить, я отвѣчалъ по-французски, слегка наклонясь:

— Ne craignez rien, madame, je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier.

Княжна смутилась отъ этого отвѣта. Вечеромъ того же дня Печоринъ встрѣтился съ Грушницкимъ на бульварѣ.

„Откуда?„ — „Отъ княгини Лиговской, — сказалъ онъ очень важно. — Какъ Мери поетъ!“ — „Знаешь ли что? — сказалъ я ему: я пари держу, что она не знаетъ, что ты юнкеръ; она думаетъ, что ты разжалованный“.

— Быть-можетъ! Какое мнѣ дѣло!... сказалъ онъ разсѣянно.

— Нѣтъ, я только такъ это говорю...

— А знаешь ли, что ты нынче ужасно ее разсердилъ? Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу могъ ее увѣрить, что ты не могъ имѣть намѣреніе ее оскорбить; она говоритъ, что у тебя наглый взглядъ, что ты вѣрно о себѣ самаго высокаго мнѣнія.

— Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?

— Мнѣ жаль, что я не имѣю еще этого права...

„Ого“! думалъ я: — „у него видно есть уже надежда...“

— Впрочемъ, для тебя же хуже, — продолжалъ Грушницкій, — теперь тебѣ трудно познакомиться съ ними, а жаль! это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ, какіе я только знаю...

Я внутренно улыбался. „Самый пріятный домъ для меня теперь мой“, сказалъ я, зѣвая, и всталъ, чтобы итти.

— Однако признайся, ты раскаиваешься?...

— Какой вздоръ! если я захочу, то завтра же вечеромъ буду у княгини...

— Посмотримъ.

— Даже, чтобы тебѣ сдѣлать удовольствіе, стану волочиться за княжной.

На балѣ, въ рестораціи, Печоринъ услышалъ, какъ одна толстая дама, толкнутая княжною, бранила ее за гордость и изъявила желаніе, чтобы ее проучили, и какъ одинъ услужливый драгунскій капитанъ, кавалеръ толстой дамы, сказалъ ей, что „за этимъ дѣло не станетъ“. Печоринъ попросилъ княжну на вальсъ, — и княжна едва могла подавить на устахъ своихъ улыбку торжества. Сдѣлавши съ нею нѣсколько туровъ, онъ завелъ съ нею разговоръ въ тонѣ кающагося преступника. Хохотъ и шушуканье прервали этотъ разговоръ, — Печоринъ обернулся; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла группа мужчинъ, и среди нихъ драгунскій капитанъ потиралъ отъ удовольствія руки. Вдругъ выходитъ на середину пьяная фигура съ усами и красною рожей, невѣрными шагами подходитъ къ княжнѣ и, заложивъ руки на спину, уставивъ на смущенную дѣвушку мутно-сѣрые глаза, говоритъ ей хриплымъ дискантомъ: „Пермете... ну, да что тутъ!... просто ангажирую васъ на мазурку...“ Матери княжны не было вблизи; положеніе княжны было ужасно; она готова была упасть въ обморокъ. Печоринъ подошелъ

къ пьяному господину и попросилъ его удалиться, говоря, что княжна дала уже ему слово танцовать съ нимъ мазурку. Разумѣется, слѣдствіемъ этой исторіи было формальное знакомство Печорина съ Лиговскими. Въ продолженіе мазурки Печоринъ говорилъ съ княжною и нашелъ, что она очень мило шутила, что разговоръ ея былъ остеръ, безъ притязанія на остроту, живъ и свободенъ; ея замѣчанія иногда глубоки.

Этотъ разговоръ былъ программою той продолжительной интриги, въ которой Печоринъ игралъ роль соблазнителя отъ нечего дѣлать; княжна, какъ птичка, билась въ сѣтяхъ, разставленныхъ искусною рукою, а Грушницкій попрежнему продолжалъ свою шутовскую роль. Чѣмъ скучнѣе и несноснѣе становился онъ для княжны, тѣмъ смѣлѣе становились его надежды. Вѣра безпокоилась и страдала, замѣчая новыя отношенія Печорина къ Мери; но при малѣйшемъ укорѣ или намекѣ должна была умолкать, покоряясь его обаятельной власти, которую онъ такъ тиранически употреблялъ надъ нею. Но что́ же Печоринъ? неужели онъ полюбилъ княжну? — Нѣтъ. Стало-быть, онъ хочетъ обольстить ее? — Нѣтъ. Можетъ-быть, жениться? Нѣтъ. Вотъ что̀ онъ самъ говоритъ объ этомъ: „Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я совсѣмъ не хочу, и на которой никогда не женюсь? Къ чему это женское кокетство? Вѣра меня любитъ больше, чѣмъ княжна Мери будетъ любить когда-нибудь; если бъ она мнѣ казалась непобѣдимою красавицей, то, можетъ-быть, я бы завлекся трудностью предпріятія... Изъ чего же я такъ хлопочу? изъ зависти къ Грушницкому? Бѣдняжка! онъ вовсе ея не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того сквернаго, но непобѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ уничтожать сладкія заблужденія ближняго, чтобы имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда онъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить: „Мой другъ, со мною было то же самое! и ты видишь, однако, я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно и, надѣюсь, сумѣю умереть безъ крика и слезъ!“

Потомъ онъ продолжаетъ, — и тутъ особенно раскрывается его характеръ:

„А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодою, едва распустившеюся душой! Она какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать

въ эту минуту и, подышавъ имъ досыта, бросить на дорогѣ: авось кто-нибудь поднимет! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчаю на своемъ пути, я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше неспособенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ, ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ; возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха, не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для когонибудь причиною страданій и радости, не имѣя на то никакого положительнаго права, не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастіе? насыщенная гордость. Если бъ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; если бъ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого; идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобы онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности; идеи — созданія органическія, — сказалъ кто-то: ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ; отъ этого геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно такъ же, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара".

Такъ вотъ причины, за которыя бѣдная Мери такъ дорого должна поплатиться!... Какой страшный человѣкъ этотъ Печоринъ! Потому что его безпокойный духъ требуетъ движенія, дѣятельность ищетъ пищи, сердце жаждетъ интересовъ жизни, потому должна страдать бѣдная дѣвушка! „Эгоистъ, злодѣй, извергъ, безнравственный человѣкъ!..." хоромъ закричатъ, можетъ-быть, строгіе моралисты. Ваша правда, господа; но вы-то изъ чего хлопочете? за что̀ сердитесь? Право, намъ кажется, вы пришли не въ свое мѣсто, сѣли за столъ, за которымъ вамъ не поставлено прибора... Не подходите слишкомъ близко къ этому человѣку, не нападайте на него съ такою запальчивою храбростью: онъ на васъ взглянетъ, улыбнется, и вы будете осуждены, и на смущенныхъ лицахъ вашихъ всѣ прочтутъ судъ вашъ. Вы предаете его анаѳемѣ не за пороки, — въ васъ ихъ больше, и въ васъ они чернѣе и позорнѣе, — но за ту смѣлую свободу, за ту желчную откровенность, съ которою онъ говоритъ о нихъ. Вы позволяете

человѣку дѣлать все, что̀ ему угодно, быть всѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ, вы охотно прощаете ему и безуміе, и низость, и развратъ; но, какъ пошлину за право торговли, требуете отъ него моральныхъ сентенцій о томъ, какъ долженъ человѣкъ думать и дѣйствовать, и какъ онъ въ самомъ-то дѣлѣ и не думаетъ и не дѣйствуетъ... И зато ваше инквизиторское аутодафѐ готово для всякаго, кто имѣетъ благородную привычку смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза, не опуская своихъ глазъ, называть вещи настоящими ихъ именами и показывать другимъ себя не въ бальномъ костюмѣ, не въ мундирѣ, а въ халатѣ, въ своей комнатѣ, въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, въ домашнемъ расчетѣ съ своею совѣстью... И вы правы: покажитесь передъ людьми хоть разъ въ своемъ позорномъ неглиже, въ своихъ засаленныхъ ночныхъ колпакахъ, въ своихъ оборванныхъ халатахъ, люди съ отвращеніемъ отвернутся отъ васъ, и общество извергнетъ васъ изъ себя. Но этому человѣку нечего бояться: въ немъ есть тайное сознаніе, что онъ не то, чѣмъ самому себѣ кажется, и что̀ онъ есть только въ настоящую минуту. Да, въ этомъ человѣкѣ есть сила духа и могущество воли, которыхъ въ васъ нѣтъ; въ самыхъ порокахъ его проблескиваетъ что-то великое, какъ молнія въ черныхъ тучахъ, и онъ прекрасенъ, полонъ поэзіи даже и въ тѣ минуты, когда человѣческое чувство возстаетъ на него... Ему другое назначеніе, другой путь, чѣмъ вамъ. Его страсти — бури, очищающія сферу духа; его заблужденія, какъ ни страшны они, острыя болѣзни въ молодомъ тѣлѣ, укрѣпляющія его на долгую и здоровую жизнь. Это лихорадки и горячки, а не подагра, не ревматизмъ и геморрой, которыми вы, бѣдные, такъ безплодно страдаете... Пусть онъ клевещетъ на вѣчные законы разума, поставляя высшее счастье въ насыщенной гордости; пусть онъ клевещетъ на человѣческую природу, видя въ ней одинъ эгоизмъ; пусть клевещетъ на самого себя, принимая моменты своего духа за его полное развитіе и смѣшивая юность съ возмужалостью, — пусть!... Настанетъ торжественная минута, и противорѣчіе разрѣшится, борьба кончится, и разрозненные звуки души сольются въ одинъ гармоническій аккордъ!... Даже и теперь онъ проговаривается и противорѣчитъ себѣ, уничтожая одною страницею всѣ предыдущія: такъ глубока его натура, такъ

врожденна его разумность, такъ силенъ у него инстинктъ истины! Послушайте, что говоритъ онъ тотчасъ послѣ того мѣста, которое, вѣроятно, такъ возмущаетъ моралистовъ:

„Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи: онѣ принадлежность юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ ими цѣлую жизнь любоваться: многія спокойныя рѣки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится до самаго моря. *Но это спокойствіе часто признакъ великой хотя, скрытой силы: полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаетъ бѣшеныхъ порывовъ;* душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во всемъ себѣ строгій отчетъ и убѣждается въ томъ, что такъ должно; она знаетъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее изсушитъ; она проникается своею собственною жизнью, лелѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимаго ребенка. *Только въ этомъ высшемъ состояніи самопознанія человѣкъ можетъ оцѣнить правосудіе Божіе*“.

Но пока (прибавимъ мы отъ себя), пока человѣкъ не дошелъ до этого высшаго состоянія самопознанія — если ему назначено дойти до него, — онъ долженъ страдать отъ другихъ и заставлять страдать другихъ, возставать и падать, падать и возставать, отъ заблужденія переходить къ заблужденію и отъ истины къ истинѣ. Всѣ эти отступленія суть необходимые маневры въ сферѣ сознанія: чтобы дойти до мѣста, часто надо дать большой крюкъ, совершить длинный обходъ, ворочаться съ дороги назадъ. Царство истины есть обѣтованная земля, и путь къ ней — аравійская пустыня. Но, скажете вы, за что же другіе должны гибнуть отъ такихъ страстей и ошибокъ? А развѣ мы сами не гибнемъ иногда какъ отъ собственныхъ, такъ и отъ чужихъ? Кто вышелъ изъ горнила испытаній чистъ и свѣтелъ какъ золото, натура того — благородный металлъ; кто сгорѣлъ или очистился, натура того — дерево или желѣзо. И если многія благородныя натуры погибаютъ жертвами случайности, разрѣшеніе на этотъ вопросъ даетъ религія. Для насъ ясно и положительно лишь одно: безъ бурь нѣтъ плодородія, и природа изнываетъ; безъ страстей и противорѣчій нѣтъ жизни, нѣтъ поэзіи. Лишь бы только въ этихъ страстяхъ и противорѣчіяхъ была разумность и человѣчность, и ихъ результаты вели бы человѣка къ его цѣли, — а судъ принадлежитъ не намъ: для каждаго человѣка судъ въ его дѣлахъ и ихъ слѣдствіяхъ! Мы должны требовать отъ искусства, чтобы оно показывало намъ дѣйствительность, какъ она есть, ибо ка-

кова бы она ни была эта дѣйствительность, она больше скажетъ намъ, больше научитъ насъ, чѣмъ всѣ выдумки и поученія моралистовъ...

Но, — скажутъ, можетъ-быть, резонёры, — зачѣмъ рисовать картины возмутительныхъ страстей, вмѣсто того, чтобы плѣнять воображеніе изображеніемъ кроткихъ чувствованій природы и любви, и трогать сердце, и поучать умъ? — Старая пѣсня, господа, такая же старая, какъ и „Выйду ль я на рѣченьку, посмотрю на быструю"!... Литература восемнадцатаго вѣка была по преимуществу моральною и разсуждающею, въ ней не было другихъ повѣстей, какъ contes moraux и contes philosophiques; однакожъ эти нравственныя и философскія книги никого не исправили, и вѣкъ все-таки былъ по преимуществу безнравственнымъ и развратнымъ. И это противорѣчіе очень понятно. Законы нравственности въ натурѣ человѣка, въ его чувствѣ, и потому они не противорѣчатъ его дѣламъ; а кто чувствуетъ и поступаетъ сообразно съ своимъ чувствомъ, тотъ мало говоритъ. Разумъ не сочиняетъ, не выдумываетъ законовъ нравственности, но только сознаетъ ихъ, принимая ихъ отъ чувства какъ данныя, какъ факты. И потому чувство и разумъ суть не противорѣчащіе, не враждебные другъ другу, но родственные, или, лучше сказать, тождественные элементы духа человѣческаго. Но когда человѣку или отказано природою въ нравственномъ чувствѣ, или оно испорчено дурнымъ воспитаніемъ, безпорядочною жизнью, тогда его разсудокъ изобрѣтаетъ свои законы нравственности. Говоримъ: разсудокъ, а не разумъ, ибо разумъ есть сознавшее себя чувство, которое даетъ ему въ себѣ предметъ и содержаніе для мышленія; а разсудокъ, лишенный дѣйствительнаго содержанія, по необходимости прибѣгаетъ къ произвольнымъ построеніямъ. Вотъ происхожденіе морали, и вотъ причина противорѣчія между словами и поступками записныхъ моралистовъ. Для нихъ дѣйствительность ничего не значитъ: они не обращаютъ никакого вниманія на то, что̀ есть, и не предчувствуютъ его необходимости; они хлопочутъ только о томъ, что и какъ должно быть. Это ложное философское начало породило и ложное искусство еще задолго до XVIII вѣка, — искусство, которое изображало какую-то небывалую дѣйствительность, создавало какихъ-то небывалыхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, неужели

мѣсто дѣйствія Корнелевскихъ и Расиновскихъ трагедій — земля; а не воздухъ, ихъ дѣйствующія лица — люди, а не маріонетки? Принадлежатъ ли эти цари, герои, наперсники и вѣстники какому-нибудь вѣку, какой-нибудь странѣ? Говорилъ ли кто-нибудь отъ созданія міра языкомъ, похожимъ на ихъ языкъ?... Восемнадцатый вѣкъ довелъ это разсудочное искусство до послѣднихъ предѣловъ нелѣпости: онъ только о томъ и хлопоталъ, чтобы искусство шло навыворотъ дѣйствительности, и сдѣлалъ изъ нея мечту, которая и въ нѣкоторыхъ добрыхъ старичкахъ нашего времени еще находитъ своихъ магическихъ витязей. Тогда думали быть поэтами, воспѣвая Хлой, Филлидъ, Дорисъ въ фижмахъ и мушкахъ, и Меналковъ, Даметовъ, Титировъ, Миконовъ, Миртилисовъ и Мелибеевъ въ шитыхъ кафтанахъ; восхваляя мирную жизнь подъ соломенную кровлею, у свѣтлаго ручейка Ладона, съ милою подругою, невинною пастушкою, въ то время какъ сами жили въ раззолоченныхъ палатахъ, гуляли въ стриженыхъ аллеяхъ, вмѣсто одной пастушки имѣли по тысячѣ овечекъ и для доставленія себѣ оныхъ благъ готовы были на всяческая...

Нашъ вѣкъ гнушается этимъ лицемѣрствомъ. Онъ громко говоритъ о своихъ грѣхахъ, но не гордится ими; обнажаетъ свои кровавыя раны, а не прячетъ ихъ подъ нищенскими лохмотьями притворства. Онъ понялъ, что сознаніе своей грѣховности есть первый шагъ къ спасенію. Онъ знаетъ, что дѣйствительное страданіе лучше мнимой радости. Для него польза и нравственность только въ одной истинѣ, а истина — въ сущемъ, т.-е. въ томъ, что есть. Потому и искусство нашего вѣка есть воспроизведеніе разумной дѣйствительности. Задача нашего искусства — не представить событія въ повѣсти, романѣ или драмѣ, сообразно съ предположенною заранѣе цѣлью, но развить ихъ сообразно съ законами разумной необходимости. И въ такомъ случаѣ, каково бы ни было содержаніе поэтическаго произведенія, его впечатлѣніе на душу читателя будетъ благодатно, и, слѣдовательно, нравственная цѣль достигнется сама собою. Намъ скажутъ, что безнравственно представлять ненаказаннымъ и торжествующимъ порокъ: мы противъ этого и не споримъ. Но и въ дѣйствительности порокъ торжествуетъ только внѣшнимъ образомъ: онъ въ самомъ себѣ носитъ свое наказаніе и гордою

улыбкою только подавляетъ внутреннее терзаніе. Такъ точно и новѣйшее искусство: оно показываетъ, что судъ человѣка — въ дѣлахъ его; оно, какъ необходимость, допускаетъ въ себя диссонансы, производимые въ гармоніи нравственнаго духа, но для того, чтобы показать, какъ изъ диссонанса снова возникаетъ гармонія,— черезъ то ли, что раззвучная струна снова настраивается, или разрывается вслѣдствіе ея своевольнаго разлада. Это міровой законъ жизни, а слѣдовательно, и искусства. Вотъ другое дѣло, если поэтъ захочетъ въ своемъ произведеніи доказать, что результаты добра и зла одинаковы для людей,— оно будетъ безнравственно, но тогда уже оно и не будетъ произведеніемъ искусства,— и, какъ крайности сходятся, то оно вмѣстѣ съ моральными произведеніями составитъ одинъ общій разрядъ непоэтическихъ произведеній, писанныхъ съ опредѣленною цѣлью. Далѣе мы изъ самого разбираемаго нами сочиненія докажемъ, что оно не принадлежитъ ни къ тѣмъ ни къ другимъ и въ основаніи своемъ глубоконравственно. Но пора намъ обратиться къ нему.

На отлогости Машука, въ верстѣ отъ Пятигорска, есть провалъ. Въ одинъ день тамъ назначено было гулянье и родъ бала подъ открытымъ небомъ. Печоринъ спросилъ Грушницкаго, произведеннаго въ офицеры, идетъ ли онъ къ провалу, и тотъ отвѣчалъ, что ни за что въ свѣтѣ не явится передъ княжною прежде, нежели будетъ готовъ его мундиръ, и просилъ его не предувѣдомлять ея о его производствѣ.

— Скажи мнѣ однако, какъ твои дѣла съ нею?...

Онъ смутился и задумался: ему хотѣлось похвастаться, солгать — и было совѣстно, а вмѣстѣ съ этимъ было стыдно признаться въ истинѣ.

— Какъ ты думаешь, любитъ ли она тебя?...

— Любитъ ли? Помилуй, Печоринъ, какія у тебя понятія? Какъ можно такъ скоро? Да если даже она и любитъ, то порядочная женщина этого не скажетъ.

— Хорошо! и, вѣроятно, по твоему, порядочный человѣкъ долженъ тоже молчать о своей страсти?...

— Эхъ, братецъ! На все есть манера; многое не говорится, а отгадывается.

— Это правда... Только любовь, которую мы читаемъ въ глазахъ, ни къ чему женщину не обязываетъ, тогда какъ слова... Берегись, Грушницкій, она тебя надуваетъ...

— Она...— отвѣчалъ онъ, поднявъ глаза къ небу и самодовольно улыбнувшись: — мнѣ жаль тебя, Печоринъ!

Многочисленное общество отправилось вечеромъ къ провалу. Взбираясь на гору, Печоринъ подалъ руку княжнѣ, и она не покидала ея въ продолженіе всей прогулки. Разговоръ ихъ начался злословіемъ. Желчь Печорина взволновалась — и, начавши шутя, онъ кончилъ искреннею злостью. Сперва это забавляло княжну, а потомъ испугало. Она сказала ему, что лучше желала бы попасть подъ ножъ убійцы, чѣмъ ему на язычокъ. Онъ на минуту задумался, а потомъ, принявъ на себя глубоко тронутый видъ, началъ жаловаться на свою участь, которая, по его словамъ, такъ жалка съ самаго его дѣтства:

Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки другихъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали — и они родились. Я былъ скроменъ — меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли—я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ — другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ — меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ — меня никто не понялъ: и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собою и свѣтомъ: лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца; они тамъ и умерли. Я говорилъ правду — мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать; узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искренен въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе, — не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушною улыбкой, я сдѣлался нравственнымъ калѣкою; одна половина души моей не существовала, она высохла, испортилась, умерла, я ее отрѣзалъ и бросилъ, тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины; но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными; но мнѣ нѣтъ, особенно когда вспомню, что̀ подъ ними покоится. Впрочемъ, я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшна — пожалуйста, смѣйтесь; предупреждаю васъ, что это меня не огорчитъ ни мало.

Отъ души ли говорилъ это Печоринъ, или притворялся — трудно рѣшить опредѣлительно: кажется, что тутъ было и то и другое. Люди, которые вѣчно находятся въ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ и съ самими собою, всегда недовольны,

всегда огорчены и желчны. Огорченіе есть постоянная форма ихъ бытія, и что бы ни попалось имъ на глаза, все служитъ имъ содержаніемъ для этой формы. Мало того, что они хорошо помнятъ свои истинныя страданія, — они еще неистощимы въ выдумываніи небывалыхъ. Вздумайте ихъ утѣшать — они разсердятся; покажите имъ причины ихъ горестей въ настоящемъ ихъ свѣтѣ — они оскорбятся. Помогите имъ бранить самихъ себя, взведите на нихъ небывалыя обиды жизни, отыщите небывалые недостатки и пороки въ ихъ характерѣ — вы польстите имъ и выиграете ихъ расположеніе. Если вы попадете на человѣка недостаточно глубокаго и сильнаго, — будьте осторожны: вы можете или оскорбить его самолюбіе такъ, что возбудите къ себѣ его ненависть, или убить въ немъ всякую увѣренность въ себя и возродить отчаяніе, — и тогда вамъ предстоитъ горькая и мучительно скучная роль утѣшителя и повѣреннаго однѣхъ и тѣхъ же жалобъ. Если же это человѣкъ глубокій и сильный, — не бойтесь слишкомъ далеко зайти въ нападкахъ на него и на жизнь: у него есть лазеечка изъ этой западни: „я дуренъ, но вѣдь и всѣ таковы“. А вы знаете, что, по пословицѣ, при людяхъ и смерть не страшна, — и какъ бы вы ни представлялись себѣ дурны, но, если и лучшій изъ людей не лучше васъ, — ваше самолюбіе спасено. И вотъ почему такіе люди такъ неистощимы въ самообвиненіи: оно обращается имъ въ привычку. Обманывая другихъ, они прежде всего обманываютъ себя. Истинная или ложная причина ихъ жалобъ, — имъ все равно, и желчная горесть ихъ равно искренна и непритворна. Мало того, начиная лгать съ сознаніемъ или начиная шутить — они продолжаютъ и оканчиваютъ искренно. Они сами не знаютъ, когда лгутъ и когда говорятъ правду, когда слова ихъ — вопль души или когда они — фразы. Это дѣлается у нихъ вмѣстѣ и болѣзнью души, и привычкою, и безумствомъ, и кокетничаньемъ. Во всей выходкѣ Печорина вы замѣчаете, что у него страждетъ самолюбіе. Отъ чего родилось у него отчаяніе? — Видите ли, онъ узналъ хорошо свѣтъ и пружины общества, сталъ искусенъ въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ онъ такъ неутомимо добивался. Какое мелкое самолюбіе! восклицаете вы. Но не торопитесь вашимъ приговоромъ: онъ кле-

вещетъ на себя; повѣрьте мнѣ, онъ и даромъ бы не взялъ того счастья, которому завидовалъ у этихъ *другихъ* и котораго добивался. Но княжнѣ отъ этого было не легче: она все приняла за наличную монету. Печоринъ не ошибся, сказавъ, что въ немъ два человѣка: въ то время какъ одинъ такъ горько жаловался ни на что, другой наблюдалъ и за нимъ и за княжною, и вотъ что замѣтилъ за послѣднею:

Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала, щеки пылали: ей было жаль меня! — Состраданіе, чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустила свои когти въ ея неопытное сердце. Во все время прогулки она была разсѣяна, ни съ кѣмъ не кокетничала, а это великій признакъ!...

Бѣдная Мери! Какъ систематически, съ какою разсчитанною точностью ведетъ ее злой духъ по пути погибели! Подошедши къ провалу, всѣ дамы оставили своихъ кавалеровъ, но она не оставляла руку Печорина; остроты тамошнихъ денди не смѣшили ее; крутизна обрыва, у котораго она стояла, не пугала ее, тогда какъ другія барышни пищали и закрывали глаза. На возвратномъ пути она была разсѣяна, грустна. „Любили ли вы? спросилъ ее Печоринъ. Она пристально на него посмотрѣла, покачала головою и снова задумалась... Казалось, что-то хотѣлось сказать, но она не знала съ чего начать; грудь ея волновалась. — „Не правда ли, я была сегодня очень любезна?“ сказала она при разставаньи съ принужденною улыбкою. Печоринъ, вмѣсто нея, отвѣтилъ самому себѣ: „Она недовольна собою, она себя обвиняетъ въ холодности... о, это первое, главное торжество! Завтра она захочетъ вознаградить меня. Я все это ужъ знаю наизусть — вотъ что скучно!“ — Бѣдная Мери!...

Между тѣмъ Вѣра мучилась ревностью и мучила ею Печорина. Она взяла съ него слово уѣхать въ Кисловодскъ и нанять себѣ квартиру возлѣ того дома, верхъ котораго она займетъ съ мужемъ, а низъ — княгиня Лиговская, которая собирается туда еще черезъ недѣлю. Вечеръ того же дня Печоринъ провелъ у Лиговскихъ и веселился, замѣчая успѣхи чувства въ княжнѣ. Вѣра все это видѣла и страдала. Чтобы утѣшить ее, онъ разсказалъ вслухъ исторію своей любви съ нею, разумѣется, прикрывъ все вымышленными именами. „Я, — говоритъ онъ, — такъ живо изобразилъ мою

нѣжность, мои безпокойства, восторги, я въ такомъ выгодномъ свѣтѣ выставилъ ея поступки, характеръ, что она поневолѣ должна была простить мнѣ мое кокетство съ княжною".

На другой день балъ въ рестораціи. За полчаса до бала къ Печорину явился Грушницкій въ полномъ сіяніи армейскаго мундира. — „Ты, говорятъ, эти дни ужасно волочился за моею княжною?" сказалъ онъ довольно небрежно и не глядя на Печорина. — „Гдѣ намъ дуракамъ чай пить!" отвѣчалъ тотъ. Затѣмъ Грушницкій попросилъ у него духовъ; несмотря на замѣчанія Печорина, что отъ него и такъ несетъ розовою помадой, налилъ полсклянки за галстукъ, въ носовой платокъ и на рукава и заключилъ опасеніемъ, что ему придется начинать съ княжною мазурку, тогда какъ онъ не знаетъ почти ни одной фигуры. На вопросъ Печорина: „А ты звалъ ее на мазурку?" онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и поспѣшилъ дожидаться ее у подъѣзда. Разумѣется, на балу бѣдный Гришницкій разыгралъ, благодаря Печорину, очень смѣшную роль. Княжна очень разсѣянно его слушала, и отвѣчала насмѣшками на его трагикомическія выходки. „Нѣтъ, — говорилъ онъ, — лучше бы мнѣ вѣкъ остаться въ этой презрѣнной солдатской шинели, которой, можетъ-быть, я былъ обязанъ вашимъ вниманіемъ..." — „Въ самомъ дѣлѣ, вамъ шинель гораздо болѣе къ лицу", отвѣчала княжна и, замѣтивъ подошедшаго къ нимъ Печорина, обратилась къ нему съ вопросомъ о его мнѣніи объ этомъ предметѣ. „Я съ вами не согласенъ", отвѣчалъ Печоринъ: „въ мундирѣ онъ еще моложавѣе". Этотъ злой намекъ на лѣта мальчика, который хотѣлъ бы, чтобы на его лицѣ читали слѣды сильныхъ страстей, взбѣсилъ Грушницкаго: онъ топнулъ ногою и отошелъ. Все остальное время онъ преслѣдовалъ княжну: танцовалъ или съ нею или vis-à-vis, вздыхалъ и надоѣдалъ ей мольбами и упреками. Послѣ третьей кадрили она ужъ его ненавидѣла.

— Я этого не ожидалъ отъ тебя, — сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ и взявъ меня за руку.

— Чего?

— Ты съ нею танцуешь мазурку? спросилъ онъ торжественнымъ голосомъ. — Она мнѣ призналась...

— Ну такъ что жъ? а развѣ это секретъ?

— Разумѣется... Я долженъ былъ этого ожидать отъ дѣвчонки... отъ кокетки... Ужъ я отомщу!

— Пеняй на свою шинель или на эполеты, а зачѣмъ же обвинять ее? Чѣмъ она виновата, что ты ей больше не нравишься?...
— Зачѣмъ же подавать надежды?
— Зачѣмъ же ты надѣялся?

Печоринъ достигъ своей цѣли: Грушницкій отошелъ отъ него съ чѣмъ-то въ родѣ угрозы. Это его радовало и забавляло, но что же за радость бѣсить добраго малаго и для этого играть обдуманную роль, дѣйствовать по обдуманному плану? Что это: слѣдствіе праздности ума или мелкости души? Вотъ что думалъ объ этомъ онъ самъ, собираясь на балъ:

„Я шелъ медленно; мнѣ было грустно... Неужели, — думалъ я, — мое единственное назначеніе — разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, судьба какъ-то всегда приводила меня къ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ будто безъ меня никто не могъ бы ни умереть ни прійти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо пятаго акта; невольно разыгрывалъ роль палача или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба?... Ужъ не назначенъ ли я ею въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ, или въ сотрудники поставщику повѣстей, напримѣръ, для „Библіотеки для чтенія“?... Почему знать?... Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее, какъ Александръ Великій или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками?...

Мы нарочно выписали это мѣсто, какъ одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ двойственности Печорина. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ два человѣка: первый дѣйствуетъ, второй смотритъ на дѣйствія перваго и разсуждаетъ о нихъ или, лучше сказать, осуждаетъ ихъ, потому что они дѣйствительно достойны осужденія. Причины этого раздвоенія, этой ссоры съ самимъ собою, очень глубоки, и въ нихъ же заключается противорѣчіе между глубокостью натуры и жалкостью дѣйствій одного и того же человѣка. Ниже мы коснемся этихъ причинъ, а пока замѣтимъ только, что Печоринъ, ошибочно дѣйствуя, еще ошибочнѣе судитъ себя. Онъ смотритъ на себя, какъ на человѣка вполнѣ развившагося и опредѣлившагося: удивительно ли, что и его взглядъ на человѣка вообще мраченъ, желченъ и ложенъ?... Онъ какъ будто не знаетъ, что есть эпоха въ жизни человѣка, когда ему досадно, зачѣмъ дуракъ глупъ, подлецъ низокъ, зачѣмъ толпа пошла, зачѣмъ на сотню пустыхъ людей едва встрѣтишь одного порядочнаго человѣка... Онъ какъ будто

не знаетъ, что есть такія пылкія и сильныя души, которыя въ эту эпоху семейной жизни находятъ неизъяснимое наслажденіе въ сознаніи своего превосходства, мстятъ посредственности за ея ничтожность, вмѣшиваются въ ея расчеты и дѣла, чтобы мѣшать ей, разрушая ихъ... Но еще болѣе онъ какъ будто бы не знаетъ, что для нихъ приходитъ другая эпоха жизни — результатъ первой, когда они или равнодушно на все смотрятъ, не сочувствуя добру, не оскорбляясь зломъ, или увѣряются, что въ жизни и зло необходимо, какъ и добро, что въ арміи общества человѣческаго рядовыхъ всегда должно быть больше, чѣмъ офицеровъ, что глупость должна быть глупа, потому что она глупость, а подлость подла, потому что она подлость, и они оставляютъ ихъ итти своею дорогою, если не видятъ отъ нихъ зла, или не видятъ возможности помѣшать ему, и повторяютъ про себя, то съ радостною, то съ грустною улыбкою: „и все то благо, все добро!“ Увы, какъ дорого достается уразумѣніе самыхъ простыхъ истинъ!... Печоринъ еще не знаетъ этого, и именно потому, что думаетъ, что все знаетъ.

Позабавившись съ Грушницкимъ, онъ позабавился и надъ княжною, хотя совсѣмъ другимъ образомъ.

Я два раза пожалъ ея руку... во второй разъ она ее выдернула, не говоря ни слова.

— Я дурно буду спать эту ночь, — сказала она мнѣ, когда мазурка кончилась.

— Этому виноватъ Грушницкій.

— О, нѣтъ! — И лицо ея стало такъ задумчиво, такъ грустно, что я далъ себѣ слово въ тотъ вечеръ непремѣнно поцѣловать ея руку.

Стали разъѣзжаться. Сажая княжну въ карету, я быстро прижалъ ея маленькую ручку къ губамъ своимъ. Было темно, и никто не могъ этого видѣть.

Я возвратился въ залу очень довольный собою.

Съ этого времени исторія круто поворотилась, и изъ комической начала переходитъ въ трагическую. Доселѣ Печоринъ сѣялъ — теперь настаетъ время пожинать ему плоды посѣяннаго. Мы думаемъ, что въ этомъ и должно заключаться истинная нравственность поэтическаго произведенія, а не въ пошлыхъ сентенціяхъ.

Грушницкій, наконецъ, понялъ, что онъ одураченъ; но вмѣсто того, чтобы въ самомъ себѣ увидѣть причину своего

позора, онъ увидѣлъ ее въ Печоринѣ. Къ нему присталъ драгунскій капитанъ и всѣ другіе, которыхъ оскорбляло превосходство Печорина, и противъ Печорина начала составляться враждебная партія; но онъ не испугался, а обрадовался этому, увидѣвъ новую пищу для своей праздной дѣятельности. „Очень радъ; я люблю враговъ, хотя не по-христіански. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда настражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, притворяться обманутымъ, и вдругъ однимъ толчкомъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе ихъ хитростей и замысловъ — вотъ что̀ я называю жизнью!“ Ошибочное названіе! восклицаете вы, — и мы согласны съ вами; но сила всегда останется силою, и всегда будетъ полна поэзіи, всегда будетъ восхищать и удивлять васъ, хотя бы она дѣйствовала и деревяннымъ мечомъ, вмѣсто булатнаго... Есть люди, въ рукахъ которыхъ и простая палка опаснѣе, чѣмъ у иныхъ шпага: Печоринъ изъ такихъ людей...

На другой день Вѣра уѣхала съ мужемъ въ Кисловодскъ. Печоринъ винитъ ее самоё въ причинѣ ея жалобъ на него: она отказываетъ ему въ свиданіи наединѣ. „Авось, — говоритъ онъ, — ревность сдѣлаетъ то, чего не могли мои просьбы“. Вечеромъ онъ заходилъ къ Лиговскимъ и не видалъ княжны — она больна. Возвратясь домой, онъ замѣтилъ, что ему чего-то недостаетъ. „Я не видалъ ея! Она больна! Ужъ не влюбился ли я въ самомъ дѣлѣ?... Какой вздоръ!“ — Видите ли, какъ увлекательна эта игра въ увлеченіе, какъ легко, увлекая другихъ, увлечься и самому!... Какъ ни старается Печоринъ выставить себя холоднымъ обольстителемъ безъ всякой цѣли, но отъ нечего дѣлать, однако для насъ его холодность очень подозрительна. Конечно, это еще не любовь, но вѣдь трудно разбирать и различать свои ощущенія: собственное сердце всякаго есть самый извилистый, самый темный лабиринтъ... На другой день онъ засталъ ее одну. Она была блѣдна и задумчива. „Вы на меня сердитесь?“ Она заплакала и закрыла лицо руками. „Что̀ съ вами?“ — „Вы меня не уважаете!...“ — отвѣчала она. Онъ ей сказалъ что-то въ родѣ извиненія и тщеславной загадки насчетъ своего характера — и вышелъ; но, уходя, слышалъ, какъ она плакала. Бѣдная дѣвушка! стрѣла такъ глубоко вошла въ ея

сердце, что дѣло не можетъ кончиться хорошо!... Въ тотъ же день Печоринъ узналъ отъ Вернера, что ходятъ слухи, будто онъ женится на княжнѣ.

Наконецъ, дѣйствіе переносится въ Кисловодскъ. Однажды многочисленная кавалькада отправилась смотрѣть Кольцо — скалу, образующую ворота, верстахъ въ трехъ отъ Кисловодска. Когда, на возвратномъ пути, переѣзжали черезъ Подкумокъ, у княжны закружилась голова, оттого что она смотрѣла въ воду. — „Мнѣ дурно!“ — проговорила она слабымъ голосомъ. Печоринъ обвилъ рукою ея гибкій станъ, щека ея почти касалась его щеки, отъ нея вѣяло пламенемъ... „Что вы со мною дѣлаете! Боже мой!...“ говорила она: но онъ не обращалъ вниманія на ея слова — и губы его коснулись ея щеки... Выѣхавъ на берегъ, всѣ пустились рысью, княжна пріостановила свою лошадь, и они опять поѣхали позади всѣхъ. Послѣ долгаго молчанія, умышленнаго со стороны Печорина, она, наконецъ, сказала голосомъ, въ которомъ были слезы:

— Или вы меня презираете, или очень любите! Можетъ-быть вы хотите посмѣяться надо мною, возмутить мою душу и потомъ оставить... Это было бы такъ подло, такъ низко, что одно предположеніе... О, нѣтъ! не правда ли, — прибавила она голосомъ нѣжной довѣренности: — не правда ли, во мнѣ нѣтъ ничего такого, что бы исключало уваженіе? Вашъ дерзкій поступокъ... я должна, я должна вамъ его простить, потому что позволила... Отвѣчайте, говорите же; я хочу слышать вашъ голосъ!

Въ послѣднихъ словахъ было такое женское нетерпѣніе, что я невольно улыбнулся; къ счастію, начинало смеркаться... Я ничего не отвѣчалъ.

— Вы молчите? продолжала она: — вы, можетъ-быть, хотите, чтобы я первая сказала вамъ, что я васъ люблю?...

Я молчалъ.

— Хотите ли этого? продолжала она, быстро обратясь ко мнѣ. Въ рѣшительности ея взора и голоса было что-то страшное.

— Зачѣмъ? отвѣчалъ я, пожавъ плечами.

Она ударила хлыстомъ свою лошадь и пустилась во весь духъ по узкой, опасной дорогѣ; это произошло такъ скоро, что я едва могъ ее догнать, и то, когда ужъ она присоединилась къ остальному обществу. До самаго дома она говорила и смѣялась поминутно; въ ея движеніяхъ было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Всѣ замѣтили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервическій припадокъ: она проведетъ ночь безъ сна и будетъ плакать. *Эта мысль мнѣ доставляетъ необъятное наслажде-*

нію: есть минуты, когда я понимаю вампира!... а еще слыву добрымъ малымъ и добиваюсь этого названія.

Что̀ такое вся эта сцена? Мы понимаемъ ее только какъ свидѣтельство, до какой степени ожесточенія и безнравственности можетъ довести человѣка вѣчное противорѣчіе съ самимъ собою, вѣчно неудовлетворяемая жажда истинной жизни, истиннаго блаженства; но послѣдней черты ея мы рѣшительно не понимаемъ... Она кажется намъ преувеличеніемъ, умышленною клеветою на самого себя, чертою изысканною и натянутою; словомъ, намъ кажется, что здѣсь Печоринъ впалъ въ Грушницкаго, хотя и болѣе страшнаго, чѣмъ смѣшного... И, если мы не ошибаемся въ своемъ заключеніи, это очень понятно: состояніе противорѣчія съ самимъ собою необходимо условливаетъ бо́льшую или ме́ньшую изысканность и натянутость въ положеніяхъ...

Возвращаясь домой слободкою, Печоринъ услышалъ изъ одного дома нестройный говоръ и шумные крики. Онъ слѣзъ съ коня и сталъ подслушивать. Говорили о немъ. Драгунскій капитанъ кричалъ, что его надо проучить, что эти петербургскіе слѣтки зазнаются, пока ихъ не ударишь по носу; что Печоринъ думаетъ, что онъ только одинъ и жилъ въ свѣтѣ, оттого что носитъ всегда чистыя перчатки и вычищенные сапоги, и что онъ долженъ быть трусъ. Грушницкій подтвердилъ достовѣрность послѣдняго предположенія, выдумавъ какое-то происшествіе, въ которомъ будто бы Печоринъ сыгралъ передъ нимъ не слишкомъ выгодную для своей чести роль. Почтенная компанія поджигаетъ Грушницкаго — имя княжны упоминается. Впрочемъ, драгунскій капитанъ хочетъ только позабавиться надъ Печоринымъ, заставивъ его обнаружить свою трусость. Онъ предлагаетъ Грушницкому вызвать его на дуэль, а себѣ предоставляетъ поставить ихъ въ шести шагахъ и въ пистолеты не положить пуль.

Я съ трепетомъ ждалъ отвѣта Грушницкаго; холодная злость овладѣла мною при мысли, что если бъ не случай, то я могъ бы сдѣлаться посмѣшищемъ этихъ дураковъ. Если бъ Грушницкій не согласился, я бросился бы ему на шею. Но послѣ нѣкотораго молчанія, онъ всталъ съ своего мѣста, протянулъ руку капитану и сказалъ очень важно: „хорошо, я согласенъ“.

Поутру Печоринъ встрѣтилъ княжну у колодца. Это свиданіе было страшною развязкою пустой и ничтожной драмы,

которая предшествовала другой драмѣ, не менѣе пустой и ничтожной въ сущности, но еще съ болѣе страшною развязкою.

— Вы больны? сказала она, пристально посмотрѣвъ на меня.

— Я не спалъ ночь.

— И я также... я васъ обвиняла... можетъ-быть, напрасно? Но объяснитесь, я могу вамъ простить все...

— Все ли?

— Все... только говорите правду... только скорѣе... Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведеніе: можетъ-быть, вы боитесь препятствій со стороны моихъ родныхъ... это ничего: когда они узнаютъ... (ея голосъ задрожалъ) я ихъ упрошу. Или ваше собственное положеніе... но знайте, что я всѣмъ могу пожертвовать для того, котораго люблю... О, отвѣчайте скорѣе, сжальтесь: вы меня не презираете, не правда ли?

Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди насъ съ мужемъ Вѣры и ничего не видала; но насъ могли видѣть гуляющіе больные, самые любопытные сплетники изъ всѣхъ любопытныхъ, и я быстро освободилъ свою руку отъ ея страстнаго пожатія.

— Я вамъ скажу всю истину, — отвѣчалъ я княжнѣ: — не буду оправдываться, ни объяснять своихъ поступковъ: *я васъ не люблю.*

Ея губы слегка поблѣднѣли. — „Оставьте меня“, сказала она едва внятно.

Я пожалъ плечами, повернулся и ушелъ.

На этотъ разъ Печоринъ снисходительнѣе къ намъ: онъ приподнялъ таинственное покрывало, которымъ облекъ свое сатаническое величіе, и очень просто, хотя и прекрасною прозою, объяснилъ причину этой сцены, какъ бы желая оправдаться въ ней. Онъ говоритъ, что какъ бы страстно ни любилъ онъ женщину, но какъ скоро она дастъ ему почувствовать, что онъ долженъ на ней жениться, — прости любовь!... Этотъ страхъ лишиться постылой и ни для чего не нужной ему свободы, онъ приписываетъ предсказанію старушки, которая, когда еще онъ былъ ребенкомъ, гадала про него его матери и предрекла ему смерть отъ злой жены... Нѣтъ, это все не то!... Печоринъ не любилъ княжны: онъ оскорбилъ бы самого себя, если бы назвалъ любовью легонькое чувство, возбужденное его собственнымъ кокетствомъ и самолюбіемъ. Потомъ, бракъ есть дѣйствительность любви. Любить истинно можетъ только вполнѣ созрѣвшая душа, и въ такомъ случаѣ любовь видитъ въ бракѣ свою высочай-

шую награду и, при блескѣ вѣнца, не блекнетъ, а пышнѣе распускаетъ свой ароматный цвѣтъ, какъ при лучахъ солнца... Всякое чувство дѣйствительно въ отношеніи къ самому себѣ, какъ выраженіе моментальнаго состоянія духа: и первая любовь едва проснувшейся для жизни души отрока имѣетъ свою поэзію и свою истину; но, будучи дѣйствительна по своей сущности, она совершенно призрачна по своей формѣ, и въ сравненіи съ любовью возмужавшаго человѣка есть то же, что первое безсвязное лепетаніе младенца въ сравненіи съ разумною рѣчью мужа. Это больше потребность любви, чѣмъ самая любовь, и потому она обращается на первый предметъ, способный поразить юную фантазію истиннымъ или мнимымъ сходствомъ съ ея идеаломъ, и такъ же скоро погасаетъ, какъ и вспыхиваетъ. Такая любовь можетъ много разъ повториться въ жизни человѣка; она или ненавидитъ бракъ и отвращается его, какъ идеи, профанирующей ея идеальность, или представляетъ его высочайшимъ блаженствомъ и стремится къ тому только до тѣхъ поръ, пока онъ не предстанетъ къ ней съ своимъ строго-испытующимъ, недовѣрчиво суровымъ взоромъ: тогда бѣдная любовь потупляетъ передъ нимъ свои глаза, какъ ребенокъ, застигнутый въ шалости строгимъ гувернеромъ... Да, бракъ есть гибель такой любви, и вотъ почему такъ много бываетъ „несчастныхъ браковъ по любви“... Только дѣйствительное чувство не боится своего осуществленія, не трепещетъ своей повѣрки; только дѣйствительность смѣло смотритъ въ глаза дѣйствительности, не потупляя своихъ глазъ... И неужели Печоринъ, этотъ человѣкъ, столь глубокій и могучій, могъ почесть свое чувство къ княжнѣ дѣйствительнымъ, и удивиться, что ея намекъ о бракѣ такъ же легко уничтожилъ его чувство, какъ видъ лозы уничтожаетъ рѣзвость ребенка?... Нѣтъ, изъ всего этого опять-таки видно только одно, что Печоринъ еще рано почелъ себя допившимъ до дна чашу жизни, тогда какъ онъ еще не сдулъ порядочно ея шипящей пѣны... Повторяемъ, онъ еще не знаетъ самого себя, и если не должно ему вѣрить, когда онъ оправдываетъ себя, то еще менѣе должно ему вѣрить, когда онъ обвиняетъ себя или приписываетъ себѣ разные нечеловѣческіе свойства и пороки. Но винить ли его за это? — Вините, если въ глазахъ вашихъ юноша виноватъ тѣмъ, что онъ молодъ, а старецъ

тѣмъ, что онъ старъ! Есть люди, въ которыхъ потребность жизни такъ сильна, что составляетъ ихъ мученіе до тѣхъ поръ, пока не удовлетворится, и есть люди, которые долго живутъ и умираютъ неудовлетворенные, ибо дѣйствительны только потребности, а удовлетвореніе всегда зависитъ отъ случая, который такъ же можетъ сбыться, какъ и можетъ не сбыться. И вотъ, когда такіе люди бросаются всюду, ища удовлетворенія, и не находятъ его,— ихъ отчаяніе порождаетъ клеветы на вѣчные законы разумной дѣйствительности; но они правы передъ самими собою въ этихъ клеветахъ, хотя и неправы передъ дѣйствительностью. Можно ли винити ихъ за несчастье. Можно ли винить ихъ за то, что они съ такою жадностью бросаются на все, что волнуетъ душу призраками блаженства? Не всѣ же родятся съ этимъ апатическимъ благоразуміемъ, источникъ котораго — гнилая и мертвая натура...

Въ Кисловодскъ пріѣхалъ фокусникъ. Разумѣется, на водахъ нельзя презирать никакимъ родомъ развлеченія,— и на первое представленіе всѣ бросились. Сама княгиня Лиговская, несмотря на то, что дочь ея была больна, взяла билетъ. Печоринъ получилъ отъ Вѣры записку, которою она назначала ему свиданіе въ 9 часовъ вечера, извѣщая его, что мужъ ея уѣхалъ въ Пятигорскъ до утра слѣдующаго дня, а людямъ какъ своимъ, такъ и Лиговскимъ она раздала билеты. Повертѣвшись на представленіи и замѣтивъ въ заднихъ рядахъ лакеевъ и горничныхъ Вѣры и княгини, Печоринъ отправился на свиданіе.

На дворѣ было темно. Вдругъ Печорину показалось, что кто-то идетъ за нимъ. Изъ предосторожности, онъ обошелъ вокругъ дома, будто гуляя. Проходя мимо оконъ княжны, онъ снова услышалъ за собою шаги, и человѣкъ, завернутый въ шинель, пробѣжалъ мимо него. Печоринъ бросился на темную лѣстницу — дверь отворилась, и маленькая ручка схватила его за руку...

Около двухъ часовъ по полуночи Печоринъ спустился изъ окна, съ верхняго балкона на нижній, посредствомъ двухъ связанныхъ шалей. У княжны горѣлъ огонь, и что-то толкнуло Печорина къ окну. Благодаря не совсѣмъ задернутому занавѣсу, вотъ что увидѣлъ онъ: „Мери сидѣла на своей постели, скрестивъ на колѣняхъ руки; ея густые во-

лосы были собраны подъ ночнымъ чепчикомъ, обшитымъ кружевами; большой пунцовый платокъ покрывалъ ея бѣлыя плечики, и маленькая ножка пряталась въ пестрыхъ персидскихъ туфляхъ. Она сидѣла неподвижно, опустивъ голову на грудь; передъ нею на столикѣ была раскрытая книга, но глаза ея, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, въ сотый разъ пробѣгали одну и ту же страницу, тогда какъ мысли ея были далеко...“

Какъ много говорятъ эти немногія и простыя строки! Какую длинную и мучительную повѣсть оскорбленнаго женскаго достоинства, оскорбленной женской любви, затаенныхъ страданій и холодно-жгучаго отчаянія разсказываютъ онѣ!... Бѣдная Мери!...

Въ эту минуту кто-то шевельнулся за кустомъ; Печоринъ спрыгнулъ съ балкона на землю, и невидимая рука схватила его за плечо. „А-га!“ сказалъ грубый голосъ: „попался!... Будешь у меня къ княжнамъ ходить ночью!...“ — „Держи его крѣпче!“ закричалъ другой голосъ, — и Печоринъ узналъ Грушницкаго и драгунскаго капитана. Сильнымъ ударомъ по головѣ сшибъ онъ послѣдняго и бросился въ кусты. „Воры! караулъ!“ кричали преслѣдователи; раздался ружейный выстрѣлъ, и дымящійся пыжъ упалъ почти къ ногамъ Печорина. Черезъ минуту онъ былъ уже у себя дома и лежалъ, раздѣтый, въ своей постели. Едва его человѣкъ успѣлъ запереть на замокъ дверь, какъ драгунскій капитанъ и Грушницкій начали стучаться, крича: „Печоринъ! вы спите? здѣсь вы?“ — „Сплю“, отвѣчалъ онъ имъ сердито. „Вставайте! — воры... Черкесы...“ — „У меня насморкъ, боюсь простудиться“.

Они ушли. Между тѣмъ сдѣлалась тревога. Изъ крѣпости прискакалъ казакъ. Все зашевелилось, начали искать черкесовъ, и на другой день всѣ были убѣждены въ ночномъ нападеніи черкесовъ. На другой день утромъ Печоринъ встрѣтился у колодца съ мужемъ Вѣры, съ которымъ и пошелъ въ ресторацію завтракать. Добрый старикъ разсказывалъ ему о страхахъ жены своей въ прошлую ночь. „Надобно жъ, чтобъ это случилось именно тогда, какъ я въ отсутствіи!“ говорилъ онъ. Они усѣлись завтракать у двери, ведущей въ угловую комнату, гдѣ находилось человѣкъ десять молодежи, въ числѣ которой былъ и Грушницкій. Итакъ, судьба

снова доставила Печорину случай подслушать Грушницкаго. Этотъ послѣдній за тайну открывалъ обществу, что причиною ночной тревоги были не черкесы, а одинъ человѣкъ, имя котораго онъ долженъ утаить, и который былъ у княжны. „Какова княжна?“ заключилъ онъ: „а? Ну ужъ, признаюсь, московскія барышни! послѣ этого чему же можно вѣрить? Мы хотѣли его схватить; только онъ вырвался, и какъ заяцъ бросился въ кусты; тутъ я по немъ выстрѣлилъ“. Замѣтивъ, что ему никто не вѣрилъ, онъ сталъ увѣрять честнымъ словомъ въ справедливости разсказаннаго имъ и, наконецъ, даже изъявилъ готовность назвать виновника исторіи.

— Скажи, скажи, кто же онъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Печоринъ, — отвѣчалъ Грушницкій.

Въ эту минуту онъ поднялъ глаза — я стоялъ въ дверяхъ противъ него; онъ ужасно покраснѣлъ. Я пошелъ къ нему и сказалъ медленно и внятно:

— Мнѣ очень жаль, что я вошелъ послѣ того, какъ вы уже дали честное слово въ подтвержденіе самой отвратительной клеветы. Мое присутствіе избавило бы васъ отъ лишней подлости.

Грушницкій вскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ разгорячиться. Печоринъ, разумѣется, сталъ требовать отъ него, чтобы онъ отказался отъ своихъ словъ. Грушницкій стоялъ передъ нимъ, потупивъ глаза въ сильномъ волненіи; но борьба совѣсти съ самолюбіемъ была непродолжительна, тѣмъ болѣе, что драгунскій капитанъ толкнулъ его локтемъ: не подымая глазъ на Печорина, снова подтвердилъ онъ ему истину своего обвиненія. Печоринъ отвелъ капитана и переговорилъ съ нимъ. На крыльцѣ ресторація мужъ Вѣры схватилъ его за руку съ чувствомъ, похожимъ на восторгъ, называя его благороднѣйшимъ человѣкомъ, а Грушницкаго подлецомъ, и изъявлялъ свою радость, что у него нѣтъ дочерей... Бѣдный мужъ!...

Оттуда Печоринъ пошелъ къ Вернеру, разсказалъ ему все и попросилъ въ свои секунданты. Черезъ часъ Вернеръ пришелъ къ нему, уже переговоривши съ драгунскимъ капитаномъ. „Противъ васъ точно есть заговоръ“, сказалъ онъ ему. Пока Вернеръ снималъ въ передней калоши, онъ былъ свидѣтелемъ жаркаго спора капитана съ Грушницкимъ, изъ котораго понялъ, что Грушницкій не соглашался дурачить Печорина, но требовалъ, какъ обиженный, рѣшительной дуэли. Переговоры Вернера съ капитаномъ порѣшились на

томъ, чтобы мѣстомъ дуэли было глухое-ущелье верстахъ въ пяти отъ Кисловодска, и чтобы стрѣляться на другой день, въ четыре часа утра, въ шести шагахъ, а убитаго — насчетъ черкесовъ. Затѣмъ Вернеръ сообщилъ свое подозрѣніе, что капитанъ намѣренъ положить пулю только въ пистолетъ Грушницкаго, и спросилъ Печорина, должно ли имъ показать, что они догадались, на что послѣдній рѣшительно не согласился, говоря, что онъ и безъ того разстроитъ ихъ планы.

Вечеромъ къ Печорину приходилъ лакей съ приглашеніемъ отъ княгини, но онъ сказался больнымъ. Всю ночь онъ не спалъ, въ головѣ его пробѣгали мысли за мыслями. Отъ угрозъ Грушницкому, котораго онъ почиталъ вѣрною жертвою своею, онъ перешелъ къ мысли о непостоянствѣ счастья, которое доселѣ неизмѣнно служило ему. „Что жъ, — думалъ онъ, — умереть такъ умереть! потеря для міра небольшая; да и мнѣ самому порядочно ужъ скучно. Я — какъ человѣкъ, зѣвающій на балѣ, который не ѣдетъ спать только потому, что еще нѣтъ его кареты. Но карета готова... Прощайте!...“ Затѣмъ онъ обращается на всю жизнь свою, и ему невольно приходитъ въ голову вопросъ о цѣли его жизни. „Зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился? А вѣрно она существовала, и вѣрно было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій — лучшій цвѣтъ жизни!...“

Поучительна нѣмая бесѣда съ самимъ собою человѣка, который завтра готовится быть или убитымъ, или убійцею!... Мысль невольно обращается на себя, и сквозь мглу предразсужденій и умышленныхъ софизмовъ блеститъ лучъ ужасной истины... Но рѣшеніе принято, шагъ сдѣланъ, и возврата нѣтъ: само общество, которое смотритъ на кровавыя сдѣлки, какъ на безнравственность, само общество, противорѣча себѣ, запрещаетъ этотъ возвратъ своимъ насмѣшливо-презрительнымъ взглядомъ, своимъ недвижно-остановившимся на жертвѣ перстомъ... Кровавая развязка дѣла доставляетъ ему средства читать себѣ для другихъ нравоученія, произнести ближнему приговоръ и надавать ему позднихъ со-

вѣтовъ; отступленіе лишаетъ его занимательнаго анекдота, прекраснаго случая къ развлеченію на чужой счетъ. Что жъ тутъ дѣлать? разумѣется, итти впередъ, а чтобы вниканіе въ себя и въ сущность дѣла не лишило смѣлости, закрыть глаза на истину, и обѣими руками ухватиться за первый представившійся софизмъ, котораго ложность самому очевидна... Печоринъ такъ и сдѣлалъ; онъ рѣшилъ, что не стоитъ труда жить, и онъ правъ передъ собою или, по крайней мѣрѣ, не виноватъ передъ тѣми строгими судьями чужихъ поступковъ, которые сами не участвуютъ въ жизни, но на живущихъ смотрятъ, какъ зрители на актеровъ, то аплодируя, то шикая...

Несмотря на тайное безпокойство, мучившее Печорина, онъ не только имѣлъ силы заставить себя взяться за романъ Вальтеръ-Скотта „Шотландскіе пуритане“, но еще и увлечься волшебнымъ вымысломъ.

Когда разсвѣло, онъ посмотрѣлся въ зеркало: тусклая блѣдность покрывала лицо его, хранившее слѣды мучительной безсонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тѣнью, блистали гордо и неумолимо. „Я, говорилъ онъ, остался доволенъ собою“. Купанье въ Нарзанѣ сдѣлало его совершенно свѣжимъ и бодрымъ. Возвратясь съ купанья, онъ нашелъ у себя Вернера. Они сѣли на лошадей и поѣхали. Тутъ слѣдуетъ мимоходомъ краткое, полное поэзіи описаніе прекраснаго кавказскаго утра.

Они ѣхали молча.

— Написали ли вы свое завѣщаніе? вдругъ спросилъ Вернеръ.

— Нѣтъ.

— А если будете убиты?

— Наслѣдники отыщутся сами.

— Неужели у васъ нѣтъ друзей, которымъ бы вы хотѣли послать послѣднее прости?...

Я покачалъ головой.

— Неужели нѣтъ женщины, которой вы хотѣли бы оставить что-нибудь на память?...

— Хотите ли, докторъ, — отвѣчалъ я ему, — чтобъ я раскрылъ вамъ мою душу?... Видите ли: я выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умираютъ, произнося имя своей любезной и завѣщая другу клочокъ напомаженныхъ или ненапомаженныхъ волосъ. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю объ одномъ себѣ; иные не дѣлаютъ и этого. Друзья, которые завтра меня забудутъ или, хуже, взведутъ на мой счетъ, Богъ знаетъ, какія небылицы; женщины, которыя,

обнимая другого, будутъ смѣяться надо мною, чтобъ не возбудить въ немъ ревности къ усопшему, — Богъ съ ними! Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей, и ни одного чувства. Я давно ужъ живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его; первый, можетъ-быть, чрезъ часъ простится съ вами и міромъ навѣки, а второй... второй?...

Это признаніе обнаруживаетъ всего Печорина. Въ немъ нѣтъ фразъ, и каждое слово искренно. Безсознательно, но вѣрно выговорилъ Печоринъ всего себя. Этотъ человѣкъ не пылкій юноша, который гоняется за впечатлѣніями и всего себя отдаетъ первому изъ нихъ, пока оно не изгладится, и душа не запроситъ новаго. Нѣтъ, онъ вполнѣ пережилъ юношескій возрастъ, этотъ періодъ романическаго взгляда на жизнь; онъ уже не мечтаетъ умереть за свою возлюбленную, произнося ея имя и завѣщая другу локонъ волосъ; не принимаетъ слова за дѣло, порывъ чувства, хотя бы самаго возвышеннаго и благороднаго, за дѣйствительное состояніе души человѣка. Онъ много перечувствовалъ, много любилъ, и по опыту знаетъ, какъ непродолжительны всѣ чувства, всѣ привязанности; онъ много думалъ о жизни, и по опыту знаетъ, какъ ненадежны всѣ заключенія и выводы для тѣхъ, кто прямо и смѣло смотритъ на истину, не тѣшитъ не и обманываетъ себя убѣжденіями, которымъ уже самъ не вѣритъ... Духъ его созрѣлъ для новыхъ чувствъ и новыхъ думъ, сердце требуетъ новой привязанности: *дѣйствительность* — вотъ сущность и характеръ всего этого новаго. Онъ готовъ для него; но судьба еще не даетъ ему новыхъ опытовъ, и, презирая старые, онъ все-таки по нимъ же судитъ о жизни. Отсюда это безвѣріе въ дѣйствительность чувства и мысли, это охлажденіе къ жизни, въ которой ему видится то оптическій обманъ, то безсмысленное мелканіе китайскихъ тѣней. Это — переходное состояніе духа, въ которомъ для человѣка все старое разрушено, а новаго еще нѣтъ, и въ которомъ человѣкъ есть только возможность чего-то дѣйствительнаго въ будущемъ, и совершенный призракъ въ настоящемъ. Тутъ-то возникаетъ въ немъ то, что на простомъ языкѣ называется и „хандрою“, и „ипохондріею“, и „мнительностію“, и „сомнѣніемъ“, и другими словами, далеко не выражающими сущности явленія, и что на языкѣ фило-

софскомъ называется *рефлексіею*. Мы не будемъ объяснять ни этимологическаго ни философскаго значенія этого слова, а скажемъ коротко, что въ состояніи рефлексіи человѣкъ распадается на два человѣка, изъ которыхъ одинъ живетъ, а другой наблюдаетъ за нимъ и судитъ о немъ. Тутъ нѣтъ полноты ни въ какомъ чувствѣ, ни въ какой мысли, ни въ какомъ дѣйствіи: какъ только зародится въ человѣкѣ чувство, намѣреніе, дѣйствіе, тотчасъ какой-то скрытый въ немъ самомъ врагъ уже подсматриваетъ зародышъ, анализуя его, изслѣдуетъ, вѣрна ли, истинна ли эта мысль, дѣйствительно ли чувство, законно ли намѣреніе и какая ихъ цѣль, и къ чему они ведутъ, — и благоуханный цвѣтъ чувства блекнетъ, не распустившись, мысль дробится въ безконечность, какъ солнечный лучъ въ граненомъ хрусталѣ; рука, подъятая для дѣйствія, какъ внезапно окаменѣлая, останавливается на взмахѣ, и не ударяетъ...

Такъ робкими всегда творитъ насъ совѣсть;
Такъ яркій въ насъ рѣшимости румянецъ
Подъ тѣнію тускнѣетъ размышленья,
И замысловъ отважные порывы,
Отъ сей препоны уклоняя бѣгъ свой,
Именъ дѣяній не стяжаютъ...

говоритъ Шекспировъ Гамлетъ, этотъ поэтическій апоѳеозъ рефлексіи. Ужасное состояніе!

Но это состояніе сколько ужасно, столько же необходимо. Это одинъ изъ величайшихъ моментовъ духа. Полнота жизни въ чувствѣ, но чувство не есть еще послѣдняя ступень духа, дальше которой онъ не можетъ развиться. При одномъ чувствѣ, человѣкъ есть рабъ собственныхъ ощущеній, какъ животное есть рабъ собственнаго инстинкта. Достоинство безсмертнаго духа человѣческаго заключается въ его разумности, а послѣдній, высшій актъ разумности есть мысль. Въ мысли независимость и свобода человѣка отъ собственныхъ страстей и темныхъ ощущеній. Когда человѣкъ поднимаетъ въ гнѣвѣ руку на врага своего, онъ слѣдуетъ чувству, его одушевляющему; но только разумная мысль о своемъ человѣческомъ достоинствѣ и о своемъ человѣческомъ братствѣ со врагомъ можетъ удержать порывъ гнѣва и обезоружить поднятую для убійства руку. Но переходъ изъ непосредственности въ разумное сознаніе необходимо совершается черезъ рефлексію, бо-

лѣе или менѣе болѣзненную, смотря по свойству индивидуума. Если человѣкъ чувствуетъ хоть сколько-нибудь свое родство съ человѣчествомъ и хоть сколько-нибудь сознаетъ себя духомъ въ духѣ,—онъ не можетъ быть чуждъ рефлексіи. Исключенія остаются только или за натурами чисто практическими, или за людьми мелкими и ничтожными, которые чужды интересовъ духа и которыхъ жизнь — апатическая дремота. И нашъ вѣкъ есть, по премуществу, вѣкъ рефлексіи, почему отъ нея не освобождены ни тѣ мирныя и счастливыя натуры, которыя съ глубокостію соединяютъ тихость и невозмущаемое спокойствіе, ни самыя практическія натуры, если они не лишены глубокости. Отсюда значеніе цѣлой германской литературы: въ основаніи почти каждаго изъ ея произведеній лежитъ нравственный, религіозный, или философскій вопросъ. „Фаустъ“ Гёте есть поэтическій апоѳеозъ рефлексій нашего вѣка. Естественно, что такое состояніе человѣчества нашло свой отзывъ и у насъ; но оно отразилось въ нашей жизни особеннымъ образомъ, вслѣдствіе неопредѣленности, въ которую поставлено наше общество насильственнымъ выходомъ изъ своей непосредственности, черезъ великую реформу Петра. Дивно-художественная „Сцена Фауста“ Пушкина представляетъ собою высокій образъ рефлексіи, какъ болѣзни многихъ индивидуумовъ нашего общества. Ея характеръ — апатическое охлажденіе къ благамъ жизни, вслѣдствіе невозможности предаваться имъ со всею полнотою. Отсюда: томительная бездѣйственность въ дѣйствіяхъ, отвращеніе ко всякому дѣлу, отсутствіе всякихъ интересовъ въ душѣ, неопредѣленность желаній и стремленій, безотчетная тоска, мечтательность при избыткѣ внутренней жизни. Это противорѣчіе превосходно выражено авторомъ разбираемаго нами романа, въ его чудно-поэтической „Думѣ“, исполненной благороднаго негодованія, могучей жизни и поразительной вѣрности идей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить изъ нея слѣдующіе четыре стиха, въ которыхъ сказано больше, чѣмъ въ двѣнадцати томахъ иного „господина-сочинителя“.

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови!...

Печоринъ есть одинъ изъ тѣхъ, къ кому особенно должно относиться это энергическое воззваніе благороднаго поэта, котораго это самое и заставило назвать героя романа героемъ нашего времени. Отсюда происходитъ и недостатокъ опредѣленности, недостатокъ художественной рельефности въ изображеніи этого лица, но отсюда же выходитъ и его высочайшій поэтическій интересъ для всѣхъ, кто принадлежитъ къ *нашему времени* не по одному году и числу мѣсяца, въ которые родился, и то сильное неотразимо-грустное впечатлѣніе, которое онъ на насъ производитъ. Но мы еще возвратимся къ этому предмету, когда кончимъ изложеніе содержанія романа.

Подробности свиданія противниковъ на мѣстѣ роковой раздѣлки переданы авторомъ съ ужасающею истиною и поэзіею. Чтобы разстроить безчестныя намѣренія своихъ враговъ, возбудивъ трусость въ Грушницкомъ, Печоринъ предложилъ ему стрѣляться на узенькой площадкѣ отвѣсной скалы, саженъ въ тридцать вышины, и съ острыми камнями внизу. „Каждый изъ насъ (говорилъ онъ Грушницкому) станетъ на самомъ краю площадки; такимъ образомъ, даже легкая рана будетъ смертельна: это должно быть согласно съ вашимъ желаніемъ, потому что вы сами назначили шесть шаговъ. Тотъ, кто будетъ раненъ, полетитъ непремѣнно внизъ и разобьется вдребезги: пулю докторъ вынетъ. И тогда можно будетъ очень, очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачнымъ прыжкомъ. Мы бросимъ жребій, кому первому стрѣлять. Объясняю вамъ въ заключеніе, что иначе я не буду драться“... Грушницкій былъ поставленъ въ затрудненіе — лицо его ежеминутно мѣнялось. Теперь ему нельзя было отдѣлаться легкою раною, нанесенною противнику, или полученною имъ самимъ. Съ другой стороны, ему пришлось бы или выстрѣлить на воздухъ, или сдѣлаться убійцею, или отказаться отъ своего подлаго замысла. Капитанъ отвѣчалъ на вызовъ Печорина: „пожалуй!“ и Грушницкій принужденъ былъ кивнуть головою въ знакъ согласія. Однако, онъ отвелъ капитана въ сторону и сталъ говорить съ нимъ съ большимъ жаромъ. Печоринъ видѣлъ, какъ дрожали его посинѣлыя губы, и слышалъ, какъ капитанъ, отвернувшись отъ него съ презрѣніемъ, отвѣчалъ ему довольно громко: „ты дуракъ! ничего не понимаешь!“

Взошли на площадку, изображавшую почти треугольникъ. Условились, чтобы тотъ, которому первому достанется встрѣтить выстрѣлъ, сталъ на углу площадки спиною къ пропасти; если же онъ не будетъ убитъ, противники должны были помѣняться мѣстами. Бросили жребій — Грушницкому досталось стрѣлять первому. Когда стали на мѣста, Печоринъ сказалъ Грушницкому, что если онъ промахнется, то не долженъ надѣяться промаха съ его стороны. Грушницкій покраснѣлъ: мысль убить человѣка безоружнаго, казалось, боролась въ немъ со стыдомъ признаться въ подломъ умыслѣ. Докторъ снова сталъ совѣтовать Печорину обнаружить ихъ умыселъ, и самъ было хотѣлъ это сдѣлать. „Ни за что на свѣтѣ, докторъ!...“ отвѣчалъ Печоринъ, удерживая его за руку: „вы все испортите, вы мнѣ дали слово не мѣшать... какое вамъ дѣло? Можетъ-быть, я хочу быть убитымъ...“ — „О! это другое!... только на меня на томъ свѣтѣ не жалуйтесь...“ отвѣчалъ Вернеръ, посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ.

Капитанъ зарядилъ пистолеты и подалъ одинъ Грушницкому, шепнувъ ему что-то, а другой Печорину. Печоринъ выдался впередъ, опершись рукою о колѣно, чтобы, въ случаѣ легкой раны, не полетѣть въ бездну; Грушницкій, съ блѣднымъ лицомъ, дрожащими колѣнями, сталъ наводить пистолетъ, мѣтя въ лобъ; но тутъ совершилось то, что необходимо должно было совершиться вслѣдствіе слабости характера Грушницкаго, не способнаго ни къ положительному добру ни къ положительному злу: пистолетъ опустился, и, блѣдный какъ смерть, обратившись къ своему секунданту, Грушницкій сказалъ глухимъ голосомъ: „не могу!“ — „Трусъ!“ отвѣчалъ капитанъ, — выстрѣлъ раздался, пуля легко оцарапала колѣно Печорина, который невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы поскорѣе отдѣлиться отъ края. Какая вѣрная черта человѣческой натуры, въ которой ни порывы самолюбія ни жизненная сила воли не могутъ заглушить инстинкта самосохраненія!...

Теперь настала очередь Печорина. Капитанъ сыгралъ сцену прощанія съ Грушницкимъ, едва удерживаясь отъ смѣха. Можно себѣ представить, какія чувства волновали Печорина при видѣ соперника, который теперь съ спокойною дерзостью смотрѣлъ на него и, кажется, удерживалъ улыбку, а за минуту хотѣлъ убить его, какъ собаку... Какъ бы для очистки

совѣсти, онъ предложилъ ему попросить у него прощенія, но, услышавъ гордый отказъ, произнесъ слѣдующія слова съ разстановкою, громко и внятно, какъ произносятъ смертный приговоръ: „Докторъ, эти господа, вѣроятно второпяхъ, забыли положить пулю въ мой пистолетъ: прошу васъ зарядить его снова и хорошенько!“ Капитанъ старался казаться обиженнымъ и утверждалъ, что это неправда; но Печоринъ заставилъ его замолчать сказавъ, что если это такъ, то онъ и съ нимъ будетъ стрѣляться на тѣхъ же условіяхъ. Грушницкій подалъ рѣшительный голосъ въ пользу переряженія пистолета. „Дуракъ же ты, братецъ“, сказалъ капитанъ, плюнувъ и топнувъ ногою: „пошлый дуракъ!... Ужъ положился на меня, такъ слушайся во всемъ... подѣломъ же тебѣ! околѣвай себѣ, какъ муха!...“ Печоринъ снова предложилъ Грушницкому — признаться въ своей клеветѣ, обѣщаясь этимъ и кончить дѣло, и даже напоминалъ ему объ ихъ прежней дружбѣ. Здѣсь предстоялъ автору прекрасный случай изобразить трогательную сцену примиренія враговъ и обращенія на путь истины заблудшаго человѣка, и тѣмъ премного утѣшить моралистовъ и любителей пряничныхъ эффектовъ; но глубоко-художническій инстинктъ истины, безсознательно открывающій поэту самыя откровенныя таинства человѣческой природы, заставилъ его написать сцену совсѣмъ въ другомъ родѣ, сцену, которая поражаетъ своею ужасною, безпощадною истинностью и своею потрясающею эффектностью, при высочайшей простотѣ и естественности... Лицо Грушницкаго вспыхнуло, глаза засверкали. „Стрѣляйте!“ отвѣчалъ онъ: „я себя презираю, а васъ ненавижу. Если вы меня не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста...“

Да, это геніальная черта, смѣлый и мощный взмахъ художнической кисти! Не забудьте, что у Грушницкаго нѣтъ только характера, но что натура его не чужда была нѣкоторыхъ добрыхъ сторонъ; онъ неспособенъ былъ ни къ дѣйствительному добру ни къ дѣйствительному злу; но торжественное, трагическое положеніе, въ которомъ самолюбіе его играло бы напропалую, необходимо должно было возбудить въ немъ мгновенный и смѣлый порывъ страсти. Самолюбіе увѣрило его въ небывалой любви къ княжнѣ, и въ любви княжны къ нему; самолюбіе заставило его видѣть въ Печоринѣ своего соперн-

ника и врага; самолюбіе рѣшило его на заговоръ противъ чести Печорина; самолюбіе не допустило его послушаться голоса своей совѣсти и увлечься своимъ добрымъ началомъ, чтобы признаться въ заговорѣ; самолюбіе заставило его выстрѣлить въ безоружнаго человѣка; то же самое самолюбіе и сосредоточило всю силу его души въ такую рѣшительную минуту и заставило предпочесть вѣрную смерть вѣрному спасенію черезъ признаніе. Этотъ человѣкъ — апоѳеозъ мелочного самолюбія и слабости характера: отсюда всѣ его поступки, — и, несмотря на кажущуюся силу его послѣдняго поступка, онъ вышелъ прямо изъ слабости его характера. Самолюбіе — великій рычагъ въ душѣ человѣка; оно родитъ чудеса! Бываютъ на свѣтѣ люди, которые не блѣднѣя, какъ передъ чашкою чая, стоятъ передъ дуломъ своего противника, и которые прячутся подъ фуры во время сраженія...

Спускаясь по тропинкѣ внизъ, Печоринъ замѣтилъ между разсѣлинами скалъ окровавленный трупъ Грушницкаго, — и невольно закрылъ глаза. Возвращаясь въ Кисловодскъ, онъ опустилъ поводья и далъ волю коню. Солнце уже садилось, когда, измученный, на измученной лошади, пріѣхалъ онъ домой. Тамъ засталъ онъ двѣ записки — одну отъ доктора, другую отъ Вѣры.

Докторъ увѣдомлялъ его, что тѣло уже перевезено, но что благодаря ихъ мѣрамъ, заранѣе взятымъ, подозрѣній нѣтъ никакихъ, и что онъ можетъ спать спокойно... если можетъ...

Долго не рѣшался онъ открыть вторую записку; тяжелое предчувствіе мучило его — и оно не обмануло его. Письмо Вѣры начинается прощаніемъ навсегда. Мужъ разсказалъ ей о ссорѣ Печорина съ Грушницкимъ, — и это такъ поразило и взволновало ее, что она не помнила, что̀ отвѣчала ему, и только догадывалась, что то̀ было признаніе въ своей тайной любви, потому что мужъ оскорбилъ ее ужаснымъ словомъ и, вышедъ изъ комнаты, велѣлъ закладывать карету. Мысль о вѣчной разлукѣ увлекла ее къ объясненію своихъ отношеній къ Печорину, — и вотъ примѣчательнѣйшее мѣсто письма:

„Мы разстаемся навѣки; однакожъ ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебѣ всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ, не потому, чтобы ты былъ лучше ихъ, о нѣтъ! но въ твоей при-

родѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая, никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно; ничей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства; никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ".

Письмо заключается изъявленіемъ сомнительной увѣренности, что онъ не любитъ Мери и не женится на ней. „Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свѣтѣ..."

Велѣвъ осѣдлать измученнаго коня, какъ безумный, помчался Печоринъ въ Пятигорскъ. При возможности потерять Вѣру, она стала для него дороже всего на свѣтѣ — жизни, чести, счастія! Натискъ судьбы взволновалъ могучую натуру, изнемогавшую въ спокойствіи и мирѣ, и возбудилъ ея дремавшее чувство... Здѣсь невольно приходятъ на умъ эти стихи Пушкина:

О люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Еву:
Что̀ вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ безпрестанно змѣй зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не въ рай.

Стремглавъ скача и погоняя безпощадно, онъ сталъ замѣчать, что конь его тяжело дышитъ и спотыкается. Оставалось пять верстъ до Гоптуковъ, казачьей станицы, гдѣ бы могъ онъ пересѣсть на другую лошадь. Еще бы только десять минутъ, но конь рухнулся и издохъ... Печоринъ хотѣлъ итти пѣшкомъ, но изнуренный тревогами дня и безсонницею, онъ упалъ на мокрую траву и какъ ребенокъ заплакалъ... Напряженная гордость, холодная твердость — плодъ сухого отчаянія, софизмы свѣтской философіи — все исчезло и умолкло; уже не стало человѣка, волнуемаго страстями, потрясаемаго борьбою внутреннихъ противорѣчій — передъ вами бѣдное, безсильное дитя, слезами омывающее грѣхи свои, чуждое, на эту минуту, ложнаго стыда и не жалующееся ни на судьбу, ни на людей, ни на самого себя...

„И долго лежалъ я неподвижно, и плакалъ горько, не стараясь удержать слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе исчезли, какъ дымъ, душа обезсилѣла, разсудокъ замолкъ; и если бъ въ эту минуту кто-нибудь меня увидѣлъ, онъ бы съ презрѣніемъ отвернулся“.

Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили его горящую голову, онъ разсудилъ, что горькій прощальный поцѣлуй не много бы прибавилъ къ его воспоминаніямъ, а разлука послѣ него была бы тяжеле, — и возвратился въ Кисловодскъ въ пять часовъ утра, бросился въ постель и проспалъ мертвымъ сномъ до вечера. Тутъ пришелъ къ нему Вернеръ и извѣстилъ его, что княжна Лиговская больна разслабленіемъ нервъ; что начальство догадывается объ истинныхъ причинахъ смерти Грушницкаго, и что ему должно взять свои мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день утромъ онъ получилъ приказаніе отъ высшаго начальства отправиться въ крѣпость N, гдѣ судьба и свела его съ Максимомъ Максимычемъ.

Передъ отъѣздомъ онъ зашелъ къ княгинѣ Лиговской проститься. Она встрѣтила его, какъ человѣка, навѣрное явившагося къ ней, какъ къ матери, съ предложеніемъ насчетъ руки дочери. Тутъ слѣдуетъ превосходная комическая сцена, гдѣ княгиня, намекая Печорину, что ей извѣстны его отношенія къ Мери, даетъ ему знать, что не будетъ противиться ихъ соединенію, и охотно прощаетъ ему странность его поведенія въ отношеніи къ ея дочери. Нѣсколько разъ прерывала она свой большой монологъ пыхтѣніемъ и вздохами и, наконецъ, заплакала. Печоринъ попросилъ у нея позволенія наединѣ переговорить съ ея дочерью, на что̀ княгиня принуждена была согласиться.

Прошло пять минутъ; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; какъ я ни искалъ въ груди моей хоть искры любви къ милой Мери, старанія мои были напрасны.

Вотъ дверь отворилась, и вошла она. Боже! какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ея, — а давно ли? Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочилъ, подалъ ей руку и довелъ ее до креселъ.

Я стоялъ противъ нея. Мы долго молчали; ея большія глаза, наполненные неизъяснимою грустью, казалось, искали въ моихъ что-нибудь похожее на надежду; ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться; ея нѣжныя руки, сложенныя на колѣняхъ, были такъ худы и прозрачны, что мнѣ стало жаль ее.

— Княжна, — сказалъ я, — вы знаете, что я надъ вами смѣялся!... Вы должны презирать меня.

На ея щекахъ показался болѣзненный румянецъ.

Я продолжалъ: „Слѣдственно, вы меня любить не можете“.

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

— Боже мой! — произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо; еще минута, и я бы упалъ къ ногамъ ея.

— Итакъ, вы сами видите, — сказалъ я сколько могъ твердымъ голосомъ и съ принужденною усмѣшкою, — вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Если бъ вы даже этого теперь хотѣли, то скоро бы раскаялись; мой разговоръ съ вашею матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи: вамъ легко ее разувѣрить. Вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль, и даже въ этомъ признаюсь; вотъ все, что̀ я могу для васъ сдѣлать. Какое бы вы дурное мнѣніе обо мнѣ ни имѣли, я ему покоряюсь... Видите ли, я передъ вами низокъ?... Не правда ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?...

Она обернулась ко мнѣ блѣдная, какъ мраморъ, только глаза ея чудно сверкали. — „Я васъ ненавижу...“ — сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почтительно и вышелъ.

Нужно ли что-нибудь говорить объ этой сценѣ, гдѣ бѣдная Мери является въ такомъ безконечно-поэтическомъ апоѳеозѣ страданія отъ обманутаго чувства и оскорбленнаго самолюбія и достоинства женщины, и гдѣ каждое ея движеніе, каждый звукъ ея голоса запечатлѣны такою неотразимою прелестью и истиною, а положеніе такъ трогательно и возбуждаетъ такое сильное и горестное участіе?... Нѣтъ, кому эта сцена не скажетъ всего, тому наши слова ничего не пояснятъ...

Черезъ часъ скакалъ онъ на тройкѣ курьерскихъ изъ Кисловодска, и на дорогѣ увидѣлъ своего коня: сѣдло было снято и, вмѣсто него, два ворона сидѣли у него на спинѣ... Онъ вздохнулъ и отвернулся...

И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости, я часто, пробѣгая мыслью прошедшее, спрашиваю себя, отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?... Нѣтъ, я бы не ужился съ этою долей! Я, какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа слилась съ бурями и битвами, и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ

себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ, отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-по-малу отдѣляющійся отъ пѣны валуномъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристани...

Такою лирической выходкой, полною безконечной поэзіи и обнаруживающею всю глубину и мощь этого человѣка, замыкается журналъ Печорина. Теперь это таинственное лицо, такъ сильно волновавшее наше любопытство и въ исторіи Бэлы, и при свиданіи съ Максимомъ Максимычемъ, и въ разсказѣ о собственномъ приключеніи въ Тамани, — теперь оно все передъ нами, во весь ростъ свой. Черезъ него самого познакомились мы со всѣми изгибами его сердца, со всѣми событіями его жизни, и теперь уже самъ онъ ничего новаго не въ состояніи сказать намъ о самомъ себѣ. Но между тѣмъ, прочтя „Княжну Мери“, мы все еще не разстались съ нимъ, и еще разъ встрѣчаемся съ нимъ, какъ съ разсказчикомъ необыкновеннаго случая, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Мы не будемъ ни подробно излагать содержанія этого разсказа ни дѣлать изъ него выписокъ. Въ обществѣ офицеровъ зашелъ споръ о восточномъ фатализмѣ, и молодой офицеръ Вуличъ предложилъ пари противъ предопредѣленія, схватилъ со стѣны первый попавшійся ему изъ множества висѣвшихъ на стѣнѣ пистолетовъ, насыпалъ на полку пороху, приставилъ пистолетъ ко лбу, спустилъ курокъ — осѣчка!... Захотѣли узнать, точно ли пистолетъ былъ заряженъ, выстрѣлили въ фуражку, — и когда дымъ разсѣялся, всѣ увидѣли, что фуражка была прострѣлена. Еще до выстрѣла Печорину въ лицѣ и голосѣ Вулича показалось что-то такое странное и таинственное, что онъ невольно убѣдился въ близкой смерти этого человѣка, и предрекъ ему смерть. Въ самомъ дѣлѣ, выходя изъ общества, Вуличъ былъ убитъ на улицѣ станицы пьянымъ казакомъ... Да здравствуетъ фатализмъ!... Все, что мы пересказали въ нѣсколькихъ строкахъ, составляетъ въ романѣ порядочный отрывокъ съ превосходно изложенными подробностями, увлекательный по разсказу. Особенно хорошо обрисованъ характеръ героя — такъ и видите его передъ собою, тѣмъ болѣе, что онъ очень похожъ на Печорина. Самъ Печоринъ является тутъ дѣйствующимъ лицомъ, и едва ли

еще не болѣе на первомъ планѣ, чѣмъ самъ герой разсказа. Свойство его участія въ ходѣ повѣсти, равно какъ и его отчаянная, фаталическая смѣлость при взятіи взбѣсившагося казака если не прибавляютъ ничего новаго къ даннымъ о его характерѣ, то все-таки добавляютъ уже извѣстное намъ, и тѣмъ самымъ усугубляютъ единство мрачнаго и терзающаго душу впечатлѣнія цѣлаго романа, который есть біографія одного лица. — Это усиленіе впечатлѣнія особенно заключается въ основной идеѣ разсказа, которая есть — фатализмъ, вѣра въ предопредѣленіе, одно изъ самыхъ мрачныхъ заблужденій человѣческаго разсудка, которое лишаетъ человѣка нравственной свободы, изъ слѣпого случая дѣлая необходимость. Предразсудокъ — явно выходящій изъ положенія Печорина, который не знаетъ, чему вѣрить, на чемъ опереться, и съ особеннымъ увлеченіемъ хватается за самыя мрачныя убѣжденія, лишь бы только давали они поэзію его отчаянію и оправдывали его въ собственныхъ глазахъ.

Что же за человѣкъ этотъ Печоринъ? — Здѣсь мы должны обратиться къ „Предисловію“, написанному авторомъ романа къ журналу Печорина.

Теперь я долженъ нѣсколько объяснить принципы, побудившія меня передать публикѣ сердечныя тайны человѣка, котораго я никогда не зналъ. Добро бы я былъ еще его другомъ: коварная нескромность истиннаго друга понятна каждому, но я видѣлъ его только разъ въ моей жизни на большой дорогѣ; слѣдовательно, не могу питать къ нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь подъ личиною дружбы, ожидаетъ только смерти или несчастія любимаго предмета, чтобы разразиться надъ его головою громомъ упрековъ, совѣтовъ, насмѣшекъ и сожалѣній.

Несмотря на всю софистическую ложность этой горькой выходки, — самая ея желчность свидѣтельствуетъ уже, что въ ней есть своя истинная сторона. Въ самомъ дѣлѣ и дружба, подобно любви, есть роза съ роскошнымъ цвѣткомъ, упоительнымъ ароматомъ, но и съ колючими шипами. Каждая индивидуальность, какъ бы по природѣ своей, враждебна другой и силится пересоздать ее по-своему, и въ самомъ дѣлѣ, когда сходятся двѣ субъективности, онѣ, такъ сказать, чрезъ взаимное треніе другъ объ друга сглаживаются и измѣняются, заимствуя одна отъ другой то, чего имъ недостаетъ. Отсюда это взаимное цензорство въ дружбѣ, эта страсть раз-

ражаться надъ головою друга градомъ упрековъ, насмѣшекъ и сожалѣній. Самолюбіе тутъ играетъ свою роль; но если дружба основана не на дѣтской привязанности или какой-нибудь внѣшней связи, — истинная привязанность, внутреннее человѣческое чувство всегда играетъ тутъ свою роль. Авторъ видитъ въ дружбѣ одни шипы — и его ошибка не въ ложности, а въ односторонности взгляда. Онъ, видимо, находится въ томъ состоянія духа, когда въ нашемъ разумѣніи всякая мысль распадается на свои же собственные моменты, до тѣхъ поръ, пока духъ нашъ не созрѣетъ для великаго процесса разумнаго примиренія противоположностей въ одномъ и томъ же предметѣ. Вообще, хотя авторъ и выдаетъ себя за человѣка, совершенно чуждаго Печорину, но онъ сильно симпатизируетъ съ нимъ, и въ ихъ взглядѣ на вещи — удивительное сходство. Слѣдующее мѣсто изъ „Предисловія“ еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль:

Можетъ-быть, нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина. Мой отвѣтъ — заглавіе этой книги. — „Да это злая иронія!...“ скажутъ они. — Не знаю.

Итакъ, „Герой нашего времени“ — вотъ основная мысль романа. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого весь романъ можетъ почесться злою иронією, потому что большая часть читателей навѣрное воскликпетъ: „Хорошъ же герой!“ — А чѣмъ же онъ дуренъ? — смѣемъ васъ спросить.

Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что пылкихъ думъ неосторожность
Себялюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ;
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ;
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла;
Что глупость вѣтрена и зла;
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не страшна?

Вы говорите противъ него, что въ немъ нѣтъ вѣры. Прекрасно! но вѣдь это то же самое, что обвинять нищаго за

то, что у него нѣтъ золота: онъ бы и радъ имѣть его, да не дается оно ему. И притомъ, развѣ Печоринъ радъ своему безвѣрію? развѣ онъ гордится имъ? развѣ онъ не страдалъ отъ него? развѣ онъ не готовъ цѣною жизни и счастья купить эту вѣру, для которой еще не насталъ часъ его?... Вы говорите, что онъ эгоистъ?— Но развѣ онъ не презираетъ и не ненавидитъ себя за это? развѣ сердце его не жаждетъ любви чистой и безкорыстной? Нѣтъ, это не эгоизмъ: эгоизмъ не страдаетъ, не обвиняетъ себя, но доволенъ собою, радъ себѣ. Эгоизмъ знаетъ мученія; страданіе есть удѣлъ одной любви. Душа Печорина не каменистая почва, но засохшая отъ зноя пламенной жизни земля; пусть взрыхлитъ ее страданіе и ороситъ благодатный дождь,— и она произраститъ изъ себя пышные, роскошные цвѣты небесной любви... Этому человѣку стало больно и грустно, что его всѣ не любятъ,— и кто же эти „всѣ“?— пустые, ничтожные люди, которые не могутъ простить ему его превосходства надъ ними. А его готовность задушать въ себѣ ложный стыдъ, голосъ свѣтской чести и оскорбленнаго самолюбія, когда онъ за признаніе въ клеветѣ готовъ былъ простить Грушницкому, человѣку, сейчасъ только выстрѣлившему въ него пулею и безстыдно ожидавшему отъ него холостого выстрѣла? А его слезы и рыданія въ пустынной степи у тѣла издохшаго коня?— нѣтъ, все это не эгоизмъ! Но его — скажете вы — холодная расчетливость, систематическая разсчитанность, съ которою онъ обольщаетъ бѣдную дѣвушку, не любя ея, и только для того, чтобы посмѣяться надъ нею и чѣмъ-нибудь занять свою праздность?— Такъ, но мы и не думаемъ оправдывать его въ такихъ поступкахъ, ни выставлять его образцомъ, высокимъ идеаломъ чистѣйшей нравственности: мы только хотимъ сказать, что въ человѣкѣ должно видѣть человѣка, и что идеалы нравственности существуютъ въ однихъ классическихъ трагедіяхъ и морально-сентиментальныхъ романахъ прошлаго вѣка. Судя о человѣкѣ, должно брать въ разсмотрѣніе обстоятельства его развитія и сферу жизни, въ которую онъ поставленъ судьбою. Въ идеяхъ Печорина много ложнаго, въ ощущеніяхъ его есть искаженіе; но все это выкупается его богатою натурою. Его во многихъ отношеніяхъ дурное настоящее — обѣщаетъ прекрасное будущее. Вы восхищаетесь быстрымъ движеніемъ парохода, видите въ немъ великое

торжество духа надъ природою? — и хотите потомъ отрицать въ немъ всякое достоинство, когда онъ сокрушаетъ, какъ зерно жерновъ, неосторожныхъ, попавшихъ подъ его колеса: не значитъ ли это противорѣчить самимъ себѣ? опасность отъ парохода есть результатъ его чрезмѣрной быстроты; слѣдовательно, порокъ его выходитъ изъ его достоинства. Бываютъ люди, которые отвратительны при всей безукоризненности своего поведенія, потому что она въ нихъ есть слѣдствіе безжизненности и слабости духа. Порокъ возмутителенъ въ великихъ людяхъ; но наказанный, онъ приводитъ въ умиленіе вашу душу. Это наказаніе только тогда есть торжество нравственнаго духа, когда оно является не извнѣ, но есть результатъ самого порока, отрицаніе собственной личности индивидуума въ оправданіе вѣчныхъ законовъ оскорбленной нравственности. Авторъ разбираемаго нами романа, описывая наружность Печорина, когда онъ съ нимъ встрѣтился на большой дорогѣ, вотъ что говоритъ о его глазахъ: „Они не смѣялись, когда онъ смѣялся... Вамъ не случалось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей? Это признакъ или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его — непродолжительный, но проницательный и тяжелый — оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса и могъ казаться дерзкимъ, если бы не былъ столь равнодушно спокоенъ“. Согласитесь, что какъ эти глаза, такъ и вся сцена свиданія Печорина съ Максимомъ Максимычемъ, показываютъ, что если это порокъ, то совсѣмъ не торжествующій, и надо быть рожденнымъ для добра, чтобы такъ жестоко быть наказану за зло?... Торжество нравственнаго духа гораздо поразительнѣе совершается надъ благородными натурами, чѣмъ надъ злодѣями...

А между тѣмъ этотъ романъ совсѣмъ не злая иронія, хотя и очень легко можетъ быть принятъ за иронію; это одинъ изъ тѣхъ романовъ,

Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно —

Съ его безнравственной душой
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданный безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

„Хорошъ же современный человѣкъ!“ — воскликнулъ одинъ правоописательный „сочинитель“, разбирая, или, лучше сказать, ругая седьмую главу „Евгенія Онѣгина“. Здѣсь мы почитаемъ кстати замѣтить, что всякій современный человѣкъ, въ смыслѣ представителя своего вѣка, какъ бы онъ ни былъ дуренъ, не можетъ быть дуренъ, потому что нѣтъ дурныхъ вѣковъ, и ни одинъ вѣкъ не хуже и не лучше другого, потому что онъ есть необходимый моментъ въ развитіи человѣчества или общества.

Пушкинъ спрашивалъ самого себя о своемъ Онѣгинѣ:

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ —
Ужъ не пародія ли онъ?

И этимъ самымъ вопросомъ онъ разрѣшилъ загадку и нашелъ слово. Онѣгинъ не подражаніе, а отраженіе, но сдѣлавшееся не въ фантазіи поэта, а въ современномъ обществѣ, которое онъ изобразилъ въ лицѣ героя своего поэтическаго романа. Сближеніе съ Европою должно было особеннымъ образомъ отразиться въ нашемъ обществѣ, — и Пушкинъ геніальнымъ инстинктомъ великаго художника уловилъ это отраженіе въ лицѣ Онѣгина. Но Онѣгинъ у насъ уже прошедшее и прошедшее невозвратное.

Если бы онъ явился въ наше время, вы имѣли бы право спросить, вмѣстѣ съ поэтомъ:

Все тотъ же онъ, иль усмирился?
Иль корчитъ также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представитъ онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? — Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,

Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнетъ иной?
Иль просто будетъ добрый малый,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?

Печоринъ Лермонтова есть лучшій отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Это — Онѣгинъ нашего времени, герой нашего времени. Несходство ихъ между собою гораздо меньше разстоянія между Онегою и Печорою. Иногда, въ самомъ имени, которое истинный поэтъ даетъ своему герою, есть разумная необходимость, хотя, можетъ-быть, и невидимая самимъ поэтомъ...

Со стороны художественнаго выполненія нечего и сравнивать Онѣгина съ Печоринымъ. Но какъ выше Онѣгинъ Печорина въ художественномъ отношеніи, такъ Печоринъ выше Онѣгина по идеѣ. Впрочемъ, это преимущество принадлежитъ нашему времени, а не Лермонтову.

Что такое Онѣгинъ? — Лучшею характеристикою и истолкованіемъ этого лица можетъ служить французскій эпиграфъ къ поэмѣ: „Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire“. Мы думаемъ, что это превосходство въ Онѣгинѣ нисколько не было воображаемымъ, потому что онъ „вчужѣ чувства уважалъ“, и что въ „его сердцѣ была и гордость и прямая честь“. Онъ является въ романѣ человѣкомъ, котораго убили воспитаніе и свѣтская жизнь, которому все приглядѣлось, все пріѣлось, все прилюбилось и котораго вся жизнь состояла въ томъ,

Что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

Не таковъ Печоринъ. Этотъ человѣкъ не равнодушно, не апатически несетъ свое страданіе: бѣшено гоняется онъ за жизнью, ища ея повсюду; горько онъ обвиняетъ себя въ своихъ заблужденіяхъ. Въ немъ неумолчно раздаются внутренніе вопросы, тревожатъ его, мучатъ, и онъ въ рефлексіи ищетъ ихъ разрѣшенія: подсматриваетъ каждое движеніе своего сердца, разсматриваетъ каждую мысль свою. Онъ сдѣлалъ изъ себя самый любопытный предметъ своихъ наблюденій, и, стараясь быть какъ можно искреннѣе въ своей исповѣди, не только откровенно признается въ своихъ истинныхъ не-

достаткахъ, но еще и выдумываетъ небывалые или ложно истолковываетъ самыя естественныя свои движенія.

„Герой нашего времени“ — это грустная дума о нашемъ времени.

Но со стороны формы изображеніе Печорина несовсѣмъ художественно. Однако причина этого не въ недостаткѣ таланта автора, а въ томъ, что изображаемый имъ характеръ, какъ мы уже слегка и намекнули, такъ близокъ къ нему, что онъ не въ силахъ былъ отдѣлиться отъ него и объектировать его. Мы убѣждены, что никто не можетъ видѣть въ словахъ нашихъ желаніе выставить романъ Лермонтова автобіографіею. Субъективное изображеніе лица не есть автобіографія: Шиллеръ не былъ разбойникомъ, хотя въ Карлѣ Моорѣ и выразилъ свой идеалъ человѣка. Прекрасно выразился Варнгагенъ, сказавъ, что на Онѣгина и Ленскаго можно бы смотрѣть, какъ на братьевъ Вульта и Вальта у Жанъ-Поля Рихтера, т.-е. какъ на разложеніе самой природы поэта, и что онъ, можетъ-быть, воплотилъ двойство своего внутренняго существа въ этихъ двухъ живыхъ созданіяхъ. Мысль вѣрная, а между тѣмъ было бы очень нелѣпо искать сходныхъ чертъ въ жизни этихъ лицъ съ жизнью самого поэта.

Вотъ причина неопредѣленности Печорина и тѣхъ противорѣчій, которыми такъ часто опутывается изображеніе этого характера. Чтобы изобразить вѣрно данный характеръ, надо совершенно отдѣлиться отъ него, стать выше его, смотрѣть на него какъ на нѣчто оконченное. Но этого, повторяемъ, не видно въ созданіи Печорина. Онъ скрывается отъ насъ такимъ же неполнымъ и неразгаданнымъ существомъ, какъ и является намъ въ началѣ романа. Оттого и самый романъ, поражая удивительнымъ единствомъ ощущенія, нисколько не поражаетъ единствомъ мысли и оставляетъ насъ безъ всякой перспективы, которая невольно возникаетъ въ фантазіи читателя по прочтеніи художественнаго произведенія, и въ которую невольно погружается очарованный взоръ его. Въ этомъ романѣ удивительная замкнутость созданія, но не та высшая, художественная, которая сообщается созданію чрезъ единство поэтической идеи, а происходящая отъ единства поэтическаго ощущенія, которымъ онъ такъ глубоко поражаетъ душу читателя. Въ немъ есть что-то неразгаданное, какъ бы недоговоренное, какъ въ „Вертерѣ“ Гёте, и потому есть что-то

тяжелое въ его впечатлѣніи. Но этотъ недостатокъ есть въ то же время и достоинство романа Лермонтова: таковы бываютъ всѣ современные общественные вопросы, высказываемые въ поэтическихъ произведеніяхъ: это вопль страданія, но вопль, который облегчаетъ страданія...

Это же единство ощущенія, а не идеи, связываетъ и весь романъ. Въ „Онѣгинѣ“ всѣ части органически сочленены, ибо въ избранной рамкѣ романа своего Пушкинъ исчерпалъ всю свою идею, и потому въ немъ ни одной части нельзя ни измѣнить ни замѣнить. „Герой нашего времени“ представляетъ собою нѣсколько рамокъ, вложенныхъ въ одну большую раму, которая состоитъ въ названіи романа и единствѣ героя. Части этого романа расположены сообразно съ внутреннею необходимостью; но какъ онѣ суть только отдѣльные случаи изъ жизни хотя одного и того же человѣка, то и могли бы быть замѣнены другими, ибо, вмѣсто приключенія въ крѣпости съ Бэлою или въ Тамани, могли бы быть подобныя же и въ другихъ мѣстахъ, и съ другими лицами, хотя при одномъ и томъ же героѣ. Но тѣмъ не менѣе, основная мысль автора даетъ имъ единство, и общность ихъ впечатлѣнія поразительна, не говоря уже о томъ, что „Бэла“, „Максимъ Максимычъ“ и „Тамань“, отдѣльно взятыя, суть въ высшей степени художественныя произведенія. И какія типическія, какія дивно-художественныя лица — Бэлы, Азамата, Казбича, Максима Максимыча, дѣвушки въ Тамани! Какія поэтическія подробности, какой на всемъ поэтическій колоритъ!

Но „Княжна Мери“, и какъ отдѣльно взятая повѣсть, менѣе всѣхъ художественна. Изъ лицъ, одинъ Грушницкій есть истинно-художественное созданіе. Драгунскій капитанъ безподобенъ, хотя и является въ тѣни, какъ лицо меньшей важности. Но всѣхъ слабѣе обрисованы лица женскія, потому что на нихъ-то особенно отразилась субъективность взгляда автора. Лицо Вѣры особенно неуловимо и неопредѣленно. Это скорѣе сатира на женщину, чѣмъ женщина. Только что начинаете вы ею заинтересовываться и очаровываться, какъ авторъ тотчасъ же и разрушаетъ ваше участіе и очарованіе какою-нибудь совершенно произвольною выходкою. Отношенія ея къ Печорину похожи на загадку. То она кажется вамъ женщиною глубокою, способною къ безграничной любви и преданности, къ геройскому самоотвер-

женію; то видите въ ней одну слабость и больше ничего. Особенно ощутителенъ въ ней недостатокъ женственной гордости и чувства своего женственнаго достоинства, которыя не мѣшаютъ женщинѣ любить горячо и беззавѣтно, но которыя едва ли когда допустятъ истинно-глубокую женщину сносить тиранство любви. Она обожаетъ въ Печоринѣ его высшую природу, и въ ея обожаніи есть что-то рабское. Вслѣдствіе всего этого, она не возбуждаетъ къ себѣ сильнаго участія со стороны автора и, подобно тѣни, проскользаетъ въ его воображеніи. Княжна Мери изображена удачнѣе. Это дѣвушка неглупая, и не пустая. Ея направленіе нѣсколько идеально, въ дѣтскомъ смыслѣ этого слова: ей мало любить человѣка, къ которому влекло бы ее чувство, непремѣнно надо, чтобы онъ былъ несчастенъ и ходилъ въ толстой и сѣрой солдатской шинели. Печорину очень легко было обольстить ее: стоило только казаться непонятнымъ и таинственнымъ и быть дерзкимъ. Въ ея направленіи есть нѣчто общее съ Грушницкимъ, хотя она и несравненно выше его. Она допустила обмануть себя; но когда увидѣла себя обманутою, она, какъ женщина, глубоко почувствовала свое оскорбленіе и пала его жертвою, безотвѣтною, безмолвно страдающею, но безъ униженія, — и сцена ея послѣдняго свиданія съ Печоринымъ возбуждаетъ къ ней сильное участіе и обливаетъ ея образъ блескомъ поэзіи. Но, несмотря на это, и въ ней есть что-то какъ будто недосказанное, чему опять причиною то, что ея тяжбу съ Печоринымъ судило не третье лицо, какимъ бы долженъ былъ явиться авторъ.

Однако, при всемъ этомъ недостаткѣ художественности, вся повѣсть насквозь проникнута поэзіею, исполнена высочайшаго интереса. Каждое слово въ ней такъ глубоко знаменательно, самые парадоксы такъ поучительны, каждое положеніе такъ интересно, такъ живо обрисовано! Слогъ повѣсти — то блескъ молніи, то ударъ меча, то разсыпающійся по бархату жемчугъ! Основная идея такъ близка сердцу всякаго, кто мыслитъ и чувствуетъ, что всякій изъ такихъ, какъ бы ни противоположно было его положеніе положеніямъ, въ ней представленнымъ, увидитъ въ ней исповѣдь собственнаго сердца.

Въ „Предисловіи“ къ журналу Печорина авторъ, между прочимъ, говоритъ:

Я помѣстилъ въ этой книгѣ только то, что относилось къ пребыванію Печорина на Кавказѣ. Въ моихъ рукахъ осталась еще толстая тетрадь, гдѣ онъ разсказываетъ всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на судъ свѣта, но теперь я не могу взять на себя эту отвѣтственность.

Благодаримъ автора за пріятное обѣщаніе, но сомнѣваемся, чтобы онъ его выполнилъ: мы крѣпко убѣждены, что онъ навсегда разстался съ своимъ Печоринымъ. Въ этомъ убѣжденіи утверждаетъ насъ признаніе Гёте, который говоритъ въ своихъ запискахъ, что, написавъ „Вертера“, бывшаго плодомъ тяжелаго состоянія его духа, онъ освободился отъ него, и былъ такъ далекъ отъ героя своего романа, что ему смѣшно было видѣть, какъ сходила отъ него съ ума пылкая молодежь... Такова благодарная природа поэта: собственною силою своею вырывается онъ изъ всякаго момента ограниченности и летитъ къ новымъ, живымъ явленіямъ міра, въ полное славы творенье... Объектируя собственное страданіе, онъ освобождается отъ него; переводя на поэтическіе звуки диссонансы духа своего, онъ снова входитъ въ родную ему сферу вѣчной гармоніи... Если же Лермонтовъ и выполнитъ свое обѣщаніе, то мы увѣрены, что онъ представитъ уже не стараго и знакомаго намъ, о которомъ онъ уже все сказалъ, а совершенно новаго Печорина, о которомъ еще можно много сказать. Можетъ-быть, онъ покажетъ его намъ исправившимся, признавшимъ законы нравственности, но вѣрно ужъ не въ утѣшенье, а въ пущее огорченіе моралистовъ; можетъ-быть, онъ заставитъ его признать разумность и блаженство жизни, но для того, чтобы увѣриться, что это не для него, что онъ много утратилъ силъ въ ужасной борьбѣ, ожесточился въ ней, и не можетъ сдѣлать эту разумность и блаженство своимъ достояніемъ... А можетъ-быть, и то: онъ сдѣлаетъ его и причастникомъ радостей жизни, торжествующимъ побѣдителемъ надъ злымъ геніемъ жизни... Но то или другое, а во всякомъ случаѣ искупленіе будетъ совершено черезъ одну изъ тѣхъ женщинъ, существованію которыхъ Печоринъ такъ упрямо не хотѣлъ вѣрить, основываясь не на своемъ внутреннемъ созерцаніи, а на бѣдныхъ опытахъ своей жизни... Такъ сдѣлалъ и Пушкинъ съ своимъ Онѣгинымъ: отвергнутая имъ женщина воскресила его изъ смертнаго усыпленія для прекрасной жизни, но не для того, чтобы

дать ему счастье, а для того, чтобы наказать его за невѣріе въ таинство любви и жизни, и въ достоинство женщины...

Бѣлинскій.

Однородность характеровъ Арбенина, Измаила, Печорина... и родственное ихъ отношеніе къ поэту.

Я желаю, по возможности, опредѣлить, въ чемъ заключается направленіе поэзіи Лермонтова, какъ оно выразилось и откуда оно взялось.

Поэтическая дѣятельность объясняется тѣми же самыми предметами, которые входятъ въ сферу всякой другой дѣятельности, какъ ея основные элементы. Такихъ элементовъ три. На первомъ планѣ стоитъ личность дѣятеля, со всею ея обстановкой, внутреннею и внѣшнею, отъ наклонностей природы до положенія въ свѣтѣ. Второе мѣсто занимаетъ современное поэту состояніе того общества, котораго онъ необходимый членъ, отъ котораго получаетъ непосредственное вліяніе и на которое самъ болѣе или менѣе дѣйствуетъ. Наконецъ третьимъ условіемъ развитія поэта служитъ умственное и нравственное настроеніе всей европейской жизни, задающее тонъ каждому отдѣльному народу, особенно такому, для котораго, по многимъ историческимъ причинамъ, періодъ заимствованій, подражательности сохраняетъ еще несомнѣнную значительность и силу. Указанные элементы можно уподобить концентрическимъ кругамъ, у которыхъ сосредоточіе одно — поэтическая дѣятельность, но которыхъ окружности не одинаковы по величинѣ своей. Откуда бы ни начали мы осматривать предметъ нашего наблюденія, изъ ближайшаго ли къ нему, или изъ отдаленнѣйшаго отъ него круга, результатъ выйдетъ одинъ и тотъ же: освѣщенная, опредѣленная дѣятельность поэта. Изслѣдованіе, правильно произведенное, покажетъ, какимъ образомъ развитіе общеевропейской и народной жизни, вмѣстѣ съ развитіемъ личности поэта, обусловило характеръ его дѣятельности; и, наоборотъ, разумное знакомство съ характеромъ поэтической дѣятельности опредѣлитъ, какъ именно отразились на ней всѣ три дѣйствующіе элемента: личный, національный и общеевропейскій. Отраженіе бываетъ иногда такъ ярко, что исторія сочиненій раскрываетъ вмѣстѣ исторію того времени, въ которое они

явились. Ломени, біографъ и критикъ Бомарше, имѣлъ право назвать свою книгу „Beaumarchais et *son temps*“.

Прежде сужденія о фактѣ, намъ нужно ясное представленіе факта: необходимо, по самымъ сочиненіямъ Лермонтова, познакомиться съ его идеаломъ. При этомъ непосредственномъ, личномъ, такъ сказать, знакомствѣ мы соберемъ воедино разсѣянныя въ повѣстяхъ и драмахъ типическія черты героя, какъ представителя направленія, отличающаго поэзію Лермонтова. Для достиженія нашей цѣли нѣтъ надобности держаться хронологическаго порядка пьесъ. Это и невозможно, потому что неизвѣстна въ точности послѣдовательность ихъ появленія; и неинтересно, потому что въ нашемъ намѣреніи интересъ сосредоточивается на представленіи идеала, котораго бо́льшая или ме́ньшая сила не всегда находится въ прямомъ отношеніи къ позднѣйшему или начальному періоду поэтической дѣятельности. Необходимая въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о постоянномъ развитіи авторскаго таланта, хронологія теряетъ свою особенную важность, когда критика полагаетъ своею задачею — опредѣлить направленіе поэта. Направленіе можетъ сказаться при первомъ дебютѣ такъ же ясно и сильно, какъ и въ послѣднемъ словѣ, иногда даже сильнѣе и опредѣлительнѣе. Часто мѣняется оно съ возрастающими успѣхами автора: въ дальнѣйшемъ пути своемъ онъ оставляетъ тѣ идеи, за которыя такъ усердно подвизался при началѣ поприща. Наконецъ, въ направленіи совершаются нерѣдко счастливые или несчастные возвраты къ прежнему: царство ума, на ряду съ ренегатами, имѣетъ и блудныхъ сыновей, съ покаяніемъ возвращающихся въ отеческій домъ; мысль, послѣ долгаго и извилистаго теченія, приближается снова къ мѣстамъ родного истока, какъ бы жалѣя, что разставалась съ ними такъ надолго и такъ напрасно.

Если же ясность и живость направленія не зависитъ отъ времени, когда появились поэтическія произведенія, то полнота и точность библіографическихъ данныхъ стоитъ въ сторонѣ, какъ предметы побочные, нужные для комментарія и справокъ, а не для основаній изслѣдованію. Въ поэтической дѣятельности Лермонтова, которую мы именно и разсмотримъ относительно ея содержанія, можно отправиться изъ какого угодно пункта, но придешь непремѣнно къ одному и тому же выводу.

Направленіе мыслей Лермонтова, его взглядъ на людей и природу, его міросозерцаніе выразилось прежде всего и преимущественно въ объективной поэзіи — въ характерѣ созданныхъ имъ лицъ, или вѣрнѣе, одного лица, постояннаго героя его поэмъ, повѣстей и драмъ. Къ нимъ и должны мы обратиться.

Во второмъ отрывкѣ изъ неоконченныхъ повѣстей является на сцену Александръ Сергѣевичъ Арбенинъ, десятилѣтній мальчикъ. Описаніе его душевныхъ и тѣлесныхъ свойствъ показываетъ, какой человѣкъ долженствовалъ выйти изъ такого дитяти. Характеръ Саши чрезвычайно замѣчателенъ: природа, вмѣстѣ съ желѣзнымъ тѣлосложеніемъ, дала ему наклонность къ разрушенію, страстные порывы къ безпокойству и тревогѣ. Разсказы раболѣпной дворни о разбойникахъ наполнили его воображеніе картинами мрачными, понятіями противообщественными. Шести лѣтъ онъ уже мечталъ, заглядываясь на красоты природы: онъ любилъ смотрѣть на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно въ его дѣтскую кроватку. Герой поэмы „Измаилъ Бей“ раздѣлялъ съ Арбенинымъ ту же наклонность:

Еще ребенкомъ онъ любилъ
Природы дикой пышныя вершины,
Разливъ зари и льдистыя картины,
Блестящія на небѣ голубомъ.

Глубокое сочувствіе къ міру физическому, составляя неотъемлемую принадлежность подобныхъ людей, какъ бы вознаграждаетъ ихъ за то, что они немногому сочувствуютъ въ мірѣ человѣческомъ. Семи лѣтъ Саша выказывалъ повелительность, гордость и презрѣніе. Долговременный и опасный недугъ развилъ въ немъ душевную крѣпость: онъ привыкъ побѣждать страданія тѣла грезами и мыслями. То же самое мы видимъ въ шестилѣтнемъ Мцыри: мучительная болѣзнь „развила въ немъ могучій духъ его отцовъ“. Если бъ, говоритъ онъ въ своемъ разсказѣ Чернецу,

. . . Хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ — клянусь, старикъ,
Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ, —

слова, повторенныя Арсеніемъ игумену (въ поэмѣ „Боярин Орша“):

И если хоть минутный крикъ
Измѣнитъ мнѣ... тогда, старикъ,
Я вырву слабый мой языкъ.

Такимъ образомъ подъ разными именами — Арбенина, Измаилъ-Бея, Мцыри, выступаютъ передъ нами черты одного и того же лица, еще въ первомъ дѣтскомъ періодѣ его жизни. Дальнѣйшій анализъ покажетъ, что черты эти нисколько не измѣнились и въ другихъ возрастахъ, при увеличившемся числѣ типовъ, созданныхъ Лермонтовымъ. Отрывокъ, о которомъ говоримъ мы, знакомитъ читателя съ дѣтскими годами Арбенина. Что̀ именно вышло бы изъ него дальше — неизвѣстно: повѣсть только что начата. Авторъ называетъ его „чудакомъ“, по рѣдкости страстныхъ людей, какимъ былъ Арбенинъ, въ нашемъ равнодушномъ вѣкѣ. И дѣйствительно, онъ оказался такимъ въ двухъ драмахъ: „Странный человѣкъ“ и „Маскарадъ“. Обѣ онѣ имѣютъ главнымъ лицомъ — Арбенина, хотя и съ перемѣною его имени; обѣ характеромъ этого лица убѣждаютъ, что въ нихъ идетъ дѣло о томъ самомъ человѣкѣ, который въ отрывкѣ названъ Сашей. Первая пьеса изображаетъ юношу Арбенина, вторая — Арбенина-мужа. Самое заглавіе драмы „Странный человѣкъ“ даетъ уразумѣть тождество главнаго дѣйствующаго лица ея, Виктора Павловича, съ *чудакомъ* Александромъ Сергѣевичемъ. Къ этой же мысли склоняютъ и заключительныя слова пьесы, произнесенныя однимъ изъ гостей въ домѣ графа N.: „вашъ Арбенинъ не великій человѣкъ: онъ былъ *странный человѣкъ*, вотъ и все“. Можно предположить съ достовѣрностью, что Лермонтовъ долго вынашивалъ въ умѣ своемъ любимый образъ, пытаясь нарисовать его въ разныхъ поэтическихъ формахъ — и эпической и драматической. Сходство между романтическою драмой „Странный человѣкъ“ и отрывкомъ изъ повѣсти заключается какъ въ характерахъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и въ одномъ внѣшнемъ обстоятельствѣ — въ разрывѣ между родителями этихъ лицъ: тамъ и здѣсь Арбенинъ, рано лишенный ласкъ матери, остался на рукахъ отца, суроваго и холоднаго, не занимавшагося его воспитаніемъ. Признавая всю силу впечатлѣнія, какое способно произвести подобное событіе въ семейной жизни, мы

не можемъ однакожъ объяснить имъ однимъ ни всѣхъ дѣйствій молодого Арбенина ни всѣхъ сторонъ его характера. Попытки оправдать раціонально тѣ явленія, которыми онъ такъ странно и большею частію такъ непріятно сталкивается съ окружающими его людьми, будутъ необходимо искусственны. Можетъ-быть, разборъ другихъ позднѣйшихъ сочиненій Лермонтова разъяснитъ дѣло, но драма „Странный человѣкъ“ не допускаетъ опредѣлительнаго разъясненія. Нельзя основаться на одномъ данномъ, особенно если оно юношеское произведеніе; нельзя тѣмъ болѣе, что изъ драмы видимъ, и то смутно, что́ такое Арбенинъ, но нисколько не видимъ, почему онъ именно таковъ и почему долженствовалъ быть такимъ. И отъ кого же, въ самомъ дѣлѣ, могли бы мы узнать объ этомъ? Отъ второстепенныхъ лицъ? Но ихъ отзывы такъ неопредѣленны! Они говорятъ о фактахъ, а не о причинахъ: „умъ язвительный и вмѣстѣ глубокій, желанія, не знающія никакой преграды, и перемѣнчивость склонностей“; „переходы отъ веселья къ грусти и отъ грусти къ веселью — вещь обыкновенная въ Арбенинѣ“; „онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ“. Отъ самого героя? Но онъ также неоткровененъ. Его исповѣдь прорывается краткими и общими выходками; прямого, рѣзко отличительнаго въ ней нѣтъ. Въ одномъ изъ лирическихъ стихотвореній своихъ (которыя Заруцкій читалъ Рябикову), Арбенинъ говоритъ, что „онъ *проклятъ* строгою *судьбой*“; помогая бѣдному мужику, онъ замѣчаетъ, въ разговорѣ съ Бѣлинскимъ, что „несчастіе мужиковъ ничего не значитъ въ сравненіи съ несчастіемъ многихъ другихъ людей, которыхъ *преслѣдуетъ судьба*“. Вездѣ судьба, какъ невѣдомая, враждебная какая-то сила, или природа, которая, надѣливъ человѣка извѣстными, неизмѣнными наклонностями, играетъ роль судьбы. Конечно, къ этимъ двумъ предметамъ можно отнести все: они такъ сильны, что выдержатъ какія угодно тяжести, и такъ верховны, что приговоръ ихъ не допускаетъ апелляціи. Ими, какъ подставными силами, замѣняется любое объясненіе, котораго не находимъ въ жизненной самодѣятельности разумнаго существа, въ его семейномъ и общественномъ положеніи, во всемъ, отчего познается человѣкъ, и чѣмъ онъ оправдывается или осуждается.

Немного больше объяснительныхъ данныхъ и въ драмѣ

„Маскарадъ“, которая принадлежитъ тоже къ числу начальныхъ произведеній Лермонтова. Большею частію дѣло держится на анатоміи характера и не вступаетъ въ анализъ отправленій, которыми обнаруживается жизненная дѣятельность. А между тѣмъ физіологія была бы здѣсь нужна особенно: герой драмы ведетъ процессъ между собою и свѣтомъ; зрителю или читателю необходимо выслушать истца въ подробности, чтобы произнести свое рѣшеніе, или пусть онъ самъ, этотъ истецъ, приметъ на себя обязанность адвоката, отъ которой требуется не только изложеніе фактовъ, но и сужденіе о фактахъ. Арбенинъ въ третій разъ является здѣсь главнымъ лицомъ, подъ именемъ Евгенія Александровича. Можно допустить, пожалуй, что это сынъ Александра Сергѣевича, котораго дѣтство описано въ отрывкѣ — и тогда онъ наслѣдовалъ всѣ существенныя качества отца. Но вѣроятнѣе будетъ предположеніе, что это тотъ же Саша, изъ ребенка ставшій мужемъ. Какъ въ повѣсти Лермонтовъ задумывалъ разсказать исторію Александра Сергѣевича Арбенина, „котораго *судьба* (опять судьба!), какъ нарочно, поставила предъ непонятною женщиной“; какъ въ драмѣ „Странный человѣкъ“ Владиміръ Павловичъ Арбенинъ сведенъ съ дѣвушкой, которая не была бы съ нимъ счастлива и ему не доставила бы счастія: такъ въ новой драмѣ „Маскарадъ“ изображена трагическая судьба Евгенія Александровича Арбенина и жены его Нины. Кромѣ фамиліи главнаго лица, есть и другое внѣшнее соприкосновеніе между обѣими драмами „Странный человѣкъ“ и „Маскарадъ“: обѣ онѣ раздѣлены на сцены и выходы, вмѣсто обычнаго дѣленія на явленія. Но существенное дѣло не въ наружномъ, а внутреннемъ сходствѣ, не въ одноименности лицъ, а въ однородности ихъ характеровъ, на что мы и обратимъ вниманіе, какъ на главный предметъ нашей статьи.

Характеры же дѣйствительно однородны, съ тѣмъ однако различіемъ, что не однѣ уже наклонности природы властвуютъ надъ Арбенинымъ, но и тяжкій, долгій опытъ жизни, о которомъ узнаемъ изъ разговора его съ женой.

... Я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ;
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего страдалъ.

Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я;
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли...

Страданія, которымъ подвергалась грудь Арбенина, были такъ многочисленны и велики, что онъ самъ удивляется, какъ могъ онъ послѣ того оставаться въ живыхъ. Если онъ вынесъ ихъ, то этимъ обязанъ единственно могучимъ силамъ своего духа и тѣла. Юность его прошла въ безумныхъ и напрасныхъ волненіяхъ: странствіяхъ, азартной игрѣ, вѣтренности и трудахъ; коварство любви и дружбы, измѣна всѣхъ обольщеній свѣта были постигнуты имъ вполнѣ. Онъ сдѣлался молчаливъ, суровъ и угрюмъ. Сердце его погрузилось въ спокойствіе, изъ котораго онъ желалъ бы выйти хотя искусственнымъ волненіемъ крови: его радуютъ случаи, наполняющіе умъ и кровь неожиданною тревогою. Душа его, мрачная и глубокая, подобна могилѣ: принятое ею однажды остается въ ней навсегда. Наконецъ, душа эта исполнена неимовѣрной гордости: ни передъ кѣмъ ни передъ чѣмъ не преклонялась она, никому не завидовала, ни въ комъ не принимала участія; всѣ ей чужды, и она всѣмъ чужая. Сила разочарованія, апатіи, равняется въ ней только силѣ эгоизма. Холодно закрывъ свои объятія для чувствъ и блаженства, Арбенинъ не хочетъ даже благодарности. Бурная природа его безжалостно сокрушаетъ все попадающееся ей на пути, и съ гордымъ презрѣніемъ смотритъ на развалины.

Однакожъ въ этомъ человѣкѣ, все испытавшемъ и презирающемъ, отъ всего скучающемъ, смотрящемъ на жизнь какъ на бремя, таится еще огонь жизни. Черствая кора можетъ спадать съ его сердца, и тогда снова открывается глазамъ его прекрасный міръ. Душа моя, говоритъ Арбенинъ, подобна застывшей лавѣ, твердой, какъ камень, пока не растопится, но горе тому, кто встрѣтится съ ея потокомъ! Ту же мысль, только облеченную въ другія два сравненія, высказываетъ Измаилъ-Бей: „чувства, страсти — темная поверхность моря, которую преждевременный холодъ покрываетъ ледяною корой до первой бури; онѣ таятся глубоко въ сердцѣ, какъ левъ въ пещерѣ, но сердце не избѣжитъ ихъ власти“, потому,

прибавимъ мы, что эта власть роковая. И взглядъ на жизнь, которая довела обоихъ героевъ до безотраднаго состоянія, одинаковъ у того и другого. Жизнь, по мнѣнію Арбенина, извѣстная шарада, годная для дѣтскаго упражненія, гдѣ первое — рожденье, второе — рядъ заботъ и тайныхъ мученій, послѣднее — смерть, а цѣлое — обманъ. Жизнь, повторяетъ за нимъ Измаилъ-Бей, есть рядъ взаимныхъ измѣнъ; и радость и печаль ея — ложный призракъ; память о добрѣ и злѣ равно ядовиты: зло льститъ человѣку, но болѣе тревожитъ, а добро не въ силахъ принести сердечную отраду; сердце, покорствуя страстямъ, оставляетъ намъ одно только раскаяніе.

Но это временное пробужденіе для жизни пугаетъ Арбенина. Онъ съ ужасомъ отступаетъ, почувствовавъ, что въ мертвой душѣ его, когда онъ женился на Нинѣ, опять возникла любовь, что онъ снова, какъ изломанный челнокъ, брошенъ въ море. Неожиданное оживленіе, онъ это предвидитъ, не на радость ни ему ни другимъ: пристань будетъ бурная въ темныхъ силахъ его духа. Новыхъ и, можетъ-быть, многихъ жертвъ потребуетъ лукавое обольщеніе сердца, которое идетъ наперекоръ неизбѣжной судьбѣ героя.

Такъ гибельны слѣдствія жизни Арбенина, такъ горекъ плодъ испытанныхъ имъ страданій, и не одинъ, а многіе плоды!

Но въ чемъ же заключались эти страданія, и какова именно была эта жизнь?

Къ сожалѣнію, и здѣсь вопросъ не допускаетъ положительнаго отвѣта. Мы попрежнему остаемся въ сомнѣніи и темнотѣ, которой не освѣщаютъ ни самъ Арбенинъ ни дѣйствующія съ нимъ лица. Несомнѣнно лишь одно присутствіе роковой силы, которая, подобно древней судьбѣ грековъ, покорныхъ ведетъ за собой, непокорныхъ влечетъ. Послѣдніе подчиняются ей невольно, при всемъ могуществѣ гордаго сопротивленія. Они не склоняются передъ ней духомъ; но торжество ея надъ новыми Прометеями очевидно изъ того, что она приковываетъ ихъ къ скалѣ страданій. Арбенинъ чувствуетъ и сознаетъ господство фатализма надъ своею жизнію. Онъ говоритъ:

На жизни я своей узналъ *печать проклятья*.

Что значатъ слова эти, какъ не признаніе могущества, или внутри насъ преобладающаго, или внѣ насъ лежащаго,

но въ обоихъ случаяхъ независимаго? Существеннымъ отличіемъ Эврипидовыхъ трагедій полагаютъ то, что онѣ низвели судьбу съ неба въ сердце человѣка, котораго страсти есть тоже своего рода fatum. Не играютъ ли и здѣсь, въ сердцѣ героевъ Лермонтова, такой же фаталистической роли обуревающія ихъ страсти? Судьба виновата, соединивъ, въ лицѣ Нины, неопытность, невинность и непосредственное чувство съ такимъ лицомъ, какъ Арбенинъ, мужъ разочарованія, апатіи и горькаго знанія. „Оковы одной *судьбы* связали насъ навсегда“, говоритъ онъ Нинѣ, и, конечно, эти слова не могли утѣшить ни жену его ни его самого. Другія слова Арбенина:

Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я,
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ,

не болѣе, какъ перефразъ отзыва княжны Софьи о молодомъ Арбенинѣ (въ драмѣ „Странный человѣкъ“): „онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ“.

Мы уже замѣтили, и теперь повторимъ то же самое, что въ роковой силѣ, наложившей свою желѣзную руку на такого желѣзнаго человѣка, каковъ Арбенинъ, природнымъ его склонностямъ дано широкое мѣсто и великое значеніе. Послушайте, какъ описываетъ его Казаринъ:

Женился и богатъ, сталъ человѣкъ солидный,
Глядитъ ягненочкомъ, а право тотъ же звѣрь.
Мнѣ скажутъ, можно отучиться
Природу побѣдить? Дуракъ, кто говоритъ:
Пусть ангеломъ и притворится,
А чортъ-то все въ душѣ сидитъ.

Когда въ послѣднемъ актѣ драмы выходитъ на сцену Неизвѣстный, эта какъ бы олицетворенная совѣсть Арбенина, напоминающая ему прошлыя, за семь лѣтъ до того случившіяся событія, или, по выраженію самого Арбенина, „грѣхи минувшихъ дней“, что̀ слышимъ мы отъ него? Мы слышимъ упреки въ мрачныхъ, роковыхъ свойствахъ души его:

... Въ твоей груди ужъ крылся этотъ холодъ.
То адское презрѣнье ко всему,
Которымъ ты гордился всюду.
Не знаю, *приписать его къ уму,*
Иль къ обстоятельствамъ — я разбирать не буду
Твоей души, — *ее поймет*ъ *лишь Богъ.*

Эти два элемента, управляющіе теченіемъ жизни Арбенина, внѣшняя судьба и личная природа, весьма значительны. Та и другая имѣютъ значеніе роковой силы, и въ своемъ вліяніи на жизненную обстановку героя до того сливаются, что трудно положить между ними какія-либо границы: судьба служитъ какъ бы второю природой, которой избѣжать невозможно, и природа восходитъ на высоту судьбы, отъ которой также нѣтъ спасенія. Присущія ему естественныя силы и господствующая надъ нимъ сила сверхъестественная образуютъ ту сферу фатализма, въ которой вращаются герои Лермонтова и въ которую вѣровалъ самъ Лермонтовъ. Нельзя, безъ пособія этихъ элементовъ, объяснить такой характеръ, каковъ Арбенинъ; еще менѣе можно оправдать его, если нравственнымъ судомъ потребуется онъ къ допросу и отвѣту. Страданіями очищается человѣкъ, что̀ бы ни было ихъ причиною, самъ ли онъ, или другіе люди и обстоятельства; но затрудненіе въ томъ, что читатель видитъ только указаніе голаго факта, то-есть страданій, и притомъ отвлеченное, выраженное общими признаками, но не видитъ причинъ и побужденій, объясняющихъ фактъ. Главными побужденіями пребываютъ, какъ и прежде, природа и судьба, не подлежащія людской расправѣ.

Какъ лицо, на жизни котораго тяготѣетъ таинственная сила рока, Арбенинъ можетъ быть уподобленъ героямъ тѣхъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ завязкой и развязкой событія управляетъ судьба. Это уподобленіе находимъ въ статьѣ Грановскаго „Пѣсни Эдды о нифлунгахъ“: „Въ сумрачномъ мірѣ скандинавской поэзіи мы встрѣтимъ образы, дивно отмѣченные трагическою красотою страданія, носящіе въ себѣ такой избытокъ силъ и скорби, что ихъ можно принять за могучихъ прадѣдовъ выродившагося и слабодушнаго страдальца, который сдѣлался типическимъ героемъ новѣйшихъ литературъ“. Присоединимъ сюда небольшую оговорку, какъ защиту героевъ Лермонтова: конечно, въ сравненіи съ великими мужами Эдды, Арбенинъ не отличается значительною величиною; гордый умъ его подъ конецъ изнемогъ, и въ сумасшествіи находитъ онъ спасеніе отъ сознательныхъ несчастій; но все же нельзя назвать его страдальцемъ слабодушнымъ, особенно когда поставишь его рядомъ съ хилыми, болѣзненными натурами, выведенными на сцену во многихъ

произведеніяхъ европейскихъ литературъ, въ томъ числѣ и нашей, подъ именами человѣка *лишняго*, *больного* и тому подобныхъ.

Мы сказали, что горьки были послѣдствія изломанной жизни Арбенина. Одно изъ нихъ особенно, своимъ печальнымъ интересомъ, возбуждаетъ сочувствіе мыслящихъ людей. Зловѣщіе признаки его показались еще въ десятилѣтнемъ мальчикѣ Сашѣ, привыкшемъ „побѣждать страданія тѣла грезами души“. Тамъ оно было произведеніемъ болѣзни, укрѣпившей мощь духа. Умственный ростъ дитяти быстрыми и сильными побѣгами обогналъ ростъ физическій. Такая несоразмѣрность въ развитіи составныхъ элементовъ человѣка крайне опасна: въ дальнѣйшемъ ходѣ своемъ приводитъ она къ совершенной апатіи, постепенно ослабляя напряженность и свѣжесть естественныхъ ощущеній, омрачая бытіе вѣчнымъ надзоромъ мысли, безотвязнымъ анализомъ, преждевременнымъ знаніемъ дѣла, забѣгающимъ впередъ самаго дѣла. Въ подобномъ состояніи жить тяжело: жизнь и скука знаменуютъ одно и то же. Герой „Маскарада“ страдаетъ этой болѣзнью, корень которой въ спѣшномъ развитіи души. На помощь его опыту пришла и мысль, какъ анализъ опыта: онъ все видѣлъ, все перечувствовалъ, все узналъ.

Романа не начавъ, онъ зналъ уже развязку,
И для другихъ сердецъ твердилъ
Слова любви, какъ няня сказку.

Потому именно несчастна связь его съ Ниной. Его ужасаетъ противоположность между нимъ и женой его: она взглянула только на заглавный листъ въ огромной книгѣ жизни, а онъ прочелъ ее съ начала до конца, прочелъ не только строки, но и между строками. Ничего больше не узнаетъ онъ; смыслъ ея разоблаченъ вполнѣ. Закрывъ ее, онъ восклицаетъ: какая старая и пустая книга! Многіе писатели поставляли на видъ ненормальный перевѣсъ духа надъ тѣломъ, искренно жалѣя о томъ, кому досталось извѣдать это злое несчастіе. Баратынскій усмотрѣлъ подобныя явленія въ искусствѣ, вредящія искусству. Поэтовъ, постоянно заботящихся о мысли, называетъ онъ бѣдными художниками.

Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!
О жрецъ ея! Тебѣ забвенья нѣтъ!
Все тутъ да тутъ и человѣкъ, и свѣтъ,
И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова.

„Стремитесь къ чувственному, — совѣтуетъ онъ, — не переступая за грань его. Передъ обнаженнымъ мечомъ мысли блѣднѣетъ земная жизнь“.

Перевѣсъ духовнаго развитія надъ чувственнымъ, — развитія, при которомъ незрѣлость одного сталкивается съ старостью другого, при которомъ жизнь, неисчерпанная годами, исчерпывается мыслью, при которомъ душа какъ бы „совершаетъ свой подвигъ прежде тѣла“, есть нравственная болѣзнь новыхъ людей, бывшая неизвѣстною древнимъ. Болѣзнь эта растетъ съ годами: къ ней можно отнести то самое, что сказалъ Пушкинъ о печали минувшихъ дней: „чѣмъ старѣе она, тѣмъ сильнѣе“. Не годы жизнь, а наслажденье, говоритъ полный очарованія юноша; не годы жизнь, а мысль о жизни, говорятъ люди, дошедшіе до состоянія Арбенина. Мы увидимъ, какіе широкіе размѣры приняла новая нравственная болѣзнь въ дальнѣйшихъ созданіяхъ Лермонтова.

Съ большею подробностью описанъ характеръ Измаилъ-Бея въ восточней повѣсти того же имени. Лицо это взято не изъ европейскаго міра: Измаилъ — горецъ, равно какъ горцы же дѣйствуютъ и въ „Мцыри“ и въ „Хаджи-Абрекѣ“. Несмотря однакожъ на различныя условія національной жизни, характеръ остался рѣшительно тотъ же. Изъ-подъ одежды боевого черкеса выглядываетъ знакомый намъ Арбенинъ. Самое разительное между ними сходство — власть судьбы, которую они испытываютъ. Да и въ самомъ героѣ восточной повѣсти есть тоже роковое: отношеніе его къ другимъ, вліяніе, производимое на все, что ему соприкосновенно, чисто фаталистическія. То и другое сознаетъ онъ самъ. По поводу сближенія своего съ людьми, которое не обходится имъ даромъ, онъ горестно говоритъ, что „все любящее его увлечено за нимъ вслѣдъ, что его дыханье губитъ радость, что онъ *не властенъ щадить*“. Но, принося невольныя жертвы себѣ, какъ судьбѣ, онъ въ то же время и самъ жертва судьбы:

Бываютъ люди: чувства — имъ страданья;
Причуда злой судьбы — ихъ бытіе.
Чтобъ самовластье показать свое,
Она, порой, кидаетъ ихъ межъ нами.
Такъ, древле, въ море кинулъ царь алмазъ;
Но гордый камень въ сей урочный часъ
Ему обратно отданъ былъ волнами!

И *дѣтямъ рока* мѣста въ мірѣ нѣтъ;
Они его пугаютъ жизнью новой,
Они блеснутъ, и сгладится ихъ слѣдъ,
Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы громовой.
Толпа дивится часто ихъ уму,
Но часто обвиняетъ, потому
Что въ морѣ бѣдъ, какъ вихри, ихъ не носятъ,
Они пособій отъ рабовъ не просятъ;
Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ.

Отъ фатализма рождается въ душѣ Измаила холодное спокойствіе: онъ знаетъ, что положеннаго предѣла переступить нельзя, что людская вражда не постигаетъ главы, постигнутой уже рокомъ, который не уступаетъ своихъ жертвъ земнымъ судьямъ. Но этому мужу судьбы природа дала непобѣдимый умъ, окрѣпшій въ борьбѣ; при немъ всегда настражѣ гордая мысль и холодъ сомнѣнія; онъ не желаетъ ни усладить ни позабыть страданій: онъ мечтаетъ только побѣдить, хотя побѣдить не можетъ.

Но здѣсь снова возникаетъ вопросъ, который уже предлагали: отчего эти страданія? какая причина грусти, этого жестокаго властелина людей, въ такомъ человѣкѣ, каковъ Измаилъ? Правда, онъ созданъ для великихъ страстей; но все имъ испытанное — враги, друзья, изгнанье не могли осудить его на тѣ страданія, которыя являются только на вершинѣ утонченной европейской цивилизаціи, не могли привести его ни къ анализу ни къ сомнѣнію, этому лютому врагу новыхъ людей. Вопросъ, нами предложенный, снова остается безъ отвѣта. Для рѣшенія его не имѣется надлежащихъ объясненій, а есть только фактъ, который разсказать не трудно: юный лѣтами, Измаилъ старъ опытомъ;

Старикъ для чувствъ и наслажденья,
Безъ сѣдины между волосъ;

сердце его сдѣлалось мертвымъ; на душѣ лежитъ бремя тяжелыхъ думъ; уста привыкли къ проклятью; онъ лишній между людьми. Часто обманутый, онъ боялся,

...вѣрить только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему, —

причина, одинаковая у него съ бояриномъ Оршей, который также не удивлялся злу и не вѣрилъ добру,

Не вѣрилъ только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему.

Страданія Измаила еще сильнѣе страданій Арбенина и выражены превосходными стихами. Выдающійся пунктъ мученія — извѣстные моменты, которые однакожъ не сокрушаютъ могучихъ мучениковъ.

Видали ль вы, какъ хищные и злые
Къ оставленному трупу, въ тихій долъ,
Слетаются наслѣдники земные,
Могильный воронъ, коршунъ и орелъ?
Такъ есть мгновенья, краткія мгновенья,
Когда, столпясь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ!
Вѣка печали стóятъ тѣхъ минутъ...
Лишь дунетъ вихрь, и сломится лилея:
Таковъ, съ душой кто слабою рожденъ;
Не вынесетъ минутъ подобныхъ онъ.
Но мощный умъ, крѣпясь и каменѣя,
Ихъ превращаетъ въ пытку Прометея!
Не сгладитъ время ихъ глубокій слѣдъ;
Все въ мірѣ есть — забвенья только нѣтъ!

Самозабвеніе, покой, нужные въ такомъ безотрадномъ положеніи, не даются великимъ страдальцамъ. Герои невыразимой печали, они въ то же время герои неотразимой мысли: вотъ второе капитальное сходство между Измаиломъ и Арбенинымъ. А гдѣ мысль, тамъ не стихаетъ живая боль человѣка. „Я глупо созданъ, — восклицаетъ Печоринъ: — ничего не забываю, ничего“. Съ другой стороны герои такъ горды, что хотятъ прямо смотрѣть въ ужасное лицо страданія и принимать его удары, презирая ихъ. Судьба,— говоритъ Демонъ (въ поэмѣ того же имени), — не дала мнѣ забвенія, да я и не взялъ бы его“.

Изъ толпы мыслей, преслѣдующихъ Измаила, замѣчательна также мысль о скоротечности жизни, о ничтожествѣ ея. Два раза встрѣчаемъ мы ее: однажды при взглядѣ Измаила на родныя горы, въ другой разъ — при смертельной ранѣ, имъ полученной:

Забылъ онъ *жизни скоротечность;*
Онъ, въ мысляхъ міра властелинъ,
Присвоить бы желалъ ихъ вѣчность.
. . . . . .
Ужель степная лишь могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, *чье сердце столько лѣтъ*
Мысль о ничтожествѣ томила.

Но странно слышать эту мысль отъ человѣка, пораженнаго самомнѣніемъ, которое сдѣлалось обиходною монетой въ переходныя времена цивилизаціи; но какъ понять ее въ устахъ черкеса? Впрочемъ, мы обратимся къ ней впослѣдствіи и постараемся объяснить ея значеніе.

Разсказъ „Мцыри“ энергически выражаетъ стремленіе къ простору и свободѣ того гордаго и могучаго горца, котораго хотѣли запереть въ монастырѣ, какъ орла въ клѣткѣ. Шести лѣтъ привезенный русскимъ генераломъ изъ горъ въ Тифлисъ и сильно заболѣвшій, Мцыри томился безъ жалобъ, не обнаруживалъ мукъ даже слабымъ стономъ, отвергалъ пищу и съ гордымъ безмолвіемъ дожидался смерти. Какъ видите, онъ не уступалъ ни Измаилу ни Арбенину въ могучихъ силахъ духа, укрѣпленныхъ, а не ослабленныхъ болѣзнью, что мы уже замѣтили. Попеченія монаха спасли его отъ смерти. Впослѣдствіи окрестили его; онъ выросъ, сдѣлался послушникомъ и уже готовился изречь обѣтъ монашества, какъ вдругъ одною осеннею ночью, при смутномъ воспоминаніи о родныхъ горахъ и волѣ, убѣжалъ изъ монастыря. Черезъ нѣсколько дней нашли его безъ чувствъ въ степи. Принесенный въ обитель, онъ передъ смертью разсказываетъ чернецу повѣсть своего бѣгства и своихъ ощущеній внѣ монастырскихъ стѣнъ.

Черта наиболѣе замѣчательная въ разсказѣ — инстинктивное стремленіе къ бурной жизни, пламенная жажда волненій. Двѣ жизни, подобныя той, которая проведена въ монастырѣ, Мцыри готовъ отдать за одну, полную тревогъ.

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный *міръ тревогъ и битвъ,*

Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской.

Это бурное сердце, не знающее и не желающее покоя, бьется такъ же неровно и порывисто, какъ у Арбенина и Измаила. Описывая грозу въ дремучемъ лѣсу, Мцыри съ восторгомъ восклицаетъ:

...О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой.

Къ Измаилу и Арбенину Мцыри относится такъ же, какъ одинъ моментъ жизни относится къ цѣлой жизни. Мцыри умираетъ въ цвѣтѣ лѣтъ, не искушенный опытомъ, подобно двумъ первымъ. Разсказъ его передаетъ намъ одинъ фактъ, въ которомъ обнаружились свойства могучаго духа; но тѣ же самыя свойства обнаружились бы при подобномъ событіи и у Арбенина и Измаила. Форма проявленія характера могла быть различна: самый характеръ сохранился бы неизмѣннымъ.

Неизмѣнность характера, дѣйствительно, и сохранилась, какъ мы видимъ въ поэмѣ „Боярин Орша“. Удивительное пристрастіе къ одному и тому же типу! Ни время ни пространство не дѣйствуютъ на него. Какъ въ горцѣ, несмотря на все племенное отличіе его отъ европейцевъ, явился европеецъ Арбенинъ, такъ въ Арбенинѣ, жителѣ нашего вѣка, современникѣ Лермонтова, явились бояринъ Орша и Арсеній, жившій *во время оно* (такъ начинается поэма), въ царствованіе Іоанна Грознаго. Разумѣется, при такой выдержанной любви къ одному образу, преслѣдовавшему воображеніе и мысль поэта, нельзя и требовать вѣрно-поэтическаго, согласнаго со всѣми временными и мѣстными условіями дѣйствительности, воспроизведенія лицъ и событій, которыя берутся изъ разныхъ эпохъ и разныхъ странъ. Каковъ бы ни былъ родовой характеръ, онъ не лишенъ способности измѣняться. Явленія этого рода, какъ ступени послѣдовательнаго

его осуществленія, не похожи другъ на друга, какъ похожи двѣ капли воды: и движеніе времени и цвѣтъ мѣстности кладутъ на нихъ особенныя отличія, такъ что каждое явленіе, по своимъ характеристическимъ принадлежностямъ, есть нѣчто индивидуальное, статья особая. Что же сказать, напр., о такихъ характерахъ, которые возможны только въ извѣстную эпоху, при извѣстной степени человѣческаго развитія, и которыхъ сформированіе произошло какъ бы на нашихъ глазахъ или, по крайней мѣрѣ, на памяти ближайшихъ нашихъ предшественниковъ? Откуда зашли они въ вѣкъ Іоанна Грознаго или въ предѣлы Кавказа? Выговариваемъ это замѣчаніе не съ тѣмъ, чтобы поставить въ вину Лермонтову его уклоненія отъ исторіи въ частности или отъ дѣйствительности вообще. Напротивъ, такой недостатокъ, въ настоящемъ случаѣ, имѣетъ еще свою цѣну. При разсужденіи о поэтѣ намъ нуженъ идеалъ, въ которомъ выразилось духовное настроеніе извѣстнаго общества, въ извѣстную эпоху. Чѣмъ сходственнѣе разныя личности, какъ единичныя явленія одного и того же рода, тѣмъ легче осматривается и удобнѣе опредѣляется самый родъ.

Такихъ личностей въ поэмѣ „Орша“ двѣ: самъ Орша и Арсеній. По положенію своему, они враги; по своимъ характерамъ — натуры родственныя. Неравенство лѣтъ, конечно, не значитъ здѣсь ничего. У Орши угрюмый, крутой нравъ, никогда не слабѣвшій передъ бѣдами. Сходство его съ Арбенинымъ, выраженное почти тождественными стихами, мы указали выше. Другое сходство — страшная мстительность. Поступокъ его съ дочерью еще ужаснѣе, чѣмъ поступокъ Арбенина съ женой. Нина, отравленная, мучится не долго, но дочь Орши умираетъ медленною голодною смертью, запертая въ башнѣ, гдѣ видѣлась съ Арсеніемъ. Въ битвѣ съ врагами Орша падаетъ героемъ, не измѣняя ни силѣ непреклоннаго нрава, ни чувству непреклоннаго мщенья.

Арсеній — второй экземпляръ Мцыри, съ прибавкою житейстой опытности. Разсказъ его о себѣ не только изложеніемъ, но цѣлыми тирадами повторяетъ по мѣстамъ Мцыри. Справедливо будетъ предположить, что послѣдній, какъ болѣе обработанный, передаетъ тотъ образъ, который въ первомъ, еще неясно обозначившемся очеркѣ, зачался въ фантазіи поэта. Это двѣ концепціи одного и того же характера: одна —

набросанная безъ отдѣлки, другая болѣе отдѣланная. Изъ монастыря Арсеній убѣжалъ къ шайкѣ разбойниковъ,

Безстрашныхъ, твердыхъ, какъ булатъ;
Людской законъ для нихъ не святъ;
Война — ихъ рай, а миръ — ихъ адъ.

Кто въ этихъ чертахъ не распознаетъ героевъ Лермонтова, непреклонныхъ и тревожныхъ, которыхъ воображеніе, какъ у Саши Арбенина, еще съ дѣтства наполнялось „понятіями противообщественными“? Гордый видъ и гордый духъ, не смиряющійся передъ судьбой, и эта самая судьба, какъ грозная тѣнь Банко — все это есть въ Арсеніи, и все это не новость для того, кому знакомы Измаилъ и Арбенинъ. Подобно Измаилу, Арсеній молодъ; но эта молодость у нихъ обоихъ отягощена безсмѣнной думой, силою которой жизнь изживается въ немногіе годы, и грядущее сулитъ только повтореніе прошлыхъ страданій:

. . . Разсмотрѣвъ его черты
Не чуждыя той красоты,
Невыразимой, но живой,
Которой блескъ печальный свой
Мысль неизмѣнная дала,
Гдѣ все, что есть добра и зла
Въ душѣ, прикованной къ землѣ,
Отражено какъ на стеклѣ, —
Вздохнувши, всякій бы сказалъ,
Что жилъ онъ меньше, чѣмъ страдалъ.

Мысль послѣдняго стиха намъ уже извѣстна изъ словъ Арбенина (въ „Маскарадѣ“). Къ довершенію сходства, укажемъ на безцѣльную жизнь Арсенія; увидавъ остовъ своей возлюбленной, пожелтѣвшій и покрытый прахомъ, онъ заключаетъ поэму такими словами:

Иду отсюда навсегда,
Безъ думъ, безъ цѣли, безъ труда,
Одинъ съ тоской.

Если Мцыри изображаетъ одинъ фактъ изъ жизни могучаго духа, то Хаджи-Абрекъ изображаетъ одну страсть такого же духа. Страсть эта — мщеніе. Абрекъ мститъ убійцѣ своего брата, Бей-Булату, убивая его любовницу Леилу. Но эта обязанность кровавой отплаты, обычная варварскимъ

племенамъ, не даетъ однакожъ права видѣть въ Абрекѣ человѣка дикаго: онъ думаетъ и чувствуетъ, какъ разочарованный европеецъ новаго времени. Похоронивъ все, чему онъ вѣрилъ и что любилъ, Абрекъ находитъ блаженство въ сладострастіи преступленій. На мщеніе смотритъ онъ единственно, какъ на утѣшеніе въ несчастіи, какъ на замѣну счастья. Съ другой стороны, Арбенинъ, при всемъ своемъ европеизмѣ, по чувству мщенія нисходитъ на степень дикаря: подозрѣнія равны для него доказательствамъ; онъ не знаетъ тогда ни жалости ни помилованія:

Когда обиженъ — мщенье, мщенье!
Вотъ цѣль его тогда, и вотъ его законъ!

Средства мщенія у Арбенина и Хаджи-Абрека различны, но сила мщенія одинакова: въ этомъ они сходятся, какъ нельзя больше.

На всѣхъ этихъ фигурахъ мрачныхъ и вмѣстѣ обольстительныхъ невыразимою красотой, которой „неизмѣнная мысль дала печальный блескъ свой“, лежитъ печать не только фатализма, но и демонической силы. Поэтому одна изъ поэмъ Лермонтова носитъ названіе „Демонъ“. Герой ея принадлежитъ къ сферѣ безплотныхъ, но это различіе не существенное: въ образѣ его соединяются черты, которыми надѣлены человѣческія лица, выведенныя въ другихъ поэмахъ и повѣстяхъ Лермонтова. Демону придается эпитетъ „печальный“. Его печаль безсмѣнна и безконечна; она

Мечтаній прежнихъ и страстей
Несокрушимый мавзолей.

Подобно Арсенію, блуждаетъ онъ „безъ цѣли и пріюта“, пустыня души его одно и то же съ грудью Измаила, „опустошенною тоской“. Онъ не чуждъ воспоминаній лучшихъ дней, когда онъ вѣрилъ и любилъ, не зная ни страха ни сомнѣнья, когда душѣ его не грозилъ „унылый рядъ вѣковъ“. Что для падшаго духа — вѣка, то для человѣка — годы; пространство времени обширнѣе, но свойство жизни, въ большемъ или меньшемъ времени совершающейся, одинаково: это свойство — уныніе. Сѣя зло изъ наслажденія, Демонъ наскучилъ зломъ. Скука — болѣзнь его, наравнѣ съ душевными болѣзнями такой человѣческой природы, какою ода-

рены Арбенинъ, Измаилъ и Печоринъ. Съ гордостью смотрѣлъ злой духъ на твореніе, и при этомъ взглядѣ на челѣ его не отражалось ничего, кромѣ холодной ненависти:

Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника безплодной
Ни новыхъ чувствъ ни новыхъ силъ,
И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ, онъ ненавидѣлъ.

Въ безплодной груди Измаила не зарождается также ничего, кромѣ ненависти и презрѣнія. Къ тому же онъ и „изгнанникъ“, только изъ родины, а не съ неба; но для падшаго ангела небо было родиной. Оба они, и Демонъ и Измаилъ, страдаютъ сомнѣніемъ, горькій плодъ котораго — безсмертная мысль, неизбѣжная дума. Имъ желалось бы „забыть незабвенное“, но гдѣ взять для этого силъ? Что Арбенинъ говорилъ о себѣ Нинѣ, то самое, почти тѣми же словами, говоритъ Тамарѣ Демонъ:

Какое горькое томленье
Жить для себя, скучать собой
И этой вѣчною борьбой,
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всегда жалѣть и, не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть
Стараться все возненавидѣть,
И все на свѣтѣ презирать!

Минуты страданій Измаила, стоящія вѣковъ печали, испытываются и Демономъ въ большей еще силѣ, невыносимой для человѣковъ:

Что повѣсть тягостныхъ лишеній,
Трудовъ и бѣдъ толпы людской,
Грядущихъ, прошлыхъ поколѣній,
Передъ минутою одной
Моихъ непризнанныхъ мученій!

Наравнѣ съ Печоринымъ, Измаиломъ и Арбениномъ, Демонъ Лермонтова способенъ пробуждаться для чувствъ: при видѣ княжны Тамары онъ ощутилъ въ себѣ „непзъяснимое волненье“. Образъ его отмѣченъ тою красотою, которой неизмѣнная мысль даетъ особенный блескъ:

Пришлецъ туманный и нѣмой,
Красой блистая неземной...
То не былъ ангелъ-небожитель,
Ея божественный хранитель:
Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей
Не украшалъ его кудрей;
То не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ, — о, нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ...

Портретъ дорисовывается самимъ дѣйствующимъ лицомъ. На вопросъ Тамары: кто онъ? Демонъ отвѣчаетъ:

Я тотъ, кого никто не любитъ,
И все живущее клянетъ.
Ничто пространство мнѣ и годы;
Я бичъ рабовъ моихъ земныхъ,
Я царь познанья и свободы,
Я врагъ небесъ, я зло природы.

Наконецъ, сходство между Демономъ и тѣми лицами, о которыхъ мы уже говорили, заключается въ отношеніи ихъ къ женщинамъ. Сближеніе падшаго ангела съ Тамарой причинило ей гибель; ту же участь раздѣляютъ съ ней Нина, Мери и Вѣра, возбуждавшія любовь въ Арбенинѣ и Печоринѣ.

„Могучій образъ врага святыхъ и чистыхъ побужденій“ является и въ „Сказкѣ для дѣтей“ совершенно такимъ же. Онъ несетъ на себѣ двойное наказаніе — вѣчности и знанія. Какъ царь нѣмой и гордый, сіяетъ онъ волшебно-сладкою красотою, при созерцаніи которой смертному становится страшно. „Сказка“ изображаетъ притомъ характеръ Нины, нисколько не похожій на Нину въ „Маскарадѣ“: послѣдняя кроткое и нѣжное существо, тогда какъ первая въ кругу женщинъ то же, что Арбенинъ и ему подобные между мужчинами:

...Душа ея была,
Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много; только невозвратно
Онѣ идутъ, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ;
Ихъ чувствамъ повторяться не дано.

Замѣтьте слово „случайность“: оно имѣетъ здѣсь значеніе „судьбы“, и такимъ образомъ отводитъ Нинѣ мѣсто въ ряду фаталистическихъ существъ. На жизни ея, если бъ авторъ кончилъ свой разсказъ, непремѣнно легло бы вліяніе рока.

Теперь намъ слѣдуетъ познакомиться съ характеромъ Печорина, героя нашего времени; но можно сказать, что мы уже съ нимъ знакомы черезъ посредство тѣхъ лицъ, о которыхъ говорено выше. Если и есть какое-нибудь здѣсь различіе, то оно кроется не въ сущности характера, а въ болѣе отчетливой его постановкѣ. У Печорина ближайшее сходство съ Александромъ Радинымъ (въ драмѣ „Два брата“), которое обнаруживается и внутренними и внѣшними свойствами обѣихъ личностей: даже слова одного повторяются иногда въ точности другимъ. Только кругъ дѣйствій Печорина обширнѣе. Радинъ выказываетъ себя въ трагическомъ столкновеніи съ братомъ и княжной Вѣрой, а Печоринъ является героемъ нѣсколькихъ повѣстей, образующихъ одно цѣлое: сводя его со многими и разнохарактерными людьми, авторъ имѣлъ возможность разсмотрѣть его всестороннимъ образомъ и каждую сторону обрисовать полнѣе. Нерѣдко самъ Печоринъ описываетъ или анализируетъ себя; нерѣдко и другіе принимаютъ на себя эту обязанность. Конечно, самыя вѣрныя извѣстія должны принадлежать самому герою. Многое мы узнаемъ отъ него, но это многое недостаточно, однакожъ, ни для того, чтобы вполнѣ разумно объяснить характеръ, какъ естественное произведеніе, ни для того, чтобъ оправдать его дѣйствія, какъ существа нравственнаго. И натуралистъ и правовѣдъ, послѣдній еще болѣе, чѣмъ первый, встрѣтятъ большія препятствія своему дѣлу, за недостаткомъ данныхъ. Что передаетъ имъ романъ? Романъ описываетъ героя такимъ образомъ: у него крѣпкое сложеніе, не побѣжденное ни развратомъ столичной жизни ни душевными бурями; онъ бѣшено наслаждался удовольствіями, и удовольствія наскучили ему; кружился въ большомъ свѣтѣ, и общество ему надоѣло; влюблялся и былъ любимъ, но любовь его только раздражила воображеніе, а сердце оставалось пусто; въ наукахъ не нашелъ онъ также ни вкуса ни пользы, ибо видѣлъ, что слава и счастье не зависятъ отъ нихъ нисколько. Ему стало скучно. Этой злой скуки не разогнали ни чеченскія пули ни любовь дикарки Бэлы. Сви-

дѣвшись съ Максимомъ Максимычемъ послѣ долгой разлуки, на вопросъ его: „что подѣлывали?“ онъ отвѣчаетъ: *скучалъ*. Скука — ходячая монета всѣхъ героевъ Лермонтова: они расплачиваются ею не только за цѣлую жизнь, но и за каждый періодъ ея, долгій или короткій, все равно.

Какія же причины скуки?... Вопросъ почти лишній, потому что отвѣтъ на него данъ уже прежними лицами: главная причина — преждевременное знаніе всего, — знаніе, пріобрѣтенное и раннимъ опытомъ жизни (Печорину только двадцать-пять лѣтъ) и еще болѣе анализомъ недолговременной еще жизни. Арбенинъ (въ „Маскарадѣ“) видѣлъ развязку романа, прежде чѣмъ начиналась его завязка; то же самое Печоринъ говоритъ доктору Вернеру: „мы знаемъ почти сокровенныя мысли другъ друга; одно слово для насъ цѣлая исторія; видимъ зерно каждаго нашего чувства сквозь тройную оболочку“. Такъ какъ подобные знатоки по зародышу предмета угадываютъ и дальнѣйшее его развитіе и послѣдніе плоды развитія, то нисколько не удивительно, что печальное для другихъ на ихъ глаза смѣшно, и наоборотъ — смѣшное печально. Умъ становится для нихъ тягостенъ: онъ ведетъ къ скукѣ; дураки имъ сноснѣе и выгоднѣе, потому что при глупости веселѣе въ свѣтѣ. Печоринъ, на ряду съ Измаиломъ и Арбенинымъ, мученикъ безсмѣнной жизни. Постоянный анализъ каждаго душевнаго движенія, каждаго жизненнаго факта раскололъ его существованіе на двѣ половины. Въ немъ совершилось раздвоеніе. „Во мнѣ два человѣка, — говоритъ онъ: — одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова; другой мыслитъ и судитъ его“. Но слово *живетъ* надобно понимать здѣсь только какъ простую противоположность слова *не живетъ*, а не какъ выраженіе полноты и свѣжести жизни. При анализѣ этого быть не можетъ. Вторая половина человѣка, мыслящая и судящая, губитъ первую половину, живущую. Человѣкъ становится нравственнымъ калѣкою, какъ и сталъ Печоринъ: онъ живетъ не сердцемъ, а головою; у него остались одни только обломки идей, и не спасено ни одного чувства. Поэтому мысль не согрѣта никакимъ чувствомъ: анатомированіе и взвѣшиваніе самого себя производится имъ безъ участія, единственно изъ любопытства.

Замѣчательно, что Печоринъ самъ почти ничего о себѣ не знаетъ. Поэтому онъ рѣдко даетъ категорическую форму

сужденіямъ, которыя могли бы опредѣлить образованіе его характера и настоящее его положеніе. Характеръ свой называетъ онъ „несчастнымъ“, — названіе, не дающее опредѣленнаго понятія о предметѣ. Мы видѣли, какъ въ драмѣ „Маскарадъ“ Неизвѣстный остается въ нерѣшимости, чему приписать душевный холодъ Арбенина, „обстоятельствамъ или уму“; такую же нерѣшимость выражаютъ слова Печорина Максиму Максимычу: „Воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ ли такъ меня создалъ, не знаю, — но знаю только, что если я причиною несчастья другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ“. Что жъ онъ такое? На этотъ вопросъ опять нѣтъ отвѣта: „Глупецъ я или злодѣй, не знаю; но то вѣрно, что я очень достоинъ сожалѣнія“. Впрочемъ, Печоринъ иногда сваливаетъ вину на другихъ. „Душа моя,— говоритъ онъ,—испорчена свѣтомъ“. О ней можно сказать то самое, что авторъ, въ предисловіи къ „Герою нашего времени“, сказалъ о русской публикѣ: она дурно воспитана. Худыя качества родились въ ней оттого, что другіе начали предполагать ихъ, когда ихъ не было. Трудно повѣрить этому; однакожъ, употребимъ выраженіе самого Печорина — „это такъ“. Когда Мери сравнила его съ убійцею, онъ отвѣчаетъ ей тою же самою тирадою, какою, по поводу такого же сравненія, Александръ Радинъ отвѣчалъ княжнѣ Вѣрѣ (въ драмѣ „Два брата“).

Какъ сильный организмъ, Печоринъ производитъ на окружающихъ его магическое вліяніе, которое всегда разрѣшается бѣдою. Но, подобно неразумной силѣ рока, онъ не дорожитъ своими жертвами, даже не жалѣетъ ихъ. Эгоизмъ его переступаетъ всѣ предѣлы. Самое счастье, по его мнѣнію, не иное что, какъ удовлетворенный эгоизмъ, насыщенная гордость. Въ исповѣди его по этому поводу, разоблачающей внутреннее настроеніе, есть какое-то величіе дерзости, цинизмъ откровенности:

„Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше не способенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ: ибо честолюбіе есть не иное что,

какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе — подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ; возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха, не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для когонибудь причиною страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права, не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастіе? Насыщенная гордость. Если бъ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; если бъ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви".

„Есть минуты, — восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ Печоринъ, — когда я понимаю вампира".

Такимъ образомъ снова передъ нами неизбѣжная судьба, и Печоринъ, наравнѣ съ другими извѣстными уже намъ лицами, становится роковымъ человѣкомъ. Онъ подчиненъ высшей власти и самъ для другихъ такая же власть. Радинъ, въ упомянутомъ отвѣтѣ княжнѣ Вѣрѣ, говоритъ: „моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ между *собой* и свѣтомъ". Но эта замѣна слова *судьбою* словомъ *собой* сохраняетъ неприкосновенною сущность признанія и мысли. Печоринъ, какъ мужъ судьбы, и самъ былъ судьбою не только для другихъ, но и для себя. Борьба съ собою есть вмѣстѣ борьба съ судьбою; и какъ отъ судьбы нельзя требовать отвѣтовъ и объясненій, такъ и Печоринъ, несмотря на нѣкоторыя свои признанія, мало себя объясняетъ, оставаясь безотвѣтнымъ.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ живетъ и дѣйствуетъ, слѣдовательно съ самаго начала жизни, если понимать подъ этими словами обыкновенное теченіе лѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, съ эпохи юношества, если понимать подъ ними сознательность бытія, открывшуюся для Печорина слишкомъ рано, — съ тѣхъ самыхъ поръ судьба приводила его къ развязкѣ чужихъ драмъ. Онъ справедливо называетъ себя необходимымъ лицомъ пятаго акта: безъ него не могла завершиться пьеса. Но эта пьеса была постоянно трагическимъ крушеніемъ надеждъ и счастья. Необходимое лицо, словно таинственная роковая сила или deus ex machina, разыгрывало роль палача или предателя. Судьба подвинула Печорина на разрывъ Мери съ Грушницкимъ; судьба бросила его въ мирный кругъ контрабандистовъ. Зачѣмъ это такъ было?

Зачѣмъ этому слѣдовало быть такъ? спрашиваетъ онъ самъ себя. Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, говоритъ онъ, я тревожилъ его спокойствіе, и какъ камень едва самъ не утонулъ! „Сколько разъ игралъ я роль топора въ рукахъ *судьбы*! Какъ орудіе казни, я упадалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія“.

Наконецъ, Печоринъ, какъ и всѣ его предшественники, бурной породы. У него врожденная наклонность къ тревогамъ; тихія радости, душевное спокойствіе ему не по сердцу и не къ лицу: „Я какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа сжилась съ бурями и битвами, и выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль, не мелькнетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ отдаляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-по-малу отдѣляющійся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристройкѣ“.

Разсмотрѣвъ произведенія объективной поэзіи Лермонтова, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Главныя лица, выведенныя поэтомъ, представляютъ поразительное между собою сходство, доходящее почти до тождества. Можно сказать, что это одинъ и тотъ же образъ, являющійся въ разныхъ возрастахъ и полахъ, въ разныя времена и у разныхъ народовъ, подъ разными именами, а иногда и подъ однимъ именемъ. Поэтъ изображаетъ его съ одной стороны или со многихъ; разсматриваетъ многія дѣйствія изъ его жизни или одинъ только фактъ; береть одну способность его духа или многія способности.

Все различное въ идеалѣ несущественно; все сходственное или тождественное — существенно. Поэтому какое-нибудь представленіе идеала, въ повѣсти или драмѣ, дозволяетъ угадывать безошибочно другія его представленія, во всѣхъ остальныхъ повѣстяхъ и драмахъ. Саша Арбенинъ оказался бы въ зрѣломъ возрастѣ точно таковымъ, каковыми оказались двое другихъ Арбениныхъ, Радинъ, Печоринъ; и наоборотъ,

эти послѣдніе въ возрастѣ дѣтскомъ походили бы какъ нельзя больше на Сашу Арбенина. Равнымъ образомъ всѣ эти лица, Арбенины, Радинъ, Печоринъ, будучи европейцами, служатъ подлинниками азіатцевъ — Измаила, Хаджи-Абрека, Мцыри, которые, въ свою очередь, могли бы сдѣлаться образцами для своихъ подлинниковъ. Бояринъ Орша и Арсеній, люди XVI вѣка, ярко отражаются въ своихъ потомкахъ — Печоринѣ и Арбенинѣ, жителяхъ XIX вѣка, современникахъ Лермонтова. Семнадцатилѣтняя Нина, въ „Сказкѣ для дѣтей", имѣетъ такое же значеніе между женщинами. Фактъ, разсказанный въ жизни любого лица (напр. Мцыри), относится къ одной категоріи съ цѣлымъ рядомъ фактовъ изъ жизни другого (напр. Печорина): по первому можно опредѣлить второе, и наоборотъ. Страсть или наклонность, взятая изъ цѣлаго характера (напр. Абрека), даетъ возможность представить себѣ цѣлый характеръ (напр. Арбенина), и наоборотъ. Одна частность указываетъ цѣлое, одинъ моментъ — все теченіе жизни, одна стихія — весь составъ духа, указываетъ не только въ сферѣ одного и того же характера, но и въ сферѣ всѣхъ прочихъ: ибо эти прочіе равны ему.

Что же слѣдуетъ заключить изъ такой неизмѣнной наклонности поэта къ представленію одного и того же образа? Заключеніе останавливается на слѣдующихъ положеніяхъ:

Или въ герояхъ своихъ Лермонтовъ выводилъ современнаго ему человѣка, взятаго живьемъ изъ дѣйствительности, по особеннымъ общественнымъ условіямъ ставшаго героемъ эпохи.

Или, подъ образомъ созданныхъ лицъ, изображалъ онъ себя самого: свой собственный характеръ — въ ихъ характерахъ, свою жизнь — въ ихъ жизни. Поэма, драма, повѣсть были только формы объективной поэзіи, нужные для раскрытія личности поэта, которая вовсе не была выраженіемъ современнаго человѣка, героя Лермонтовской эпохи.

Или, наконецъ, оба эти предположенія совмѣстимы, т.-е. творя идеалъ, воплощающій въ себѣ понятіе о современномъ человѣкѣ, поэтъ вмѣстѣ съ тѣмъ рисовалъ и себя самого, подходящаго подъ это понятіе. Примѣры подобныхъ явленій не рѣдки въ исторіи поэтическаго творчества.

Чтобъ узнать, которое изъ трехъ предположеній ближе къ истинѣ, необходимо обратиться къ лирическимъ произ-

веденіямъ Лермонтова. Лирическая поэзія, имѣя предметомъ не внѣшній, а внутренній міръ, — міръ души поэта, изображаетъ его личныя чувства и мысли.

Но прежде этого остановимъ вниманіе читателя на одномъ замѣчаніи, важномъ для нашей цѣли. Уже въ повѣстяхъ и поэмахъ Лермонтова проявляются его личныя ощущенія. Вольное или невольное отношеніе собственной жизни къ жизни созданныхъ лицъ достаточно показываетъ, что поэтъ сочувствовалъ имъ, что они ему не чужіе, не только какъ автору, съ любовію творящему образы, но и какъ человѣку, видящему въ нихъ себя самого. Такъ, въ „посвященіи“ „Демона“ прямо говорится, что эта поэма, хотя сюжетъ ея заимствованъ изъ грузинскаго преданія, есть „простое выраженіе тоски, много лѣтъ тяготившей умъ поэта“. Разсказъ написанъ, слѣдовательно, съ извѣстною цѣлью — въ положеніи дѣйствующаго лица изобразить положеніе разсказчика. Главное дѣло здѣсь не Демонъ, а судьба человѣка, одареннаго демоническими силами. Эпиграфъ къ „Измаилу-Бею“ даетъ также знать о внутреннемъ настроеніи поэта, родственномъ или даже тождественномъ такому же настроенію вымышленнаго героя: въ немъ Лермонтовъ называетъ свою душу „безжизненною“; вдохновеніе, снова на него нисшедшее, воспѣваетъ „тоску, развалину страстей“. Послѣднія слова какъ бы повторяются въ самой повѣсти, при описаніи потока, шумящаго на днѣ пропасти. „Слыхалъ я этотъ шумъ, — прибавляетъ отъ себя Лермонтовъ, — и много будилъ онъ мыслей въ груди, *опустошенной тоскою*“. Самый разсказъ чеченца объ Измаилѣ характеризуется эпитетами: „буйный и печальный“. Лермонтовъ, перенося его съ юга на дальній сѣверъ не боится невниманія публики, да и не требуетъ вниманія

Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ вѣнца.

Такимъ образомъ, „тоска, тяготѣющая надъ умомъ“, „грудь, опустошенная тоскою“, этою развалиной страстей, „душа безжизненная и вмѣстѣ гордая“ — вотъ признаки, общіе героямъ и пѣвцу ихъ. Еще важнѣе то указаніе, которымъ Лермонтовъ положительно обнаруживаетъ свою родственную связь съ любимымъ идеаломъ. Обрисовавъ въ „Сказкѣ для

дѣтей“ характеръ Нины, этой какъ бы родной сестры Арбениныхъ, Печориныхъ и Радиныхъ, онъ замѣчаетъ:

Такія души я любилъ давно
Отыскивать по свѣту на свободѣ:
Я самъ вѣдь былъ немножко въ этомъ родѣ.

Мы увидимъ, что слова „былъ“ и „немножко“ употреблены здѣсь не въ строго-точномъ своемъ значеніи. Вмѣсто прошедшаго времени поэтъ могъ бы поставить настоящее и отъ нарѣчія „немного“ откинуть отрицаніе.

Указанія эти достаточно свидѣтельствуютъ о сочувствіи Лермонтова къ его героямъ; а такъ какъ сочувствіе основывается на родственномъ сходствѣ характеровъ, на ихъ принадлежности къ одной и той же породѣ, то... Но мы не хотимъ заблаговременно высказывать выводы, для полной ясности которыхъ необходимы многія другія свидѣтельства и, между прочимъ, искреннее свидѣтельство лирическихъ пьесъ.

Самая характеристическая изъ нихъ, по моему мнѣнію, „Парусъ“. Это эмблема добровольнаго изгнанника изъ родины:

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?
Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы, онъ счастія не ищетъ
И не отъ счастія бѣжитъ!
Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

Чѣмъ инымъ объяснить душевное настроеніе, выраженное въ стихотвореніи, какъ не врожденною наклонностью къ тревогѣ, подобною такой же наклонности семилѣтняго Арбенина къ разрушенію? Обстоятельства жизни совершенно благопріятныя: и золотые лучи солнца и свѣтло-лазурныя струи. Обвинять ихъ, ссылаться на нихъ нѣтъ никакого права. Можетъ-быть, по естественному недовольству нашего сердца, поэтъ стремится къ лучшему? Нѣтъ: „онъ счастія не ищетъ“. Но отсюда не слѣдуетъ, однакожъ, что счастіе найдено, и

нечего искать его: нѣтъ, „онъ бѣжитъ *не отъ счастія*“. Онъ самъ не даетъ себѣ отчета, зачѣмъ бросилъ родину и направился въ далекій край. И мы напрасно стали бы вмѣстѣ съ нимъ искать положительныхъ тому причинъ. Причина одна — природа. Мятежно-рожденный проситъ бури, потому что въ него вложенъ инстинктъ мятежа, и ему такъ же необходима бурная погода жизни, какъ хищной птицѣ — хищничество. Такъ, Печоринъ не уживается съ мирною долею: его душа сроднилась съ битвами и бурями; онъ томится и вздыхаетъ на гостепріимномъ берегу, не прельщаясь ни тѣнистыми рощами ни свѣтомъ солнца. Онъ сравниваетъ себя съ челнокомъ, брошеннымъ въ море; поэтъ беретъ другое сравненіе для выраженія такого же состоянія — парусъ, бѣлѣющій въ голубомъ туманѣ моря. Такъ и Мцыри готовъ отдать двѣ спокойныя жизни за одну, полную тревогъ и битвъ; ничего не возьметъ онъ взамѣнъ живой дружбы межъ грозой и бурнымъ сердцемъ; онъ былъ бы радъ обняться съ бурей. Что въ пьесѣ „Парусъ“ представлено эмблематически, то въ другихъ стихотвореніяхъ выражается непосредственно. Романсъ „Къ ***“ говоритъ, что авторъ уноситъ на чужую сторону, подъ южное небо свою *мятежную* кручину, элегія „Когда волнуется желтѣющая нива“ указываетъ, какъ, при видѣ спокойной природы, смиряется *тревога* его души.

Другой предметъ, взятый изъ міра физическаго для уподобленія ему предмета нравственнаго, есть гранитный утесъ (въ пьесѣ „Я не хочу“). Это символъ гордости, источникъ которой и право на которую — высокая душа. Угрюмый жилецъ двухъ стихій, воды и воздуха, ввѣряетъ свои думы только громамъ и бурямъ: такъ и душа поэта равнодушна къ одобренію и укору людскому. Поэтъ не склоняется передъ кумирами свѣта; для него нѣтъ предметовъ ни сильной любви ни сильной злобы; онъ гордъ не меньше Измаила, Арбенина, Печорина.

Наравнѣ съ этими лицами, поэтъ пораженъ преждевременнымъ опытомъ жизни, приведшимъ его къ анализу и сомнѣнію. Въ пьесѣ „Гляжу на будущность съ боязнью“, душа его уподобляется „раннему плоду, лишенному сока“: она увяла въ роковыхъ буряхъ подъ знойнымъ солнцемъ бытія. Какъ дубовый листокъ, она выросла въ суровой отчизнѣ и „созрѣла до срока“ (пьеса „Дубовый листокъ оторвался“). Можно замѣтить, что бездушные предметы: парусъ, дубовый листокъ, гранитный утесъ,

облака и другіе, взятые для символическаго представленія предметовъ душевныхъ, въ стихотвореніяхъ лирическихъ такъ же относятся къ поэту, какъ относятся къ нему лица повѣстей и драмъ, это образы его самого.

Что же вынесъ поэтъ изъ ранняго опыта жизни и ея анализа? Пустую душу, сомнѣніе, скуку, отсутствіе всякой цѣли. Припомнимъ изъ эпиграфа къ „Измаилу“ „грудь, опустошенную тоской“, которая сверхъ того называется „развалиною страстей“, и намъ понятно будетъ, почему въ „Молитвѣ“ (одной изъ двухъ пьесъ того же названія) поэтъ называетъ свою душу „пустынною“, а себя „безроднымъ странникомъ въ свѣтѣ“ (какимъ и былъ Измаилъ), и почему въ другой пьесѣ „Благодарность“ онъ благодаритъ „за жаръ души, растраченный въ пустынѣ“. Припомнимъ также Арсенія, который отправляется въ чужую сторону „*одинъ*, безъ думъ, *цѣли* и труда“: такъ и дубовый листокъ, образъ поэта, носится по свѣту *одинъ* и *безъ цѣли*. Въ настоящемъ поэтъ живетъ подъ „бурей тягостныхъ *сомнѣній* и страстей“ („Первое января“); онъ радъ, когда святыя слова молитвы далеко отгоняютъ отъ него *сомнѣнье* („Въ минуту жизни трудную“).

Несмотря, однакожъ, на всю тягость бремени, душа поэта не подчиняется скорби, но презрительно смотритъ ей въ очи. При немъ всегда неумирающая память боли и томленья. Онъ не забудетъ ихъ даже въ могильной странѣ покоя; онъ не хочетъ забвенья:

Покоя, мира и забвенья
Не надо мнѣ. („Любовь мертвеца“.)

Невольно представляется при этихъ стихахъ и Печоринъ, который называлъ себя глупымъ созданьемъ, ничего не забывающимъ; и Измаилъ, который восклицалъ тоскливо, что въ мірѣ все есть, кромѣ забвенья; и еще болѣе Демонъ, которому не дано забвенья, и который его бы не взялъ. Не ясное ли здѣсь сходство, даже тождество!

Что же осталось поэту, которому такъ больно и такъ трудно? ждетъ ли онъ чего-нибудь? жалѣетъ ли о чемъ?... Вотъ собственный отвѣтъ его въ элегіи „Выхожу одинъ я на дорогу“:

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть.

Совершенно такое же состояніе жизни изображено подъ видомъ облаковъ, въ поэмѣ „Демонъ“. Волшебный голосъ, утѣшая Тамару, говоритъ объ облакахъ, не оставляющихъ по себѣ слѣдовъ на небѣ:

Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.

Другіе два стиха въ томъ же описаніи облаковъ:

Часъ разлуки, часъ свиданья
Имъ не радость, не печаль,

какъ бы повторены въ пьесѣ „Договоръ“, при представленіи неразгаданнаго союза двухъ сердецъ, въ которомъ:

Была безъ радостей любовь,
Разлука будетъ безъ печали.

Такимъ образомъ мысли, чувства и даже выраженія, приписанныя героямъ поэмъ и драмъ, въ стихотвореніяхъ лирическихъ относятся къ самому поэту и составляютъ его неотъемлемую собственность.

Укажемъ еще одинъ примѣръ. Отрывокъ изъ повѣсти, въ которой идетъ рѣчь о Сашѣ Арбенинѣ, описываетъ господскій садъ, домъ и ихъ окрестности: „отъ барскаго дома по скату горы до самой рѣки разстилался фруктовый садъ; съ балкона видны были дымящіяся села луговой стороны, синѣющія степи и желтыя нивы“. Пьеса „Первое января“ воспоминаетъ родныя мѣста, которыми поэтъ восхищался въ дѣтствѣ:

И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится, и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.

Измаилъ также обращается мечтою къ картинамъ природы, которыя онъ любилъ, будучи еще ребенкомъ. У подобныхъ людей, воспоминаніе о дѣтствѣ и первыхъ впечатлѣніяхъ есть своего рода мысленный рай, куда они любятъ временно уходить отъ жестокихъ треволненій сердца, отъ безсмѣннаго присутствія одолѣвающихъ мыслей, отъ себя самихъ.

Понятіе поэта о жизни одинаково съ понятіемъ Измаила и Арбенина. Жизнь, по его мнѣнію, „пустая и глупая шутка“

(въ пьесѣ „И скучно и грустно“). Не то же ли говорили и Арбенинъ, назвавшій жизнь дѣтскою шарадой, и Измаилъ, опредѣлившій ее рядомъ измѣнъ?

Временное преображеніе поэта, закаленнаго въ роковыхъ буряхъ, совершается при помощи тѣхъ предметовъ, которые по своей сущности противоположны душевному его состоянію. Прелести природы, подчиненной положительнымъ законамъ, тихая пѣсня незнакомаго сосѣда, слова молитвы, дарующей благодатную силу разбитому сердцу, видъ прекраснаго ребенка, живущаго непосредственно жизнью, или память о другѣ, сохранившемъ и въ недѣтскомъ возрастѣ —

И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную...

вотъ что усмиряетъ тревогу души его, наполняетъ грудь покоемъ и заставляетъ иногда проливать тихія слезы. Тогда онъ можетъ постигать земное счастье и способенъ видѣть въ небесахъ Бога. При такомъ внутреннемъ настроеніи самая рѣчь становится нѣжнѣе и спокойнѣе, какъ бы въ противоположность энергическому, сжатому и мятежному стиху. Доказательствами служатъ пьесы: „Двѣ молитвы“, „Ребенку“, „Памяти А. Н. Одоевскаго“, „Къ сосѣду“, „Ангелъ“, „Ребенка милаго рожденье“, „Выхожу одинъ я на дорогу“, „Когда волнуется желтѣющая нива“ и пр.

Временные переходы отъ тревоги къ спокойствію принадлежатъ и каждому изъ лицъ, созданныхъ поэтомъ, особенно Печорину. Отрадное чувство разливалось въ его жилахъ при яркомъ солнцѣ, при синемъ небѣ, при воздухѣ, чистомъ и свѣжемъ, какъ поцѣлуй ребенка. Умственное волненіе затихало въ немъ, когда передъ нимъ открывались высокія горы и широкія степи. „Я люблю, — говорилъ онъ, — скакать на горячей лошади, противъ пустыннаго вѣтра; съ жадностью глотаю я благовонный воздухъ и устремляю взоры въ синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметовъ, которые ежеминутно становятся все яснѣе и яснѣе. Какая бы горесть ни лежала на сердцѣ, какое бы безпокойство ни томило мысль, все въ минуту разсѣется; на душѣ станетъ легко, усталость тѣла побѣдитъ тревогу ума“.

Такимъ образомъ сличеніе лирическихъ произведеній Лермонтова съ его повѣствовательными и драматическими пьесами

убѣдительно показываетъ, что онъ самъ является въ созданныхъ имъ лицахъ, или, что внутреннее состояніе этихъ лицъ выражается его собственнымъ душевнымъ состояніемъ. Родственное отношеніе, существующее между образами Арбенина, Печорина, Измаила и другихъ, существуетъ также между ними и творцомъ ихъ. Они зеркало его самого, и онъ самъ вѣрное ихъ отраженіе и воспроизведеніе.

Галаховъ.

Мужскіе типы въ произведеніяхъ Лермонтова.

Въ средѣ духовной атмосферы, которая отличается напряженіемъ мысли и ослабленіемъ воли, пытливостью ума и недостаткомъ энергіи, нужной для дѣятельности, являются иногда люди исключительные, не въ примѣръ большинству. Ихъ также коснулась зараза времени; въ натурѣ ихъ также совершилось раздвоеніе, по которому одна ея половина живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, а другая мыслитъ и судитъ; ихъ также разумѣла „Дума“, оплакивая пустоту и мракъ современнаго поколѣнія: однакожъ, по особеннымъ дарамъ природы, они возвышаются надъ общимъ уровнемъ и не могутъ примириться съ окружающимъ ихъ міромъ. Къ числу такихъ людей относятся герои Лермонтова, преимущественно Печоринъ. Печоринъ сознаетъ въ себѣ эту врожденную мощь. Вопросы о самомъ себѣ, о цѣли своей жизни нерѣдко выступаютъ передъ нимъ, особенно въ тѣ минуты, когда онъ видитъ чудное фаталистическое сплетеніе своей судьбы съ судьбой другихъ: „Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее, и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ, для какой цѣли я родился?... А вѣрно она существовала, и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я *чувствую въ душѣ моей силы необъятныя.* Ужъ не назначенъ ли я судьбой въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ, или въ сотрудники повѣстей, напримѣръ, для „Библіотеки для чтенія?...“ Почему знать? *Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее, какъ Александръ Великій или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками!* Геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно такъ же, какъ

человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара".

Вотъ какъ смотрѣлъ на себя Печоринъ! Онъ различалъ въ себѣ человѣка съ могучей организаціей, существо геніальное, изъ ряда Байроновъ или Александровъ Великихъ, съ высокимъ назначеніемъ на землѣ. Отчего же цѣль не достигнута, потокъ жизни проложилъ себѣ дорогу не соотвѣтственно назначенію? Могутъ быть тому разныя причины. Въ одномъ мѣстѣ Печоринъ беретъ всю отвѣтственность на себя: „Я не угадалъ назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагородныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій — лучшій цвѣтъ жизни". Но въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, онъ отклоняетъ отъ себя вину и такимъ образомъ ставитъ въ затрудненіе читателя, который желалъ бы объяснить себѣ настоящій источникъ его дѣйствій.

Человѣкъ, одаренный мужественными способностями, одаренъ съ тѣмъ вмѣстѣ и могущественной жаждой дѣятельности. Дѣятельность должна служить необходимымъ выраженіемъ его силы, которая находитъ въ себѣ двоякое побужденіе: и природный инстинктъ, вызывающій ее наружу, и образованное понятіе объ ея употребленіи, запрещающее ей сидѣть сложа руки. Что жъ, если по какимъ-либо условіямъ время не благопріятствуетъ развитію всего сильнаго и геніальнаго? если оно осуждаетъ или на бездѣйствіе, или на пустоту дѣятельности? Нѣтъ поприща, гдѣ бы оказалась возможность развернуться и прилично и широко; но есть много преградъ къ развитію. Душа, оскорбленная такимъ порядкомъ дѣлъ, испытываетъ тягостное противорѣчіе не только между идеаломъ и дѣйствительностью вообще, но между идеаломъ и ближайшею средою. Сила, не находя исхода, пробиваетъ себѣ другой путь. Желая заявить себя, она истощается на что-нибудь, часто на пустое и недоброе. Печоринъ похищаетъ и бросаетъ Бэлу, оскорбляетъ Мери, терзаетъ Вѣру, убиваетъ Грушницкаго. Опыты его дѣятельности — рядъ самыхъ непріятныхъ столкновеній съ ближними: она истощается въ волокитствѣ, въ преслѣдованіи такихъ ничтожныхъ личностей, какъ Грушницкій или князь Звѣздичъ, въ обидномъ обращеніи съ такими добрыми личностями, какъ Максимъ Максимычъ. Вся его забота проходитъ въ томъ,

чтобы выказать свое превосходство. Затѣмъ онъ уединяется въ высокомѣрный эгоизмъ, это единственное пристанище сердца, презирающаго свѣтъ, подобно тому, какъ хищное животное, утоливъ стремленіе къ хищничеству, скрывается въ своей берлогѣ.

Вооружась противъ „гнета просвѣщенія“, которое будто бы сдѣлало насъ ничтожными, слабовольными лицемѣрами, сами герои Лермонтова страдаютъ полуобразованіемъ. Въ нихъ легко разсмотрѣть цивилизованное варварство. Не по одной антипатіи къ поверхностному европеизму, Лермонтовъ обращается къ горцамъ и Россіи XVI вѣка. Здѣсь дѣйствовало извѣстное внутреннее сочувствіе: est son faible можно сказать о немъ. Идеалы, имъ выведенные, даже изъ среды европейской, дики, неистовы; деспотичный Арбенинъ, Печоринъ, Радинъ, поставленные рядомъ съ героями Байрона, должны завидовать ихъ гуманности и разумности дѣйствій. Арбенинъ любитъ Нину, но какъ онъ мститъ ей? хуже Отелло. Вѣра не столько предметъ истинной страстности Печорина, сколько игрушка его тиранiи и чувственности. Когда онъ, уморивъ коня въ поѣздкѣ къ Вѣрѣ, заплакалъ, какъ ребенокъ, то были не слезы сердечной привязанности, а скорѣй слезы досады, бѣснующейся на неудачу прихоти. Тираническія роковыя наклонности нисколько не возвышаютъ его ни надъ жителемъ нашей страны, бояриномъ Оршей, ни надъ жителемъ Кавказскихъ горъ, Хаджи-Абрекомъ. Неужели думалъ Лермонтовъ реставрировать хилыхъ своихъ современниковъ, освободить ихъ изъ-подъ гнета мирной цивилизаціи посредствомъ подобныхъ идеаловъ? Шиллеръ, въ разсужденіи о наивной и сентиментальной поэзіи, запрещаетъ идиллику обращаться назадъ, къ дѣтству, чтобы не покупать себѣ желаннаго покоя цѣною драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній ума; человѣка, не могущаго воротиться болѣе въ Аркадію, предписываетъ онъ вести въ элизіумъ. Неужели этотъ элизіумъ въ эпохѣ Іоанна IV или на вершинахъ Кавказа? Такова ли profession de foi нашего поэта? и въ этомъ ли смыслѣ надобно понимать его стихотвореніе: „Нѣтъ, я не Байронъ, *я другой*“. Было бы странно и жалко убѣдиться въ такомъ взглядѣ на общество, хотя лица, съ которыми мы познакомились, своимъ образомъ мыслей и дѣйствій заставляютъ видѣть въ себѣ адептовъ этой, а не иной „общественной философіи“.

Отсюда прямой переходъ къ нравственному значенію героевъ Лермонтова. Объяснить возможность того или другого образа дѣйствій не значитъ еще вполнѣ съ нимъ раскви-таться: слѣдуетъ опредѣлить его законность или противо-законность. Различныя вліянія раскрываютъ передъ нами причины, почему такой-то человѣкъ вышелъ тѣмъ, а не инымъ лицомъ; онѣ могутъ даже въ извѣстной мѣрѣ оправ-дывать его, если онъ выказалъ себя дурною личностью: но это только обстоятельства, облегчающія виновность, а не оправдывающія ее, circonstances atténuantes, какъ говорятъ французы, не болѣе. Преступный характеръ, уклонившійся при такихъ обстоятельствахъ отъ нравственнаго начала, за-ставляетъ смотрѣть на себя снисходительнѣе: самое же на-чало остается непреклоннымъ.

Если нельзя было герою извѣстнаго времени дѣйствовать такъ, какъ бы ему хотѣлось, даже (допустимъ и это) какъ бы слѣдовало по его понятіямъ; то все-таки совѣсти каждаго неизбѣжно представляется вопросъ: должно ли было дѣй-ствовать ему такъ, какъ онъ дѣйствовалъ? Кто имѣетъ право,— и себѣ допустить и другимъ позволить, — посвятить жизнь мщенію за безсиліе, на которое онъ обрекается современной остановкой жизни? Кто имѣетъ право, удовлетворивъ чув-ству мщенія, утѣшаться тѣмъ, какъ будто въ этомъ удовле-твореніи единственный долгъ человѣка и гражданина, а въ этомъ горькомъ утѣшеніи — единственная награда за подвигъ мстителя? И кому же мстить? тѣмъ, которые нисколько не участвовали въ печальной жизненной обстановкѣ? Въ жизни много путей, въ обществѣ много обителей, гдѣ можно найти честный пріютъ и серіозную цѣль: ибо честь и серіозность измѣряются не обширнымъ кругомъ служенія, не внѣшнимъ его блескомъ, а отношеніемъ ихъ къ долгу. Кто, помышляя о своихъ высокихъ силахъ, пренебрегаетъ или скучаетъ бре-менемъ невысокихъ обязанностей, въ душѣ того очень много высокомѣрія и нисколько нѣтъ истинной любви къ общему благу. Онъ — аристократическій бѣлоручка, бѣгающій чер-ной работы и брезгающій чернорабочими. Его протестъ вы-текаетъ не изъ безкорыстной преданности правдѣ: его про-тестъ — гнѣвный голосъ самолюбія, раздраженнаго неудачею гордыхъ покушеній, заносчивыхъ притязаній. Въ томъ слу-чаѣ, когда архитекторъ лишенъ возможности воздвигать новое

зданіе по своему замыслу, пусть онъ будетъ простымъ каменщикомъ: пусть готовитъ камни для будущаго зданія или расчищаетъ мусоръ въ зданіи разрушенномъ. Поденщикъ, дѣлающій свое дѣло, почтеннѣе генія, ничего не дѣлающаго или, что̀ еще хуже, дѣлающаго ничего. Искреннія заботы о собственномъ и общественномъ совершенствованіи неминуемо связаны съ готовностью на жертвы. Къ жертвамъ, самозабвенію, разумному примиренію неспособны герои Лермонтова. Они или пассивны и праздны, или тревожны и разрушительны. Имъ нравится возбужденіе единственно ради возбужденія. Ихъ дѣятельность безъ всякаго содержанія. Они руководствуются не идеей долга и созиданія, а инстинктомъ хищничества и нестроенія. Это — элементъ противообщественный, враждебный самому принципу общества, своего рода Аттилы, то истребляющіе, то скучающіе. Аристотелево опредѣленіе человѣка, какъ существа, назначеннаго жить въ связи, обществѣ, имъ не къ лицу; они оправдываютъ опредѣленіе Гоббеса, который въ человѣкѣ видѣлъ природнаго врага каждому человѣку.

Мы не знаемъ, какова именно нравственная точка зрѣнія самого автора на личности, имъ созданныя; однакожъ не можемъ не замѣтить, что эти личности выставляютъ себя съ красивой стороны и часто любуются собой. Повѣсть ихъ жизни — болѣе ея апологія, гораздо менѣе ея осужденіе. Не можемъ также не замѣтить, что въ отношеніи къ нимъ Лермонтова легко различить сочувствіе, и не легко отыскать антипатію. Онъ не смотритъ на нихъ иронически, говоря: „Вотъ жалкій герой нашего времени, больного слабоволіемъ и бездѣйствіемъ, самъ зараженный тѣми же болѣзнями!“ или, „Вотъ чѣмъ въ наше время сильный человѣкъ принужденъ заявлять свою силу!“ Нѣтъ, Печоринъ, Арбенинъ, Радинъ поставлены имъ на значительно высокія подмостки, окружены обаяніемъ, могущимъ привлекать къ нимъ сердца многихъ, преимущественно молодыхъ людей. Они кокетничаютъ своей силой, выставляютъ ее на показъ, дѣлаютъ изъ нея парадъ. Къ нимъ какъ нельзя лучше идутъ слова, сказанныя объ Адольфѣ Бенжаменъ-Констаномъ, который, по предположенію нѣкоторыхъ, изобразилъ въ вымышленномъ героѣ дурныя черты своего характера, тщеславіе и измѣнчивость, но который съ тѣмъ вмѣстѣ произнесъ имъ правди-

вый упрекъ: „Я ненавижу фатовство ума, который думаетъ оправдать то, что онъ объясняетъ; ненавижу тщеславіе, которое занимается само собой, разсказывая учиненное имъ зло: хочетъ возбудить въ себѣ сожалѣніе, описывая себя, и носясь невредимо надъ развалинами, анализируетъ себя вмѣсто того, чтобы каяться. Ненавижу слабость, которая всегда обвиняетъ другихъ въ своемъ безсиліи, не замѣчая, что причина зла не внѣ ея, а въ ней самой. Адольфъ за свой характеръ наказанъ своимъ же характеромъ; наказанъ потому, что не слѣдовалъ ни по одному постоянному пути, не выбралъ ни одного полезнаго поприща, истощалъ свои способности безъ всякаго направленія и силы: направленіемъ служилъ ему капризъ, силою — раздраженіе. Обстоятельства очень мало значатъ, все дѣло въ характерѣ. Напрасно разстаются съ людьми и предметомъ, нельзя разстаться съ самимъ собою. Можно измѣнить положеніе, но въ каждое новое положеніе такой человѣкъ вноситъ муку, отъ которой желалъ бы онъ освободиться; перемѣна мѣста не исправляетъ его; она прибавляетъ только къ сожалѣніямъ угрызенія совѣсти, къ ошибкамъ — страданія“.

Въ тонѣ разсказа Печорина, въ способѣ веденія интриги, даже въ языкѣ и слогѣ ясно видимъ отпечатокъ блеска и тщеславія. Здѣсь Лермонтовъ подражалъ пріемамъ французскихъ романовъ, какъ въ главныхъ свойствахъ характера онъ подражалъ Байрону. По складу своему, по внѣшнему, такъ сказать, покрою „Герой нашего времени“ съ своимъ докторомъ Вернеромъ напоминаетъ скорѣй „La confession d'un enfant du siècle“, гдѣ также есть докторъ, чѣмъ такъ называемыя романтическія поэмы Байрона.

Не одинъ Бенжаменъ-Констанъ, но и Шатобріанъ жалѣлъ о тревогѣ своего героя (Рене), проводившаго жизнь въ безплодныхъ мечтаніяхъ, а не въ плодовитой дѣятельности. Историки литературы, напримѣръ Гервинусъ и Ю. Шмидтъ, также порицаютъ высокомѣрныя притязанія, геніальничаніе людей, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ мы говорили. Въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, при болѣе трезвомъ взглядѣ на жизнь и дѣятельность и при болѣе серіозномъ направленіи того и другого, ложный героизмъ не обманываетъ болѣе: чувствуется настоятельная потребность героизма истиннаго. Въ наше время, герою не нашему времени, печальнаго и потому еще,

что оно производило такихъ героевъ, мы въ правѣ сказать то же самое, что миссіонеръ и Шактасъ, слушавшіе повѣсть Рене, сказали ему въ заключеніе разсказа: „Ничто въ этой исторіи не заслуживаетъ сожалѣнія. Я вижу юношу, упрямо преданнаго химерамъ, которому ничто не нравится и который освобождается отъ бремени общественнаго служенія, чтобы предаться безполезнымъ мечтаніямъ. Человѣкъ, презирающій міръ, не есть еще человѣкъ великій. Ненависть къ людямъ и жизни происходитъ отъ недостатка дальновидности, отъ узкаго кругозора. Расширьте горизонтъ вашъ, и вы убѣдитесь, что всѣ несчастія, на которыя вы сѣтуете, чистая ничтожность... Что дѣлаете вы здѣсь, въ глубинѣ лѣсовъ, влача безполезно дни и пренебрегая всякою обязанностью?... Высокомѣрный юноша, думавшій, что человѣкъ можетъ довольствоваться только самимъ собой! Уединеніе усугубляетъ душевныя силы и въ то же время отнимаетъ у нихъ предметы дѣятельности. У кого есть силы, тотъ долженъ посвятить ихъ на служеніе ближнимъ; оставляя ихъ безплодными, онъ въ то же время чувствуетъ тайную нищету, и рано или поздно небо ниспошлетъ ему страшное наказаніе. Миссисипи, еще въ началѣ своего истока, жаловалась на то, что она только прозрачный ручеекъ. Она требовала снѣговъ у горъ, водъ у потоковъ, дождей у бурь, и вотъ она выступаетъ изъ береговъ своихъ и затопляетъ прекрасные берега свои. Надменный ручеекъ восхищается своею силою; но какъ только увидѣлъ, что на пути его все исчезаетъ, что онъ одиноко течетъ въ пустынѣ, что волны его постоянно возмущены, онъ пожалѣлъ о скромномъ руслѣ, изрытомъ для него природою, о птицахъ, о цвѣтахъ, деревьяхъ и ручьяхъ, бывшихъ нѣкогда скромными спутниками его мирнаго теченія“. *Галаховъ.*

Женскіе типы въ „Героѣ нашего времени“.

Въ „Героѣ нашего времени“ Лермонтовъ далъ намъ первый образчикъ русскаго психологическаго романа. Нигдѣ онъ не является такимъ знатокомъ человѣческаго сердца, такимъ тонкимъ аналитикомъ душевныхъ движеній. Что здѣсь Лермонтовъ сознательно ставитъ себѣ психологическую задачу, видно изъ того высокаго значенія, которое онъ придаетъ

изученію внутренняго человѣка. „Исторія души человѣческой,— говоритъ онъ въ предисловіи къ журналу Печорина, — хотя бы и самой мелкой, едва ли не любопытнѣе и полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно когда она слѣдствіе наблюденій ума зрѣлаго надъ самимъ собой и когда она писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе". Внѣшняя и внутренняя наблюдательность, способность углубленія въ жизнь была соединена въ Лермонтовѣ со свойственной романисту способностью создавать живые и типическіе образы; все это предвѣщало, что въ лицѣ его готовится, — какъ выразился Гоголь, — будущій великій живописецъ русскаго быта. Оставаясь въ предѣлахъ нашей задачи, попытаемся сдѣлать характеристику женскихъ личностей романа Лермонтова, съ которыми Печоринъ сталкивается на Кавказѣ. Мы остановимся подробнѣе на Вѣрѣ, личность которой, самая интересная въ психологическомъ отношеніи, оставлена почему-то въ тѣни предшествующей критикой. Вѣра представляетъ собой оригинальный типъ женщины, которую съ полнымъ правомъ можно назвать мученицей своего чувства. Эмоціональность развита въ ней въ высокой степени, но эта эмоціональность односторонняя. Любовь охватываетъ ея сердце съ такой роковой силой, что всѣ остальныя чувства являются у ней какъ бы атрофированными. Она теряетъ нравственное равновѣсіе, теряетъ власть надъ собой, и соотвѣтственно этому надъ ней пріобрѣтаетъ почти деспотическую власть тотъ, кого она любитъ. Нельзя сказать, чтобы женщины этого типа въ своихъ любовныхъ увлеченіяхъ руководились исключительно чувственной страстью или жаждой наслажденій. Напротивъ того, въ большинствѣ случаевъ, любовь даетъ имъ очень мало радостей и очень много горя и упрековъ совѣсти. Такова многострадальная героиня романа Лермонтова. Встрѣтившись съ Печоринымъ въ петербургскомъ свѣтѣ, Вѣра, бывшая уже замужемъ, не замедлила поддаться обаянію его чарующей, демонической личности. Гордымъ титаномъ предсталъ онъ передъ ней, и простодушная женщина пала впрахъ передъ его непонятымъ людьми величіемъ. Онъ ее увлекъ, измучилъ и бросилъ. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ. Вѣра потеряла перваго мужа, вышла замужъ за второго, богатаго старика, и пріѣхала съ нимъ и съ малолѣтнимъ сыномъ отъ перваго брака на Кавказъ, на воды.

Тутъ-то и происходитъ ея вторая и послѣдняя встрѣча съ Печоринымъ. Съ первыхъ же минутъ встрѣчи онъ доводитъ ее до слезъ своими язвительными намеками, потомъ снова увлекаетъ ее и, увѣряя ее въ любви, въ то же время волочится за княжной Мери и заставляетъ Вѣру страшно ревновать ее къ ней. „Ты знаешь, — говоритъ она Печорину, — что я твоя раба, что я никогда не умѣла тебѣ противиться... и я буду за то наказана: ты меня разлюбишь“. Самъ Печоринъ, — этотъ тонкій знатокъ женскаго сердца, умѣющій играть на немъ, какъ на послушномъ инструментѣ, не можетъ додуматься до источника этой необъяснимой привязанности. „За что она меня такъ любитъ — право, не знаю, тѣмъ болѣе, что это единственная женщина, которая поняла меня совершенно, со всѣми моими слабостями и дурными страстями? Неужели зло такъ привлекательно?“ Разставаясь съ Печоринымъ навсегда, Вѣра въ своемъ послѣднемъ письмѣ сама пытается разъяснить намъ тайну своей странной привязанности къ Печорину; ея объясненія доказываютъ, что идеальный и романическій элементъ игралъ гораздо болѣе важную роль въ ея любви, чѣмъ страсть: „Мы разстаемся навѣки; однакожъ ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебѣ всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ, не потому, чтобы ты былъ лучше ихъ, о нѣтъ! но въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая. Никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно; ничей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ“.

Одинъ изъ критиковъ „Героя нашего времени“ назвалъ Вѣру сатирой на женщинъ. Выраженіе рѣзкое и несправедливое! Хотя Вѣра принадлежитъ къ числу тѣхъ женщинъ, у которыхъ чувство сильнѣе долга и собственнаго достоинства, но ее нельзя назвать типомъ отрицательнымъ. У ней есть то, что составляетъ основу всякой истинной женственности, — способность любить, жертвовать собой и прощать. Поста-

вленная въ другія условія, эта женщина, при ея готовности приносить въ жертву все для любимаго человѣка, могла бы составить счастье любого мужчины. Если даже отвергнуть гипотезу проф. Висковатаго, что въ личности Вѣры есть нѣсколько чертъ, перенесенныхъ на нее изъ характера В. А. Лопухиной, то все-таки нельзя допустить, чтобы такой поэтъ, какъ Лермонтовъ, могъ отнестись съ сатирической точки зрѣнія къ представительницѣ той роковой и таинственной силы любви, которую онъ воспѣвалъ много лѣтъ въ своихъ стихотвореніяхъ.

Прощальное письмо Вѣры къ Печорину интересно еще въ другомъ отношеніи. Въ первоначальной редакціи оно заканчивалось мольбою Вѣры къ Печорину, чтобы онъ женился на княжнѣ Мери: „Мери тебя любитъ... Если что-нибудь доброе кроется въ твоей душѣ, женись на ней! О, не погуби ея! Одной довольно!“ Эти великодушныя слова въ значительной степени примиряютъ насъ съ Вѣрой и прибавляютъ весьма привлекательную черту къ ея нравственному характеру, но для Лермонтова дороже всего художественная правда. Вдумавшись въ нихъ глубже, онъ, находившій неестественнымъ, чтобы мужчина могъ принести въ жертву свое чувство для счастья любимой женщины, нашелъ еще болѣе неестественнымъ, чтобы женщина, одаренная такимъ страстнымъ темпераментомъ и способная къ такой исключительной, можно сказать, фанатической привязанности, могла искренно пожелать любимому человѣку быть счастливымъ съ другой, и потому въ исправленномъ текстѣ онъ замѣнилъ великодушную просьбу Вѣры къ Печорину просьбой совершенно противоположнаго характера, которой она и заканчиваетъ свое письмо: „Неправда ли, ты не любишь Мери? Ты не женишься на ней? Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву; я для тебя потеряла все на свѣтѣ“. Посредствомъ этой замѣны Вѣра, правда, проигрываетъ въ нравственномъ отношеніи, но зато сильно выигрываетъ въ смыслѣ цѣльности своего психологическаго типа. Характеристика Вѣры у Лермонтова — это блистательный психологическій этюдъ, одинаково совершенный какъ въ общемъ замыслѣ, такъ и въ отдѣлкѣ деталей. Что, напримѣръ, можетъ быть милѣе и женственнѣе слѣдующихъ словъ Вѣры, обращенныхъ къ Печорину и мгновенно озаряющихъ глубину ея деликатной, любящей и поэти-

ческой натуры: „О, я прошу тебя: не мучь меня попрежнему пустыми сомнѣніями и притворной холодностью. Я, можетъ-быть, скоро умру; я чувствую, что я слабѣю со дня на день... и, несмотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебѣ... Вы, мужчины, не понимаете наслажденій взора, пожатія руки... а я, клянусь тебѣ, я, прислушиваясь къ твоему голосу, чувствую такое глубокое, странное блаженство, что самые жаркіе поцѣлуи не могутъ замѣнить его“...

Легкая и изящная Мери, съ ея стройнымъ станомъ и бархатными глазками, которые, по выраженію Печорина, такъ мягки, какъ будто они тебя гладятъ, принадлежитъ къ другому типу женщинъ. Это — натура болѣе уравновѣшенная и сдержанная и менѣе страстная, и потому по отношенію къ ней Печоринъ держится другой тактики. Тщательно изучивъ женское сердце, хорошо зная, что въ немъ самая ненависть ближе къ любви, чѣмъ равнодушіе, Печоринъ старался дѣлать мелкія непріятности княжнѣ, безцеремонно лорнируетъ ее и отвлекаетъ отъ нея кавалеровъ во время прогулки, перекупаетъ коверъ, который она хотѣла купить, и т. д. Онъ въ короткое время достигаетъ своей цѣли: княжна считаетъ его дерзкимъ и при встрѣчѣ даритъ его взглядомъ, который выражаетъ досаду, стараясь выразить равнодушіе. „Въ продолженіе двухъ дней, — пишетъ Печоринъ въ своемъ дневникѣ, — дѣла мои ужасно подвинулись: княжна меня ненавидитъ“. Молва, между тѣмъ, помогаетъ Печорину. Носятся слухи, что онъ сосланъ на Кавказъ за какую-то романическую исторію; сама княгиня разсказываетъ дочери эту исторію и сильно заинтересовываетъ ею личность Печорина. Когда послѣдній чувствуетъ, что почва для него достаточно подготовлена, онъ знакомится съ княжной на балу. Счастливый случай помогаетъ ему оказать ей существенную услугу, защитивъ ее отъ дерзостей полупьянаго драгунскаго капитана; въ разговорѣ съ ней онъ тщательно избѣгаетъ упоминанія объ этой непріятной исторіи, но мимоходомъ даетъ княжнѣ вскользь почувствовать, что она ему давно нравится. Заронивъ такимъ образомъ искру въ ея сердце, Печоринъ искусно раздуваетъ ее то нѣжностью, то равнодушіемъ. Однажды въ припадкѣ откровенности, стараясь придать своему тону какъ можно больше искренности, онъ разсказываетъ ей печальную исторію своей жизни, говоритъ о томъ, что онъ былъ

готовъ любить весь міръ, но что люди его не поняли, что вслѣдствіе этого лучшія чувства въ немъ умерли, а въ душѣ его поселилось холодное и безсильное отчаяніе, — словомъ, повторяетъ ей все то, что онъ, по всей вѣроятности, говорилъ Вѣрѣ и другимъ женщинамъ. Печоринъ съ восторгомъ наблюдалъ, какъ при его разсказахъ въ глазахъ Мери дрожали слезы и какъ состраданіе впустило свои когти въ ея неопытное сердце; онъ по опыту знаетъ, что у женщинъ отъ состраданія одинъ шагъ до любви. Благородная по натурѣ княжна не могла допустить мысли, чтобъ Печоринъ игралъ ея чувствомъ. Видя, что онъ колеблется сдѣлать рѣшительный шагъ, и объясняя по-своему его нерѣшительность, она дѣлаетъ усиліе надъ собою, побѣждаетъ свою стыдливость, и сама первая говоритъ ему великое слово *люблю*. Когда же Печоринъ, насытивъ этимъ признаніемъ свое самолюбіе, съ свойственнымъ ему цинизмомъ откровенности объявляетъ княжнѣ, что онъ никогда не любилъ ея, она, униженная и оскорбленная, замыкается въ чувство собственнаго достоинства и, оставшись наединѣ съ собой, по ночамъ оплакиваетъ свое горе. Княжна Мери представляетъ собой въ ряду женскихъ личностей, созданныхъ Лермонтовымъ, типъ, обработанный наиболѣе тщательно и полно. Образъ ея такъ полонъ жизни и художественной правды, что, кажется, будто гдѣ-то встрѣчалъ ее или надѣешься встрѣтить. Ухаживаніе за ней Грушницкаго и Печорина — это рядъ необычайно тонкихъ психологическихъ штриховъ, которымъ нельзя вдоволь надивиться.

Мнѣ слѣдовало бы дать характеристику Бэлы, этой первобытной, непосредственной натуры, этого дикаго и благоуханнаго цвѣтка, выросшаго въ разсѣлинахъ кавказскихъ скалъ, если бы все, что можно сказать о ней, не было давно исчерпано въ превосходной статьѣ Бѣлинскаго. Замѣчу только, что за исключеніемъ шекспировской Миранды трудно найти во всемірной литературѣ болѣе очаровательное воплощеніе женственности, какою она вышла изъ рукъ природы.

Стороженко.

Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ произведеніяхъ Лермонтова.

Совпаденіе лермонтовской „Пѣсни“ съ народными было помимо сборника Кирши Данилова. Несомнѣнно, что не одинъ этотъ сборникъ былъ въ распоряженіи Лермонтова; несомнѣнно, что у него могли быть подъ руками и другіе сборники русскихъ народныхъ пѣсенъ. Кромѣ того, онъ могъ и самъ слышать подобныя пѣсни, или могъ пользоваться чужими записями. Въ этомъ убѣждаютъ насъ еще слѣдующія сопоставленія лермонтовской „Пѣсни“ съ такъ называемыми разбойничьими или удалыми пѣснями и съ пѣснями народными, бытовыми. Ограничимся хотя слѣдующими выдержками изъ этихъ пѣсенъ, которыя напоминаютъ отвѣтъ царя Калашникову, обстановку казни послѣдняго, его могилу и его безталанную участь:

Что возговоритъ надёжа, православный царь:
Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянской сынъ!
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ и отвѣтъ держать,
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Среди поля хоромами высокими
Что двумя ли столбами съ перекладиною.

Ведутъ молодца казнить:

Идетъ его грозенъ палачъ,
Въ рукахъ несетъ топоръ широкій.

Молодецъ прощается съ родными:

Онъ на всѣ стороны низко кланялся:
Вы простите меня, міръ и народъ Божій,
Помолитесь за мои грѣхи,
За мои-ль грѣхи тяжкіе.

Народное преданіе приписываетъ Стенькѣ Разину слѣдующее завѣщаніе, повторяющееся у Лермонтова о могилѣ Калашникова:

Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ:
Межъ Казанской, Астраханской, славной Кіевской,
Въ головахъ моихъ поставьте животворный крестъ.
Кто пройдетъ или проѣдетъ — остановится,
Моему ли животворному кресту помолится.

Или какъ въ одномъ изъ варіантовъ пѣсни:

Буде старъ человѣкъ пойдетъ — помолится...
Буде младъ человѣкъ пойдетъ — въ гусли наиграется.

Припомнимъ заключеніе „Пѣсни“ Лермонтова:

Пойдетъ старъ человѣкъ — перекрестится...
А пойдутъ гусляры — споютъ пѣсенку.

Къ купцу Калашникову, какъ нельзя болѣе, идетъ народная пѣсня о безчастномъ добромъ молодцѣ:

Ты безчастный добрый молодецъ,
Безталанная твоя головушка;
Что ни въ чемъ-то мнѣ, братцы, талану нѣтъ,
Ни въ торгу, братцы, ни въ товарищахъ.

Такъ и къ другому молодцу „Пѣсни“ Лермонтова, къ опричнику, подходятъ народныя пѣсни о молодцахъ, безчастныхъ въ любви, погибающихъ въ степяхъ приволжскихъ.

Такое же соотвѣтствіе съ бытовыми народными пѣснями находимъ и въ изображеніи семейнаго быта купца у Лермонтова. Хороводныя пѣсни изображаютъ мужа, который собирается или прибить плеткой, или запереть за замокъ свою жену, гуляющую по вечерамъ съ молодцами:

Ужъ ты гдѣ была, жена-страдница?

Нельзя, однако, считать „Пѣсню“ Лермонтова какимъ-то сборнымъ произведеніемъ изъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, переложеніемъ этихъ отдѣльныхъ мотивовъ и картинъ, не говоря уже о томъ, что едва ли можно отыскать что-либо отвѣчающее всему сюжету Лермонтовской „Пѣсни“ въ народныхъ преданіяхъ, въ народныхъ пѣсняхъ. Поэтъ силой своего творчества представилъ новое произведеніе, которое родственно съ народной поэзіей, но не тождественно. Его „Пѣсня“ такъ же связана съ народными мотивами, какъ большая величавая рѣка, разливающаяся вширь и вдаль, — съ своими истоками — изъ родниковъ, ручьевъ и рѣчекъ, выбѣгающихъ изъ почвы.

Возьмемъ ли мы Лермонтовскіе припѣвы гусляровъ; или картину пира, на которомъ любимый опричникъ царя, Кирибѣевичъ, обнаруживаетъ свою могучую грусть по красавицѣ, „крѣпкая дума“ по которой становится для него ро-

ковой; или картину лихой невзгоды купца Калашникова, выбивающей его изъ устоевъ честной и строгой, въ старозавѣтномъ духѣ семейной жизни и влекущей къ отстаиванію до послѣднихъ силъ „святой правды-матушки“; или послѣднюю картину богатырскаго кулачнаго боя, переходящаго изъ веселой потѣхи въ поединокъ, въ высшій судъ, за которымъ слѣдуетъ судъ царскій и казнь Калашникова, — во всѣхъ этихъ картинахъ выдержанъ одинъ тонъ простой и художественный, придана содержанію цѣлость и законченность.

Развитіе сюжета представляетъ мрачную драму: то грозный гнѣвъ царя на заподозрѣннаго опричника, на удалого Калашникова, убившаго лучшаго бойца, Кирибѣевича; то гнѣвъ и немилостивыя рѣчи Парамона Степановича, обращенныя къ хозяюшкѣ-красавицѣ, воротившейся съ улицы въ позднюю пору опозоренной, ошеломленной, и семейное совѣщаніе купца въ темну ночь морозную съ младшими братьями, какъ отомстить за обиду; то смерть опричника; то лютая позорная казнь удалого бойца, молодого купца; то могила съ кленовымъ крестомъ! Но и среди этихъ мрачныхъ картинъ, какъ проблески солнца среди тучъ, показываются веселыя лица гусляровъ, улыбки и смѣхъ царя на пиру, образъ красавицы Алёны Дмитріевны и природа, которая, какъ улыбающаяся алая заря, разыгравшаяся надъ Москвой въ роковой день, сверкаетъ „вѣчно-гордой и спокойной красотой“ надъ самыми мрачными картинами человѣческой жизни. Это сопоставленіе картинъ и развитіе всего сюжета „Пѣсни“ сближаетъ ее съ общимъ направленіемъ Лермонтовской поэзіи: съ ея безотрадною грустью и съ жалобой на судьбу, съ ея ожесточеніемъ противъ попранной правды и вмѣстѣ съ примиреніемъ поэта преимущественно въ природѣ. Даже въ языкѣ, въ отдѣльныхъ образахъ можно найти соотвѣтствіе „Пѣсни“ съ другими произведеніями Лермонтова. Можно замѣтить даже неточность противъ обычаевъ русской старины, сохранившихся и въ современномъ народномъ быту, въ изображеніи Лермонтова замужней женщины:

Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.

Въ день свадьбы, какъ извѣстно, косу русую расплетали у дѣвицы, и замужняя она уже не могла красоваться русой косой, — почему въ свадебныхъ пѣсняхъ и встрѣчаются мотивы оплакиванья косы — дѣвичьей красы.

Изъ этой неточности нельзя однако выводить заключенія о томъ, что Лермонтовъ создавалъ свою „Пѣсню“ только на основаніи книжныхъ и устныхъ источниковъ, или на основаніи своего личнаго настроенія. Несомнѣнно, что ему была знакома и бытовая жизнь русскаго народа и его различныхъ слоевъ, кромѣ высшаго свѣтскаго общества, въ которомъ онъ, по преимуществу, вращался, какъ мы знаемъ изъ его біографіи. Такъ, напримѣръ, хотя бы въ изображеніи кулачнаго боя — этой распространенной въ прошломъ русской національной потѣхи — Лермонтовъ могъ слѣдовать и личнымъ впечатлѣніямъ, какъ въ селѣ Тарханахъ, такъ и въ Москвѣ, гдѣ выходили на кулачный бой охотники изъ купцовъ и даже изъ господъ. Точно такъ же Лермонтовъ могъ знать и жизнь купечества съ ея старозавѣтными обычаями, какъ она долго сохранялась въ московскомъ Замоскворѣчьѣ.

Въ 1837 году, нѣсколько ранѣе „Пѣсни“ о Калашниковѣ, появилось въ печати „Бородино“ Лермонтова. Стихотвореніе написано безъ народнаго размѣра, въ томъ же стилѣ, какъ и ранній набросокъ „Поле Бородина“, 1830 года. Но какая громадная разница между этимъ первоначальнымъ наброскомъ и отдѣланнымъ произведеніемъ 1837 года, которое увеличено на семь куплетовъ; какое движеніе придано всей картинѣ Бородинскаго боя; какой народный колоритъ наложенъ на все произведеніе!

Неестественный, романтическій образъ солдата-артиллериста превратился въ народнаго служиваго, въ дядю, съ рѣчью грубо-простодушной и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненной эпическаго воодушевленія. Солдатъ первоначальнаго наброска, подобно героямъ Лермонтовскихъ поэмъ, заслушивался и „пѣсней непогоды“, которая напоминала ему „пѣснь свободы“, и видѣлъ мотивы своего геройства въ отчаяніи, въ мщеньи и выражался такимъ языкомъ, который по мѣстамъ болѣе подходитъ къ одѣ на побѣду, чѣмъ — къ представленіямъ и рѣчи солдата:

Что Чесма, Рымникъ и Полтава!
Я, вспомня, ледянѣю весь...
Я спорилъ о могильной сѣни...

Скорѣй обманетъ гласъ пророчій,
Скорѣй небесъ погаснутъ очи,
Чѣмъ въ памяти сыновъ полночи
Изгладится оно.

Все это въ стихотвореніи 1837 года отброшено поэтомъ. Теперь, въ эпоху созданія „Пѣсни о Калашниковѣ“, Лермонтову не нужны были и тѣ эффектныя положенія, въ которыя онъ любилъ ставить своихъ героевъ въ юношескихъ произведеніяхъ. Ночь передъ битвой на полѣ Бородина представлялась Лермонтову въ 1830 году не иначе, какъ въ шумѣ бури, съ пѣснями непогоды; герой обращался къ товарищу, поднявъ голову съ лафета; послѣ битвы онъ „склонялъ голову на трупъ застывшій, какъ на ложе“. Въ „Бородино“ 1837 года ночь передъ рѣшительнымъ боемъ описывается какъ будто старымъ русскимъ лѣтописцемъ: „французъ ликовалъ до разсвѣта, но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый“. Солдатъ-герой не выступаетъ теперь на первый планъ: онъ сливаетъ себя съ товарищами и выступаетъ только разъ, какъ артиллеристъ съ своей пушкой:

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!

Безцвѣтность наброска — въ названіяхъ „вождя“, „противника“, въ отдѣльныхъ деталяхъ описанія боя — замѣнилась яркими, живыми и реальными образами. Вмѣсто „вождя“ явился „полковникъ-хватъ, слуга царю, отецъ солдатамъ“; вмѣсто противника — „мусью французъ, басурманъ“; вмѣсто „отъ враговъ ударъ нежданый на батарею прилетѣлъ, громъ грянулъ, пуля смерти пронеслася изъ моего ружья“ явились широкіе стремительные очерки боя:

Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй...
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала...

Прибавленъ еще и „русскій бой удалый, нашъ рукопашный бой“.

Одно выраженіе прежняго наброска: „на пушки конница летала“, превратилось въ цѣлую военную картину, какъ будто нарисованную кистью баталиста Ораса Верне:

Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами —
Все промелькнуло передъ нами...
Носились знамена, какъ тѣни...
Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи.

Однако изъ первоначальнаго наброска Лермонтовъ удержалъ отдѣльныя мѣста съ нѣкоторыми измѣненіями:

„Ребята, не Москва ль за нами!
Умрите жъ подъ Москвой
(измѣнено: Умремте жъ подъ Москвой),
Какъ наши братья умирали!“
И мы погибнуть обѣщали
(измѣнено: И умереть мы обѣщали)
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Боевыя сцены „Бородино“, по живости изображенія военныхъ силъ и ихъ дѣйствій, не уступаютъ позднѣйшимъ военнымъ картинамъ, которыя Лермонтовъ, уже испытанный боевой офицеръ на Кавказѣ, рисуетъ въ „Валерикѣ“ 1840 г. и въ „Спорѣ“ 1841 г. Но въ „Валерикѣ“, въ этомъ безыскусномъ разсказѣ, Лермонтовъ говоритъ о войнѣ, какъ ея участникъ, какъ графъ Л. Н. Толстой въ „Севастопольскихъ очеркахъ“, говоритъ съ „грустью тайной и сердечной“. Въ „Бородино“ и „Спорѣ“ рисуются однѣ величественныя военныя картины безъ всякой рефлексіи.

„Бородино“ Лермонтова, явившееся черезъ 25 лѣтъ послѣ отечественной войны, было какъ будто юбилейнымъ патріотическимъ гимномъ великой годины. Много стихотвореній было посвящено Бородинскому бою до Лермонтова и послѣ него, много народныхъ пѣсенъ, преимущественно солдатскихъ, казацкихъ и сочиненныхъ въ патріотическомъ духѣ, воспѣвало отечественную войну; но ни одно изъ этихъ произведеній не можетъ встать вровень съ „Бородино“ Лермонтова. Напрасно бы мы стали искать подобныхъ описаній у поэта — участника въ этой войнѣ — представителя „могучаго, лихого племени“, Дениса Давыдова. Его „Бородинское поле“, какъ и извѣстное произведеніе Жуковскаго — „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“, не свободно отъ ложноклассическихъ прикрасъ: мечей, перунова дыма и т. п. У Давыдова мы

встрѣчаемъ только отдѣльныя мѣста, какъ будто напоминающія Лермонтова. Въ „Современной пѣснѣ“ Давыдовъ говоритъ, очевидно, вспоминая отечественную войну:

Былъ вѣкъ бурный, дивный вѣкъ,
Громкій, величавый!...
То былъ вѣкъ богатырей!

Въ стихотвореніи „Партизанъ“ онъ тоже посвящаетъ нѣсколько строкъ Бородинскому бою:

Умолкнулъ бой. Ночная тѣнь
Москвы окрестность покрываетъ;
Громада войскъ во тьмѣ кипитъ.

А между тѣмъ Давыдовъ и въ жизни и въ поэзіи проявилъ необыкновенную отвагу и „жаръ рѣчей“, по выраженію Пушкина. При всемъ томъ, Давыдову недоставало объективности, поэтической фантазіи, глубокой мысли и чувства, какія мы находимъ у Лермонтова. Давыдовъ самъ искренно опредѣлилъ свое отношеніе къ поэзіи:

Я не поэтъ, — я партизанъ, казакъ...
Пусть грянетъ Русь военною грозою —
Я въ этой пѣснѣ запѣвала.

Еще болѣе выигрываетъ „Бородино“ Лермонтова при сопоставленіи съ такъ наз. народными пѣснями, относящимися къ отечественной войнѣ. Послѣ 1812 года въ журналахъ появилось много такъ наз. народныхъ пѣсенъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ пѣвцомъ-разсказчикомъ представлялся, какъ и у Лермонтова, отставной солдатъ. Но всѣ эти пѣсни, вошедшія затѣмъ въ пѣсенники, отличались ложнымъ тономъ, напыщеннымъ патріотизмомъ, побѣднымъ громомъ оружія и хвастливымъ отношеніемъ къ побѣжденному врагу; иногда къ грому оружія присоединялся и звонъ стакановъ, застольныхъ чашъ. Ничего подобнаго мы не находимъ у Лермонтова. Въ отношеніи поэта къ выведенному имъ разсказчику-ветерану видна любовь къ русскому солдату съ его героическимъ и вмѣстѣ смиренно-христіанскимъ настроеніемъ; въ отношеніи къ врагу выражается сдержанность и правдивая оцѣнка его силъ; и все стихотвореніе Лермонтова проник-

нуто не узкимъ патріотизмомъ, а широкимъ общерусскимъ чувствомъ, глубокой всенародной мыслью:

Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою...
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!

Въ солдатскихъ и казацкихъ пѣсняхъ, относящихся къ отечественной войнѣ, мы встрѣчаемъ только слабыя черты, подходящія къ Лермонтовскому стихотворенію:

Подымался съ горъ туманъ, французъ силу забиралъ...
Не пыль во полѣ пылитъ,
Не дубравушка шумитъ,
Французъ съ арміей валитъ...
Ужъ какъ сталъ французъ палить,
Только дымъ-сажа валитъ,
Въ томъ ли во чаду
Красна солнца не видать...
И мы начали палить, только дымъ столбомъ валитъ,
Каково есть красно солнце, не видно во дыму...
Какъ зоренька занялась,
Вся силушка собралась:
Стали тѣла разбирать,
Своихъ русскихъ узнавать.
Много силушки побили
И конями потоптали.

При сравненіи этихъ немногихъ мотивовъ изъ военныхъ пѣсенъ съ стихотвореніемъ Лермонтова, ярче выступаетъ эпическое воодушевленіе поэта и слабость позднѣйшей народной поэзіи. Мы видѣли, какъ много дали для творчества Лермонтова историческія пѣсни и пѣсни бытовыя. За пѣснями, относящимися къ отечественной войнѣ, нельзя признать такого вліянія. Въ „Бородино“ поэтъ выходитъ на дорогу самостоятельнаго творчества въ народномъ духѣ. Этотъ путь указанъ еще Пушкинымъ въ его народно-бытовыхъ сюжетахъ, напр. въ стихотвореніи „Гусаръ“, тонъ котораго отчасти отразился и на „Бородино“ Лермонтова.

Въ 1840 году Лермонтовъ возвратился къ колыбельной пѣснѣ, которую пробовалъ удержать въ народной формѣ въ драмѣ „Мстиславъ Черный“ и передѣлать въ „Балладѣ“ 1830 г. Теперь въ „Казачьей колыбельной пѣснѣ“, какъ и въ „Бородино“, Лермонтовъ самостоятельно разрабатываетъ

тему въ народномъ стилѣ. Поэтъ не выходитъ изъ предѣловъ казачьяго быта; онъ остается въ кругу представленій своеобразной жизни, но согрѣваетъ эту картину общечеловѣческими отношеніями. Пѣсенка казачки надъ колыбелью будущаго богатыря и казака отличается простотой и трогательною нѣжностью. Какъ въ „Бородино“ видна любовь поэта къ солдату, такъ въ „Казачьей колыбельной пѣснѣ“ видна любовь поэта къ дѣтямъ и сочувствіе къ глубокому материнскому чувству. Художественный образъ будущаго казака выдержанъ: его не удержатъ отъ бурнаго житья ни слезы матери ни ея тоска:

Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой.

Эти горькія слезы матери невольно напоминаютъ прочувствованное стихотвореніе Некрасова:

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Однѣ я слезы подсмотрѣлъ,
Святыя искреннія слезы,—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ стихотвореніе Лермонтова проникнуто и религіознымъ чувствомъ, благоговѣніе къ которому поэтъ уважалъ и въ народѣ и въ своемъ поэтическомъ настроеніи. Въ 1840 г., рисуя образъ симпатичной женщины изъ высшаго круга общества, сближая его черты съ природой и народомъ родины, Лермонтовъ восхищается и тѣмъ, что

Слѣдуя строго
Печальной отчизны примѣру,
Въ надеждѣ на Бога
Хранитъ она дѣтскую вѣру.

И „Бородино“ и „Казачья колыбельная пѣсня“ указываютъ на то, что Лермонтовъ замѣчательно угадывалъ народно-поэтическіе мотивы и глубоко сочувствовалъ „правдѣ народной“, по выраженію Достоевскаго.

Еще послѣднее странное признаніе этого сочувствія поэтъ оставилъ въ стихотвореніи „Отчизна“ 1841 г. Въ этотъ послѣдній годъ своей жизни Лермонтовъ „любовь къ отчизнѣ“ стремится прикрѣпить не къ славѣ, не къ завѣтнымъ преданьямъ темной старины, а къ роднымъ полямъ, лѣсамъ, рѣкамъ и къ деревнямъ. Благосостояніе родины, выражающееся въ желтой нивѣ, въ полномъ гумнѣ, въ народномъ праздничномъ весельѣ, возбуждаетъ въ поэтѣ отрадное мечтанье. Мечтаньямъ этимъ не суждено было развиться и выразиться въ творчествѣ Лермонтова. „Отчизна“ была послѣднимъ „привѣтомъ поэта странѣ родной“:

...и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній.

Владимировъ.

Картины природы въ произведеніяхъ Лермонтова.

Нашъ поэтъ отличается отъ своихъ предшественниковъ и современниковъ тѣмъ, что далъ болѣе широкій просторъ въ поэзіи картинамъ природы, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на недосягаемой высотѣ. Онъ рѣшилъ своими изображеніями трудную задачу удовлетворить въ одно и то же время и естествоиспытателя и эстетика. Рисуетъ ли онъ передъ нами исполинскія горы многовершиннаго Кавказа, гдѣ взоръ, подымаясь кверху, теряется въ снѣжныхъ облакахъ и, опускаясь внизъ, тонетъ въ безднѣ; или горный потокъ, то клубящійся подъ утесомъ, на которомъ страшно стоять дикой козѣ, то свѣтло ниспадающій, „какъ согнутое стекло“, въ пропасть, гдѣ сливается съ новыми ручьями и вновь выходитъ на свѣтъ; описываетъ ли онъ намъ горные аулы и лѣса Дагестана или испещренныя цвѣтами долины Грузіи; указываетъ ли намъ на облака, бѣгущіе „степью лазурною, цѣпью жемчужною“, или на коня, несущагося по синей безконечной степи; воспѣваетъ ли онъ священную тишину лѣсовъ или буйный громъ битвы, — онъ всегда и во всемъ остается вѣренъ природѣ до малѣйшихъ подробностей. Всѣ эти картины возстаютъ передъ нами въ жизненно-ясныхъ краскахъ, и въ то же время отъ нихъ вѣетъ какою-то таинственною

поэтическою прелестью, какъ будто дѣйствительнымъ благоуханіемъ и свѣжестью этихъ горъ, цвѣтовъ, луговъ и лѣсовъ.

Борьба Мцыри съ тигромъ, кулачный бой на Москвѣ-рѣкѣ, сцены битвы въ „Измаилъ-Бей“, картины въ родѣ слѣдующей:

Шумитъ Аргуна мутною волной.
Она коры не знаетъ ледяной,
Цѣпей зимы и хлада не боится:
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между снѣговъ родится,
И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
Дитя природы, съ дѣтской простотой,
Она, рѣзвясь, играетъ и катится!
Порою, какъ согнутое стекло,
Межъ длинныхъ травъ, прозрачно и свѣтло
По гладкимъ камнямъ въ бездну ниспадая,
Теряется во мракѣ, и надъ ней
Съ прощальнымъ воркованьемъ вьется стая
Пугливыхъ, сизыхъ, вольныхъ голубей...
Зеленымъ можжевельникомъ покрыты,
Надъ мрачной бездной гробовыя плиты
Висятъ, и ждутъ, когда замолкнетъ вой,
Чтобы упасть и все покрыть собой.
Напрасно ждутъ онѣ! волна не дремлетъ,
Пусть темнота кругомъ ее объемлетъ,
Прорветъ Аргуна землю гдѣ-нибудь
И снова полетитъ въ далекій путь!...

или:

Погасъ, блѣднѣя, день осенній;
Свернувъ душистые листы,
Вкушаютъ сонъ безъ сновидѣній
Полузавядшіе цвѣты,
И въ часъ урочный молчаливо
Изъ-подъ камней ползетъ змѣя,
Играетъ, тѣшится лѣниво,
И серебрится чешуя
Надъ перегибистой спиною...

или такія мѣста, какъ то, когда Хаджи-Абрекъ вскакиваетъ на коня съ окровавленной головой Леилы:

Послушный конь его, объятый
Внезапно страхомъ неземнымъ,
Храпитъ и пѣнится подъ нимъ:
Щетиной грива, ржетъ и пышетъ,
Грызетъ стальныя удила,
Ни словъ ни повода не слышитъ,
И мчится въ горы, какъ стрѣла...

и безчисленное множество другихъ мѣстъ изъ его кавказскихъ стихотвореній, — все это высочайшія красоты поэзіи.

Два замѣчательнѣйшихъ ученыхъ новѣйшаго времени — Александръ Гумбольдтъ въ своемъ „Космосѣ“ и Христіанъ Эрстедъ въ своемъ разсужденіи объ отношеніи естествознанія къ поэзіи — указываютъ, какъ на настоятельное требованіе нашего времени, на болѣе обширное приложеніе въ области изящнаго современныхъ открытій и изслѣдованій природы. Гумбольдтъ говоритъ: „Если такъ наз. „описательная“ поэзія, какъ отдѣльная и самостоятельная форма искусства, заслуживаетъ справедливаго порицанія, то это еще не значитъ, чтобы такое же порицаніе вызывали серіозныя старанія обобщать посредствомъ изобразительной силы поэтическаго слова результаты новѣйшаго, богатаго глубокимъ интересомъ изученія природы. Неужто мы пренебрежемъ средствомъ, которое можетъ намъ представить живую картину отдаленныхъ, другими изслѣдованныхъ странъ и даже доставить намъ часть того наслажденія, какое находимъ мы въ непосредственномъ созерцаніи природы? Метафора арабовъ, говорящихъ, что лучшее описаніе есть то, которое „превращаетъ слухъ нашъ въ зрѣніе“, полна смысла. Наше время страждетъ несчастною склонностью къ риторической, лишенной содержанія прозѣ, къ пустотѣ такъ называемыхъ чувствительныхъ изліяній,— склонностью, обуявшею разомъ во многихъ странахъ достойныхъ путешественниковъ и естествоописателей. Изображенія природы, повторяю, могутъ оставаться научно точными и вполнѣ опредѣленными, не теряя оживляющей ихъ силы воображенія“.

Стоитъ прочесть цѣликомъ упомянутыя сочиненія, чтобы убѣдиться, что Лермонтовъ выполнилъ въ своихъ стихотвореніяхъ большую часть того, что эти великіе ученые признаютъ потребностью нашего времени и чего такъ живо желаютъ. Пусть назовутъ мнѣ хоть одно изъ множества толстыхъ географическихъ, историческихъ и другихъ сочиненій о Кавказѣ, изъ котораго можно бы живѣе и вѣрнѣе познакомиться съ характеристическою природой этихъ горъ и ихъ населенія, нежели изъ какой-нибудь поэмы Лермонтова, гдѣ мѣсто дѣйствія происходитъ на Кавказѣ. *Боденштедтъ.*

Отличительныя свойства поэзіи Лермонтова.

Несмотря на свою безспорную способность къ объективному творчеству, какую Лермонтовъ доказалъ созданіемъ такихъ типовъ, какъ Максимъ Максимычъ и купецъ Калашниковъ, нашъ поэтъ во всей своей поэзіи былъ субъективнымъ лирикомъ, любившимъ облекать преимущественно свои личныя чувства въ символы или реальные образы. Его поэмы и романы не иное что, какъ мелкія лирическія стихотворенія, вставленныя въ болѣе широкую рамку. Это легко можно провѣрить, сравнивъ по годамъ тѣ и другія. Очевидно, что внутренняя работа надъ самимъ собою была такъ сильна въ Лермонтовѣ и настолько поглощала его силы, что для объективнаго воспроизведенія жизни въ его душѣ не было мѣста, несмотря на богатство и широту его таланта. Внутренній процессъ самовоспитанія не былъ оконченъ, идеалы не установились, и потому всѣ стороны жизни, съ какими Лермонтову приходилось сталкиваться, имѣли для него цѣну только въ отношеніи къ нему самому, насколько онѣ помогали или мѣшали ему въ рѣшеніи занимавшихъ его вопросовъ. Обозрѣвая бѣгло всю литературную дѣятельность Лермонтова, мы въ правѣ сказать, что онъ всю жизнь былъ поэтомъ своихъ личныхъ чувствъ, отражалъ міръ въ самомъ себѣ и занятъ былъ анализомъ этого отраженія больше, чѣмъ предметами, которые его вызывали. Мы говоримъ это не въ упрекъ Лермонтову.

Каждый писатель всегда субъективенъ по-своему; но въ крупномъ писателѣ субъективность, даже въ узкомъ смыслѣ, не менѣе цѣнна, чѣмъ способность объективнаго воспроизведенія дѣйствительности. Крупный человѣкъ, а тѣмъ болѣе писатель, вполнѣ можетъ быть названъ фокусомъ, въ которомъ собраны лучи разрозненныхъ чувствъ и понятій, какими живетъ его эпоха. Присмотрѣться ближе къ этому фокусу и изслѣдовать его подробно такъ же интересно, какъ разсмотрѣть порознь каждый изъ лучей, въ немъ собранныхъ. Лермонтовъ облегчилъ намъ эту работу, чистосердечно раскрывъ передъ нами нѣкоторые тайные уголки своего сердца. Если онъ и не разобрался въ хитрыхъ сплетеніяхъ современной ему жизни, то онъ своей субъективной лирикой далъ

намъ понять, какъ задачи этой тревожной жизни отражались въ сильномъ и умномъ человѣкѣ того времени. Въ его стихахъ передъ нами правдивый разсказъ современника о пережитыхъ имъ волненіяхъ сердца и сомнѣніяхъ разсудка, о той болѣзни, которой страдалъ не онъ одинъ, но и многіе изъ его сверстниковъ.

Если, такимъ образомъ, стихи Лермонтова получаютъ значеніе историческаго матеріала, то такое же историческое значеніе остается и за ихъ крупнѣйшимъ недостаткомъ.

Съ этимъ недостаткомъ мы давно уже знакомы — въ стихахъ Лермонтова нѣтъ никакого опредѣленнаго міросозерцанія, нѣтъ никакихъ установившихся убѣжденій; мысли и чувства набѣгаютъ на поэта, волнуютъ его до глубины души, вызываютъ въ немъ сильные художественные образы, но тотчасъ же смываются новой волной налетѣвшихъ сомнѣній. Прежніе боги падаютъ, изъ ихъ праха возстаютъ новые, которымъ также суждено стоять на пьедесталѣ недолго.

Мы желаемъ опредѣлить общественную роль писателя, его роль не какъ художника, а какъ дѣятеля, участника въ общемъ прогрессивномъ движеніи русской жизни. Для этой цѣли намъ не нужно знать, на какомъ году умеръ Лермонтовъ, какъ онъ жилъ въ тѣсномъ кругу личной и семейной жизни, какія препятствія встрѣчалъ онъ въ своемъ воспитаніи и развитіи. Для насъ важны исключительно его произведенія. Пусть недостатки ихъ обусловлены эпохой и самъ поэтъ въ нихъ не виновенъ; намъ нужно взглянуть на эти произведенія и на личность поэта, какъ на орудія и на дѣятеля, которыми эпоха, въ свою очередь, могла воспользоваться для дальнѣйшей работы надъ занимавшими ее вопросами.

Что могла дать обществу поэзія Лермонтова, иногда совсѣмъ оторванная отъ дѣйствительности, въ большинствѣ случаевъ узко субъективная, оцѣнившая явленія жизни лишь въ ихъ отношеніи къ одной данной личности и вдобавокъ не установившаяся и противорѣчивая въ своихъ конечныхъ выводахъ?

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что въ поэзіи Лермонтова совсѣмъ не было прогрессивнаго элемента. Въ ней не было ни постановки новыхъ важныхъ вопросовъ, ни оригинальной перестановки старыхъ, не говоря уже ни о какомъ-нибудь удовлетворительномъ рѣшеніи. Если въ нѣкоторыхъ

вопросахъ, какъ, напр., въ вопросѣ о роли поэта въ обществѣ, Лермонтовъ и пошелъ дальше своихъ предшественниковъ, то онъ все-таки не пришелъ ни къ какому окончательному выводу и выразилъ въ стихахъ одну только неудовлетворенность прежними рѣшеніями.

Бѣлинскій утверждалъ, что поэзія Лермонтова была „умнѣе“ поэзіи Пушкина; но она была не „умнѣе“, а только „тревожнѣе“. Тревожное настроеніе Лермонтова было пережито Пушкинымъ значительно раньше. Это же настроеніе было перечувствовано и современниками Лермонтова и почти у всѣхъ разрѣшилось въ иныя настроенія, которыя больше, чѣмъ лермонтовское, имѣютъ право назваться прогрессивными. Въ техникѣ стиха Лермонтовъ также едва ли пошелъ дальше Пушкина.

Итакъ, въ чемъ же могла заключаться прогрессивная роль Лермонтова, если идеи, какими онъ жилъ, чувства и внѣшняя оболочка ихъ не представляли, повидимому, ничего особенно новаго?

Прогрессивная роль Лермонтова тѣмъ не менѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію. Она была угадана Бѣлинскимъ еще при жизни автора, хотя критикъ не далъ ея подробнаго и полнаго опредѣленія; очевидно, ему самому была не вполнѣ ясна дѣятельность Лермонтова, какъ ясна была для него, напр., дѣятельность Гоголя. Бѣлинскій, въ порывѣ своихъ увлеченій нѣмецкой философіей и эстетикой, отнесся несимпатично къ тревожному настроенію поэта и такимъ образомъ чуть-чуть не просмотрѣлъ въ немъ самую прогрессивную его сторону. Бѣлинскій остановился главнымъ образомъ на художественной сторонѣ произведеній Лермонтова и разсматривалъ его настроеніе преимущественно съ этой точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе Бѣлинскій чуялъ, что въ поэзіи Лермонтова, кромѣ художественной, была еще и другая сторона, и на нее-то онъ намекалъ, когда говорилъ, что эта поэзія была „умнѣе“ поэзіи Пушкина, что Лермонтовъ „удовлетворялъ вкусамъ болѣе развитого общества“, что „онъ шелъ впередъ въ исторіи русскаго творчества“.

Съ мнѣніемъ Бѣлинскаго согласилось и потомство. Хотя Лермонтовъ прямыхъ подражаній и не вызвалъ, но писатели позднѣйшихъ поколѣній, въ большинствѣ случаевъ, отнеслись къ нему очень симпатично. Особенно симпатично относилась

къ нему молодежь, которая въ наше время стала усиленно имъ интересоваться. Все это показываетъ намъ ясно, что въ поэзіи Лермонтова было нѣчто такое, что̀ приковывало къ себѣ сердца читателей, и не только современныхъ, но и позднѣйшихъ. Въ этой поэзіи было нѣчто „общее“, всѣмъ родное, „общечеловѣческое“ и гуманное.

Въ ней прежде всего былъ юношескій пылъ, живая, впередъ стремящаяся сила, которой у стариковъ не было. Романтическое недовольство современностью, поиски идеаловъ, увѣренность въ высокомъ призваніи, жажда великаго дѣла, тяжелая внутренняя борьба въ виду массы вновь возникающихъ вопросовъ, нравственныхъ, религіозныхъ и политическихъ, всѣ эти тревоги и надежды молодого сердца были въ поэзіи Лермонтова живой дѣйствительностью, а въ стихахъ старшаго поколѣнія лишь воспоминаніемъ. Такимъ образомъ поэзія Лермонтова, помимо своей умственной цѣнности, была для молодежи прежде всего „живая сила“, а не „книжное наставленіе“. Что же касается ея содержанія, то общественное его значеніе для того времени опредѣляется тѣми его качествами, которыя съ другихъ точекъ зрѣнія должны быть признаны за недостатки и отъ которыхъ Лермонтовъ, останься онъ живъ, со временемъ бы, конечно, избавился. Мы говоримъ о тревожномъ неустановившемся настроеніи поэта, о поспѣшности, съ какой онъ набрасывался на всѣ вопросы жизни, о его привычкѣ рѣшать эти вопросы съ плеча и затѣмъ сердиться на себя и на міръ за свое же собственное, слишкомъ поверхностное отношеніе къ задачамъ, требовавшимъ терпѣнія и подробнаго изученія. Это нетерпѣливая, а потому противорѣчивая и тревожная разносторонность поэзіи Лермонтова служила хорошимъ противовѣсомъ поэтическому квіэтизму старой школы и носила въ себѣ зерно для будущаго развитія русской мысли. Поэзія Пушкина и его товарищей давно помирилась съ жизнью на почвѣ чистой эстетики; отъ современнаго она уходила въ прошедшее. Чтобы привести поэзію въ болѣе тѣсную связь съ новой дѣйствительностью, необходимо было нарушить ея спокойствіе, воскресить въ ней прежнюю лихорадочную нервную дѣятельность, пересадить ее изъ кабинета вновь на площадь и на время избавить ее отъ строгаго надзора слишкомъ требовательной художественности.

Когда поэзія обогащается новымъ матеріаломъ, то нельзя отъ нея требовать, чтобы она во всемъ соблюдала мѣру и нашла сразу подходящую форму этому новому содержанію. Поиски этой формы и поспѣшность, съ какою новый матеріалъ усвоялся, отразились ясно на содержаніи и на настроеніи стиховъ Лермонтова и стали залогомъ дальнѣйшаго развитія русской поэзіи. *Котляревскій.*

Задачи поэтическаго творчества по воззрѣнію Лермонтова и особенности внѣшней формы его поэзіи.

У Лермонтова сложился чрезвычайно возвышенный взглядъ на задачи поэтическаго творчества. Поэтъ не долженъ быть вполнѣ отрѣшеннымъ отъ жизни олимпійцемъ, онъ долженъ служить людямъ, долженъ, какъ Пушкинскій пророкъ, глаголомъ своимъ жечь ихъ сердца, долженъ провозглашать „чистыя ученья любви и правды“, хотя бы люди и гнали его за это и клеймили бы своимъ презрѣніемъ. Особенно ярко мысль объ общественномъ служеніи поэта высказывается въ стихотвореніи „Поэтъ“:

Бывало мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы:
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой.
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшатъ блестки и обманы:
Какъ краска ветхая, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

Ту же мысль Лермонтовъ выражаетъ въ своемъ стихотвореніи „Пророкъ“. Какъ поэтъ, такъ и пророкъ приходитъ съ чистымъ ученіемъ любви и правды, но встрѣтивъ вражду, онъ удаляется отъ людей и подвергается насмѣшкамъ за

свою мнимую самонадѣянность. Здѣсь мы видимъ, что поэтъ встрѣчается съ враждою, но бываетъ и хуже, когда онъ встрѣчается съ индифферентностью. Въ стихотвореніи „Журналистъ, читатель и писатель“ намъ представляется разговоръ между журналистомъ и читателемъ, разговоръ, въ который вмѣшивается писатель, и въ его рѣчи мы видимъ Лермонтова; онъ говоритъ, что для равнодушной публики и писать не стоитъ.

„Бываетъ время“, говоритъ поэтъ,
Когда заботъ спадаетъ бремя,
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны,
И риѳмы дружныя какъ волны,
Журча, одна во слѣдъ другой,
Несутся вольной чередой!

Въ такіе моменты вдохновенія, является поэтическая идеализація.

Тогда съ отвагою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ,
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.

Однако, „странныя творенья“, возникающія въ подобные моменты, поэтъ скрываетъ отъ людей, такъ какъ

„ихъ осмѣетъ, забудетъ свѣтъ“.

Бываетъ и другое настроеніе у поэта, когда онъ готовъ смѣло обличать пороки и пустоту людей, когда „диктуетъ совѣсть, перомъ сердитый водитъ умъ“, когда поэтъ смѣло предаетъ позору „приличьемъ скрашенный порокъ“. Но и этихъ своихъ произведеній онъ не рѣшается показывать „неприготовленному взору“, и у него является такое безотрадное заключеніе:

Скажите-жъ мнѣ о чемъ писать?
Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь,
Что бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный,
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?

О нѣтъ! Преступною мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю...

Та же мысль о равнодушіи общества къ поэзіи выражается Лермонтовымъ въ стихотвореніи „Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой“. Для толпы людской смѣшонъ урокъ и плачъ поэта.

Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ.

Контрастъ между настроеніемъ поэта и окружающаго его общества особенно ярко обнаруживается въ стихотвореніи „Первое января“. Изъ холоднаго равнодушнаго свѣта, поэтъ переносится къ недавней старинѣ, летитъ вольной птицей къ созданіямъ своей мечты, онъ любитъ эти созданія

Съ глазами, полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
За рощей первое сіянье,

и онъ „царства дивнаго всесильный господинъ“, находитъ душевный покой въ такихъ мечтахъ: но вотъ врывается въ его сознаніе окружающая дѣйствительность, и настроеніе рѣзко измѣняется.

Когда-жъ опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою, —
На праздникъ незванную гостью,
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью.

Этими послѣдними словами мы привыкли вообще характеризовать и содержаніе и форму Лермонтовской поэзіи, и дѣйствительно, суровые, мрачные аккорды преобладаютъ въ ней; дикая энергичная музыка особенно поражаетъ, напр., въ поэмѣ „Мцыри“: четырехстопный ямбъ съ мужскими риѳмами какъ будто бьетъ васъ по нервамъ, но онъ какъ нельзя болѣе кстати и въ немъ чрезвычайно много красоты. Однако рядомъ съ этимъ желѣзнымъ стихомъ мы встрѣчаетъ у Лермонтова самую нѣжную убаюкивающую мелодію въ „Казачьей колыбельной пѣснѣ“, тихій и грустный мо-

тивъ въ стихотвореніи „Тучки небесныя“; такую, напр., замѣчательно граціозную пѣсенку:

На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья —
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.

Такая музыкальность стиха, какъ у Лермонтова, встрѣчается лишь у немногихъ изъ нашихъ поэтовъ, у Пушкина, у Жуковскаго (хотя относительно послѣдняго надо оговориться, что у него совсѣмъ отсутствуютъ свойственные Лермонтову, энергическіе мотивы), а изъ позднѣйшихъ поэтовъ почти ни у кого нѣтъ этой музыки въ такомъ разнообразіи: И. С. Аксаковъ и гр. А. К. Толстой богаче всѣхъ въ этомъ отношеніи.

Кромѣ музыкальности, стихи Лермонтова отличаются своею пластичностью, особенно тамъ, гдѣ мы встрѣчаемъ у поэта описанія природы. Эти описанія можно сравнить съ живописью, они чрезвычайно богаты красками, часто въ нѣсколькихъ словахъ передъ нами рисуется цѣлая яркая картинка. Припомнимъ, напр., отрывокъ изъ „Спора“:

Вотъ у ногъ Ерусалима
Богомъ сожжена,
Безглагольна, нелюдима
Мертвая страна...
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.

Такъ и чуется въ этихъ стихахъ палящій зной аравійскихъ и сирійскихъ степей, но идемъ по нимъ дальше съ

поэтомъ и мы приходимъ къ „Тремъ пальмамъ“, и опять передъ нами яркая картина:

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной
Журча пробивался волною холодной!

А вотъ, напр., маленькое стихотвореніе, по своей пластичности представляющее перлъ поэзіи:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана,
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ, задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ“.

Здѣсь и тучка золотая и старикъ-утесъ не только вполнѣ пластично изображены, но они живутъ; такое мастерство доступно лишь немногимъ художникамъ.

Особенно много у Лермонтова описаній кавказской природы. Поэтъ нѣсколько разъ побывалъ тамъ: былъ онъ на Кавказѣ 10-лѣтнимъ ребенкомъ, былъ 2 раза сюда сосланъ, здѣсь покончилъ свою жизнь. Съ дѣтства онъ полюбилъ эту роскошную страну и 16-лѣтнимъ мальчикомъ, вспоминая свое первое посѣщеніе Кавказа, поэтъ писалъ:

Хотя я судьбой на зарѣ моихъ дней
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ,
Чтобы вѣчно васъ помнить, тамъ надо быть разъ!
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ!

Такъ же сильно высказывается любовь къ Кавказу, „суровому царю земли“, въ посвященіи въ поэмѣ „Демонъ“. „Отъ юныхъ лѣтъ“ — говоритъ Лермонтовъ, обращаясь къ Кавказу:

. . . . . Къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.

Зная и любя Кавказъ, Лермонтовъ живописалъ его волшебную природу, какъ никто другой.

Припомнимъ знаменитыя картины изъ „Демона“. Сперва передъ нами является суровая обстановка горныхъ громадъ дикаго Дарьяльскаго ущелья:

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И глубоко внизу чернѣя
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ,
И разъяренною тигрицей
Косматый Терекъ въ глубинѣ
Ревѣлъ, и горный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной вышинѣ,
Глаголу водъ его внимали;
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы,
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!

Контрастомъ къ этой грозной и дикой обстановкѣ представляется чудный видъ, разрывающійся въ мирномъ краю Грузіи:

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли:
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ пестрѣющимъ легли.
Счастливый, пышный край земли.
Столпообразныя руины,
Звонкобѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ,
На сладкій голосъ ихъ любви,
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющомъ,
Ущелья, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени,
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,

Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженныя ночи
И звѣзды яркія, какъ очи
Грузинки пылкой, молодой...

„Лермонтовъ, — говоритъ нѣмецкій критикъ Боденштедтъ, рѣшилъ трудную задачу — удовлетворить въ одно время и естествоиспытателя и эстетика. Рисуетъ ли онъ передъ нами исполинскіе горы многовершиннаго Кавказа, гдѣ взоръ, поднимаясь кверху, теряется въ снѣжныхъ облакахъ, и опускаясь внизъ, тонетъ въ безднѣ; или горный потокъ, клубящійся надъ утесомъ, на которомъ страшно стоять дикой козѣ, то свѣтло ниспадающій, „какъ согнутое стекло“, въ пропасть, гдѣ сливается съ новыми ручьями, и вновь выходитъ на свѣтъ; описываетъ ли онъ намъ горные аулы и лѣса Дагестана, или испещренныя цвѣтами долины Грузіи; указываетъ намъ на облака, бѣгущія „степью лазурною, цѣпью жемчужною“, воспѣваетъ ли онъ священную тишину лѣсовъ или буйный громъ битвъ, — онъ всегда и во всемъ остается вѣренъ природѣ до мельчайшихъ подробностей! Всѣ эти картины возстаютъ передъ нами въ жизненно-ясныхъ образахъ, и, въ то же время, отъ нихъ вѣетъ какою-то таинственною поэтическою прелестью, какъ будто дѣйствительнымъ благоуханіемъ и свѣжестью этихъ горъ, цвѣтовъ, луговъ и лѣсовъ“.

До такой степени точенъ Лермонтовъ въ описаніяхъ природы; но когда онъ касается людей, мы не находимъ у него той же объективной точности. Люди, которыхъ онъ выводитъ въ своихъ произведеніяхъ, большею частью не живые люди, а произведенія его фантазіи. Лермонтовъ былъ попреимуществу лирикомъ, онъ не дожилъ до эпическаго спокойствія, его душѣ надо было излиться, слишкомъ много въ ней клокотало разныхъ чувствъ и стремленій, и въ своихъ герояхъ поэтъ воплощаетъ большею частью, свои личныя думы и чувства. Но есть у него нѣсколько типовъ глубоко-жизненныхъ, замѣчательно вѣрныхъ. Таковы типы горцевъ въ „Героѣ нашего времени“: Казбичъ, Азаматъ, необыкновенно граціозная и поэтическая Бэла, таковъ и великолѣпно очерченный

образъ симпатичнѣйшаго стараго кавказскаго офицера Максима Максимыча. Высшей степени эпическаго изображенія людской жизни Лермонтовъ достигъ въ своей знаменитой „Пѣснѣ про купца Калашникова“. Это „Пѣсня“ явленіе, совершенно исключительное въ русской поэзіи, состоящее совершенно особнякомъ, явленіе, подобнаго которому нѣтъ. Достоевскій въ своей рѣчи при открытіи памятника Пушкину указалъ, какъ на особенность Пушкина, на его способность „перевоплощенія въ геніи чужихъ странъ“. Въ сущности эта способность перевоплощаться въ геніи чужихъ странъ и другихъ вѣковъ обща всѣмъ великимъ поэтамъ, составляетъ общее ихъ отличительное свойство, и у Лермонтова эта способность выразилась ярко въ „Пѣснѣ про купца Калашникова“. Передъ нами не поэтъ XIX вѣка, а какъ бы пѣвецъ эпохи Грозного. Тонъ народной пѣсни замѣчательно выдержанъ, въ всемъ этомъ большомъ произведеніи нельзя указать ни одного слова фальшиваго, нарушающаго общую гармонію: величавое эпическое спокойствіе пѣвца имѣетъ въ себѣ что-то гомеровское, особенно поразительное въ приступѣ къ „Пѣснѣ“ и въ припѣвѣ:

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

Четыре дѣйствующихъ лица „Пѣсни“ — „удалой боецъ“ Кирибѣевичъ, „старой купецъ“ Калашниковъ, его „молодая жена“ Алена Дмитріевна, „грозный царь“ Иванъ Васильевичъ, изображены замѣчательно рельефно, стоятъ передъ нами, какъ живые. Пониманіе характера царя чисто народное и глубоко вѣрное: передъ нами дѣйствительно „грозный“ царь, какъ его понялъ народъ, а не Jean le Terrible, какимъ онъ является въ нѣкоторыхъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Очень характеренъ, какъ это указалъ Достоевскій, разговоръ царя съ Калашниковымъ послѣ смерти Кирибѣевича и отвѣтъ Калашникова, что онъ убилъ опричника „вольной волею“, отвѣтъ, которой дается „по правдѣ, по совѣсти“. Всѣ попытки нашихъ поэтовъ писать былиннымъ складомъ, даже прекрасныя былины гр. А. Толстого не могутъ выдержать самаго поверхностнаго сравненія съ этою

„Пѣснею“; все это поддѣлки подъ народную поэзіею а тутъ она какъ бы сама въ чистомъ своемъ видѣ.

Чтобы покончить съ анализомъ формы, такъ сказать, матеріальной стороны Лермонтовскаго творчества, скажемъ нѣсколько словъ о его прозѣ. Такъ же, какъ и стихъ его, она блещетъ богатствомъ красокъ, изяществомъ, желѣзною силою, сжатостью, простотой и образностью, она стоитъ наравнѣ съ прозою Пушкина и Гоголя. Эта „художественная простота“, приближающая стиль Лермонтова къ замѣчательной прозѣ „Капитанской дочки“, особенно рельефно выступаетъ въ описаніяхъ. Для примѣра приведемъ начало повѣсти „Княжна Мери“: „Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтки цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный; на западъ пятиглавый Бешту синѣетъ, какъ „послѣдняя туча разсѣянной бури“; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона; на востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мной пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумитъ разноязычная толпа, — а тамъ дальше амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльбрусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине — чего бы кажется, желать больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?“ *Бороздинъ.*

Лермонтовъ и Пушкинъ.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ романтизмъ отразился на нашей родной литературѣ. Я намѣренно говорю здѣсь „отразился“, такъ какъ на нашей почвѣ романтизмъ,

какъ извѣстно, не былъ самородкомъ. Его привезъ изъ-за границы Жуковскій; а что на первыхъ порахъ у насъ романтизмъ былъ вполнѣ иностраннымъ продуктомъ, это видно уже изъ того, что Жуковскій либо просто переводилъ чужія пьесы, либо перекладывалъ чужіе мотивы на русскій ладъ, какъ въ своихъ балладахъ „Свѣтлана“ и „Громобой“. Очень скоро, однако, какъ мы тотчасъ увидимъ, романтизмъ не только привился къ дереву русской литературы, онъ далъ на немъ очень своеобразные плоды.

Давно уже, со временъ Бѣлинскаго, установилось, какъ ходячая истина, такое представленіе о русской литературѣ, что до начала 20-хъ годовъ она была совершенно тепличнымъ растеніемъ, вывезеннымъ изъ-за границы, и что національной она стала только съ Пушкина. Какимъ бы общимъ мѣстомъ ни сдѣлалось это положеніе, оно требуетъ все-таки нѣкоторой оговорки. Не только литература, — вся жизнь той части русскаго общества, которую можно было считать культурною, была, вплоть до отечественной войны, снимкомъ съ иностранныхъ образцовъ. Немудрено, что содержаніе и форма нашей поэзіи заимствовались изъ-за границы въ такое время, когда оттуда выписывалось все, отъ платья и духовъ до обычаевъ и понятій. Искусство можетъ только тогда сдѣлаться національнымъ въ строгомъ смыслѣ, когда оно находитъ въ жизни общества родной, національный матеріалъ для обработки. До царствованія Александра или, точнѣе, до 1812 года вся русская общественная жизнь сосредоточивалась вокругъ двора, въ тѣсной сферѣ вельможной знати. Не только простой народъ, но и привилегированный классъ, провинціальное дворянство, принимало участіе въ жизни страны, такъ сказать, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, въ минуты войнъ и бѣдствій. Все прочее время оно оставалось неподвижнымъ и незамѣченнымъ, живя взаперти въ своихъ деревняхъ, не предъявляя къ искусству никакихъ требованій и не доставляя пищи его творчеству. Но если такъ, если вся жизнь страны сосредоточивалась въ знати, то нравы и вкусы этой знати нельзя все-таки не считать русскими, національными, хотя бы они были навѣяны изъ-за границы. И въ томъ поворотѣ, какой совершился въ нашей литературѣ благодаря генію Пушкина, главнымъ факторомъ былъ все-таки не этотъ геній, а та новая, болѣе широкая

общественная среда, которая выступила на сцену съ 1812 годомъ. Но хотя среда эта и была несравненно менѣе заражена маніею подражательности, чѣмъ вельможи Екатерининскаго вѣка, ея тоже коснулись иностранныя вліянія, и чужіе отголоски продолжали слышаться въ русской литературѣ не только во времена Пушкина, но и гораздо позже, почти до нашихъ дней.

1812 годъ былъ моментъ пробужденія второго русскаго культурнаго слоя, средняго дворянства, и двухлѣтняя заграничная война тотчасъ привела этотъ слой въ непосредственное прикосновеніе съ Западомъ, но уже не съ Западомъ пудры и фижмъ, а съ обновленнымъ Западомъ романтики. Не какъ изящное произведеніе роскоши пришла къ намъ изъ Европы эта новая волна, а какъ просвѣтительное дуновеніе свободы. Не зачѣмъ объяснять, отчего наше провинціальное дворянство явилось на сцену исторіи не въ качествѣ привилегированнаго класса, защитника страны, а въ качествѣ класса оппозиціоннаго. Обстоятельство это между тѣмъ имѣло рѣшающее вліяніе на судьбы романтизма въ Россіи. Въ Россіи не было почвы для того возрожденія среднихъ вѣковъ, для той идеализаціи страны, съ которой началъ романтизмъ Запада. Мы не прошли черезъ кровавую революцію, подобно Франціи, насъ не топтали чужія войска, подобно Германіи. Сожалѣть намъ было не о чемъ, и, конечно, — ужъ не о нашихъ среднихъ вѣкахъ, блескомъ не отличавшихся. Національной независимости русскимъ не приходилось завоевывать вновь. Національное чувство могло быть вполнѣ удовлетворено: у насъ была своя родная эпопея, — эпопея пожара Москвы и взятія Парижа. Но мы вернулись домой не завоевателями, а завоеванными духовно, пристыженными за свою отсталость, и подражать мы стали не однѣмъ только модамъ. Немудрено, что мы привезли въ Россію не весь романтизмъ, а только одну сторону его двойственной натуры, его, такъ сказать, оппозиціонную струю, и что изо всѣхъ его представителей всего болѣе плѣнилъ наше воображеніе Байронъ.

Излюбленною темою романтизма былъ контрастъ между сильною личностью, между исключительнымъ характеромъ и заурядной толпой. Тема эта видоизмѣнялась, смотря по симпатіямъ и вѣрованіямъ каждаго изъ его представителей. Фантазія романтиковъ то рисовала передъ нами гигантскіе подвиги

средневѣкового богатыря, то свободную удаль сына восточной пустыни, то созданные ими герои уходили отъ ненавистнаго имъ общества, отыскивая убѣжище въ цыганскомъ таборѣ или разбойничьей шайкѣ, то, наконецъ, контрастъ принималъ еще болѣе грандіозные размѣры, и герои эти, въ лицѣ Каина, Манфреда или самого Духа тьмы, вызывали на бой вѣчныя небесныя силы. Все, такимъ образомъ, укладывалось въ широкія рамки этой тьмы, — отъ прославленія далекаго прошлаго среднихъ вѣковъ до міровой скорби озлобленныхъ отщепенцевъ современности. Всѣ эти струны прозвучали и въ нашей литературѣ, но прозвучали несравненно трезвѣе или, если такъ можно выразиться, реальнѣе, чѣмъ на Западѣ. Рыцарство и католицизмъ, вся поэтическая декорація среднихъ вѣковъ была слишкомъ чужда нашей жизни, чтобы приковать къ себѣ воображеніе нашихъ поэтовъ. Въ первые годы своего творчества Пушкинъ заигралъ было на этой струнѣ, но заигралъ неувѣренно, почти неискренно и потомъ уже не возвращался къ этой темѣ. Лермонтовъ, находившійся гораздо болѣе Пушкина подъ обаяніемъ романтизма, искалъ пищи для своего вдохновенія въ нашемъ родномъ прошломъ и нашелъ въ немъ сперва блѣдную фигуру боярина Орши, потомъ мощный и вполнѣ реальный образъ купца Калашникова. Но наше родное прошлое было слишкомъ бѣдно красками, чтобъ надолго плѣнить нашу поэзію. Гораздо сильнѣе и громче повторилось у насъ поклоненіе Востоку, благодаря тому, что у насъ имѣлся налицо свой подлинный Востокъ на Кавказѣ, богатомъ примѣрами настоящаго, а не сказочнаго только молодечества. Муза Пушкина отдала этому Востоку дань въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ и въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, а Лермонтовъ до конца жизни такъ и не вышелъ изъ-подъ обаянія кавказской природы и кавказскихъ нравовъ.

Титаническіе образы небесныхъ отступниковъ лишь слабо мерещились фантазіи Пушкина, и въ его „Каменномъ гостѣ“, да и въ „Русалкѣ“ тоже, фантастическій сюжетъ обработанъ съ несомнѣнною примѣсью скептическаго юмора. Зато Лермонтовъ посвятилъ свое лучшее произведеніе чарующему образу печальнаго изгнанника неба. Но изъ всѣхъ разнообразныхъ темъ романтической поэзіи всего больше мѣста нашла себѣ въ нашей литературѣ тема самая реальная и современная —

протестъ противъ общества, борьба, происходящая въ самомъ этомъ обществѣ, передъ нашими глазами. Такимъ образомъ, даже тамъ, гдѣ наши романтики уходили въ даль прошлаго или носились съ образами полудикихъ горцевъ, ихъ творчество было несравненно ближе къ дѣйствительности, было конкретнѣе и реальнѣе творчества романтиковъ Запада. Мистицизмъ имъ былъ не по сердцу, ихъ воображенію грезились не фантастическіе, произвольные герои, какими были восточные удальцы Байрона, разбойники Виктора Гюго и Нодье, а настоящіе, подлинные горцы или настоящіе московскіе удальцы XVI вѣка. И форма здѣсь вполнѣ отвѣчала содержанію. Нашъ романтизмъ — и въ этомъ его великое преимущество передъ западнымъ — никогда не страдалъ той бѣдностью и произвольностью красокъ въ описаніяхъ природы и быта, которую, за исключеніемъ одного лишь Байрона, мы подмѣтили у всѣхъ писателей первой эпохи западнаго романтизма. Даже такая фантастическая поэма, какъ „Демонъ“, отличается поразительнымъ богатствомъ колорита, неподражаемымъ мастерствомъ въ рисовкѣ не только пейзажа вообще, но и пейзажа, такъ сказать, мѣстнаго, и вдобавокъ оживленнаго деталями обстановки. О другихъ двухъ восточныхъ поэмахъ Лермонтова, о „Мцыри“ и „Измаилъ-Беѣ“, и говорить нечего. Здѣсь эти детали разсыпаны повсюду, и не одна только природа, — весь бытъ Кавказа возстаетъ передъ нами съ необыкновенною рельефностью. Единственнымъ виднымъ исключеніемъ въ нашей литературѣ является одинъ писатель, замѣчательный не по силѣ таланта, а по той громадной, хоть и кратковременной популярности, которой пользовались нѣкогда его романы. Писатель этотъ былъ Марлинскій, единственный у насъ правовѣрный романтикъ, не переставшій рисовать образы средневѣкового рыцаря и восточнаго удальца и подъ этими условными образами выводитъ на сцену жалкіе снимки съ Байроновскаго Корсара или съ Эрнани Викторо Гюго. Если бы весь нашъ романтизмъ послѣдовалъ примѣру Марлинскаго, онъ бы въ самомъ дѣлѣ былъ не чѣмъ инымъ, какъ отголоскомъ Запада, и необыкновенный успѣхъ романовъ Марлинскаго могъ бы привести насъ къ предположенію, что такая подражательная литература нашла бы себѣ читателей и поклонниковъ. Но къ счастью нашему, и еще болѣе къ нашей чести, трезвый вкусъ русской публики недолго

оставался вѣрнымъ Марлинскому. Его слава увяла быстро и не потому только, что ее сразили удары критики Бѣлинскаго, а потому въ особенности, что нашъ родной романтизмъ успѣлъ уже создать иные, вполнѣ національные образцы для поэмы и для романа, и русскій читатель сразу оцѣнилъ ихъ неизмѣримое превосходство надъ ходульнымъ романтизмомъ Марлинскаго. Какъ я уже сказалъ, наша родная романтика — и въ этомъ еще болѣе ярко выступаетъ ея реализмъ — очень скоро отбросила все далекое, все экзотическое, все сверхъестественное, чтобы заняться близкою современною жизнью и сюда перенести конфликтъ между сильною личностью и пошлостью общественной среды. Таковы, въ самомъ дѣлѣ, два крупнѣйшія произведенія нашего романтизма — „Евгеній Онѣгинъ“ и „Герой нашего времени“.

Байроновская міровая скорбь, переложенная Пушкинымъ на русскій ладъ, прошла въ его поэзіи черезъ три постепенныя фазы. Строго говоря, Пушкина нельзя, по крайней мѣрѣ цѣликомъ, причислить къ романтической школѣ. Онъ переросъ ее цѣлой головой. Въ самомъ дѣлѣ, романтизмъ прежде всего субъективенъ: это его главная, господствующая черта. А Пушкинъ, подобно Гёте, еще довольно молодымъ — онъ не дожилъ, вѣдь, и до 38 лѣтъ — возвысился до той ясной, спокойной, пластической объективности, какой достигали лишь очень немногіе художники. Правда, стремленіе перейти отъ субъективнаго ощущенія къ объективному творчеству по преимуществу — дѣло возраста, но, во-первыхъ, иные очень маститые поэты, какъ, напр., Гюго, не смогли даже на склонѣ лѣтъ отрѣшиться отъ субъективности. Во-вторыхъ, у громаднаго большинства писателей и художниковъ это стремленіе либо осталось неудачнымъ, либо привело ихъ къ холодному, безучастному воспроизведенію жизни, т.-е. въ сущности къ упадку таланта. Что съ Пушкинымъ ничего подобнаго не случилось, объ этомъ свидѣтельствуютъ произведенія его зрѣлаго періода: „Борисъ Годуновъ“, „Мѣдный Всадникъ“, „Скупой Рыцарь“ и „Египетскія ночи“, стоящія на одномъ уровнѣ съ поэзіей Шекспира и Гёте, т.-е. на той высотѣ, гдѣ уже не существуетъ литературныхъ школъ и гдѣ живетъ одна абсолютная красота, передъ которою преклоняются всѣ школы. Всѣ эти произведенія Пушкина стоятъ уже внѣ романтизма, и потому о нихъ я говорить здѣсь не стану. Воз-

вратимся къ его произведеніямъ болѣе ранняго возраста. Я уже сказалъ, что байроновскій типъ вылился у Пушкина въ трехъ послѣдовательныхъ формахъ, и ни въ одной изъ нихъ не нашли себѣ мѣста двѣ изъ наиболѣе излюбленныхъ фигуръ Байрона — дикое своеволіе, олицетворенное въ Корсарѣ, и демоническая сила, изображенная въ Манфредѣ и Каинѣ. Муза Пушкина была слишкомъ мирнаго, слишкомъ оптимистическаго свойства, чтобы плѣняться такими образами. Она, если можно такъ выразиться, была настроена на мажорный тонъ, и это, мимоходомъ сказать, — единственное исключеніе въ числѣ русскихъ крупныхъ писателей. Даже въ ранніе годы его творчества, въ эпоху его „Sturm und Drang“, байроновскій общественный изгой представлялся ему въ мягкомъ образѣ Чайльдъ-Гарольда, носящаго, правда, на сердцѣ неизлѣчимую рану, но вовсе не стремящагося къ борьбѣ съ кѣмъ бы то ни было и всегда проклинающаго общество лишь устами благовоспитаннаго человѣка. И позволительно думать, что у пушкинскихъ Чайльдъ-Гарольдовъ, — у Кавказскаго Плѣнника и крымскаго хана Гирея, сама эта сердечная рана была не особенно болѣзненнаго свойства. Задумчивая грусть, скорбящее чувство одиночества — вотъ единственная форма ихъ протеста, и если женская любовь не въ силахъ ихъ утѣшить, это происходитъ не оттого, что сердце ихъ ожесточено враждою и негодованіемъ, а потому лишь, что подъ ихъ изящною скорбію лежитъ столь же изящный эгоизмъ, нечуждый, впрочемъ, и самому Чайльдъ-Гарольду.

Въ слѣдующей, второй стадіи своего развитія Пушкинъ какъ будто ступилъ шагомъ дальше на пути протеста. Герой „Цыганъ“ Алеко уже не ограничивается джентльменскою грустію, онъ въ самомъ дѣлѣ уходитъ изъ „душныхъ городовъ“ на свободное приволье цыганскаго табора, къ свободной любви дочери южныхъ степей. У него вырываются сильныя задушевныя слова, чтобы выразить негодованіе противъ растлѣвающей пустоты общества. Но здѣсь у меня рождается невольное сомнѣніе. Бѣлинскій, какъ извѣстно, повѣрилъ на слово Пушкину и идею „Цыганъ“ объяснилъ себѣ въ такомъ смыслѣ, что житель столицы, испорченный условностью городскихъ нравовъ, не можетъ понять истинной свободы вольнаго кочевника и его всепрощающей гуманности, не мстящей за обиду и уважающей свободу и въ другомъ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, Пушкинъ, создавая въ образѣ Алеко байроновскій типъ общественнаго изгоя, отнесся къ этому типу критически и обнаружилъ его внутреннюю несостоятельность, его неизлѣчимый эгоизмъ. Я позволю себѣ пойти нѣсколько дальше Бѣлинскаго. Мнѣ сдается, что Пушкинъ, въ силу своей натуры, долженъ былъ не только развѣнчать Алеко, казнить въ немъ эгоизмъ и самовластіе, но, вообще, онъ ему сочувствовать не могъ, не могъ сочувствовать бѣгству изъ душныхъ городовъ, гдѣ Пушкину вовсе не было душно. Говоря попросту, Пушкинъ не вѣрилъ своему Алеко, пышныя его фразы не принимались всерiозъ. Въ его глазахъ Алеко долженъ былъ казаться личностью нѣсколько комическою, и вотъ почему въ концѣ концовъ Пушкинъ заставляетъ его такъ жалко пасовать передъ старымъ цыганомъ, въ которомъ Пушкинъ не могъ же видѣть настоящій идеалъ общественности и свободы. Такимъ образомъ, въ „Цыганахъ“ опять сказался здоровый реализмъ Пушкина, благодаря которому онъ въ своихъ переложеніяхъ романтическихъ темъ относился къ нимъ съ критикой трезваго русскаго ума.

Еще сильнѣе и рельефнѣе этотъ реализмъ Пушкина выразился въ третьей и послѣдней фазѣ его байронизма, къ которой я позволю себѣ отнести „Полтаву“ и „Евгенія Онѣгина“. Въ его исторической эпопеѣ герой оказывается побѣжденнымъ великой національной идеей, олицетвореніемъ которой является Петръ, а въ эпопеѣ бытовой герой развѣнчивается во имя еще болѣе великой идеи, — идеи нравственнаго долга. Бѣлинскій, восхищаясь прелестью стиха „Полтавы“ и чарующимъ образомъ Маріи, порицалъ тѣмъ не менѣе Пушкина за недостатокъ единства въ его поэмѣ и въ особенности за то, что избранный имъ сюжетъ не соотвѣтствуетъ эпической формѣ, такъ какъ, по его мнѣнію, въ настоящее время эпосъ сталъ чѣмъ-то вообще немыслимымъ. Я не стану входить въ споръ съ великимъ критикомъ уже въ силу того, что по моему крайнему убѣжденію, установленныя традиціей формы поэтическаго творчества вовсе не обязательны для поэта, а для поэта-романтика и подавно. Но мнѣ кажется, что въ самой двойственности избранной имъ темы, въ противопоставленіи Петра Мазепѣ, Пушкинъ вовсе не погрѣшилъ противъ художественной гармоніи, а тѣмъ менѣе погрѣшилъ безсознательно. Старикъ Мазепа, своенравный и хищный, не при

знающій никакихъ обязанностей ни передъ царемъ ни передъ родиной, готовый „лить кровь, какъ воду“, — это послѣднее слово героя въ Байроновскомъ духѣ, — героя, съ котораго сорвана маска поэтическаго обаянія. И если настоящій національный герой, Петръ, является только въ послѣдней пѣснѣ, чтобы подавить собою образъ Мазепы, то въ этомъ и выражается основная мысль поэмы — приниженіе крамольнаго своеволія передъ идеей народнаго единства. Нельзя не видѣть новаго шага Пушкина на пути реализма, новаго доказательства его свободнаго, отрицательнаго отношенія къ Байроновскому идеалу. Еще болѣе рѣшительный шагъ на этомъ пути мы видимъ въ „Онѣгинѣ“. Здѣсь нѣтъ уже рѣчи о разрывѣ съ обществомъ, о бѣгствѣ отъ него на свободу дикихъ странъ, о возмущеніи противъ общественнаго порядка. Дѣйствіе романа вращается въ близкой намъ средѣ обыденной жизни, и контрастъ между героемъ и этой средой не вызываетъ между ними борьбы и заканчивается нравственнымъ торжествомъ дочери этой среды, простой деревенской дѣвушки надъ гордымъ и блестящимъ Онѣгинымъ. Наша критика силилась выдвинуть Онѣгина, какъ идеальнаго героя, которому принадлежало все сочувствіе Пушкина, и, очевидно, читая между строкъ, хотѣла увидѣть въ немъ родоначальника тѣхъ протестующихъ героевъ, которыми такъ богата стала наша литература впослѣдствіи. Таково было, между прочимъ, и мнѣніе Бѣлинскаго. Ради желанія окрасить Онѣгина въ либеральный цвѣтъ, онъ прощалъ ему даже великосвѣтское происхожденіе, вкусы сальнаго балагура, отсутствіе въ немъ серіознаго интереса къ какому бы то ни было дѣлу. Все это ставилось въ вину обществу, этому обычному козлу отпущенія критики. Если Онѣгинъ скучалъ въ деревнѣ, какъ въ петербургскихъ гостиныхъ, это объяснялось невозможностью отыскать какую-нибудь цѣль жизни, какой-нибудь трудъ среди тогдашнихъ общественныхъ условій. Если онъ холодно отвергъ наивную любовь Татьяны, если онъ высокомѣренъ и гордъ съ окружающими, если у него не дрогнула рука, когда онъ убивалъ Ленскаго, — все это приписывалось сильной натурѣ, возмущавшейся противъ всякой лжи и условности, справедливо негодовавшей на всякую сентиментальность. Евгеній не былъ безсердечнымъ человѣкомъ, это видно уже изъ его умѣнья симпатизировать горячимъ словамъ юнаго

Ленскаго и въ особенности изъ того, что гуманно относился къ мужику, посадивъ его на дешевый оброкъ. Насколько было снисходительнаго пренебреженія въ его бесѣдахъ съ Ленскимъ, когда онъ вышучивалъ его любовь къ Ольгѣ Лариной и зѣвая смотрѣлъ на „эту глупую луну на этомъ глупомъ небосклонѣ“, насколько было лѣни богатаго барина въ нежеланіи заниматься хозяйствомъ, — этого не считали нужнымъ замѣчать. Но какъ же не замѣтили хоть того, что Татьяна, посѣтивъ усадьбу Онѣгина послѣ его отъѣзда и прочитавъ кое-какія изъ его книгъ, была поражена иною небрежно сдѣланною отмѣткой на страницахъ, какъ явнымъ свидѣтельствомъ пустоты любимаго человѣка? Вѣдь не даромъ же Пушкинъ и не случайно заставилъ впослѣдствіи своего героя трепетать отъ робкой любви передъ той самой женщиной, которой онъ пренебрегъ, когда она была скромной дѣвушкой, не даромъ онъ заставилъ его выслушать мучительную для его самолюбія отповѣдь этой женщины, признававшейся ему въ то же время, что она не переставала его любить. Любить она его, положимъ, не переставала, но это было уже не прежнее-восторженное поклоненіе кумиру, а скорбная любовь, къ которой присоединилось не мало разочарованія. И разочарованіе это испытывалъ самъ Пушкинъ, произнося устами Татьяны приговоръ надъ Онѣгинымъ. Онѣгинъ блестящъ и обаятеленъ, это несомнѣнно; онъ стоитъ головой выше толпы, но его превосходство надъ нею безплодно, потому что у него недостаетъ одного, главнаго, — недостаетъ любви и способности къ труду. А безплодная сила, какъ евангельская смоковница, носитъ на себѣ роковое проклятіе, и простая малообразованная дѣвушка, сохранившая и въ обстановкѣ большого свѣта сознаніе нравственнаго долга и умѣнье жертвовать собой, стоитъ неизмѣримо выше такой силы, гораздо ближе подходитъ къ настоящему идеалу жизненной правды. Вотъ что хотѣлъ сказать своимъ Онѣгинымъ Пушкинъ, вотъ какъ немилосердно развѣнчалъ онъ Байроновскій субъективный идеалъ гордаго самомнѣнія, показавъ всю его внутреннюю несостоятельность. И вотъ какъ русскій духъ, олицетворенный въ Пушкинѣ, подчинившись обаянію западнаго романтизма, все-таки сумѣлъ восторжествовать, во имя нравственной правды, надъ блестящимъ иностраннымъ кумиромъ.

Но я долженъ еще коснуться одной черты Пушкинскаго романа, — черты, оставившей послѣ себя длинный слѣдъ во всей нашей позднѣйшей литературѣ. Я долженъ сказать нѣсколько словъ о контрастѣ между Онѣгинымъ и Ленскимъ. Я вовсе не охотникъ до черезчуръ широкихъ обобщеній, но здѣсь такое обобщеніе напрашивается само собою. Онѣгинъ и Ленскій — родоначальники двухъ типовъ, прошедшихъ черезъ всю нашу литературу, отъ Пушкина до нашихъ дней. Въ первомъ олицетворяется натура, гордая своимъ умственнымъ превосходствомъ и вслѣдствіе того презрительно относящаяся къ прочимъ людямъ, принимая отъ нихъ въ даръ поклоненіе и любовь, какъ законную дань. Онѣгинъ и его преемники считаютъ себя вполнѣ свободными отъ всякихъ обязанностей къ людямъ и кичатся невозмутимостью своего сердца, не знающаго обычныхъ слабостей заурядныхъ людей. Къ такимъ слабостямъ они причисляютъ между прочимъ и сочувствіе чужому горю. Больше того, — эти люди возводятъ свою холодность въ принципъ, видятъ въ ней признакъ собственной силы духа, и не разъ критика наша преклонялась передъ этимъ свойствомъ ихъ натуры, какъ передъ законнымъ превосходствомъ сильнаго человѣка надъ слабымъ. Отъ самого Пушкина до нашихъ дней русская литература находилась въ погонѣ за сильнымъ человѣкомъ, готовая любоваться его безжалостнымъ эгоизмомъ, оттого, должно-быть, что въ русскомъ обществѣ она видѣла полное отсутствіе сильной воли и крѣпости духа. Качество это она возвела въ идеалъ, принося ему въ жертву все слабое и безхарактерное, какъ нѣкогда приносились человѣческія жертвы языческимъ богамъ. Давно установилось мнѣніе, будто русская литература отличается состраданіемъ къ слабымъ и забитымъ людямъ. На самомъ дѣлѣ, однако, рядомъ съ проповѣдью состраданія къ униженнымъ и оскорбленнымъ идетъ у насъ иная проповѣдь — уваженія къ силѣ или, говоря попросту, къ эгоизму, конечно, подъ условіемъ, чтобы эта сила заявляла протестъ противъ общественной пошлости и неправды. Сознаніе непоправимой дряблости русской природы было у насъ такъ сильно, что заставило нашу критику преклоняться передъ каждымъ проявленіемъ энергіи и ради одного этого качества прощать его обладателю даже полное безсердечіе.

Въ Ленскомъ олицетворяется, наоборотъ, натура, одаренная цѣлымъ рядомъ симпатичныхъ качествъ: — воспріимчивою нѣжностью, отзывчивостью къ природѣ и людямъ, словомъ— богатствомъ сердца и воображенія, но при роковомъ отсутствіи воли. Это натура — славянская по преимуществу, хоть и окрашенная въ нѣмецкую сентиментальность. И Ленскимъ, которыхъ въ нашей литературѣ не мало, всегда суждено уступать и стушевываться передъ Онѣгиными. Такова судьба длиннаго ряда Тургеневскихъ „лишнихъ людей“ и въ томъ числѣ послѣдняго изъ нихъ — Нежданова. Такъ было вплоть до Льва Толстого, который впервые, въ лицѣ Пьера Безухаго и Константина Левина, преклонился передъ внутреннимъ превосходствомъ слабой, но мягкой натуры надъ сильной и гордой. Но чаще всего случалось, что оба эти близнеца какъ бы сливались въ одну фигуру, у которой подъ наружнымъ выраженіемъ силы таится внутренняя неизлѣчимая слабость.

Не станемъ, однако, забѣгать впередъ. Непосредственный преемникъ Пушкина — Лермонтовъ, переживший его, впрочемъ, только пятью годами, былъ гораздо болѣе своего предшественника во власти у западнаго романтизма, что объясняется, впрочемъ, его молодостью. Находясь подъ обаяніемъ Байрона и подобно ему во всѣхъ своихъ герояхъ рисуя самого себя, Лермонтовъ, тѣмъ не менѣе, въ Печоринѣ значительно измѣнилъ своему прообразу. На самомъ дѣлѣ онъ стоитъ къ Байрону почти въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находится къ нему Мюссе. Эгоистическое величіе Байроновскихъ героевъ все-таки совмѣщается у нихъ съ глубокою скорбію о нуждахъ зауряднаго человѣчества, съ тѣмъ спокойнымъ, но проникнутымъ жалостію, сочувствіемъ къ слабости, которое составляетъ признакъ истинно-мощнаго духа. У Лермонтова, какъ и у Мюссе, этого сочувствія нѣтъ и слѣда. Его Печоринъ замыкается въ поклоненіе самому себѣ, любуясь своимъ безстрашіемъ и передъ физическою опасностью и передъ нравственной виной и замѣчая съ притворнымъ равнодушіемъ, что окружающіе любуются имъ тоже. Я говорю „съ притворнымъ равнодушіемъ“, потому что Печорины живутъ и дышатъ общимъ поклоненіемъ себѣ, женскою преданною любовью и боязливою угодливостью мужчинъ. И не платятъ они за это ни любовью ни дружбой, паслаждаясь тѣмъ и другимъ лишь какъ минутной забавой..

Ихъ точитъ, быть можетъ, тайный червь недовольства собой, горькаго сознанія неудовлетворительности жизни. Но это скрытое, болѣзненное чувство, нечуждое, пожалуй, и угрызеній совѣсти, у нихъ не переходитъ въ мягкое состраданіе къ людямъ, не ищетъ себѣ въ этихъ людяхъ ни утѣшенія ни даже сочувствія. Они слишкомъ горды, чтобы ставить себя на одинъ уровень съ прочими, а безъ равноправности истинное сочувствіе немыслимо. И если ихъ не удовлетворяютъ подчасъ наслажденія самолюбія и чувственныя удовольствія, свою тайную скорбь они уносятъ съ собой въ могилу, замыкаясь отъ прочихъ въ гордую, насмѣшливую холодность. Признаюсь, я не въ силахъ понять, какимъ образомъ наша критика и въ Лермонтовскихъ геройхъ старалась отыскать протестующихъ либераловъ. Что можетъ быть общаго съ идеалами либерализма у Печорина, исполненнаго аристократическаго самомнѣнія и даже въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ всегда подчеркивающаго свою избалованную брезгливость? Протестъ въ немъ, пожалуй, и сказывается, но это протестъ аристократа, которому претитъ все мелкое и пошлое, но который и пальцемъ не шевельнетъ, чтобы помочь общественному злу или хотя бы утѣшить чужое горе. Самъ Лермонтовъ — и въ этомъ его рѣзкое отличіе отъ Пушкина — не перестаетъ находиться подъ обаяніемъ своего врага. Онъ все время любуется имъ, любуется какъ разъ его великосвѣтскою изысканностью, его умѣньемъ увлекать женщинъ, не любя ихъ, и съ холоднымъ равнодушіемъ глумиться надъ всей окружающей средой. Кого бы ни рисовалъ Лермонтовъ, избалованнаго ли барича Печорина, полудикаго ли горца Измаила, или самого печальнаго Демона, духа изгнанья, — ни на одну минуту онъ не перестаетъ имъ сочувствовать, не развѣнчиваетъ ихъ, какъ Пушкинъ развѣнчиваетъ своего Онѣгина. Какъ древній классическій Прометей, всѣ они остаются нераскаянными до конца и. не преклоняютъ головы даже передъ приговоромъ совѣсти. Какъ блестящіе метеоры, величавые и ненужные, они проходятъ черезъ жизнь, не давая счастья никому, въ томъ числѣ и себѣ.

Головинъ.

Лермонтовъ и Пушкинъ по воззрѣнію Боденштедта.

Поэтическій геній Пушкина выразился въ его зрѣлѣйшихъ произведеніяхъ съ такою мощью и такъ самостоятельно, народно, что молодые поэты не могли не подчиниться его обаятельному вліянію, и оно было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ даровитѣе была натура поэта, какъ, напр., у Лермонтова. Лермонтовъ явился достойнымъ послѣдователемъ своего великаго предшественника: онъ сумѣлъ извлечь пользу для себя и для народа изъ его богатаго наслѣдства, не впадая въ рабское подражаніе. Онъ выучился у Пушкина простотѣ выраженія и чувству мѣры; онъ подслушалъ у него тайну поэтической формы. Нѣкоторыя изъ его первыхъ лирическихъ стихотвореній, какъ, напримѣръ, „Вѣтка Палестины“, невольно напоминаютъ Пушкина; нѣкоторое внѣшнее сходство съ Пушкинымъ представляютъ и два-три другихъ стихотворенія, въ особенности „Казначейша“. Но противоположности между характерами обоихъ поэтовъ гораздо ярче и опредѣленнѣе этого сходства. Сходство въ нихъ скорѣе случайное, внѣшнее, условное, тогда какъ то, въ чемъ они расходятся, составляетъ самую сущность ихъ личностей. Поэтическія средства обоихъ были почти одинаковы, точно такъ же, какъ и обстоятельства, при которыхъ они развивались; только самое развитіе было различно. Обоимъ пришлось дорого заплатить за первые поэтическіе порывы свои. Пушкинъ вернулся изъ изгнанія; Лермонтовъ и умеръ вдали отъ родины. Пушкинъ сумѣлъ впослѣдствіи примириться и сжиться съ людьми и обстоятельствами, на которыхъ вначалѣ такъ горячо ополчился, которымъ клялся въ непримиримой враждѣ; Лермонтовъ никогда не могъ и не хотѣлъ дойти до такого примиренія, потому что оно не могло бы быть полнымъ, а половинныхъ мѣръ онъ не терпѣлъ. Пушкинъ, по словамъ одного русскаго критика, былъ прежде всего художникъ и, огородивъ себѣ мирный уголокъ, гдѣ бы онъ могъ спокойно жить со своимъ искусствомъ, онъ уже не такъ строго смотрѣлъ на все остальное. У Лермонтова, напротивъ того, искусство и жизнь были нераздѣльны; онъ никогда не могъ отдѣлить художника отъ человѣка. Вотъ въ чемъ великая между ними разница! Лермонтова упрекали, будто онъ,

въ гордомъ ослѣпленіи, чуждался своей отчизны и не любилъ ея. Онъ отвѣтилъ на это чуднымъ стихотвореніемъ, которое начинается такъ:

Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

Пушкинъ сумѣлъ вдохновляться этою славой, этимъ „полнымъ гордаго довѣрія покоемъ“; онъ воспѣвалъ ихъ въ своихъ стихахъ. У Лермонтова также есть художественныя картины битвъ, но онъ вдохновлялся ими лишь настолько, насколько нужно художнику, чтобы что-либо воспроизвести. Его точка зрѣнія выше Пушкинской. Онъ оканчиваетъ слѣдующимъ размышленіемъ неподражаемыя боевыя сцены въ „Валерикѣ“:

Я думалъ: „Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?“

О томъ, какъ свято чтилъ Лермонтовъ искусство, мы можемъ судить по его пѣснѣ „На смерть Пушкина“, по драматической сценѣ: „Поэтъ, читатель и журналистъ“, по превосходнымъ стихотвореніямъ: „Пророкъ“, „Поэтъ“ и по множеству всюду разбросанныхъ мыслей.

О томъ же, какъ глубоко зналъ онъ сердце человѣка, какъ вѣрно постигалъ свое время и какъ нераздѣльно слиты были въ немъ поэзіи и жизнь, лучше всего свидѣтельствуетъ его полная божественнаго огня „Дума“, начинающаяся словами:

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее иль пусто, иль темно,
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Состарится безвременно оно.

Боденштедтъ.

Лермонтовъ и Байронъ.

Весьма возможно, что именно въ силу большого сродства поэтическихъ темпераментовъ, поэзія Байрона имѣла гораздо болѣе значительное вліяніе на другого нашего великаго поэта, на Лермонтова. Увлеченіе Байрономъ овладѣло Лермонтовымъ еще на школьной скамьѣ. Ученическія тетради Лермонтова, составляющія драгоцѣнный матеріалъ для его біографіи, наполнены подражаніями и передѣлками изъ разныхъ поэтовъ, между прочимъ, изъ Пушкина, Гёте, Шиллера и Байрона. Просматривая ихъ, нельзя не замѣтить, что вліяніе Байрона мало-по-малу дѣлается преобладающимъ: седьмая тетрадь почти наполовину наполнена выписками изъ Байрона, переводами и подражаніями ему. Тутъ же мы встрѣчаемъ весьма любопытное стихотвореніе, въ которомъ 16-лѣтній Лермонтовъ, прочитавъ біографію Байрона, написанную Т. Муромъ, сопоставляетъ себя съ своимъ кумиромъ:

Я молодъ, но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки,
О, если бъ одинаковъ былъ удѣлъ!
Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ уже душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.
Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслію одной.
Гляжу назадъ — прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ — тамъ нѣтъ души родной.

Увлеченіе Байрономъ продолжалось и впослѣдствіи, и большинство написаннаго Лермонтовымъ носитъ на себѣ печать Байронова генія. Пушкинъ въ одномъ мѣстѣ справедливо замѣтилъ, что герои Байрона всѣ на одно лицо, потому что онъ всюду изображалъ самого себя. Изъ произведеній Байрона Лермонтовъ извлекъ этотъ титанически гордый, неукротимый и тоскующій характеръ и сдѣлалъ его подъ разными именами героемъ своихъ произведеній. Вслѣдствіе большого сродства своего поэтическаго темперамента съ тем-

пераментомъ Байрона, нѣкоторыя стороны байронизма, какъ-то: отрицаніе, гордость возмутившейся противъ общества личности и байроновская меланхолія были поняты Лермонтовымъ глубже, чѣмъ Пушкинымъ. Несмотря однакожъ на то, что вліяніе Байрона на Лермонтова продолжалось до самой смерти нашего поэта, его ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать слабымъ осколкомъ Байрона, какъ назвалъ его въ одномъ мѣстѣ кн. Вяземскій. Лермонтовъ обладалъ слишкомъ могучимъ и самостоятельнымъ талантомъ, чтобы осудить себя на одно подражаніе. Байронъ былъ для него, какъ и для Пушкина, только школой, только необходимой ступенью для достиженія самобытности. Масса лирическихъ стихотвореній свидѣтельствуетъ о необычайномъ ростѣ его могучаго таланта. Подражая складу русскихъ народныхъ былинъ, онъ создаетъ неподражаемую по своей оригинальности пѣсню про купца Калашникова; подражая Евгенію Онѣгину, онъ въ „Героѣ нашего времени“ кладетъ основы русскаго психологическаго романа. Было бы интересно прослѣдить подробнѣе отношеніе Байрона къ Лермонтову и къ послѣдующимъ поэтамъ, у которыхъ иногда мелькаютъ то тамъ, то сямъ искры байронизма; но это вопросъ спеціальный, требующій спеціальнаго разсмотрѣнія. Въ IV пѣсни „Чайльдъ-Гарольда“, измученный клеветой и злобными инсинуаціями критики, Байронъ взываетъ къ потомству и высказываетъ пророческую надежду, что его произведенія не будутъ забыты, что безсмертное дыханіе его таланта расплавитъ желѣзныя сердца людей и наполнитъ ихъ душу состраданьемъ къ его судьбѣ. Первая половина этого пророчества давно уже пріобрѣла всемірное значеніе, и опредѣленіе вліянія этого генія на европейскія литературы давно сдѣлалось предметомъ тщательнаго изученія. Мы глубоко увѣрены, что скоро исполнится и вторая часть его пророчества; по крайней мѣрѣ относительно Россіи она исполняется воочію. Русская публика привыкла видѣть въ Байронѣ нѣчто родное, и имя его, тѣсно связанное съ дорогими именами Пушкина и Лермонтова, вѣчно будетъ вызывать въ ней одно свѣтлое и благодарное воспоминаніе.

Стороженко.

Личность Лермонтова.

Лермонтовъ былъ прежде всего человѣкъ съ природнымъ *меланхолическимъ* темпераментомъ. Откуда взялась эта меланхолія — вопросъ едва ли разрѣшимый; для насъ важенъ фактъ, что съ дѣтскихъ лѣтъ и до зрѣлаго возраста поэтъ предпочиталъ грустные мотивы веселымъ и съ любовью останавливался на чувствахъ мечтательнаго и печальнаго характера. Эта склонность была подкрѣплена въ поэтѣ чтеніемъ и условіями замкнутой юношеской жизни. Такимъ образомъ, когда поэтъ сознательно начиналъ вглядываться въ жизнь, онъ отнесся къ этой новинкѣ не съ дѣтской легкостью и довѣрчивостью, а съ извѣстнымъ недовѣріемъ и страхомъ, такъ какъ въ силу врожденной ему меланхоліи предугадывалъ и предвосхищалъ печальныя и безотрадныя стороны человѣческой жизни. Онъ именно предугадывалъ ихъ, такъ какъ въ его личной жизни было очень мало и лишеній и печали.

Второй врожденной способностью въ Лермонтовѣ была *необузданность его фантазіи*. Эта живость мечты находилась въ прямой связи съ его меланхолическимъ темпераментомъ и его замкнутой жизнью. Они парализовали въ Лермонтовѣ одинѣ стороны его натуры, и энергичность этой натуры, стѣсненная въ жизни, вознаграждала себя въ мечтѣ. Съ грандіозностью и энергичностью мечты Лермонтова мы достаточно знакомы по его произведеніямъ. Жажда дѣятельности, великихъ подвиговъ, жажда свободы и славы — вотъ основные мотивы его стихотвореній и всѣ пессимистическіе его стихи не что иное, какъ иронія или плачъ надъ неосуществимостью этихъ фантастическихъ замысловъ. Живая фантазія Лермонтова, какъ мы видѣли, нашла себѣ богатую пищу въ его чтеніи. Крупнѣйшія произведенія западной литературы горячили ее, и тамъ, гдѣ настроеніе книги совпадало съ настроеніемъ нашего поэта, онъ ассимилировалъ свои чувства съ чувствами вычитанными и заимствовалъ у излюбленныхъ авторовъ внѣшнія краски. Въ такомъ отношеніи стоитъ, напримѣръ, поэзія Лермонтова къ поэзіи Байрона.

Третьей характерной чертой Лермонтова, третьимъ даромъ природы былъ его острый *умъ*, безпощадно критико-

вавшій и анализировавшій всѣ ощущенія и чувства поэта. Лермонтовъ, если судить по его стихамъ, въ одно и то же время и чувствовалъ и разсуждалъ; по крайней мѣрѣ въ его стихахъ рѣдко можно встрѣтить то, что мы называемъ свободнымъ порывомъ чувствъ. За чувствомъ слѣдомъ идетъ рефлексія и не даетъ поэту покоя до тѣхъ поръ, пока обаяніе чувства не уничтожено, пока поэтъ не убѣдился въ томъ, что онъ самовольно разукрасилъ воспринятое впечатлѣніе, и что на дѣлѣ не существуетъ ничего столь обманчиваго, какъ тѣ розовыя и пріятныя краски, въ какихъ человѣкъ рисуетъ себѣ и людей и свою собственную личность.

Природа какъ будто сама позаботилась создать себѣ непримиримаго врага въ лицѣ Лермонтова. Требуя отъ людей, чтобы они мирились съ жизнью, если хотятъ принять въ ней дѣятельное участіе, природа одарила Лермонтова такими способностями и склонностями, которыя, повидимому, заранѣе исключаютъ всякое примиреніе. Въ самомъ дѣлѣ, меланхолія поэта дѣлала его болѣе воспріимчивымъ къ мрачнымъ сторонамъ жизни, чѣмъ къ веселымъ, и потому заставляла его не цѣнить тѣ, хотя мелкія и скоропреходящія, удовольствія и наслажденія, какія на землѣ дано испытать человѣку. Необузданность и сила фантазіи, съ своей стороны разукрашая мечту на счетъ дѣйствительности, уносила поэта въ заоблачный міръ видѣній, которыя должны были разлетаться какъ туманы при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью и потому оставляли въ душѣ поэта одинъ лишь горькій осадокъ и ненависть къ мелочной и блѣдно-прозаической жизни. Чего не успѣвала отравить меланхолія и чего не успѣвала исказить произвольная мечта, то добивалъ разсудокъ поэта своимъ безпощаднымъ анализомъ. Вся радость жизни, вся способность увлекаться безотчетно и находить въ этомъ увлеченіи силу для работы и жизни — пропадали и погибали въ душѣ поэта среди этой постоянной борьбы, какую вели его меланхолія, мечта и разсудокъ съ окружавшей его обстановкой.

Мы уже сказали, что вся дѣятельность Лермонтова есть исповѣдь энергической души, ищущей примиренія съ жизнью, борьба мечты и дѣйствительности, борьба лихорадочная, изнурительная. Казалось бы, что человѣку съ такой организаціей, какъ Лермонтовъ, и бороться было безполезно; примиреніе, повидимому, было невозможно. Всякій другой человѣкъ съ ме-

нѣе развитымъ чувствомъ общественности при такихъ природныхъ задаткахъ, дѣлающихъ всякое соглашеніе съ жизнью немыслимымъ, или совсѣмъ отвернулся бы отъ нея, или сталъ бы прямо враждовать съ нею. Лермонтовъ не сдѣлалъ ни того ни другого. Онъ не замыкался въ узкомъ кругѣ мечтаній, не улеталъ отъ земли въ область видѣній, куда безспорно могъ улетѣть въ силу своей очень живой фантазіи, онъ не навязывалъ себѣ насильно какого-нибудь успокоивающаго міросозерцанія, ни узко-національнаго, ни узко-религіознаго; онъ также не отвертывался отъ жизни со злобой, не враждовалъ съ ней какъ таковой, т.-е. не былъ мизантропомъ и пессимистомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Вражда Лермонтова съ жизнью была враждой не принципіальной, а только временнымъ раздраженіемъ вслѣдствіе неудачныхъ и не удовлетворявшихъ его попытокъ примиренія съ нею. Онъ всю жизнь боролся, выясняя себѣ всевозможные вопросы жизни, желая проникнуть въ ихъ глубину, связать ихъ вмѣстѣ и согласовать ихъ съ своими слишкомъ требовательными и высокими идеалами. Несмотря на то, что природныя его склонности, какъ мы уже замѣтили, постоянно ссорили его съ жизнью, Лермонтовъ тѣмъ не менѣе не переставалъ любить людей, а за все короткое время своей жизни пытался стать къ нимъ въ нормальное и созидательное отношеніе. Ему, какъ мы знаемъ, не удалось найти ключа къ этой трудной задачѣ, и онъ умеръ, не имѣя ни на-одинъ вопросъ жизни яснаго отвѣта. Одно, въ чемъ онъ былъ безспорно убѣжденъ, это — въ необходимости такого яснаго взгляда на жизнь, на достиженіе котораго онъ потратилъ столько умственнаго труда и душевныхъ силъ. *Котляревскій.*

Личность и поэзія Лермонтова.

Немногіе поэты сумѣли, подобно Лермонтову, остаться во всѣхъ обстоятельствахъ жизни вѣрными искусству и самимъ себѣ. Выросшій среди общества, гдѣ лицемѣріе и ложь считаются признаками хорошаго тона, Лермонтовъ, до послѣдняго вздоха, остался чуждъ всякой лжи и притворства. Несмотря на то, что онъ много потерпѣлъ отъ ложныхъ друзей, а тревожная кочевая жизнь не разъ вырывала его изъ объятій истинной дружбы, онъ оставался неизмѣнно вѣренъ своимъ

друзьямъ и въ счастіи и въ несчастіи; но зато былъ непримиримъ въ ненависти. А онъ имѣлъ право ненавидѣть; имѣлъ его болѣе, нежели кто-либо! Что внутренно возвышало его, было орудіемъ противъ него извнѣ. Но онъ не переставалъ чтить Бога, жившаго въ его сердцѣ... Оскорбленный въ томъ, что казалось ему святымъ; въ разладѣ со всѣмъ окружающимъ; преслѣдуемый, когда начиналъ говорить; подозрѣваемый, когда молчалъ; окруженный со всѣхъ сторонъ непріязнью и неспособный подавлять надолго свои мысли и чувства, онъ могъ вполнѣ и беззавѣтно довѣряться только поэзіи. Она утѣшала и вознаграждала его за житейскія разочарованія и лишенія.

Онъ былъ счастливъ только, когда творилъ; а творить онъ могъ только въ минуты вдохновенія, что бы ни вдохновляло его: радость, горе, негодованіе, отчаяніе или гордое сознаніе своей силы. Но безъ этого побужденія, безъ истиннаго душевнаго порыва, онъ никогда не бросался въ объятія музы, такъ что всѣ его произведенія могутъ назваться написанными на случай, Gelegencheits-Gedichte въ томъ смыслѣ, какой придавалъ этому названію Гёте. Неопредѣленные, заоблачные сны фантазіи были ему совершенно чужды; куда ни обращалъ онъ глаза, къ небу ли, или къ аду, онъ всегда отыскивалъ прежде всего твердую точку опоры на землѣ. Вотъ этимъ-то свойствомъ да, кромѣ того, тѣмъ, что Лермонтовъ въ совершенствѣ владѣлъ языкомъ и былъ одаренъ тонкою наблюдательностью, объясняется необыкновенная вѣрность, точность и жизненная свѣжесть его изображеній въ эпическихъ стихотвореніяхъ. Тою же самою художественною правдою проникнуты и его лирическія изліянія, всегда служащія вѣрнымъ отраженіемъ настроенія его души. Вдохновеніе врывалось внезапно, какъ солнечный лучъ, въ его мрачную жизнь, соединяло въ одномъ фокусѣ и мысль его и чувство, и вспыхивали чудные стихи. Это приближеніе вдохновенія, отраду этихъ минутъ и облегченіе, слѣдующее за ними, онъ нерѣдко выражалъ въ своихъ стихахъ; такъ, напримѣръ, въ началѣ „Измаилъ-Бея“, онъ говоритъ:

Опять явилось вдохновенье
Душѣ безжизненной моей
И превращаетъ въ пѣснопѣнье
Тоску, развалину страстей...

Итакъ, если подводить Лермонтова подъ литературную классификацію, то, по всему сказанному, его слѣдуетъ причислить къ субъективнымъ поэтамъ, такъ какъ главнымъ содержаніемъ всѣхъ его поэтическихъ созданій — его собственныя мысли и чувства. Впрочемъ, въ отношеніи Лермонтова, слово „субъективный“ въ школьномъ значеніи, какое придаютъ ему наши эстетики, вовсе не можетъ служить окончательнымъ опредѣленіемъ. Хотя онъ и выдавалъ вполнѣ самого себя въ лирическихъ стихотвореніяхъ, со всѣми темными и свѣтлыми сторонами своего характера, хотя и изображалъ, въ своихъ повѣствовательныхъ произведеніяхъ, большею частью, такихъ героевъ, которыхъ могъ надѣлить своими собственными мыслями и чувствами, какъ, напримѣръ, въ „Мцыри“, въ „Измаилъ-Беѣ“ и, частію, въ „Демонѣ“, — но довольно уже одной его „Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“, чтобы убѣдиться, въ какой степени Лермонтовъ могъ быть и поэтомъ объективнымъ.

Къ сожалѣнію, въ бурной и короткой жизни его было ему для этого слишкомъ мало времени и покоя.

Онъ никогда, впрочемъ, не могъ противостоять своимъ художественнымъ порывамъ и стремленіямъ, точно такъ же, какъ никогда не могъ подавлять своего справедливаго негодованія и скрывать свои воззрѣнія на жизнь и людей, развитыя въ немъ его судьбою и не находившія сочувствія. Все это естественно привело его къ тому смѣшанному роду поэзіи, гдѣ эпическое и лирическое, шутка и серіозное, дѣйствіе и рефлексія, античное чувство изящнаго и разорванность и ѣдкая иронія современнаго человѣка — идутъ рука объ руку; тотъ родъ поэзіи, первымъ верховнымъ жрецомъ котораго былъ Байронъ...

Много было говорено о вліяніи Байрона на Лермонтова. Отрицать это вліяніе невозможно: оно отразилось не только на Лермонтовѣ, но уже и на великомъ его предшественникѣ, Пушкинѣ, какъ и вообще на всей новѣйшей славянской поэзіи. Одинъ русскій критикъ очень много говоритъ по этому поводу: „Близкое знакомство съ сильною симпатическою натурою не можетъ не произвести на насъ впечатлѣнія и не сдѣлать насъ зрѣлѣе. Одно уже подтвержденіе того, что живетъ въ нашемъ сердцѣ, дорогою для

насъ личностью сообщаетъ намъ болѣе силы, болѣе увѣренности. Но отъ этого вліянія, отъ этого естественнаго воздѣйствія одного великаго поэта на другого — до подражанія — цѣлая бездна. Въ Лермонтовѣ демоническій элементъ поэзіи объясняется естественнѣе, нежели въ Байронѣ. Байрону предстояло бороться только съ тою ложью, съ тѣмъ лицемѣріемъ, надъ которыми плакались мудрецы и пророки всѣхъ странъ и временъ. Онъ могъ громко возвышать противъ нихъ свой голосъ; могъ бороться съ безуміемъ, срывать личину съ лицемѣрія и поражать ложь острымъ мечомъ истины. Но Лермонтовъ съ своимъ врожденнымъ стремленіемъ къ прекрасному, которое безъ добра и истины не можетъ существовать, очутился совершенно одинъ въ чуждомъ ему мірѣ. Окружавшіе его люди не понимали его или не смѣли понимать, и, такимъ образомъ, онъ находился въ постоянной опасности ошибиться въ самомъ себѣ или въ человѣчествѣ. Случайности жизни Лермонтова не должны быть упускаемы изъ вида при точной оцѣнкѣ его произведеній. Ими многое объясняется и многое оправдывается. Поэтическій стонъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ производитъ на насъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, нежели бьющая на эффектъ зѣвота скучающаго ріомача или чувствительныя лебединыя пѣсни плаксивыхъ ханжей. Не спорю, что въ сильныхъ строфахъ Лермонтова звучатъ по временамъ диссонансы: что не одно жесткое слово, не одинъ рѣзкій образъ могли бы быть выпущены изъ нихъ. Но гдѣ же такой садъ поэзіи, гдѣ не росло бы сорныхъ травъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что случайные недостатки стиховъ Лермонтова рѣдко могутъ быть поставлены въ упрекъ самому поэту, потому что и въ свѣтлыя и въ мрачныя минуты вдохновенія онъ искалъ только словъ, чтобы излить его, вовсе не думая выходить съ нимъ на судъ публики.

Стихи:

> ... Кто съ гордою душою
> Родился, тотъ не требуетъ вѣнца:
> Любовь и пѣсни — вотъ вся жизнь пѣвца;
> Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
> Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила!

вылились у него изъ глубины души. Самъ Лермонтовъ издалъ, какъ извѣстно, относительно лишь самую малую часть

своихъ произведеній, да и тѣ были, можно сказать, вырваны у него его друзьями, чтобы попасть въ печать. Всѣхъ причинъ этого упрямства никто не могъ бы объяснить.

Постоянныя неудачи въ жизни производятъ совершенно различное дѣйствіе на твердые и на слабые характеры.

...Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ...

Характеръ Лермонтова былъ самаго крѣпкаго закала, и чѣмъ грознѣе падали на него удары судьбы, тѣмъ болѣе становился онъ твердымъ. Онъ не могъ противостоять преслѣдовавшей его судьбѣ; но въ то же время не хотѣлъ ей покоряться. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы одолѣть ее; но и слишкомъ гордъ, чтобы позволить одолѣть себя. Вотъ причина того пылкаго негодованія, того бурнаго безпокойства во многихъ стихотвореніяхъ его, въ которыхъ отражаются — какъ въ кипящемъ подъ грозою морѣ, при свѣтѣ молніи — и небо и земля. Вотъ причина также и его раздражительности и желчи, которыми онъ въ своей жизни часто отталкивалъ отъ себя лучшихъ друзей и давалъ поводъ къ дуэлямъ. Первая изъ этихъ дуэлей привела его къ долгому заключенію; а послѣдняя къ преждевременной смерти. Не берусь рѣшить, что именно подало поводъ къ этой послѣдней дуэли: неосторожныя ли остроты и шутки Лермонтова, какъ говорятъ нѣкоторые, вызвали ее, или, какъ утверждаютъ другіе, то ли, что противникъ его принялъ на свой счетъ нѣкоторые намеки въ романѣ „Герой нашего времени“ и оскорбился ими, какъ касавшимися притомъ и его семейства. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ слышалъ я эту исторію отъ секунданта Лермонтова, г. Г., который и закрылъ глаза своему убитому другу. Очень вѣроятно, что Лермонтовъ, обрисовавшій себя немножко яркими красками въ главномъ героѣ этого романа, списалъ съ натуры и другихъ дѣйствующихъ лицъ, такъ что прототипамъ ихъ нетрудно было узнать себя. Книга написана прекрасною прозою, полна глубокой мысли и представляетъ превосходный комментарій къ стихамъ „Думы“:

Печально я гляжу на наше поколѣнье:
Его грядущее иль пусто иль темно.

Въ концѣ этого романа описывается дуэль, въ которой тотъ, кому первому приходится подвергнуться выстрѣлу противника, долженъ стать на краю обрыва, чтобы, въ случаѣ раны, немедленно упасть туда на вѣрную смерть: по странному сближенію, почти такимъ же образомъ умеръ впослѣдствіи и самъ Лермонтовъ. У него была твердость заклеймить дуэль, какъ отвратительнѣйшее порожденіе человѣческой глупости, но недостало твердости отказаться отъ этой глупости. Онъ ея не искалъ, но и не уклонялся отъ нея, отъ этой отваги „дерзости слѣпой“. Онъ предпочелъ, впрочемъ, сознательно высказать такую слѣпую дерзость, чѣмъ отстраниться отъ мнѣній и толковъ людей, которыхъ презиралъ отъ всей души. Въ жизни его было много подобныхъ странностей, но всѣ онѣ истекаютъ изъ одного источника — изъ его страданій и, большею частію, могутъ быть оправданы ими. Невозможно, чтобы человѣкъ при подобныхъ обстоятельствахъ не сбился иногда съ дороги. Проницательный умъ указываетъ мудрецу людскія глупости, но не всегда предостерегаетъ его отъ нихъ и не можетъ совершенно уберечь его отъ вліяній окружающей среды. Произнося судъ надъ умомъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ умовъ, слѣдуетъ брать мѣриломъ не то, что въ немъ есть общаго съ толпою, которая стоитъ ниже его, а то, что отличаетъ его отъ этой толпы и возвышаетъ надъ нею. Недостатки Лермонтова были недостатками всего свѣтскаго молодого поколѣнія въ Россіи; но достоинствъ его не было ни у кого. Вѣрнѣйшее изображеніе его личности все-таки останется намъ въ его произведеніяхъ, гдѣ онъ выказывается вполнѣ такимъ, какимъ былъ, тогда какъ въ жизни онъ былъ лишь тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ *казаться*. Не надо понимать это въ дурномъ смыслѣ: если Лермонтовъ и надѣвалъ маску, то надѣвалъ не съ злымъ намѣреніемъ. Онъ былъ несчастливъ, но слишкомъ гордъ, чтобы высказывать свое несчастіе, — и потому пряталъ свои страданія подъ личиною веселости, и самыя ѣдкія остроты его отзываются солью слезъ. *Боденштедтъ.*

Нравственный обликъ Лермонтова.

...Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ — спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно, —
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
Лермонтовъ (на смерть Пушкина).

Прошло болѣе полстолѣтія съ того рокового дня, когда безбожный выстрѣлъ Мартынова разрушилъ смертную оболочку великой души Лермонтова. Безвременная трагическая кончина геніальнаго поэта и обстоятельства его дуэли, до сихъ поръ не вполнѣ разъясненныя, вызвали въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ самые разнообразные толки. Большой свѣтъ и высшіе административные кружки, задѣтые Лермонтовымъ въ его стихотвореніи „На смерть Пушкина“, встрѣтили извѣстіе объ его смерти довольно равнодушно и даже видѣли въ ней достойное воздаяніе за безпокойный характеръ поэта и его отрицательное отношеніе къ современной дѣятельности. Съ другой стороны, образованная публика, жадно ловившая всякій стихъ Лермонтова и считавшая его непосредственнымъ преемникомъ Пушкина, видѣла въ его смерти громадную общественную потерю. Краснорѣчивымъ выразителемъ ея скорби былъ Бѣлинскій, который прекрасно разъяснилъ значеніе кончины Лермонтова для осиротѣвшей русской поэзіи. Горе, охватившее въ то время образованныхъ русскихъ людей, становилось еще острѣе при мысли, что Лермонтовъ погибъ въ ранней юности, не успѣвъ совершить и половины того, чего отъ него ожидали. Хотя Пушкинъ тоже погибъ слишкомъ рано, въ цвѣтѣ силъ и надеждъ, но на основаніи всего имъ сдѣланнаго можно съ достаточною вѣроятностью догадываться о томъ направленіи, которое должна была принять на будущее время его художественная дѣятельность. Извѣстно, что задолго до смерти Пушкинъ сумѣлъ смирить въ себѣ бурные порывы молодости, прійти въ гармонію съ собой и отчасти съ окружающей средой, словомъ, выработалъ себѣ болѣе или менѣе спокойное міросозерцаніе. Общественнымъ идеаломъ Пушкина въ послѣдніе годы его жизни была нравственная независимость художника, воспѣтая имъ въ стихотвореніи „Изъ Пиндемонте“, для достиженія которой онъ охотно пожертво-

валъ бы всякими политическими правами. Придя къ убѣжденію, что плетью обуха не перешибешь, онъ то мечталъ итти объ руку съ правительствомъ, разъясняя публикѣ его мѣропріятія, то уходилъ въ чистое искусство, гдѣ ему было легко и привольно дышать. Само правительство, заинтересованное въ процвѣтаніи его генія, составлявшаго славу и гордость Россіи, оказывало покровительство его поэтической музѣ подъ условіемъ, конечно, чтобы она не выходила изъ очерченнаго вокругъ нея круга. Совершенно въ иномъ положеніи находился Лермонтовъ. Жизнь его была, такъ сказать, перерѣзана пополамъ; онъ погибъ двадцати семи лѣтъ отъ роду, не успѣвъ сладить съ своимъ пламеннымъ темпераментомъ, не успѣвъ развернуть вполнѣ своего таланта и окончательно выяснить своего міросозерцаніи. Самый ходъ его развитія былъ иной, чѣмъ у Пушкина, Пушкинъ началъ съ отрицательнаго отношенія къ современной дѣйствительности и сочувствія къ лучшему общественному строю и его провозвѣстникамъ въ Россіи; Лермонтовъ — съ воспѣванія существующаго порядка. Въ юношескихъ стихотвореніяхъ Лермонтова весьма мало общественнаго элемента; изъ тѣхъ же немногихъ мѣстъ, гдѣ этотъ элементъ проявляется, видно, что современная русская дѣйствительность вполнѣ удовлетворяла юношу-поэта, которому ничего не оставалось болѣе какъ прославлять ее и предавать позору ея враговъ. Такимъ патріотическимъ духомъ проникнуто стихотвореніе „Опять народные витіи“, навѣянное знаменитымъ Пушкинскимъ стихотвореніемъ „Клеветникамъ Россіи“ и написанное Лермонтовымъ въ 1831 г., когда ему было семнадцать лѣтъ. Годъ спустя, въ предисловіи къ третьей части своей поэмы „Измаилъ-Бей“ Лермонтовъ снова возвращается къ прежней темѣ, поетъ гимны русскому оружію и предсказываетъ скорое наступленіе того времени, когда западъ и востокъ признаютъ власть Россіи, когда черкесъ съ гордостью воскликнетъ:

Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!

Въ противность всякимъ ожиданіямъ, пребываніе въ Петербургѣ, въ юнкерской школѣ, въ значительной степени охладило патріотическій пылъ Лермонтова. Петербургъ, своимъ скверным климатомъ, своей казенщиной и преобладаніемъ

военнаго элемента, на первыхъ порахъ внушаетъ ему слѣдующіе стихи, вошедшіе въ его поэму „Сашка“.

Увы! какъ скверенъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!
Куда ни взглянешь — красный воротъ,
Какъ шишъ, стоитъ передъ тобой.

Выпущенный въ 1834 г. корнетомъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, Лермонтовъ сталъ вести разсѣянную свѣтскую жизнь, что, впрочемъ, не мѣшало ему много думать, наблюдать и писать. Къ этому времени относится его первое столкновеніе съ петербургской бюрократіей. Цензура III отдѣленія не пропускаетъ его комедіи, въ которой онъ, по словамъ А. Н. Муравьева, написалъ рѣзкую критику на современные нравы. Стихотвореніе „На смерть Пушкина“ (1837 г.), въ которомъ Лермонтовъ выступилъ пламеннымъ выразителемъ скорби и негодованія, охватившаго русское общество, и заклеймилъ презрѣніемъ высшіе административные кружки, ускорившіе своимъ злословіемъ и бездѣятельностью роковую развязку, составляетъ переломъ въ отношеніяхъ поэта къ администраціи. Съ этихъ поръ Лермонтовъ попадаетъ въ разрядъ подозрительныхъ, его ссылаютъ на Кавказъ, и онъ уѣзжаетъ, совершенно разочарованный не только Петербургомъ, но и Россіей.

Прощай, немытая Россія!
Страна рабовъ, страна господъ!
И вы, мундиры голубые,
И ты, имъ преданный народъ!
Быть можетъ за хребтомъ Кавказа
Укроюсь отъ твоихъ вождей,
Отъ ихъ всевидящаго глаза,
Отъ ихъ всеслышащихъ ушей[1]).

Неизвѣстно, удалось ли Лермонтову укрыться на Кавказѣ отъ всевидящихъ очей петербургской администраціи, но что за его произведеніями былъ учрежденъ усиленный надзоръ — это не подлежитъ сомнѣнію. Цензура не пропустила его „Пѣсни про купца Калашникова“, и только, благодаря заступниче-

[1]) Стихотвореніе это, не вошедшее до сихъ поръ въ собраніе сочиненій Лермонтова, напечатано въ „Русской Старинѣ“, 1887 г. № 12.

ству Жуковскаго, печатаніе ея было разрѣшено на свой страхъ министромъ народнаго просвѣщенія, да и то безъ имени Лермонтова. Съ „Сказкой для дѣтей“ впослѣдствіи вышло гораздо хуже. Цензура выбросила изъ нея цѣлыхъ одиннадцать строфъ, навсегда утраченныхъ. „Не по моему желанію“, — говоритъ поэтъ въ заключительной строфѣ, случайно уцѣлѣвшей въ нѣмецкомъ переводѣ Боденштедта,— заканчиваю здѣсь мою рѣчь: моя поэма охранена свыше отеческими руками отъ излишней длинноты. Однако съ неохотой я отказываюсь отъ заключенія, которое вычеркнуто все безъ разбора, а вмѣстѣ съ тѣмъ вычеркнута и мораль. Такимъ образомъ, цензура постоянно обращаетъ мой талантъ въ отрывокъ, лишь только захотѣлось бы мнѣ развернуться. Желая быть образцомъ повиновенія, оставляю и эту сказку отрывкомъ“.

Ссылка Лермонтова продолжалась годъ съ небольшимъ: въ началѣ 1838 г., вслѣдствіе хлопотъ своей бабушки Арсеньевой, Лермонтовъ былъ возвращенъ въ Петербургъ. На первыхъ порахъ высшее петербургское общество встрѣтило опальнаго поэта весьма радушно. Лермонтовъ сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ моднымъ человѣкомъ, героемъ дня. Дамы съ нимъ любезничали, выпрашивали стиховъ, засыпали приглашеніями. „Я пустился въ большой свѣтъ“, — писалъ онъ къ одной изъ своихъ пріятельницъ, — „въ теченіе мѣсяца на меня была мода, меня искали наперерывъ; дамы съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостиныхъ хотятъ, чтобъ я былъ у нихъ и т. д.“ Но это не могло продолжаться долго. Вскорѣ между поэтомъ и grand monde'омъ началось весьма понятное охлажденіе. Вращаясь въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, нужно было подлаживаться къ господствовавшему тамъ тону, восхищаться всѣмъ русскимъ, находить мудрыми и благодѣтельными всѣ мѣропріятія администраціи. Такое восторженное, можно даже сказать — лирическое отношеніе къ существующему порядку было въ эту эпоху почти обязательнымъ для всякаго, въ особенности для военнаго, но на такую роль былъ менѣе всего способенъ Лермонтовъ, натура искренняя, независимая, неспособная ни къ лести ни къ лицемѣрію. Мы видѣли, что въ юности Лермонтовъ, упоенный военнымъ могуществомъ Россіи и той почетной ролью, которую она играла въ си-

стемѣ европейскихъ государствъ, былъ искреннимъ и восторженнымъ панегиристомъ правительства. Впослѣдствіи восторгъ его значительно уменьшился, когда онъ увидѣлъ, что этимъ внѣшнимъ почетомъ далеко не искупались мрачныя стороны внутренней жизни нашего отечества. Невеселую картину представляла наблюдателю тогдашняя Россія: безправіе закрѣпощеннаго народа, дикій разгулъ помѣщичьей власти, задыхающаяся въ цензурныхъ колодкахъ печать, беззаконіе и взяточничество въ судахъ, мудрящая надъ народной жизнью бюрократія, а надъ всѣмъ этимъ нависшая какъ туча, одаренная обширными полномочіями и жаждущая выслужиться администрація, подъ надзоръ которой была отдана запуганная интеллигенція... Отъ проницательнаго взора поэта не укрылось, что не было искренности и правды въ отношеніяхъ общества къ власти, что такъ-называемый на офиціальномъ языкѣ патріотизмъ былъ въ сущности лицемѣріемъ и раболѣпствомъ. Возмущенный всѣмъ этимъ до глубины душй, поэтъ не стѣснялся выражать свой протестъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Результаты такой неосторожности легко было предвидѣть. Въ большомъ свѣтѣ и связанныхъ съ нимъ высшихъ административныхъ кружкахъ стали смотрѣть на него какъ на человѣка безпокойнаго, даже опаснаго, стали обвинять его въ отсутствіи патріотизма, чуть не въ измѣнѣ отечеству. Какъ всѣ эти несправедливыя обвиненія отражались на чуткой душѣ поэта, видно изъ ряда его неизданныхъ стихотвореній, сообщенныхъ пріятелемъ Лермонтова Глѣбовымъ нѣмецкому поэту Фридриху Боденштедту и переведенныхъ этимъ послѣднимъ на нѣмецкій языкъ. „Нѣтъ, я не измѣнилъ своей странѣ и не недостоинъ отцовъ моихъ. Это потому, что я не похожу на васъ ни въ чемъ и не ползаю, какъ вы; это потому, что ваши дѣла часто заставляютъ меня краснѣть отъ стыда; это потому, что я не слышу музыки въ бряцаній цѣпей и не вижу ничего привлекательнаго въ блескѣ штыковъ — вы утверждаете, что я не патріотъ“. И далѣе: „Богъ далъ мнѣ языкъ, но когда я вздумалъ говорить — у меня захватило горло. Странныя вещи происходятъ въ моей странѣ и удивительный обычай завелся у насъ: разумному нуженъ разумъ для глупости, а языкъ для молчанія!“ Въ особенности должны были раздражить петербургскихъ сановниковъ слѣдующія язвительныя

строки: „Не завидую я ни вашимъ крестамъ ни вашимъ гибкимъ спинамъ; не завидую тому, чѣмъ вы сдѣлались черезъ подсказничество и низкопоклонство“. •

Благодаря подобнымъ выходкамъ, какъ въ стихахъ, такъ и въ частныхъ разговорахъ, Лермонтовъ съ каждымъ днемъ дѣлался все болѣе и болѣе ненавистнымъ высшей петербургской администраціи, которая прославила его человѣкомъ опаснымъ и даже успѣла вооружить противъ него самого Государя, такъ что, когда въ 1840 г. произошла извѣстная дуэль Лермонтова съ Барантомъ, онъ по Высочайшему повелѣнію былъ снова сосланъ на Кавказъ, откуда ему уже не суждено было возвратиться.

Оппозиція Лермонтова, которой его враги сумѣли придать преступное значеніе, въ сущности не только не заключала въ себѣ ничего преступнаго, но даже ничего политическаго. Лермонтовъ никогда не былъ революціонеромъ; сомнительно, чтобы его можно было даже назвать либераломъ въ современномъ значеніи этого слова. Въ основѣ его протестующаго настроенія лежала не политическая доктрина, но нравственное чувство, возмущенное главнымъ образомъ отсутствіемъ чувства собственнаго достоинства въ русскомъ обществѣ, ползавшемъ въ прахѣ передъ властью и смѣшивавшемъ раболѣпіе и лесть съ патріотизмомъ. Это презрѣніе къ современному обществу могло только усилить ту горечь разочарованія, которая съ юныхъ лѣтъ отравила собой душу Лермонтова. Доведенный до полнаго отчаянія обрушившимися на него преслѣдованіями, Пушкинъ, какъ художникъ, прежде всего искалъ утѣшенія въ искусствѣ. Для Лермонтова, менѣе способнаго забыть въ вымыслахъ идеальнаго міра раны, нанесенныя дѣйствительной жизнью, нуженъ былъ другой щитъ, другой ангелъ-утѣшитель. Такимъ ангеломъ-утѣшителемъ явилась для Лермонтова религія. Только религія могла смирить эту огненную боевую натуру, исполнить ее прощенія и любви. Изливъ свое негодующее и истекающее кровью сердце въ загадочномъ, проникнутомъ мрачнымъ отчаяніемъ, стихотвореніи: „Не смѣйся надъ моей пророческой судьбою“, гдѣ онъ, повидимому, изображаетъ себя политическимъ мученикомъ, Лермонтовъ ищетъ утѣшенія въ религіи, которая проливаетъ цѣлительный бальзамъ въ его истерзанную душу, миритъ его съ жизнью и учитъ молиться за враговъ сво-

ихъ[1]). Религіозное и общественное настроеніе, охватившее душу поэта въ послѣдніе годы его жизни, находится въ тѣсной связи съ измѣнившимися взглядами на задачи поэтическаго творчества. Хотя и въ юношескихъ стихотвореніяхъ Лермонтова по временамъ мелькаетъ смутное сознаніе своего великаго поэтическаго призванія, но это сознаніе появляется случайно и быстро потухаетъ въ мрачныхъ мысляхъ о своей ненужности[2]). И это вполнѣ понятно: для юноши-поэта центръ вселенной есть любимая женщина, цѣль жизни — ея любовь. Для нея онъ слагаетъ свои пѣсни, отъ нея одной ждетъ одобренія и награды[3]). Любовь и пѣсни — вотъ вся жизнь пѣвца[4]). Но, по мѣрѣ своего развитія и углубленія въ жизнь, Лермонтовъ ставитъ для своей поэтической дѣятельности болѣе серіозныя задачи. Въ стихотвореніи „Поэтъ“ (1839 г.) онъ называетъ поэта осмѣяннымъ пророкомъ; въ стихотвореніи „Журналистъ, Читатель и Писатель“ (1840 г.) онъ изображаетъ поэта неумолимымъ обличителемъ современныхъ пороковъ и называетъ его рѣчь пророческою. Въ одномъ неизданномъ стихотвореніи, извѣстномъ только по переводу Боденштедта, Лермонтовъ такъ характеризуетъ свою собственную поэтическую дѣятельность: „Какъ страстно любилъ я прекрасное съ блаженнымъ пыломъ пѣвца, какъ сильно звучали пѣсни въ моей груди! Съ гордымъ мужествомъ и сознаніемъ своего полнаго права боролся я за все истинное и доброе, и т. д.“ Всѣ эти заявленія служатъ прелюдіей къ знаменитому стихотворенію „Пророкъ“, гдѣ проводится взглядъ на поэтическое призваніе, какъ на священную миссію. Этотъ могучій призывъ къ проповѣди чистыхъ ученій

---

[1]) См. заключительныя строки стихотворенія: „Когда стою подъ древнимъ сводомъ храма“:

Еще молюсь за тѣхъ, которые сгубили
Во мнѣ мечты о счастьи бытія,
Которые мнѣ душу отравили —
За тѣхъ молюся я!

[2]) Ефр. Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень,
Не нуженъ въ мірѣ я, ср.
Никто не дорожитъ мной на землѣ
И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ,

[3]) Ibid. 118: Тобою только вдохновенный,
Я строки грустныя писалъ, ср. ibid. 119.

[4]) Ibid. T. 1, 6.

любви и правды есть вмѣстѣ съ тѣмъ и заключительный аккордъ всей поэзіи Лермонтова.

Такимъ образомъ росъ въ ширь и глубь могучій геній Лермонтова, поражающій глубиной мысли и прелестью стиха, передъ которымъ иногда меркнетъ даже стихъ самого Пушкина. Чѣмъ завершилось бы это необычайное развитіе, какое направленіе приняла бы впослѣдствіи поэзія Лермонтова, несомнѣнно становившаяся все серіознѣе и глубже — объ этомъ мы можемъ только мечтать и дѣлать догадки, безъ всякой надежды прійти къ чему-нибудь вѣрному и положительному. Одно стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что геніальному таланту Лермонтова предстояла громадная будущность, что съ минуты смерти началось для него и безсмертіе.

Стороженко.

Идеалы Лермонтова.

Лермонтовъ, написавшій стихи „На смерть Пушкина“, былъ уже не задумчивый юноша: онъ уже пережилъ и перечувствовалъ и Вертера, и Ренэ, и Байрона, и явился поэтомъ русской мысли и русской безотрадной дѣйствительности; онъ былъ вправѣ сказать о себѣ.

Нѣтъ, я не Байронъ, — я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.

Первая четверть нашего столѣтія подорвала въ общественномъ сознаніи уваженіе къ барству и крѣпостничеству. Мыслящее меньшинство дворянства уже не могло быть помѣщикомъ откровенно, а не быть помѣщикомъ нельзя было безнаказанно. Внутреннее сознаніе и совѣсть мѣшали оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ къ народу, а выйти изъ нихъ было нельзя: самая мысль объ этомъ казалась тогда опасной. Нельзя было вырваться изъ тяжелаго положенія, а примкнуть, закрывши глаза, къ жизни большинства, — было еще тяжелѣе. И вотъ, мыслящее меньшинство почувствовало себя лишнимъ человѣкомъ. Общественной дѣятель-

ности для него не существовало, всѣ пути были ему заказаны: оно могло только углубляться въ собственную тоску и пустоту жизни, сознавая свое безсиліе и одиночество, а родину любить только „странною любовью“, — любовью привычки къ знакомому пейзажу. Напряженный трагизмъ этого вынужденнаго положенія требовалъ сильнаго голоса въ литературѣ; его всѣ чувствовали, но онъ какъ будто ускользалъ отъ вниманія, заглушаясь, притупляясь внѣшней суетой жизни. Для того, чтобы выразить это тяжелое, удручающее настроеніе, нужно было прочувствовать его въ такомъ полномъ душевномъ одиночествѣ, какое выпало на долю Лермонтову; онъ и явился его выразителемъ. Съ упорной неизмѣнностью провелъ онъ свою безотрадную задачу, геніальною впечатлительностью понимая всю прелесть жизни и постоянно сознавая себя лишнимъ человѣкомъ въ этомъ мірѣ, гдѣ ему было душно, какъ въ тюрьмѣ и откуда ему хотѣлось бы вырваться куда-нибудь на просторъ и дикую волю, какъ узнику или Мцыри:

Дайте разъ на жизнь и волю,
Какъ на чуждую мнѣ долю,
Посмотрѣть поближе мнѣ...

Правъ былъ Бѣлинскій, сказавъ, что у Лермонтова „нигдѣ нѣтъ пушкинскаго разгула на пиру жизни, но вездѣ — вопросы, которые мрачатъ душу, леденятъ сердце“. Русская современная ему дѣйствительность „жила въ каждой каплѣ его крови, трепетала съ каждымъ біеніемъ его сердца, съ каждымъ вздохомъ его груди. Не отдѣлиться ему отъ настоящаго! Оно внѣдрилось въ него, обвилось вокругъ него, оно сосетъ кровь изъ его сердца, оно требуетъ всей жизни его, всей дѣятельности“...

Лермонтовъ всю жизнь носилъ въ душѣ и лелѣялъ въ воображеніи идеалъ свободнаго существа, рѣзко противорѣчившій застою тогдашней русской общественной жизни. Въ юности этотъ идеалъ являлся ему съ байроновскими чертами, въ образѣ Демона; мужая, поэтъ все болѣе и болѣе стремится свести его на реальную почву; онъ ищетъ его въ салонахъ, гдѣ самъ проводитъ или убиваетъ свое время, но гдѣ, въ сущности, его идеалу (какъ и ему самому) нѣтъ мѣста; старается представить его себѣ то въ лицѣ какого-то фантастическаго

испанца, изнывающаго въ монастырской тюрьмѣ („Исповѣдь“), то въ видѣ не менѣе фантастическаго Арсенія, въ какой то псевдо-исторической обстановкѣ дословно повторяющаго исповѣдь испанца („Орша“); но и тутъ ему нѣтъ мѣста, и обстановка выходитъ чѣмъ то постороннимъ, неудачно придуманнымъ; наконецъ, въ послѣдней переработкѣ той же темы, идеалъ достигаетъ въ прозрачной ясности и цѣльности — въ плѣнномъ мальчикѣ, рожденномъ на свободѣ и убѣгающемъ изъ монастырской неволи, подышать зеленымъ лѣсомъ, дикой волей, подраться съ звѣрями, съ которыми борьба для него отрадна... Борьба съ людьми для него скучна: они ему слишкомъ чужіе: онъ ихъ презираетъ; ихъ сила только въ томъ, что ихъ много и что это множество утомляетъ и обезсиливаетъ. Лучше три дня взохнуть безъ нихъ, на вольной волѣ, самобытно и гордо, и потомъ погибнуть, чѣмъ склонитъ передъ ними непоклонную голову и жить долгимъ и скучнымъ прозябаніемъ, мало-по-малу утрачивая вольную душу.

Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? — Жилъ...

Жажда жизни, „жажда бытія“ — дѣятельнаго кипучаго, страстнаго, — проникаетъ все существо поэта:

Онъ хочетъ жить цѣною муки,
Цѣной томительныхъ заботъ
Онъ покупаетъ неба звуки,
Онъ даромъ славы не беретъ...

Но вмѣсто жизни передъ нимъ разстилается только томительный „ровный путь безъ цѣли“, — и снова щемитъ его сердце тоска одиночества:

Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хоть съ ней не дѣлится душою;
Онъ межъ людей — ни рабъ, ни властелинъ
И все, что чувствуетъ, — онъ чувствуетъ *одинъ*.

Его окружаютъ не люди, а только „образы бездушные людей, приличьемъ стянутыя маски“, которымъ нѣтъ дѣла до его страданій и волненій, которымъ смѣшонъ его плачъ и укоръ,

и ему приходится бояться своего вдохновенія какъ язвы, чтобы не унизиться до выставки своихъ душевныхъ ранъ „на диво черни простодушной“. Эти прозябанія существа, постыдно равнодушныя къ добру и злу, ничего не могутъ дать ему и ничего не въ силахъ отъ него взять, — и передъ нимъ рисуется образъ библейскаго пророка, призваннаго „глаголомъ жечь сердца людей“, но вынужденнаго бѣжать изъ городовъ въ пустыню, потому что въ отвѣтъ на проповѣдь любви и правды въ него бросаютъ бѣшено каменья.

Онъ гордъ былъ, — не ужился съ нами...

А съ другой стороны неотвязно звучитъ вопросъ: зачѣмъ-же и за что эта пытка безцѣльнаго существованія?

Когда бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ,—
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу бъ не вложилъ;
Онъ не позволилъ бы стремиться
Къ тому, что не должно свершиться,
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и мірѣ совершенства,
Когда намъ полнаго блаженетва
Не должно вѣчно было знать!

И колеблясь между надеждой и отчаяніемъ, поэтъ приходитъ, наконецъ, къ утратѣ вѣры въ будущноссь своего поколѣнія.

Его грядущее — иль пусто иль темно.

Только вдали отъ людей, лицомъ къ лицу съ спокойной, вѣчно-безстрастной природой, „смиряется души его тревога. Объективное творчество возможно для него только въ рѣдкія минуты душевнаго отдыха, — и „Пѣсня про царя Ивана, Васильевича“ служитъ яркимъ свидѣтельствомъ того, до какой высоты этическаго созерцанія жизни могъ пониматься поэтъ въ такія минуты. Но тяжелая рука дѣйствительности разрушала эти мечты и снова толкала его въ міръ житейскихъ треволненій; современность „сосала кровь изъ его сердца“.

Идеала свободной души, воплощеннаго въ образѣ Мцыри, Лермонтовъ искалъ также и въ женщинѣ. Его мечта — уже

не деревенская барышня, не Татьяна, любящая и унылая, страдающая и покорная, — а женщина, которой нужна власть надъ людьми, ею презираемыми, женщина, въ которой больше гордости и ненависти, чѣмъ любви, чья душа.

Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно;
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много; только невозвратно
Они идутъ, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ,
Ихъ чувствамъ повторяться не дано.

И въ самомъ дѣлѣ, женскій идеалъ Лермонтова — опять тотъ же Демонъ, сіявшій „такой волшебно сладкой красотою, что было страшно и душа тоскою сжималася“, тотъ же, Мцыри но въ другой обстановкѣ, соотвѣтственной полу. Докончи этотъ идеалъ, прояснить его онъ нигдѣ не могъ; онъ хочетъ воплотить его въ дѣйствительности, поставить возлѣ себя, пробуетъ (въ „Сказкѣ для дѣтей“) — и не успѣваетъ... Смерть ли прервала созданіе, или самый идеалъ невозможенъ и никогда не дошелъ бы до ясности? Существующую женщину Лермонтовъ презираетъ:

Пустого сердца не жалѣй:
Пускай себѣ поплачетъ,—
Ей ничего не значитъ.

Откуда же эта неодолимая потребность призрѣнія, которая заставляетъ поэта говорить первой по тогдашнимъ понятіямъ европейской націи, — великому народу: „Ты жалкій и пустой народъ!“, говорить всему европейскому міру, что онъ

Къ могилѣ клонится безславной головою.
Измученный въ борьбѣ сомнѣнья и страстей,
Безъ вѣры, безъ паденія,— игралище дѣтей,
Осмѣянный ликующей толпою!—

и въ то же время у себя дома не находить человѣка, которому можно было бы руку подать въ минуту душевной невзгоды? Имѣлъ ли онъ право не имѣть друга, презирать

собственную любовь къ женщинѣ, презирать общество, какъ безсловесное стадо?

Эти вопросы поставлены авторомъ одной старой статьи о русскихъ поэтахъ. У него же находимъ и отвѣтъ на нихъ: „Жизнь и исторія даютъ не право, а возможность, или, вѣрнѣе, необходимость, какъ слѣдствіе цѣлаго ряда причинъ“.

Къ Лермонтову вполнѣ примѣняется характеристика Арбенина, вложенная имъ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ драмы „Странный человѣкъ“: „Онъ имѣлъ характеръ пылкій, душу безпокойную, и какая-то глубокая печаль отъ самаго дѣтства его терзала. Богъ знаетъ, отчего это произошло... Его умственныя способности очень рано стали развиваться. Онъ узналъ дурную сторону свѣта, когда еще не могъ ни стеречься отъ его нападеній ни равнодушно переносить ихъ; его насмѣшки не дышали веселостью,— въ нихъ примѣтна была горькая досада, противъ всего человѣчества“...

Въ ранней молодости, еще полный идеалами Байрона, поэтъ близко присмотрѣлся къ обществу и почувствовалъ, что въ этомъ мірѣ онъ чужой, лишній, что ему тутъ дѣлать нечего, что работать ради этого общества не стоитъ труда. Съ этой точки зрѣнія смотритъ онъ и на личныя отношенія. Онъ вращается въ большомъ и маломъ „свѣтѣ“, со всѣми знакомъ, никого не любитъ, — да и не за что; онъ постоянно шутитъ и хохочетъ какъ школьникъ,— а внутри у него кипитъ отвращеніе къ обществу, къ людямъ, съ которыми приходится встрѣчаться, къ самому себѣ и своему положенію,— и сердце его грызетъ тоска тяжелая и безвыходная. Оттого-то мысль о побѣгѣ изъ этой среды у него такъ истинна, такъ поэтична, мечты о природѣ и идеалъ Мцыри такъ искренни; оттого и положеніе его въ обществѣ настолько ложно, что Печоринъ, самъ того не замѣчая является такимъ же фразеромъ, какъ и Грушницкій. Только необыкновенная сила языка, вѣрность остальныхъ характеровъ и поэтическая прелесть обстановки сдѣлали изъ „Героя нашего времени“ поэму, въ которой и самая проза звучитъ какъ стихъ. Не даромъ замѣтилъ Гоголь, что „никто еще не писалъ у насъ такою правильною, прекрасною и „благоуханною прозою“, а Бѣлинскій видѣлъ въ „Тамани“ — „словно какое-то лирическое стихотвореніе, вся прелесть котораго уничтожается однимъ выпущенымъ или измѣнепнымъ не рукою самого поэта стихомъ“.

Вліяніе Лермонтова, сочувствіе къ нему мыслящихъ современниковъ было огромно: всякій, признаваясь, чувствовалъ себя лишнимъ человѣкомъ и чужимъ въ этой средѣ, которой ни любить ни уважать было не за что, и слѣдовательно, всякій находилъ въ Лермонтовѣ, свой отголосокъ. Желѣзный стихъ поэта „ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силой". Струну, задѣтую Лермонтовымъ, чувствовалъ въ своемъ сердцѣ каждый, кто не находилъ себѣ мѣста въ жизни и живой дѣятельности, а ихъ откровенно не находилъ никто. Лермонтовъ не былъ теоретикомъ; онъ не искалъ; онъ не искалъ разгадки жизни; объясненіе ея началъ было ему безразлично; никакихъ теоретическихъ вопросовъ онъ не касался. Онъ былъ скептикъ въ практикѣ, въ самой жизни; онъ не вѣрилъ въ ея исходъ, и потому на всякую человѣческую дѣятельность смотрѣлъ съ пренебреженіемъ и общественные вопросы выбросилъ изъ своей поэзіи.

Кромѣ строчки презрѣнія, брошеннаго Франціи и европейскому міру вообще, да строчки ненависти къ извѣстному кругу общества въ стихотвореніи на смерть Пушкина, онъ не затронулъ ни одного „гражданскаго мотива", — развѣ только еще ненужность войны въ „Валерикѣ":

... Жалкій человѣкъ,
Чего онъ хочетъ?
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

Но эти стихи — скорѣе презрѣніе къ человѣку, чѣмъ мысль объ общественной гармоніи. Лермонтовъ какъ будто зналъ и помнилъ замѣчаніе Пушкина: „Коли ты поэтъ, такъ будь поэтомъ, а хочешь гражданствовать, такъ пиши прозою". Равнодушіе къ теоретическимъ вопросамъ отдалило его отъ науки; онъ и въ ея исходъ не могъ вѣрить a priori, а потому и не принимался за нее. Равнодушный къ основнымъ началамъ и сомнѣвающійся въ конечныхъ результатахъ, Лермонтовъ ловилъ свой идеалъ отчужденности и презрѣнія, такъ же мало заботясь объ эстетической теоріи искусства для искусства, какъ и обо всѣхъ отвлеченныхъ вопросахъ, поднятыхъ въ его время подъ знаменемъ германской науки и раздѣлившихъ нашу интеллигенцію на два лагеря — запад-

ническій и славянофильскій. Вечера, гдѣ собирались представители обѣихъ партій, такъ же какъ и всякія собранія съ ученымъ или литературнымъ оттѣнкомъ, были ему совсѣмъ не по душѣ; въ кругу литературномъ, какъ и въ великосвѣтскомъ, онъ не чувствовалъ себя своимъ и къ современной журналистикѣ относился, съ точки зрѣнія посторонняго наблюдателя, далеко не благосклонно:

... нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть вашъ журналъ...
. . . . . .
Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
. . . . . .
Въ чернилахъ вашихъ, господа
И желчи ѣдкой даже нѣту,
А просто — грязная вода...

Онъ даже и въ своихъ произведеніяхъ не высказывалъ всего, что̀ думалось:

Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?

Не ища сближенія съ литературнымъ кругомъ, онъ появлялся среди него, какъ рѣдкій гость и уходилъ въ свѣтскую жизнь на поиски своего идеала — женщины; но идеалъ „ускользалъ какъ змѣя“, и поэтъ попрежнему оставался въ своемъ безотрадномъ одиночествѣ „Жажды бытія“, жизни вольной и богатой впечатлѣніями,— заставляла его искать новыхъ и сильныхъ ощущеній, хотя бы цѣною страданія:

Что безъ страданій жизнь поэта,
И что безъ бури океанъ?

Обыденнымъ существованіемъ, медленно переползающимъ изо-дня въ день, онъ не дорожилъ и всегда былъ готовъ поставить его на карту ради неизвѣстнаго. Роковая случайность прекратила это существованіе.

„Слышно страшное въ судьбѣ нашихъ поэтовъ“, писалъ Гоголь. „Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, одинъ за другимъ, въ виду всѣхъ, были похищены насильственною смертью, втеченіе одного десятилѣтія, въ порѣ самаго цвѣтущаго мужества, въ полномъ разгарѣ силъ своихъ, и никого это не поразило: даже не содрогнулось вѣтреное племя!“.

Жуковскій опредѣлилъ поэзію Лермонтова словомъ „безочарованіе“. Онъ говоритъ, что „очарованіе“ — культъ красоты и жизнерадостности, — представителемъ котораго былъ Шиллеръ, уступило мѣсто байроновскому разочарованію; какъ-то, такъ и другое отразилось въ свое время въ нашей поэзіи; съ Лермонтовымъ же явилось новое настроеніе, которое нельзя иначе назвать какъ „безочарованіемъ“, потому что оно уже ничего не жаждетъ отъ жизни. Это характерное слово можно примѣнить и вообще къ той эпохѣ нашего общественнаго и литературнаго развитія, плодомъ и выраженіемъ котораго была поэзія Лермонтова: это было время не ожиданій и надеждъ, а унынія и устали, — время не знавшее „очарованія“ ни въ настоящемъ ни въ будущемъ. Лермонтовъ ошибался только въ одномъ: горькое сознаніе суровой и безплодной дѣйствительности заставляло его всякую надежду считать ребяческой мечтой, недостойной „строгаго искусства“ между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ эпоха, въ которую онъ жилъ, хотя и тяжелая и болѣзненная, была только эпохою переходною. Живой общественный организмъ не можетъ окаменѣть и остановиться на одномъ мѣстѣ, какъ не можетъ и держаться однимъ только отрицаніемъ. Въ тѣсныхъ колодкахъ нашей культуры 30-хъ годовъ уже зарождались и зрѣли свѣжія силы, которыя вслѣдъ затѣмъ сообщили нашей жизни и литературѣ новое и плодотворное движеніе впередъ. Негодующій вопросъ Лермонтова:

Когда же на Руси безплодной
Разставшись съ ложной мишурой,
Мысль обрѣтетъ языкъ простой
И страсти — голосъ благородный?

разрѣшенъ исторіею, оправдавшей вдохновенное пророчество Гоголя:

„Все это (наша поэзія до начала 40-хъ годовъ) — еще орудія, еще матеріалы, еще глыбы, еще въ рудѣ дорогіе

металлы, изъ которыхъ выкуется иная, сильнѣйшая рѣчь. Пройдетъ эта рѣчь насквозь всю душу и не упадетъ на безплодную землю. Скорбію ангела загорится наша поэзія, и ударивши по всѣмъ струнамъ, какія ни есть въ русскомъ человѣкѣ, внесетъ въ самыя огрубѣлыя души святыню того, чего никакія силы и орудія не могутъ утвердить въ человѣкѣ; вызоветъ намъ нашу Россію, — нашу русскую Россію, — не ту, которую показываютъ намъ грубо какіе-нибудь квасные патріоты, и не ту, которую вызываютъ къ намъ изъ-за моря очужеземившіеся русскіе, но ту, которую извлечетъ она изъ насъ же, — и покажетъ такимъ образомъ, что всѣ до единаго, какихъ бы ни были они различныхъ мыслей, образовъ воспитанія и мнѣній, скажутъ въ одинъ голосъ: „это — наша Россія! *Морозовъ.*

VII вып. О литературной дѣятельности Екатерины II. Ц. 1 р. 50 к.
VIII „ О Фонвизинѣ и значеніи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р.
IX „ О Державинѣ и значеніи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р.
X „ О просвѣщеніи въ древней Руси. Ц. 3 р.
XI „ О просвѣщеніи въ XVIII в. Ц. 3 р. 50 к.
XII „ О положеніи и состояніи русскаго общества въ XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
XIII „ О русскихъ сатирическихъ журналахъ. Ц. 3 р.

Сокращенная историческая хрестоматія. Ч. I. (Сборникъ историко-литературныхъ изслѣдованій о народной словесности и книжной словесности до эпохи Петра.) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній (8⁰, 659 стр.). Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к. *Рекоменд. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. II. (Сборникъ историко-литературныхъ статей о **Кантемирѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Екатеринѣ II, Фонвизинѣ и Державинѣ.**) Пособіе при изученіи литературы для учениковъ среднеучебныхъ заведеній (8⁰, 656 стр.). Ц. 1 р. 50 к. *Одобрена Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Сокращенная историческая хрестоматія. Ч. III. (Сборникъ историко-критическихъ статей **о Карамзинѣ, Крыловѣ, Жуковскомъ и Грибоѣдовѣ.**) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. (8⁰, 818 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. IV. (Сборникъ историко-критическихъ статей **о Пушкинѣ.**) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8⁰, 798 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. V. (Сборникъ историко-критическихъ статей **о Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ.**) Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8⁰, 632 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже Ч. VI. (Сборникъ историко-критическихъ статей **о С. Т. Аксаковѣ, Григоровичѣ, Гончаровѣ, Островскомъ, Тургеневѣ и Л. Толстомъ.** (8⁰, 1115 стр.) Изд. 2-е. Ц. 2 р. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VII. (Сборникъ историко-критическихъ статей **о Майковѣ, Фетѣ, А. Толстомъ и Тютчевѣ.**) Ц. 1 р. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія. Изд. 2-е. Ц. 20 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ.*

Систематическій диктантъ для среднеучебныхъ заведеній, городскихъ и начальныхъ училищъ. Ч. I. Этимологія. Изд. 11-е, исправленное и дополненное. Ц. 50 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для среднеучебн. зав., городскихъ и нач. училищъ, Уч. Ком. при Св. Синодѣ для духовныхъ училищъ и Учил. Сов. при Св. Синодѣ для церковно-приходскихъ школъ.*

Тоже. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 9-е. Ц. 60 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. при Св. Синодѣ.*

Имена существительныя, употребляющіяся только во множественномъ числѣ. Ихъ родъ и окончанія. Ц 20 к.

Справочный орѳографическій словарь. Изд. 6-е. Ц. 25 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

поступили въ продажу

только что отпечатанныя книги

В. Покровскаго:

Н. М. Карамзинъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

И. А. Крыловъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 20 коп.

В. А. Жуковскій. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 50 коп.

А. С. Грибоѣдовъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

А. К. Толстой. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

А. А. Фетъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 20 коп.

А. Н. Майковъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Ѳ. И. Тютчевъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 15 коп.

С. Т. Аксаковъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Д. В. Григоровичъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 25 коп.

И. А. Гончаровъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

А. Н. Островскій. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

И. С. Тургеневъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

Л. Н. Толстой. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

А. С. Пушкинъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 р. 50 коп.

Н. В. Гоголь. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 75 коп.

М. Ю. Лермонтовъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 50 коп.

А. В. Кольцовъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 25 коп.

Складъ въ книжномъ магазинѣ В. С. СПИРИДОНОВА и А. М. МИХАЙЛОВА
МОСКВА, Тверская улица, Столешниковъ пер., д. Лианозова.

468215

LR
L6165
.Ypo

Lermontov, Mikhail Yur'evich
Pokrovsky, V.I.(comp.)
Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.
[Title transliterated: Mikhail Yur'evich Lermontov]

DATE.	NAME OF BORROWER.
Dec 9/47	Mend
Jan 16/51	M Trans. st

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET